А. Ф. ВЕЛЬТМАН

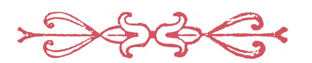
СТРАННИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

СТРАННИК

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
Ю. М. АКУТИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

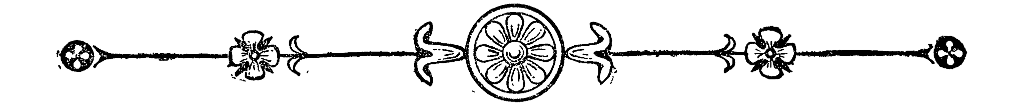
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. ГРИШУНИН

В $\frac{70301-234}{042(02)-78}$ 331—78

В крылатом легком экипаже,
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?
Туда, где были иль где будем?
В обитель чудных, райских мест,
В мир просвещенный, к диким людям
Иль к жителям далеких звезд
И дальше — за предел Вселенной,
Где жизнь, существенность и свет
Смиренно сходятся на нет![1]
И т. д.

Странник. Часть II

Вам[2]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

---

* Повозки (*молд.*).
** Дамы (*молд.*).

День VIII

День IX

День X

День XI

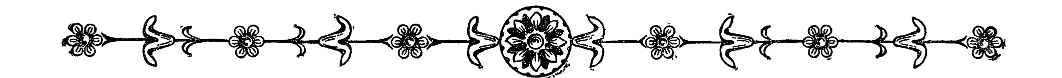
День XII

День XIII

День XIV

День XV

[3*] Барышня (*молд*).
[4*] Пребольшое спасибо (*молд.*).

День I

I

Наскучив сидячею, однообразною жизнию, поедемте, сударь! — сказал я однажды сам себе, — поедемте путешествовать! — Как? куда, каким образом, с чем? — отвечал я, лежа на широком диване, и с глубокомыслием затянулся дюбеком [3], — нужны деньги! — Нужна голова, нужны решительность и воображение; поверьте, что с этими способами можно удовлетворить самое мелочное любопытство; не сходя с места, мы везде будем, все узнаем. Разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец. Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям [4], во всем сомневаться; не лучше ли ничего не видеть и ни в чем не сомневаться?

II

Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я — и заезжать не буду.

III

Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь! Вот она, Европа! Но не смотри вдруг на всю просвещенную часть земли. Занимать очи, слух или мысли в одно и то же время несколькими предметами ужасно как вредно для умственных способностей.

IV

Как любопытный чужестранец,
И в мир любви я загляну;
То залюбуюсь на румянец,
То подивлюсь на белизну;
То засмотрюсь на все созданье,
То прикую свое вниманье

К частице общей красоты;
То в бездну погружусь мечты;
И осмотрю я в треугольник [5]
С известной точки шар земной;
А мой читатель, как невольник,
Скитаться будет вслед за мной!

V

Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!... вот Тульчин [6]. Отсюда мы поедем в места знакомые, в места, где провели крылатое время жизни. Ступай в Могилевскую заставу!.... Чу! кстати на улице зазвенел почтовый колокольчик... Бич хлопнул, прощайте, друзья! audaces fortuna juvat! *

VI

Вместо предисловия

Я путешествую не для того, чтобы вы читали мое путешествие; но если оно попалось уже к вам в руки и вы непременно желаете видеть следы мои, от самой точки отъезда до благополучного возвращения, то по прибытии в Нубию [7] я объявлю вам цель своего путешествия и для чего я писал его; до того же времени советую прочитать книгу под заглавием: *Великие дела от маловажных причин.* Если же вам неинтересно будет знать, каким образом отыскана и вошла в употребление соль, то не читайте книги, довольно знать и одно заглавие.

Очень известно каждому любителю чтения, до какой степени несносно всякое предисловие, особенно когда г. Сочинитель, неуверенный еще, возьмут ли труд читать его книгу, просит уже пощады и помилования ей и извиняет недостатки ее всеми обстоятельствами своей жизни. Вот почему я не хочу продолжать предисловия.

Хоть я и не буду писать во многих местах ясно, но ни за что не соглашусь толковать настоящего смысла некоторых случайных выражений, которые на пути моем встретятся, как необъяснимые метеоры моего блуждающего воображения.

Покуда Геркулес найдет, на чем переправиться через Атлантический океан, пусть будет здесь: Nec plus ultra! ** [8]

VII

Кофе, или кофий, со славными сливками и трубка должны быть всегда заключением завтрака перед отъездом. Чухонское масло гладко стелется по белому хлебу, если это кофий утренний; и иногда кажется, что он не желудок мой, а мою душу наполняет собою.

* смелым судьба помогает! (*лат.*)
** До крайних пределов! (*лат.*).

До Могилева [9] нигде на станции мы не остановимся. Поздно сказано! Воображение уже спустилось с каменной горы, проехало без внимания город, таможню, карантин [10] и переправилось через Днестр, не двигая с места парома. Какая быстрота! Где сто десять верст?

VIII

«Торопливость носит наружность страха, небольшая медленность имеет вид уверенности», — пишет Тацит [11], и потому должно ехать медленнее, кто-нибудь скажет; — неправда, говорю я и продолжаю путь во всю прыть своего воображения. Но оно расположилось отдыхать на кружочке на Днестре, над которым выгравировано: Атаки. Покуда вы ходите по местечку и по некоторой части прошедшего времени, я, между тем, с позволения вашего, прочитаю что-нибудь из тетрадки, которая с полки упала прямо в Ледовитое море.

Заглавие оторвано, начала нет; но кажется, что это дневные записки, писанные в роде предсказаний Нострадамуса [12]. Например:

Апр. 20: Кто видел ее и меня
В минуты печальной разлуки?
Кто чувствовал жженье огня
И слышал лобзания звуки?
О друг мой! души не волнуй
Слезами, блистающим взглядом,
Мне будет медлительным ядом
Прощальный любви поцелуй!

Подобная вещь может с кем-нибудь случиться и не 20 апреля 1822 года, а 1, 4, 8 или 20 мая 1922 года; и потому все эти слова, писанные давно и сбывшиеся в следующем веке, могут считаться чудным предсказанием.

IX

Но вы торопитесь ехать далее. От Атак Днестром, мимо с. Мерешевки, на гору, через Окницу до м. Бричан; от Бричан еще 50 верст, и мы в Хотине [13].

X

Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия [14]! вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду!
Лишь иногда нелегкий черт
Меня выкидывал за борт.

XI

Но посмотрим, что скажет Хотин. Город командует крепостью, крепостью-цитаделью, или замком. Чрез крепость проходит лощина, лощиной можно подойти к крепости. Замок древен, построили его генуэзцы. Тут же, кто-то написал, был замок греческой царевны Софьи.

Замок, скалистый берег Днестра, шум волн, тропинка в гору, густой кустарник, сад, площадка на скате, сгнившая беседка... все это сливается в романтическую немецкую древность.

Странствующие рыцари исписали внутренность беседки стихами в честь своих Розалинд, Идалид, Ид и Саломей; исписали воспоминаниями, мыслями и т. п. вещами, наприм.:

Как любовь всегда оплошна!
Здесь однажды ненарочно...

Далее стерлось.

XII

Но, кажется, довольно на первый раз; не пора ли на ночлег? В городе душно, грязно! заедем куда-нибудь в деревеньку на Днестре; например, в Недобоуцы или в Шароуцы.

Так как по самой лучшей деревне Хотинского цынута [15] нельзя судить ни об обычаях, ни о нравах, ни об уме, ни о способностях молдавского народа, то я откладываю описание его до первого джока [16], который мне случится видеть в Орхеевском цынуте. Между тем я теперь имею все право предпочесть сон всему в мире и запеть:

О сон, о тайный чародей!
Безмолвной Леты житель!
Пришлец невидимый ночей,
Спокойствия отрадный водворитель!

Люблю тебя, ты негой дан,
Люблю твое роскошное я ложе!
Твой соблазнительный обман
Мне в жизни стал всего дороже!

Я лег, я жду тебя, скорей
Осыпь меня волшебными цветами!
И усыпленьем сладким вей,
И обнимай пуховыми крылами!

XIII

Нет, думал я, мне не хочется спать, я не буду спать, я не стану спать! Часы пробили полночь! какой знакомый час! бывало он для меня то же, что колокол к заутрене для Арины Макарьевны. Перекрестившись, я отправился и... гулял по берегу Днестра. Помните ли?

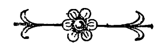
Как роза, жаркою порою
Склонив румяную главу
И пышный стебель на траву,
Ждет утоления от зною
И, упоенная росою,
Листочки распахнув, лежит...

Далее в манускрипте стерлись слова, как в Паросском мраморе стерлись некоторые оды Сафо [17].

XIV

Лежать, ждать сна и не засыпать, это ужасно!.. Быстро пронеслась *она* по воображению!.. кажется, прикоснулась ко всему существу моему!.. обожгла меня!.. Ах призрак, призрак!

Очаровательпа, румяна,
Игривой живости полна,
В прозрачной ткани из тумана,
Пленила чувства мне она!
Не сплю я... вся душа в томленье!
Я жду ее... я весь горю!..
Ревнивцы, бросьте подозренье,
Я жду румяную зарю! [18]

День II

XV

Дорога меня совершенно разбила; проснувшись около полудня, я чувствовал себя немного нездоровым. Кто пускается в такой дальний путь, того тревожит раздумье на первом ночлеге. Приятно путешествовать! — думает он; но для того, кто возвращается на родину, она ему кажется как берег для спасенного от кораблекрушения. Так Дон Жуан [19], пускаясь в путь, не мог отклонить печальных взоров своих от берегов Испании. Первый отъезд есть урок горестный. Он подобен чувству, которое ощущают даже целые народы, отправляясь на войну. Неизъяснимое волнение тревожит нас; сердце поражено ударом неожиданным. Как ни неприятны были люди и места оставляемые, но все нельзя не оглянуться без умиления па колокольню, возвышающуюся между пышными домами города или между мирными хижинами селения. Таким точно показался бы мне костел св. Доминика, если б я родился в Тульчине и был католического

исповедания; но, увы, он не произвел во мне никакого впечатления, подобно проповеди отца доминиканца, наполненной воззваниями к благочестивым слушателям, чтоб они внимали истине, не заглядывались на стороны и не мыслили о посторонних. — Папинька! учитель мне сказал, что истина на дне колодца? — Да, друг мой, *на дне колодца в долгом ящике.*

XVI

Я желал бы... чтоб мое путешествие меня прославило....... и т. д.

День III

XVII

Пора вставать, мой милый Александр, десятый час! — Нет, подожду, жаль оставить постелю и книгу... — Что это за книга? — *Путешествие Анахарсиса.* Г. Сочинитель аббат Бартелеми[20] также ездил по картам и книгам, объехал всю Грецию и посетил глубокую древность.

О спокойное путешествие! куда не уедешь с крылатым воображением?

XVIII

Чтоб не без пользы совершить путешествие по Арктическому и Антарктическому полушарию глобуса, представляющего Землю, то должно вести подробную опись всем попадающимся в глаза предметам; например: NB. Пример здесь был; но я половину примера стер, а другую выскоблил. Мне не понравился он по своей обыкновенности; впрочем, подобные примеры можно всегда найти в старых календарях, в счетах, в отчетах, в памятных и записных книжках.

XIX

Здесь также нехудо предупредить читателя, чтоб он не требовал от меня чистого, звучного слога и изысканной красоты. Выпиши, мой друг, эту страничку; это слова Аристотеля, Дионисия Геликарнасского, Квинтиллиана, Цицерона и пр. у. м.[21]

«Как неприятно видеть почтенного Автора, который унижается, стараясь сделаться писателем звучным, сокращает искусство свое для достоинства и благовидности выражений, трудолюбиво подчиняет мысли словам, избегает стечения гласных с детскою принужденностию, округляет периоды и уравнивает члены выражениями ничтожными и неуместными красотами.»

XX

Кому мой труд не неприятен,
Тот может раз его прочесть;
Но так как в солнце пятны есть,
То есть и в нем премного пятен.

Это клочок из обыкновенных предисловий.

Теперь можем отправляться далее; едем, едем! и вот подали... карту.

От Хотина в Кишинев, Днестром, дорога по крутому берегу, в некоторых местах узка и опасна; но наш экипаж везде проедет.

XXI

Не заезжая в Нагорени, Молодову, Коршан, Высилево, Вережаны и проч., где местоположение мило, прекрасно и близко к сердцу уроженца, но далеко от моих обстоятельств и привязанностей, я несусь далее. Атаки мимо! а то опять в два месяца не вызовешь. Нет ничего хуже процесса по старому делу!

Горит вечерняя заря,
Темнеет лес... нас только двое...
Уж крест потух монастыря...
Пойдемте! подозренье злое
Стыдливость в краску приведет,
И на невинных грех падет!

Как это монастырь называется?.. позабыли? Какая досада! на карте он не подписан.

XXII

Берега Днестра красивы, круты, скалисты, покрыты лесом и кустарниками; но они довольно наскучили нам единообразием предметов. В извилины заезжать не будем.

Это древняя Ольхиония, впоследствии Сокол, а наконец Сорока. Маленький генуэзский замок, наподобие вырезываемого в гербах, вот все, что любопытно в м. Сороках. Против Сорок, за Днестром, г. Цекиновка, также ничем не замечательный.

Еще несколько десятков верст по Днестру, и вы видите на левом берегу прекрасный, очаровательный дом; за ним видите вы крутизну берега, усеянного регулярно виноградником; далее, в группах фруктовых деревьев и тополей, беседка; песчаные тропинки тянутся туда и сюда. В устье впадающей лощины местечко. Это Каменка фельдмаршала графа Витгенштейна[22], героя и любимца России. Это рай! — Семейство ангелов! — C'est un Dieu consolateur laissé aumilieu de ses enfants pour y être une image vivante du Dieu qu'ils adorent[3*]... — говорит Lacepéde[4*].

[3*] Это бог-утешитель, оставленный среди своих детей, чтобы быть живым изображением бога, которому они поклоняются... (*франц.*).

[4*] Ласепед[23] (*франц.*).

XXIII

От с. Чорны к Са́харне страшно ехать по берегу Днестра; несколько верст дорога идет по скалистому скату, покрытому кустарником. Дорога так узка, что если мысленно предположить, что съехались на ней два экипажа, то все действие умственного организма головы вдруг остановится, подобно монголам пред Китайскою стеною.

XXIV

Народные экипажи в Молдавии [24] называются каруцами; их два рода: конские и воловьи. — Первые так малы, как игрушки, а другие построены не на шутку и так велики, что две съехавшиеся могут загородить не только обыкновенную дорогу, но и дорогу в Тартар, которой будет сделано, со временем, особенное описание, ибо Мильтон и Данте не представили маршрута, составленного Орфеем [25].

XXV

Когда придет час обеда и донесут, что на стол подано, то всякий человек обыкновенно забывает в это время и страсти и обязанности свои безнаказанно; никто не имеет права упрекнуть его в эту минуту в равнодушии ко всему, что не касается до утоления его голода.

Принесу же и я жертву! Гладу — часть от тельца и от плодов земных; жажде — питие от лоз виноградных!

Всякий сочинитель должен предупредить обедом всех своих читателей из одной боязни, чтоб его не поняли, ибо — сытый голодного не разумеет.

Оставляя читателя на дороге, где несколько ему опасно и скучно стоять, я в оправдание представлю ему слова г. Шенье [26], который сказал, что всякий человек нуждается в снисходительности.

XXVI

В начале 1828 года, после сытного обеда, я подсел было к карте, но глаза мои стали коситься на Турцию [27], и я заснул.

Послушайте, что снилось мне:
Я видел, будто на коне
Летел пред страшными рядами,
Врагов колол, рубил, топтал
И грозно землю устилал
Их трупами и головами;
Но вдруг какой-то удалой
На поединок встал со мной!
Я дал ему удар жестокий,
Он устоял, и меч широкий
Взмахнул вдруг мне над головой

И снес мне голову долой!
Я чувствовал, как улетела
Душа, и кровь как холодела,
И смерть носилась надо мной!
Я умер... ахнул, пробудился!
Как полоумный, как шальной,
Ощупал я себя рукой;
Потом за голову схватился
И с радости перекрестился,
Узнав, что умирал во сне
И голова моя на мне!

Я бы сказал здесь кое-что о наездниках турецких, о необходимости иметь во время войны, и даже во время войны с турками, добрую лошадь, хорошую саблю, верный пистолет, меткий глаз, твердую руку, небоязливую душу и тому подобные мелочи; но об этом намекал уже и Монтекукулли[28], и потому я обращаюсь к тому, об чем никто не намекал или очень мало намекали. Но есть ли подобная вещь в мире? — это только шутка! — В руках писателя все слова, все идеи, все умствования подобны разноцветным камушкам калейдоскопа. То же самое всякий перевернет по-своему, выйдет другая фигурка, и — он счастлив, ему кажется, что он ее выдумал.

Бедный мир! как все старо в тебе. Сколько лет Солнце волочится за Землей! вот платоническая любовь! вот постоянство! Что, если на старости лет Земля свихнется с истинного пути? — пропало человечество от огненных объятий Солнца!

XXVII

Здесь, кстати или некстати, по известным мне причинам или совсем без причин, единственно по капризу, что очень часто на свете бывает, я должен или, все равно, хочется мне заметить следующее:

1) Александр Великий[29], по всем восточным писателям, называется Эскандер, или Искэндер.

2) По тем же преданиям, Александр не совсем признается за сына Филиппова. Некоторые полагают его сыном Дараба (Дария), который женат был на дочери Филиппа. Абдул-Фараг и Саид-Эбн-Батрик[30] думают, что отец Александра был Нектанет, царь египетский, а как говорят некоторые писатели греческие, Нестабан, родом персиянин и маг, знал Олимпию.

3) По словам Юстина[31], Филипп никогда не признавал Александра за собственного сына, что и подтвердил при смерти, по признанию Олимпии, что она приняла сей плод от Дракона.

Вот все, что я хотел сказать сего дня.

XXVIII

Направляя стопы свои в спальню, я подумал: верно, всякому хочется знать причину, для чего я пишу все это? —

Законная причина: моя воля; а побочная объяснится со временем. Что и будет очень натурально.

День IV

XXIX

Что может быть лучше подробной, верной карты? во время войны — для стратегических соображений полководца, для дислокации войск офицеру Генерального штаба, а мне — для спокойного ученого путешествия. Люблю окинуть одним взглядом поприще, на котором был, есть и буду!

Изъяснив таким образом невольный восторг мой при взгляде на всю подвластную человеку часть мира, я сажусь в челнок и плыву по течению Днестра...

XXX

Какой ужасный берег виден там на завороте! скала нависла над рекою. Но что за норы чернеют в самой вершине? — Сей час удовлетворю ваше любопытство, хоть Гораций и велел убегать [32] от всякого любопытного, как от человека нескромного. Взберемтесь по каменистой дороге на гору. Дайте перевести дух!.. Ну, далее, вот тропинка через сад. Днестр, как ручеек, извивается под нами. Мы теперь на вершине той скалы, которая так ужасала нас снизу. Осторожнее спускайтесь по этой вырубленной снаружи скалы лестнице! держитесь за перилы! не глядите вниз, иначе голова закружится, и вы, избави бог, отправитесь к источнику сил, как говорит г. Сочинитель Метамеханики.

XXXI

Видите ли... О неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?

Таким же образом, может быть, сказал я с глубочайшим вздохом, подобным моему уважению к халдейским преданиям [33], таким же образом опрокинулся сосуд гнева Кронова [34] и пролилось Океан-море на землю!

Текут лета младенчества Природы;
Уже раздор кипит в начальных племенах;
Но взволновалися, как море, Неба своды,
Земля и племена в бушующих волнах!

О Солнце! ты тогда на ужас не светило,
Отбросило блистательность лучей!
Как туча черная, печаль тебя затмила,
Печаль о гибели Природы и людей.

Но тихнет глас громовый Элаима [35]!
И снова сыплются лучи на бездну вод;
Уж над поверхностью глава Каркуры [36] зрима,
И в пристань первую земли ковчег плывет!

Все претерпело от потопа, все гибло; только невинные рыбы хладнокровно плавали в бесконечном Океане и воображали: вот настало на земле вечное царство рыб!

Здесь очень кстати и необходимо присовокупить следующее:

... И Крон сказал Ксизутру: возьми писание о начале, продолжении и конце всего, погреби в граде солнца Сиспарисе... соорудп ковчег, предайся морю... плыви к обители богов!.. И Ксизутр соорудил ковчег в пять стадий [37] длиною и в две шириною и, по повелению Крона, поплыл к обители богов, но, вероятно, как худой кормчий, сбился с дороги и сел на мель на горах Армении, которые по преданиям халдейским назывались Каркура.

XXXII

Как ни неприятно любопытному читателю возвращаться из Армении в Бессарабию, но что же делать? По обязанности своей, для общего порядка вещей, я беру его поперек и, как орел агнца, несу на ту лестницу в скале, которая ведет в монастырь Городище [38]. Вот, с одного выдавшегося камня на другой, положена дощечка; это ход в старую церковь, вырубленную в скале. Оттуда спуск на каменную площадку. Монах встречает нас и ведет в те отверстия, которые казались нам норами диких птиц. Это кельи монахов. Вся эта скала, висящая над Днестром, есть монастырь Городище. Вновь вырубленная церковь состоит из трех отделов. В ней не поместится более 30 богомольцев. Святые мысли облекают душу в этой мирной обители. Ж. Ж. Руссо [39] сказал: «Забвение религии ведет человека к забвению всех обязанностей!»

Молдавский монах провел нас, сквозь разные скважины, в довольно пространную пещеру; наружная стена из дубовых досок с ружейными бойницами. — Это была защита от татар, — сказал он, разумеется, по-молдавански. — А это что такое? — Пушка. — Какой необычайной длины! — Повертя в руках, я положил почтительно ржавую древность опять на землю. Всякий согласится, что мне легче окинуть одним взором всю Вселенную и течение всех миров, составляющих оную (разумеется, на каком-нибудь изображении системы планетной), нежели поднять пушку, но во время великого Стефана [40] все молдаванские москали, т. е. солдаты, были вооружены пушками, т. е. ружьями.

XXXIII

Так как каждый проводник никогда почти не бывает нужен на обратном пути, что испытано мною на славном главном проводнике и вожатом молдаване Николае Поповиче в последнюю войну с турками, то... но здесь надобно сказать, что это было известное лицо в армии; во-первых, что за тучное животное! а во-вторых, что за деловой человек! Бывало, когда подле него едет и сам капитан над вожатыми, то кажется, едут душа и тело, а за ними течет все войско русское, как Океан-море великое!

Итак, проводник не нужен на обратном пути. Читатель как хочет и как желает, так и выбирается из монастыря Городища, по каменной лестнице на гору, и далее, по лестнице незримой, или на крыльях воображения, в обещанные Востоку Эдем и Эйрен[41]. Я же отправляюсь в Кишинев, и отправляюсь с нетерпеньем, хотя девушка Скюдери[42] и сказала, что краткость жизни нашей не стоит нетерпения.

XXXIV

В Кишинев! и вот меряю я циркулем по масштабу 5 верст в английском дюйме, по этой бумажной плоскости, по прямой дороге через с. Лалово, Стодольну, Лопатку, верхнюю, среднюю и нижнюю Жору, чрез Суслени и другие не подписанные на карте селения до г. Орхея, который лежит на р. Реуте и который можно проехать без всякого внимания. Таким образом мы проехали уже около 40 верст; еще столько, и мы в благополучном городе Кишиневе. Но так как дорога идет чрез хребет гор, большим лесом, и на ней, хотя очень редко, но бывают шалости, то без хлопот беру 40 верст циркулем и одним шагом совершаю путь, который для иных стоит 4 часов езды, со всеми предвидимыми и непредвидимыми трудами и опасностями. Последние слова заключают в себе, по данному им мною весу, порчу колес, осей, погружение экипажей в грязь, остановку лошадей и разные мелочные дорожные случаи, выводящие из терпения путешественников, которые не читали 20-й оды Горация[43] и не знают, что терпение облегчает самые нестерпимые бедствия.

Остановимтесь на этой горе. Вот город на скале; вот и Бык; но о чем долго думать, переедемте через него! Да не подумает кто-нибудь, что я говорю о быке, который лег на дороге и не хочет встать,— совсем нет. География есть наука, описывающая, между прочим, что в Бессарабии есть река Бык, на которой лежит г. Кишинев[44].

О Кишиневе, когда я приехал в него в первый раз, можно было много сказать; но проехав чрез него, может быть, в последний раз, я бы не сказал ни слова, если б прошедшее время часто не заменяло нам настоящего.

XXXV

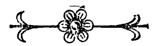
Что такое настоящее время?— спросит меня иной. — Настоящее время есть пища для сердца, для чувств и ума. Просим покорно, чем бог послал!.. А какая дичь!..

XXXVI

Здесь следовал в манускрипте моем расход на обед мой 25 июля 1830 года; но я не помещаю его, как вещь уже прошедшую, хотя никогда не худо заглянуть на прошедшие свои расходы. Подобно полному кошельку, и мы истощаемся, чахнем, и после издержек, в продолжение многих лет, на го́ре, чувственные удовольствия, болезни и т. п. вещи. остается на нас сухая, бесплодная земля — и только.

Когда же упадет роса,
На цвет, поблекнувший от зною?
Тогда ль, как сдвинутся с землею
Таинственные небеса?
Я года за три беззаботно,
Без дум, без ожиданий жил;
Тогда какой-то дух бесплотный
Меня без отдыха носил
От чувств к страстям, от них к желаньям,
От бездны к светлым небесам,
С небес к земным очарованьям,
От прошлых к будущим годам.
И духом был тогда я сам!

Здесь каждый понятный человек должен себе представить, что день кончился, что мы приехали на ночлег, хотя еще не известно ему, где остановились.

День V

XXXVII

Если б я был женат или, лучше сказать, имел бы миленькую, хорошенькую и добренькую жену,— я ни за что на свете не решился бы расставаться с нею надолго и иначе путешествовать, как теперь, т. е. не сходя с покойного своего дивана. Вот почему: между старыми своими бумагами я нашел записную памятную книжку, а в ней следующее заключение: «после долговременного отсутствия забвение встречает неожиданный возврат взором ненависти».—

Так после покоренья Трои
Вожди, цари и дивные герои
Чрез десять лет в отечестве своем
Холодный встретили прием.

По вожделенном возвращенье
И даже сам Агамемнон
Постель свою и царский трон
Застал в чужом распоряженье [45].

Впрочем, это ничего не значит. Агамемнон был великий полководец, но худой муж.— 10 лет! Господи боже мой! где мое терпенье! ни разу не побывать в отпуску! не подать о себе вести, и в какое же время?— за 1184 года до Р. Х. У нас, просвещенных христиан, только 7 лет безвестного отсутствия уничтожают брачные связи [46], и жена свободно может отдать свою руку, сердце, все движимое и недвижимое имение другому, и поделом, и по закону!— не пропадай от жены!

XXXVIII

Жениться прекрасно.

В домашней неге я бы плавал:
Жена, семейство — рай земной!
Хоть между мужем и женой
Почти всегда посредник дьявол!

Это также ничего: недостатки или дополнения в отношении нравственном могут тем или другим образом быть исправлены; но кроме этого в женитьбе бывают иногда невыгоды совершенно материальные. Вы вообразите, что если вы заключаете в себе вес или тяжесть единицы, а подруга ваша так легка, как ноль; если она подле вас с левой стороны, то это не беда, вам не делается от этого тяжелее; но если этот нолик стоит с правой стороны, то есть сочетан с вами по математическим и гражданским законам, то вообразите, что вам в десять раз труднее двигаться с места и в десять раз увеличиваются ваши потребности. Не правда ли? Вот что значит жениться; а вы думали, что вы да она=2? Нет!

К тому же человек военный,
Походный обер-офицер
С своей супругой несравненной
Да с парой деток, например,
При всех его честях и званье
По мне забавное созданье!

Его какой-нибудь Лука
И пьян, и весел спозаранку,
Исправив должность денщика
И заменив жене служанку,
Идет на кухню, есть варит,
Потом в конюшню и не тужит,
Лошадку чистит да бранит
И всем равно и верно служит.

Я поздравлять их очень рад;
Все это мило и прекрасно!
Особенно, когда согласно
Они семейный мир хранят
И вместе денщика бранят.

Их счастье истинно прямое!
У них в хозяйстве все складное:
И зеркальцо, и стол, и стул,
Дорожный самовар, кастрюлька,
И даже есть складная люлька,
В которой сладко бы заснул
И сам Амур, младенец дерзкий,
Из уст супруги офицерской
Внимая: баюшки-баю
Малютку милую мою!

По недостатку и безлюдью
Она на все везде сама:
Сама ребенка кормит грудью
И учит говорить ма-ма!—

Но я завидовал бы другу,
Который в брак вступил шутя,
Имеет нежную подругу
И нянчит милое дитя!
Как часто, утомясь от службы,
В желаньях тонет мысль моя!
И кажется, изрядный муж бы
С женой хорошей был и я;
Но эту странную идею
Ласкать надеждой я не смею.

XXXIX

Если бы только один день я терял, заговорившись таким образом о вещах, до меня еще не касающихся; если бы только один я терял день без пользы, это было бы простительно; но и император Тит [47] почти всякий день повторял: Amici, diem perdidi! *

XL

— Знаете что!— вскричал вдруг вошедший ко мне приятель.— Что?— Знаете ли, что я слышал?— Что?

— Что влюблены ужасно вы!—
— В кого же?

* Друзья, день потерян! (*лат.*).

— И скоро по словам молвы...
— Дай боже!
— Но мой совет вам подождать...
— К чему же?...
— Чем больше будем рассуждать...
— Тем хуже!..

Вскричал я, закрутил локоны, осмотрелся в зеркало, поправил галстух, налил на платок духов и оставил своего приятеля в неведении, что со мной сталось.

XLI

Я недаром торопился, други-читатели. Вечер промчался. Как милы, приятны неожиданные, заветные удовольствия! Вообразите, я в таком был веселом духе, в каком очень, очень редко бывают люди влюбленные. Я даже решился петь. Для любопытных я пропою еще раз первый и последний куплет.

I

Откройся мне, о друг мой нежный!
Скажи, о чем печаль твоя?
Ужель ты страстью безнадежной
Томишься так же, как и я?

V

Когда любви узнаешь цену,
Тогда в награду приготовь:
За сердце — сердце дашь взамену,
А за любовь его — любовь!

*

Но читатель! деликатным
Я теперь не в силах быть!
Тороплюсь, чтоб сном приятным
День приятный заключить.

Не небесный рай мне надо:
Сон и мягкую постель.
Пойте песни, Дид и Ладо,
Нежь меня, крылатый Лель! [48]

Звуки сладостные тронут
Душу страстную во мне,
И медлительно потонут
Чувства в сонной глубине.

День VI и VII

XLII

Лукулл уже готов был вступить в битву с Тиграном [49], как вдруг донесли ему, что по предзнаменованиям день был несчастен; тем лучше, сказал он, мы его осчастливим победой.

Мне перебежал через дорогу заяц; это добрый знак,— думал я, подъезжая к городу,— это добрый знак! здесь водится много зайцев! — и въехал в Кишинев.

Рассудок говорит: ступай вперед! а предрассудок говорит: воротись! Что же такое предрассудок пред рассудком?— Предрассудок, господа, есть тот камень, который один глупый бросил в воду, а десять умных не вытащили.

XLIII

Вот таким-то образом, слово за слово, шаг за шагом, и мы уже тянемся ночью по грязным кишиневским улицам. Не зная никого в городе, самое лучшее велеть везти себя в заездный дом.— Вези меня в заездный дом!— вскричал я.— ***Нушти!*** * — отвечал мне суруджи **.— В трактир! — ***Ла каре фатирь***? — Ну хоть к Лакару. — ***Нушти***! — отвечал мне суруджи. — Стой! проклятый Нушти! 3*

В некоторых домах еще светилось; я чувствовал, что пахло жидами. — Фактора! — Фактора? Фактора? — раздалось со всех сторон. Во всех домах распахнулись двери, и вдруг какая-то магическая сила осыпала меня жидами. — Фактора вам? в трактир вам надобно? — Да! — К Исаевне, ваше благородие! лучше нет заездного дома во всем Кишиневе. — К Голде, в. б.! — кричала другая толпа. — Куда ближе, к Голде или к Исаевне, все равно! — К Исаевне ближе! — Не верьте им! к Голде ближе! Неправда, неправда! — раздавалось с левой стороны... — Ступай налево!.. — Направо! — кричали другие.

— Вот Исаевна!

— Вот Голда!

— Где же? — Вот направо! — Не слушайте их, вот налево!

Наконец с обеих сторон в один голос раздалось: здесь! вот направо! вот налево! — и я увидел, что левую пристяжную жиды тянули в ворота налево, а правую пристяжную в ворота направо, из чего я и заключил тотчас, что Исаевна и Голда обитают одна против другой. Но толстая жидовка слева предупредила толстую жидовку справа ласковым приглашением меня в комнату, и я вступил во владение Исаевны. Вещи внесли. Жиды рассеялись, как туман. На улице опять ничего не стало слышно, кроме ев-

* Не знаю (*молд.*).
** Кучер (*молд.*).
3* Здесь: проклятый Незнайка!

рейского испарения; петухи пропели полночь; дворовая собака в последний раз хамкнула; я потянулся — и заснул.

Так как сновидение есть не что иное, как бессоница воображения, то мне ничего не приснилось, потому что воображение мое успокоилось вместе со мной.

XLIV

День более 6 часов уже хозяйничал на нашем полушарии, когда я проснулся. Едва я оделся, толпа жидов с товарами хлынула в мою комнату. — Что вам надо, проклятые? — А может быть, что-нибудь вам надо? — отвечали все вдруг.— Есть платки, помада, духи! может, что купите? — Полотенцы, салфетки, ножи! извольте посмотреть! — Прочь саранча! Убирайтесь к черту. — А где черт живет? — раздался умный жидовский вопрос. — Ей, проводи их к черту! — Не дождавшись проводника, все жиды пустились в дорогу, и все утихло.

XLV

Акустика, или физика, жидовского наречия поразила меня. Есть что-то в произношении оригинальное, и в подражании может быть выражено только посредством какого-нибудь инструмента; но покушение напрасно, ибо абуб [50], древний инструмент, выражавший еврейскую мелодию и хранившийся в святилище храма Соломонова [51], погиб вместе с уничтожением храма. Изобресть подобный инструмент уже трудно, ибо мнения о свойстве его так же различны, как и вообще все мнения и заключения ученых о всякой древности по одним только сохранившимся названиям. Кирхер [52] в своей *Музургии* говорит, что это был инструмент, похожий па трубу; Кальме [53] заключает, что абуб есть то же, что амбубайя, дуда, бывшая в употреблении у латин; по Талмуду [54] абуб есть дудочка; а по мнению всех прочих абуб есть тросточка, от которой барабан издавал тоны приятнее, нежели от обыкновенных барабанных палок.

Это очень любопытно для каждого любителя приятных звуков, или мелодии выражений, особенно издаваемых устами милых женщин; но это особенная статья, которая должна быть помещена в главе *о гармонии Вселенной и о хоре гениев, когда они возносят на небо праведную душу.* И это любопытно, но я уже оделся и тороплюсь осмотреть Кишинев.

XLVI

Первый шаг на улицу в неизвестном городе есть минута затруднительная, в которую человек смотрит во все стороны и, обыкновенно, после короткой или долгой осмотрительности, идет невольно в ту сторону, в которую тянется более народа.

Первое, что мне бросилось в глаза, были шинки и мелочные лавки; почти во всяком доме на окошках стояли в бутылях вино и водка, а на широ-

ких опускных ставнях табак, сера, гвозди, дробь, веревки, мешти[4*], кушмы[5*], трубки, кочковал[6*], масло... — Всемогущий! —думал я. — Здесь везде продают; где же живут те, которые покупают? — Плачинда, плачинда! — вдруг раздался позади меня дикий голос. — Сам ты плачинда, проклятый! — и точно: молдаван с поджаренным лицом, как корка пирожная, замасленный, как блин, нес на медной сковороде жирную горячую лепешку и кричал: плачинда, плачинда! — Это завтрак для прохожих.

XLVII

Экипажей встречал я без счета; здесь, по большей части, все ездят в колясках, от последнего мазила[55] с обритой бородой до первого бояра с длинной бородой. Но молдаванские кони не соответствуют венским экипажам. Как тиринтиец, я лопнул со смеха, когда увидел, как две водовозные клячи

С трудолюбивым напряженьем
Тащили венскую коляску;
Цыган, в гусарском доломане,
Плачевным ходом клячей правил;
А толстый молдаван бояр
Недвижно, так, как идол древний,
Секирой сделанный из дуба,
Сидел в качуле[7*], расправляя
Усы и бороду густую —
И было тяжело рессорам!
А арнаут[56], облитый златом,
Стоял смиренно на запятках
И трубку длинную держал. —

Я шагом шел, но скоро оставил далеко позади себя эту процессию переезда от нечего делать к безделью. Исполнив предписанный мне визит и отрекомендовавшись по установленной форме, я отправился потом в Митрополию[57]. Литургия совершалась самим митрополитом: глубокая старость его возвышала величие обрядов церкви.

XLVIII

В Митрополии много было народа; близ левого клироса стояли женщины. Взглянув на них — хорошенькие! — думал я, но опустил очи свои, вспомнив: ты не в храме древних истуканов, не языческий грешник, который засмотрелся бы, как молится юная грешница, и верно бы вскрикнул:

[4*] красные сафьяновые носки (*молд.*).
[5*] высокая шапка из мерлушек (*молд.*).
[6*] сорт сыра (*молд.*).
[7*] шапка (*молд.*).

О, как мила! как богомольна!
Зевес, Олимпа строгий бог,
Грехи простил бы ей невольно
За обращенный к небу вздох!
Ее блистательные слезы
Обезоружили б его,
И вместо грома своего
На деву бросил бы он розы! [58]

XLIX

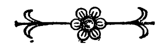
По выходе из церкви я имел все законное право рассматривать богомольцев и богомолок, но рассказ об них, без имен, был трактатом о красоте и безобразии. Я скажу только вообще, что молдаванские *куконы* и *куконицы* по наружности очень похожи на русских *госпож* и *барышен*, французских *мадам* и *демуазелей,* испанских *донн*, английских *леди* и *мисс,* немецких *фрау* и *фрейлейн* и так далее. Глаза их черны, быстры и зорки; взгляды спрашивают каждого: «нравлюсь ли я вам? а? что? нравлюсь? ага! пропал!» — И потом вдруг — еще один умильный взгляд, как будто говорящий что-то вроде: «не бойтесь меня — я не жестока».

Но здесь не место говорить о куконах ясным и подробным образом; притом же тот, кто жил на свете, нигде не будет говорить ясно и подробно о женщинах. Еще кстати здесь заметить, что я поставил правилом: смотреть на женщин с хорошей только стороны.

L

Возвратившись домой, я обратил внимание на то, чтобы дать пищу желудку, и садился за стол с намерением поискать после обеда чего-нибудь и для сердца. И это очень обыкновенно. Люди всегда заботятся, по большей части, о желудке и сердце, а ум у них голодает, он похож на немого и безрукого нищего: не попросит и руки не протянет.

После обеда пустился я снова вдоль улиц. Встречая повсюду русских, молдаван, греков, сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: «вскую шаташася языцы?»

День VIII

LI

Я полагаю, вы заметили, что в течение последнего дня прошло двое суток? Если же не заметили, то это доказывает, что или вы человек рассеянный, или... ...последнее *или* мне приятнее; но время мстительно! оно заставит забыть и меня! Далее!

LII

Всякий ученый путешественник обязан умно и подробно отвечать на вопросы о той земле, которую он измерял растворением ног своих. Но, несмотря на это, если я буду писать, напр., о Бессарабии, что она лежит между такими-то и такими-то градусами широты и восточной долготы, что она граничит с такими-то и такими-то государствами, лесом, дорогами и т. д., что ее населяют такие-то жители, что в ней столько-то цынутов, или уездов, то, мне кажется, подобным описанием я отобью хлеб у географии — этого я не хочу делать: я скажу только, что Бессарабия лежит на земном шаре в виде длинной фигуры, склонившей главу свою на отрасль Карпатских гор и призывающей в объятия свои родную Молдавию.

LIII

История государства, существа целого, столько же любопытна и поучительна, как жизнь великого человека, но историю провинции, и провинции, подобной Бессарабии, так же трудно писать, как историю пальца, найденного после сражения. При всех затруднениях, все изыскания будут состоять единственно в следующем: по всему видимому, палец велик и хорош, хотя упругость и твердость его от безжизненности совершенно исчезли. — По сравнениям преданий Страбона, Тита Ливия, Квинта Курция, Аммиана Марцелина [59] подобный палец принадлежал к левой руке Аттилы [60], и был он палец безымянный; основываясь же на греческих писателях, он принадлежал во втором веке Децибалу [61] и, будучи мизинцем, был на работах вала, разделяющего Мезию от Певцинии [62].

Плутарх [63] очень рассудительно сказал в «Жизни Перикла», что «трудно, или, лучше сказать, невозможно познать и различить истину в истории», а С. Реаль [64] еще умнее сказал: «довольно знать, как полагают о справедливости событий такие-то и такие-то историки».

Если б при Термопилах [65] в 300-х спартанцах столько же было единодушия, сколько в 300-х историках, описавших марафонскую битву [66], — погибла бы Греция!

LIV

Отклонив внимание и любопытство читателя от Частной и Всеобщей истории, которую в настоящем веке борьбы классицизма с романтизмом не нужно знать, а иногда не должно знать, а иногда стыдно знать, — я иду по кишиневской улице.

Мне кажется, уже давно
У всех в обычай введено:
Чуть дом порядочен немножко,
Взглянуть в открытое окошко;
И иногда награждено
Бывает наше любопытство,
И как я знаю, то окно
Всегда причина волокитства.
Таким же образом и я,
Кидая взоры вправо, влево,
Увидел, точно как моя
Родная! Ангел, а не дева!
Не доходя к окну на шаг,
Невольно снял свою я шляпу,
И если б был я брат арапу,
То и тогда, как черный рак
В воде горячей, стал бы красен;
Но все пройдет! и я согласен:
Хоть крылья режь, хоть крылья рви,
Но улетит пора любви!

Ах, милый друг, какое прекрасное чувство любовь! Знаешь ли что? Она для мужчин соблазнительна, как женщина, а для женщины, как мужчина. Не правда ли?

LV

От окошка я уже продолжал идти, как прикованный к чему-то; чем более я отдалялся, тем более мне становилось жаль чего-то, точно как будто я потерял самое лучшее из всего существа своего. Я хотел воротиться, как вдруг попадается навстречу старый приятель-товарищ. Сначала увлек он меня к себе, а потом повел знакомить с одним знатным бояром молдаванским [67].

В доме встретил я все во вкусе европейской роскоши. Проходя залу, слух мой поражен был хлопаньем в ладоши и громкими повелительными звуками: *Иорги! чубуче!* *— В следующей комнате хозяин дома сидел на диване всею своею особою. Едва мы взошли, он приподнялся, снял феску и произнес важно: слуга! *пуфтим, шец* **, а потом повторил снова: *Иорги!*

* трубку! (*молд.*).
** прошу, садитесь (*молд.*).

чубуче! — Арнаут Георгий подал и нам трубки. После долгих приветствий завязался разговор между товарищем моим и хозяином. По приличию, я внимательно устремил очи на бояра и слушал его плавные речи; посмотрев на меня, он обратился к товарищу моему и сказал: *Молдовеништи нушти?* [3*] — *Нушти*, — отвечал мой товарищ. Тем и кончилось обращение ко мне. О приятностях выражений молдавского языка я не могу сказать ни слова, но мне всегда казалось, что хозяин рубил дубовые дрова, а щепки летели прямо мне в уши.

LVI

Так как есть меры и долготерпению, то, соскучившись слушать непонятный разговор, я неспокойно ворочался на диване, вертел шляпу, надевал перчатки, вставал с места, ходил по комнате, смотрел в окошко, кивал товарищу головой, давал знак глазами — ничто не помогло! как прикованный, сидел он на месте. Я уже... как вдруг дверь отворилась, входит дева...

То, верно, дочь была бояра;
Мы поклонились. *Буна сара*! [4*] —
Тихонько молвила она.
Казалось, бурная волна
В младой груди ее кипела
И рвалась вон! — Ралука! *шец*! —
Сказал ей ласково отец,
И, закрасневшись, дева села.

LVII

Товарищ мой недолго думал, свел кое-как разговор с отцом и подсел к дочери. Несколько французских слов ободрили меня; как учтивый кавалер я также подал свое мнение о погоде; но речи наши скоро прервались взаимным согласием, что день был прекрасный, и заключением, что, вероятно, будет дождь, потому что нахлынула туча и отзывался гром. Между тем я заметил, что в очах у товарища моего потемнело, уста его точили сот и мед, вся вещественность его была в каком-то конвульсивном состоянии и начинала выражать верховное блаженство души и избыток сладостного огня, похищенного Прометеем [68] с неба. Я знал, что подобное состояние продолжительно и заставляет забывать не только товарища, но и все в мире. Хозяин дома, наговорившись до усталости, предался вполне сладости молчания. Будучи вроде лишнего, я оставил хозяина в табачном дыму, товарища в чаду любви, а пышную Ралу в некоторой нерешительности, что удобнее на каждый вопрос отвечать: *да* или *нет*, хотя слова *да* и *нет* изобретены людьми решительными и для людей решительных.

[3*] По-молдавски не знает? (*молд.*).
[4*] Добрый вечер! (*молд.*).

Но вот, по-моему, беда:
Когда согласие готово,
Когда в душе вертится: *да*!
А произнесть не в силах слово.
В подобном случае, друзья,
Прелестных женщин видел я.
Им вынужденье неприятно;
Любовь имеет тьму примет,
Ее наружность так понятна,
К чему же звуки: *да* и *нет*?

LVIII

Здесь должно заметить, что во время вышеозначенных приключений верный слуга мой переехал в отведенную мне квартиру. Запыхавшись, пришел я на новоселье, и, приближаясь к крыльцу, я уже мечтал, как полетит с меня платье и я погружусь в мягкую постель, как утопленник в волны. Но кто мог предвидеть новое огорчение? На крыльце встретил я хозяйку дома — молоденькую женщину в черном платье, которое к ней пристало, как весна к природе. На поклон мой я получил ласковое приветствие на французском языке. Она сама показала мне назначенные для меня комнаты и потом пригласила к себе.

LIX

Здесь продолжение описания я должен был бы начать вроде некоторых новейших поэм:

Нас было двое...

Но я начну другим образом и совершенно в новейшем вкусе. Однако же, я не имею теперь времени продолжать рассказ, и читатель, если он чересчур любопытен, должен знать, что не всегда имеющий уста да глаголет.

LX

Занимаясь иногда мелкими стихотворениями, я всегда терпеть не мог шарад, и тем более шарад, вроде предложенной на разрешение графу Ланьёлю [69]. Самые лучшие произведения, по-моему, *экспромты*; в них видно искусство и резкий полет гения. Все в мире, что хорошо и умно было сделано, — сделано было *экспромтум*: касалось ли это до создания, до стихотворений, до военного искусства или до поднятий покрова со всего, что облечено какою бы то ни было таинственностью.

Вот один из экспромтов:

Не встретив в ней противоречий,
Я кратко кончил свою речь:
«Мой друг, игра не стоит свеч» —
И мигом потушил все свечи. —

День IX

LXI

Мне не спалось, и встал я рано,
Еще до света, свечку вздул,
Прочел главу из Аль-Корана [70]
И снова мертвым сном заснул.
И спал я долго, до полуден;
Мой сон был сладостен и чуден:
В нем видел гурии я тень;
Мне снилось, что с ее совета
Я начал свой девятый день
Девятой сказкой Магомета [71].

Так и случилось:

Магомет, или Мухаммед, или Мегоммед, или по-прежнему Магомет, путешествовал на своем Альбораке [72] подобно мне, не сходя с места. Что за быстрое и решительное воображение! где он не был? Читая книгу Азар [73], я восхищался описанием поездки в Эдем. Седьмой рай мне более всех нравится; и кому бы не нравился этот блаженный сад, где вечно бьют фонтаны и текут реки млечные, медовые и винные? Там вечно цветут чудные древа, там плоды обращаются в дев, столь прелестных и сладостных, что если б хоть одна из них плюнула в море, то вода морская потеряла бы горечь свою! Это бесподобно, несравненно! Но, при всех сих наслаждениях, вообразите себе там же ангелов, имеющих по 70 000 уст, каждые уста по 70 000 языков, и каждый язык, хвалящий бога 70 000 раз в день на 70 000 различных наречиях. Это ужасно! что за шум, что за крик! Нет! беда быть в магометовом Эдеме, несмотря на прекрасный стол и вечно девственных гурий. Вы помните как на Кавказе черный ворон терзал каждый день сердце Прометея и как оно, заживая к следующему дню, готово было на новые терзания? Это все вещи понятные и возможные.

LXII

С высот Эдема спустившись на высоты Кавказские, я еще желаю с них перенестись на аравийскую гору Абарим; с ее чела взглянул бы я на обетованную мою землю, в которую приведу чрез все известные моря и пучины несколько тысяч своих читателей. Да ниспошлет небо на пути нашем манну и Земзен [74], и да осветится путь наш и луною и солнцем, — да возблестит на нас одежда славы, да опояшет нас честь и да венчает главу нашу добродетель!

LXIII

Но где, где эта обетованная земля, в которой, сложив с себя тягость жизни, я узнаю, что такое истинное спокойствие, бесконечность любви и сладость дружбы? Там должен меня встретить избранный, единственный

друг мой. Так, милый добрый друг мой! до встречи с тобою я буду странником; только ты в состоянии остановить полет мой и приковать меня к блаженству! [75]

LXIV

. . . . . . я ее люблю . . . .
. . . . она меня любит! . . . .
. . . . — Что же? — Больше ничего.

День X

LXV

Утро и день провел я, приводя в порядок хозяйство свое. Столик под зеркалом накрылся чистой белой салфеткой, и разложился на нем весь мой necessaire: помада; духи; щетки: головные, зубные, ноготные; гребни, гребенки, гребешки; savon à la mausseline; бритвы barber; cuir de Pradier; Pâte d'Amand, Pâte minerale *; ножички, ножницы; двуличное зеркало; и т. п. в.⟨ещи⟩. Стол близ дивана покрылся зеленым сукном, и по чинам расставились на нем книги, бумаги мои, чернилица и перья. Уложив все, я лег на диван и восхищался мысленно устроенным порядком, квартирой и самой хозяйкой, которую чрез окошко я видел на крыльце. К вечеру влюбленный мой товарищ пришел ко мне.

Я

Ты весь расстроен! что с тобой?
Ну точно как ушел с кладбища!

Он

Черт знает! я совсем не свой,
На ум нейдет ни сон, ни пища!

Я

Помочь теперь уж трудно злу:
Тебя, друг, сглазила Ралу!
Мила!

Он

Ты шутишь!

* Сорт мыла; барберские бритвы; ремень для точки; притирания (*франц.*).

Я

Кроме шуток!
Она мне нравится весьма:
Я сам на несколько, брат, суток
Сошел бы от нее с ума!

Он

Какая свежесть!

Я

Чудо!

Он

Очи!
Ты видел этот блеск очей?

Я

А как же! — время было к ночи,
А нам не подали свечей,
Не нужно было!

Он

Ври!

Я

Ей, ей!

Он

Ну полно! ты чудак, насмешник,
Не испытал ты чувств святых!

Я

Бог знает, кто из нас двоих
По этой части больше грешник!

LXVI

В продолжении подобных разговоров мы собирались в кишиневский сад. Чрез четверть часа мы были уже в нем. Гуляющих было очень много. В толпах искал я того ангела, которого видел в окошке, но напрасно; прелестное видение, как светлый метеор, пронеслось и исчезло навеки! Гуляющих было много: дам, девушек — миленькие мои! Что это за душенька, которая там кокетливо смотрит на нас?

Ах, как же ей не быть кокеткой:
Ее томит врожденный жар,
К ней муж ласкается так редко,
К тому же он и дряхл и стар.

Несносны древние ей сказки,
От них хоть дома не живи,
И усыпительны ей ласки
Экономической любви!
— А это кто?
— Матильда.
— Чудо!
— А это?
— Машинька.
— Мила!
— А это?
— Пульхерица.
— Роскошь!
— А это?
— Сашинька.
— Огонь!
— А то?
— Не знаю.
— О Рафаэль!
Взгляни на это существо!
Дай легкость мне свою, Азаель! [76]
Лечу за ним!.. Но для кого
Земля произвела его?
Не для небес ли, не для рая ль?

LXVII

Что дальше было, о друзья,
Не в силах выговорить я!
Еще я помню сон прекрасный,
Еще я помню сон ужасный!

Я знал любовь! я знал ее!
Мне божеством она явилась!
Но где ж она? куда мое
Светило счастья закатилось?

М...., милый, верный дух!
Пленяй собой мой взор и слух!
Пусть слышу твой полет мгновенный,
Пусть вижу призрак твой явленный,
Пусть призрак лишь один люблю!
Не сон ли жизнь? — я сладко сплю! [77]

Может быть, преждевременная смерть есть благодеяние, ниспосылаемое небом.

День XI

LXVIII

Кончено о Кишиневе. Я все об нем уже сказал, что хотелось сказать. Забыл только объявить охотникам, что подле Кишинева было гнилое озеро, куда я хаживал от скуки стрелять бекасов, диких уток и гусей. Теперь это озеро для очищения воздуха спущено. Населявшая оное дичь переселилась далее на юг, в Буджак[78], частию на лиман Днестровский, на озера: Ялпух, Кагуль, Сасик и проч., а частию на нижнюю, болотистую часть р. Прута. Коренные крылатые обитатели сих вод, птицы бабы, лебеди и прибрежные цапли, приняли переселенцев с распростертыми крыльями. При перелете на новоселье чрез степи Буджакские один Историк-Гусь описал довольно подробно кочевье дроф, стрепетов, куропаток, тетеревей, цыганскую веселую жизнь журавлей, пляску их недремлющих часовых, стоящих на одной ноге и имеющих в другой вместо ружья камень. Описал он также странный обычай аистов, или черногрудов, строить огромные свои гнезды на деревенских церквах и избах и по окончании образования детей отправляться в известное время в неизвестные страны. Кроме того, исчислил он все роды виденных им на речках и ставах куликов, лысок, водяных курочек и водяных бычков. Все эти описания очень любопытны, тем более что Историк-Гусь подробно рассматривает нравы, обычаи и язык их.

Рыбы, вонючие караси, населявшие озеро, не имея средств к переселению, соделались жертвою рыболовов; лягушки же, хотя довольно тесно, но до сего времени живут еще в проведенном канале.

LXIX

Таким образом, сказав все о Кишиневе, все, что не слишком занимательно, я подвергаю любопытство читателя желанию посетить лично Кишинев и увидеть здание бывшего Верховного суда, требующее починки, развалины Дибуглу, древний замок Крупенского[79], известный столькими событиями; сад, Митрополию, Марсово поле, Малину и проч.

LXX

Сбираясь в дорогу, я еще должен осмотреть свое воображение. Подобного коня должно гладить, чистить и холить, кормить мозгом, а поить жизненными соками. Зато, едва только ногу в стремя... распахнулись крылья... хлоп задними ногами в настоящее... глядишь, уж он в будущем или в прошедшем, на том или другом полюсе, на небе или под землей, везде и нигде! чудный конь!

LXXI

Едемте! возлюбленный народ мой! запасись терпением на дальнюю дорогу по пустыням Гетским [80].

Ну, с богом!.. Свистнула нагайка
По ребрам быстрого коня...
Эге, постой! — еще хозяйка
Зовет, друзья мои, меня!

«Прощай, мой милый постоялец!
Ты едешь в дальний, в дальний путь!
Надень же ладанку на грудь,
А этот талисман на палец,
И Калипсицу не забудь!» —
«Нет, не забуду!» — «Не измучай!
Не забывай, не забывай!
И если только будет случай,
Мой постоялец!.. приезжай!» —
«Приеду!» — «Ну! еще прощай!» —

Как Телемака [81] в страшном горе
Столкнул премудрый Ментор в море,
Так точно, други, и меня
Мой Ментор взбросил на коня!
И вот я еду...

LXXII

От Кишинева вниз по долине реки Бык, близ с. Бульбок чрез мост, на высокую гору, потом горой, потом длинным спуском... и вот в нескольких верстах видны каменные, устарелые стены и башни Тигинские. Днестр в пространной долине, между садами, лесом, под крутизнами гор извивается, как дьявол-искуситель. За рекой с. Парканы и карантин, далее г. Тирасполь [82], далее стены Херсонские. Что за картина? как далеко человек видит, если у него глаза зорки и если все пред ним открыто.

LXXIII

Здесь, в 3 верстах от Бендер, вверх по Днестру и по сие время есть с. Варница. Здесь сын первого драбанта [83] в мире, великий беглец с битвы Полтавской, никогда не пьющий горячих напитков и вечно нетрезвый, здесь, говорю я, в 1713 году, если кто помнит, Северный капрал, Карл XII [84], обращает свой екзерцирхауз * в крепость, противустает с горстию шведов всему гарнизону бендерскому; здесь сражается он *pro aris et focis*! ** в сей беспримерной битве теряет он часть уха, но не теряет бод-

* манеж (*немец.*).
** за родину! (*лат.*).

рости и надежды победить 20 тыс. татар и 6 тыс. турок, осаждающих его. «Храбрые шведы, друзья мои! переносите припасы пороха и пуль в цитадель нашу — в канцелярию!» — восклицает он и тушит загоревшуюся свою крепость бочкой водки. Уже победа почти в его руках, Розен произведен уже на поле битвы в полковники, но — о проклятые ботфорты с длинными шпорами! вы были причиною падения героя!

LXXIV

Кончаю свой день, оставляю последователей моих размышлять о превратностях судьбы и странностях человека и, утомленный, склоняюсь на ложе сна.

«Здесь, — говорит Байрон, — здесь утихает шумная радость, здесь горе призывает сон, сладостное забвение жизни, последнее прибежище несчастному от бедствий! Здесь покоятся и мятежные надежды страстей, заботы вероломства и расчеты беспокойного честолюбия. Забвение облекает все крылами своими, и существование кажется заживо заключено в гробнице!»

Покойся, покойся мечтатель! завтра новые силы окрылят твою гордость; завтра снова ты окинешь взором природу и скажешь: все мое!

День XII

LXXV

Грешно быть так близко от Тирасполя и не съездить туда, где некогда я выучился накладывать 25 различных пасьянсов, где так сладка и нежна стерлядь днестровская, где так велик, жирен и румян осетр, где так огромна белуга и зерниста икра свежепросольная! Грех было бы не заехать посетить добрых моих знакомых, добрых моих хозяев, не откушать у них русских щей, янтарной ухи и пирога, но 21 день карантина удерживает меня и читателей моих от этого невинного искушения.

LXXVI

От Бендер вниз по Днестру места прелестны, природа и жители богаты, долина днестровская покрыта селениями, все протяжение реки осенено фруктовыми и виноградными садами. Как жив человек там, где природа прекрасна, воздух свеж и куда не заносится заразное дыхание притеснителей и возмутителей спокойствия.

LXXVII

В котором-нибудь из этих селений мы остановимся. Садитесь, гости мои, под акацию; она разливает на нас благоухание свое; столетняя липа заслонила нас от солнца. Хозяин мазил уже заботится, чтоб угостить вас.

Земфира и Зоица выносят приданое свое, разноцветные ковры своей работы, стелят на траву. Они не смотрят на вас, но очи их быстры и пламенны, темнорусые волосы завиты в косу, румянца их не потушит и время, груди их пышны, все они — свежесть и здоровье!

Вот несут вам кисти прозрачного винограда, волошские орехи, яблоки, сливы, груши, дыни, арбузы, едва только снятый сот, душистый, как принесенный ореадой [85] Мелиссою. Домашнее вино легко и здорово. Чу! раздались скрыпка и *кобза*; два цыгана запели *мититику*; старшие дочери-невесты собираются на *джок*; молодые молдаване лихими наездниками толпой подскакали к ним, слезают с коней, и все становятся в кружок. Здесь вы видите, как безмолвствуют уста их, как их взоры прикованы к земле и как движутся руки, ноги и весь кружок. Долго продолжается *мититика*, и наконец следуют за ней *сербешты*, *булгарешти* и *чабанешти* [86]. Это веселее и живее.

LXXVIII

Но все, что продолжительно, теряет цену. Скука родилась от единообразия, и потому, не имея возможности разделять удовольствие джока и вплестись в венок румяных молдаванок, я говорю хозяину, милой Земфире и живой Зоице: *мулт премултимеск!* и тихими шагами иду тропинкой через холмы и лес с прелестной моей читательницей.

Я

Не правда ли, природа здесь прекрасна?
Вы в первый раз здесь?

Она

В первый раз.

Я

Вам нравится жизнь сельская?

Она

Ужасно!
Особенно, когда...

Я

Я понимаю вас!
Но вы меня, быть может, не поймете...

Она

Ах, как вы больно руку жмете!

Я

Простите мне! природу так любя,
От красоты ее теперь я вне себя!

Мне сладко здесь, я счастлив на свободе!
О, как живительна, как сладостна весна!
Примите поцелуй, назначенный природе,
Вы так же хороши и милы, как она!

LXXIX

Незаметным образом приблизились мы к тому месту, на котором по преданиям и *по карте древней истории Бессарабии*[87] лежит г. Тирас[88]; время стерло его с лица земли, и трудно отыскать его могилу; может быть, с. Паланка[89] есть то место, где жила нескромная переселенка с острова Мило[90]; она прекрасна и жива, как воображение пламенного, влюбленного Анакреона[91], власы ее, как блестящий поток струящейся лавы, легкие сандалии и тонкое, прозрачное, как облако, покрывало составляют всю ее одежду.

LXXX

Читатель, взор твой вероломен!
Но бог с тобой, смотри, смотри.
Ты видишь все! но будь же скромен
И никому не говори!
Гречанка юная не знает,
Зачем ты смотришь на нее,
Она от взоров не скрывает
Богатство дивное свое!
Но ты не в силах взор насытить,
Смутил тебя нечистый дух!
Злодей! ты ждешь, чтоб день потух,
Ты хочешь все у ней похитить!

LXXXI

Но, может быть, Тирас был там, где впоследствии славяне основали Бел-Город и где ныне Аккерман[92], это все равно для нас. Не Овидий[93] ли жил, спросят меня, за Днестровским лиманом? там виден город Овидиополь. Нет, скажу я, Овидий Назон был сослан Октавием Августом в г. Томи в Мезии, где теперь г. Мангалия; там жил 10 лет изгнанный поэт. Может быть, какой-нибудь генуэзский корабль завез надгробный его камень вместе с балластом на место нынешнего Овидиополя и неумышленно поселил в потомстве сомнение к преданиям.

Зачем нам знать, где жил изгнанник сей,
И прах его влачить с кладбища на кладбище?
Он жил, он пел, и вечное жилище
Поэта в памяти людей!

LXXXII

Теперь, добрые мои! перед нами Черное море. Воображению нашему представляется уже грозная стихия со всеми ее ужасами и тот корабль, который, помните вы, ветры носили в пучине, и та страшная минута, в которую все снасти лопнули, вода заструилась и бедные пассажиры воскликнули: гибель! Плач и вопли заглушили бурю, сердца облились кровью, и вы — бросили книгу из рук своих! Кто помнит из вас, милые охотники до чтения, Оберона [94] и те прелестные строфы, которые кончаются словами: Sie hören nicht? * Это также было на море, и в самую критическую, щекотливую минуту.

LXXXIII

Бурю на море мне никогда не случалось видеть; должна быть ужасна! я читал путешествие капитана Кука [95]; но бурю в чистом поле мне случалось видеть. Вот как описывает ее бурный поэт! [96]

Поднявшись с цепи гор огромной,
Накинув мрачный саван свой,
Старуха-буря в туче темной
На мир сбирается войной,
Стихии ссорит и бунтует!
Ее союзник Ураган,
Жестокий сорванец, буян,
Свистит и что есть мочи дует!
Что встретит, где ни пролетит,
Все ломит, рвет, крутит, вертит,
Мутит, ерошит и волнует.
С полей, с равнин, с лесов и гор,
Взвивая пыль, песок и сор,
По поднебесью тучей носит,
И солнцу ясные глаза
И золотые волоса
Он дрянью пудрит и заносит.
И вот, нахлупя капишон,
Седую бровь как лес нахмуря,
Несется черной ведьмой буря;
За ней, пред ней, со всех сторон
Крутятся тучки; Аквилон [97],
Собравши ветров хор с полночи,
Ревет в честь бури что есть мочи.

* Они ничего не слышат? (*немец.*).

Стучит, гремит, грохочет гром;
Как льстец, змеею молнья вьется;
В земле от страху сердце бьется.
Но слабым ли моим пером...
И т. д.

Тучи прежде времени угасили день; я не виноват, внимательные, добрые мои читатели.

День XIII

LXXXIV

Окончив драку, шум и споры,
Все тучи в западные горы
Ушли. Природа в тишине.
Уж на восточной стороне
Румянец заиграл Авроры [98].
И Феб [99], оставя сладкий сон,
Зевнул, супруге скорчил маску,
Надел плащ огненный, взял связку
Лучей, сел в пышный фаэтон [100]
И на лазурный небосклон
Пустился шагом. Пусть он едет...

Однако ж, я думаю, как скучно ему ездить всякий день по одной и той же дороге. Вообразите, что эта история продолжается слишком 7 тысяч лет [101] не говоря о безначальности и бесконечности.

LXXXV

Всякий, кто имеет права, должен ими пользоваться, иначе, со временем, он теряет их. Вследствие сего предложения я удаляюсь на время с поприща, предписываю всем читателям отправиться немедленно в Главный штаб Александра Великого и находиться при нем во всех его походах, согласно формуляру сего героя, который можно отыскать в историках: Юстине, Ариане, Квинте Курции, Плутархе, Птоломее, Диодоре Сицилийском; в Фирдоуси ибн Ферруке [102], в Магомете бен Емире Коандшахе, в Хамдаллах бен Абубекре, в Яхиэ бен Абдаллахе, в Дахелуи [103], в Абдал Рахмане бен Ахмеде [104] и многих других древних восточных историках и поэтах. По обратном прибытии в Вавилон [105], по смерти Александра, т. е. по прочтении следующего перевода из *Бахаристана* Джиами... Здесь заблаговременно должно заметить, что все нижеследующее можно найти только в первоначальном манускрипте *Бахаристана*; как вещь не совершенно достоверную, в которой сомневался и сам Абдал Рахман бен Ахмед... По прочтении нижеследующего перевода, говорю я, я приму снова личное начальство над всеми путешествующими со мною.

ЭСКАНДЕР[106]

Дитя мое, мысль моя! кто тебя создал? не я ли? но часто ты мне непослушна, и дерзость твою я могу наказать лишь своею печалью!

Пределом сковать можно воздух, и воды, и свет; но тебя ни границы, ни цепи свободы лишить не возмогут, и тяжесть не сдавит!

Тебе так доступны пространство, и место, и время... Как часто желаю я сбросить всю тяжесть земную, чтоб вольно лететь за тобою, от мира до мира, от бездны до неба, от века до века, от смерти безмолвной до сладостной жизни, от слез до восторгов любви бесконечной!

С гранитной душою родился Эскандер; но чей он потомок — преданья не молвят[107].

Они его встретили юношей гордым, готовым и мыслить высоко и чувствовать сильно.

Приемыш Филиппа не видел отца своего в числе смертных; он в людях рабов своих видел;

Но гордое сердце родную любовь знать хотело — и избрал отцом он владельца Олимпа![108]

Седая скала над пучиной склонилась, как старец над гробом. На ней восседает Эскандер.

На запад высокие тянутся горы, как путь, восходящий на небо.

И море шумит: Эритрейские волны[109] рядами несутся и снова всю землю хотят покорить Океану;

Но скалы гранитною грудью набеги валов отражают.

Задумчив, глядит он на даль и на море; как будто впервые он видит и прелесть и мрачность природы...

Но в тех ли очах любопытство, для коих нет дивного в мире, которым давно все знакомо?

— Чего я желаю? — сказал он.— Кого же ищу я на суше и море?

Аммона[110] я видел... В устах чудотворного Нила мой памятник вечный[111]... Мой след не засыпать пескам аравийским... Священные Гангеса волны[112] дружину мою напоили!..

Пределы ли мира мне нужны? Себя ли хочу я поставить повсюду пределом?..

Иран и Индийские царства[113] моею окованы волей; четыре пространные моря в границах победы и власти!

Я гордость сломил возносившихся слишком высоко, эфиром дышать не способных.

Цари предо мной — как пред небом титаны!

Ищу ль я покоя? — покой мне несносен: он тяжесть, гнетущая к недру земному.

Богатства я презрел; блестящие камни и злато — не солнце, не звезды!

Солнце и звезды я сорвал бы с неба, чтоб видеть их тайны и светлое море, откуда лучи истекают!

Я понял и пищу страстей, и жаждущих чувств упоенье;

Я видел, как явное горе завидует скрытой печали,

И презрел я смертных!

В шатре раздаются звуки песни.

Веселые песни невольниц мне вечно, как вопли, несносны!

Кто пел бы приятно и с чувством для чуждых восторгов над гробом своих удовольствий?

Что радость без цели высокой? — мгновенье безумства.

Но радость великих — улыбка природы в минуту восстанья из бездны хаоса!

Любовь... привязанность к праху... чувство, достойное слабых творений!

Можно простить самовластью природы, рабом быть желаний, внушаемых ею;

Но сбывчивость их у людей ли купить за постыдные чувства?

В шатре раздаются слова:

Отец мой, твой голос взывающий внемлю!
Для слуха он страшное слово твердит!
Но скоро слезой окроплю я ту землю,
В которой твой прах неспокойно лежит!

Эскандер

(*после долгого молчания*)

Печальные звуки! они раздирают мне душу! Но Зенда прекрасна! За Зенду мне Бел [114] не простил бы, если б жрецы были в силах и в мрамор холодный внушить свою злобу и зависть!

Их первосвященник погиб под мечом правосудным, и дух возмутителя казни земной был достоин!

Снова к стенам Вавилона! Желание девы исполнить?

Сокровища Индии ей предлагал — отказалась, и просит одно: Вавилона!

Она говорит, в сновиденьях является ей тень отца и зовет на могилу — преступную душу невинной слезой искупить...

Можно не верить, но кто же молился столь пламенно небу, как пламенно дева меня умоляла!..

Когда бы в молитве ее не заметил я страсти, не видел желанья любовь утаить к Александру;

Тогда не пустое желанье, но я врожденное чувство в себе заглушил бы!

И солнце проникнуть не может таинственной дебри Зульмата [115],

Но в мрачном лесу сокрывается светлый источник, которого волны всем жизнь обновляют.

И в Зенде есть светлое сердце — источник блаженства!

(*уходит в шатер.*)

Стан Александра на берегах Тигра. Вдали Вавилон.

(Дева, в белом одеянии и покрывале, выходит из шатра на холм. В отдалении следуют за ней черные девы.)

Дева

Эскандер! земли тебе мало! Взберись же к престолам воздушным и свергни богов, обладающих миром!

Взберись по могиле народов, тобой пораженных, на небо!

В ней кости отца моего! не они ль тебе будут ступенью?

Нет, гордый властитель!

О, если б ты был и добрее и ближе душой своей к Зенде...

О, если б ты не был преступник для девы, тебя полюбившей...

Тогда бы, Эскандер, ты был мне дороже владычества воли над всею Вселенной.

Дороже и цели мечтаний твоих закоснелых, наследник Олимпа!

Теперь... драгоценна мне нить твоей жизни, но так, как для Парки [116] жестокой!..

В объятьях моих ты узнаешь блаженство; но... с этим блаженством сольется конец твой!..

И я не останусь в том мире, где борются страшные чувства и где достиженье их к цели есть гибель!

(*Поет*)

Достаньте мне испить воды из Аб-Хэида [117],
Она мои все силы обновит!
Отцом оставлена в наследство мне обида,
Но клятва душу тяготит!
Эскандер! кто тебе от девы оборона?
Эскандер, полетим скорее в Вавилон!

Там упаду в твои объятья без защиты,
Там чувства мне восторгами волнуй!
И усладит вдвойне мне душу ядовитый
Любви и мщенья поцелуй!

Черные девы становятся в кружок и поют.

Дева! смотри: над челом гор высоких
Звезды Таи и Азада [118] взошли!
Спой посетителям дев одиноких,
Спой им молитву из чуждой земли!

Ветры утихли, и воды уснули.
Лебеди! дайте нам крылья свои!
Как бы мы скоро и дружно вспорхнули,
Как бы мы быстро летели в Таи?

Юноши! где же вы? В храм Хаабаха [119]
В жертву снесите отсюда тельца!
Юноши! хладно в вас сердце от страха,
Легче похитить вам дочь у отца!

(*Все уходят.*)

Загородные чертоги Вавилона близ храма Сераписа [120].

Эскандер в исступлении чувств; Зенда стоит подле него; на очах девы слезы.

Эскандер

Еще обойми меня, Зенда! Еще я горю! На сердце растают гранитные льдины Кавказа, дыханье растопит железо и камни!

Мучительны, Зенда!... нет! сладки томленья любви!

Юпитер, отец мой, завидуй! В объятиях Леды, божественный лебедь [121], завидуй!..

О Зенда! в груди твоей солнце! желаний огонь... в объятьях твоих... я пламенем залил!

И облит я им, как дворец Истакара [122]: трудом и веками его созидали, а сильный в мгновенье разрушил!

Волнуется кровь!.. Так Понт [123] бушевал... и взбрасывал волны, чтоб сдвинуть Лектонию [124] в бездну... и сдвинул!

Мне душно под небом!.. и небо стесняет дыханье; его бы я сбросил с себя, чтобы вольно вздохнуть в беспредельном пространстве!..

Зенда бросается в его объятия, но, мгновенно вырвавшись, скрывается за столбами чертогов.

Пусти меня, Зенда! Дай меч мой! Я цепи разрушу, которыми ты приковала к земле Александра!

Дай меч мой!.. но где же ты, дева? Иль призрак ты, пламень Юпитера, с неба на казнь мне упавший?

Отец, ты трепещешь, чтоб я не похитил и волю твою и державу над миром!

Своими громами меня поразил ты!.. и молньи твои вкруг меня обвилися, как змеи!..

Ты сбросил меня... в страшный Тартар!

Юпитер!.. и ты знаешь зависть... к счастливцу!..

Бессмертный!.. но вечность не благо!..

(*Умирает.*)

LXXXVI

Скажите мне, где были вы?
Куда носила вас Фаланга [125]?
Облили ль вы свои главы
Священными водами Ганга?

Он все забвенью предает,
Грехи и грешные сюрпризы:
Недаром жаждала сих вод
Душа невинной Элоизы[126]!

LXXXVII

Не ожидаю вашего ответа, сподвижники мои! мне он понятен. Едемте! но что это значит? Вас и третьей части нет! О любопытство! разошлись по вавилонским улицам! иду вслед за вами! Что вы? Куда вы?.. Вавилонский столп... Вавилонская башня... Следы воздушные...

Э-э, добрые мои! опоздали! еще бы вы родились после второго пришествия! Не все оставляет след по себе. Где вы ищете ее? Она должна быть за городом, судя по эстампу, на котором представлено столпотворение; а по словам ученого путешественника Тавернье[127], эту башню должно искать в провинции Багдадской, в равном расстоянии от Тигра и Евфрата.

Гора *Акеркуф*, или *Каркуф*, как называет ее г. Тексеир[128], есть едва заметный остаток ее. Какая новость!..

Признаюсь вам откровенно, что и для вас, и для меня одинаково досадно переноситься из провинции Багдадской в Буджак.

На месте происшествий *Тысяча одной ночи*[129] мы бы могли зайти во дворец калифа Алмазора[130], но мы со временем опять будем там.

LXXXVIII

Где природа не улыбается мне, там и я смотрю на нее равнодушно. Только гений в состоянии и в самой пустоте отыскать что-нибудь.

О степях Аккерманских Мицкевич все сказал[131], что можно было сказать; я не прибавлю ни слова и, подобно гонимому восточным ветром *перекатиполе*, переношусь от Аккермана и виноградных его садов в какую-нибудь из немецких колоний Буджака. Там спрашиваю себе кофе и одновременно ставлю знак удивительный перед гостеприимной и радушной немкой, которая со словом glaig * черпает уполовником из артельного котла, вмазанного в печку, вечно переваривающийся и кипящий, подобно солдатской кашице, кофе! Но я с таким же вкусом выпиваю его, как походный рыцарь старый рейнвейн из бочки иоаннисбергской.

LXXXIX

Из немецкой колонии еду я чрез Кагульское поле, где Румянцев[132] разгромил турок, еду в Измаил. Здесь Суворов[133] в продолжение 11 часов то наделал, что египетскому царю Псаметтиху[134] с 400 000 войском едва удалось сделать в 254 040 часов пред ассирийскою крепостью Азотом в Палестине.

1790 год после Р. Х. и 670 до Р. Х.; но что такое время перед гением?

* сейчас (*немец.*).

XC

Здорово, Манечка мой свет!
Здорово, миленький мой идол!
Ты замужем? — в двенадцать лет
Тебя бы замуж я не выдал!
Но ты счастлива, ты уж мать!
Как чувства радостно и звонко
Торопятся напоминать,
Как я любил поцеловать
Тебя, прелестного ребенка!

XCI

Наговорившись вдоволь о Буджаке и о всех достопримечательностях бывшей Бессарабской Татарии, я выкрадываюсь незаметно из толпы своих читателей, которые с любопытством прогуливаются еще на лодках по Вилковским каналам, воображая, что они в Амстердаме [135], рассматривают укрепления Килии и Измаила [136], посещают порт Измаильский, покупают и кушают апельсины, *рахат-лукум*, финики, сливы и дульчец **, пьют греческие вина и *шербет*, курят табак... я выкрадываюсь из толпы их незаметно и, задумавшись, как Гваринос [137], еду *трух-трух, а инде рысью*, по р. Пруту, по границе бывшей Турецкой империи. Перестановка слов ничего не значит; впрочем, Кромвель [138] и запятой воспользовался...

Итак, я еду и думаю:

Лишь только б не было задержки за маршрутом;
А как его дадут,
То мы махнем и через Прут,
Лошадку подгоняя прутом.

XCII

Вдруг стало мне скучно ехать одному.

Бог наказал меня за что-то?
Такая скука и зевота,
Такая грусть, что мочи нет!
Что не родился бы на свет!

Скука есть болезнь, сказал де Леви [139]; занятие есть лекарство от оной, а удовольствие — временное облегчение.

Скука родилась от единообразия, говорит или пишет Ламотт [140], а Лабрюйер [141] проповедует, что леность ввела ее в свет. И правда:

** сладкое блюдо из варенья (*молд.*).

Я скуки никогда не знал,
Когда интрижками был занят,
Так для чего ж я клятву дал,
Что женщины уж не заманят
И райской сладостью меня?..

«Нет, — вскрикнул рыцарь Кунигунды [142],—
Нет! без небесного огня
Не проживу я ни секунды!»

«Самое лучшее жениться!» — сказал другой рыцарь.

Я по обычью принятому
Завелся б замком и женой,
Да вот беда, как домовой
Вдруг выжить вздумает из дому!

«Что ж делать!» — продолжал он...

Что же делать, долг свой отдадим!
Увы! мы все друг друга тешим:
Я сам не раз был домовым,
Нечистой силою и лешим!

XCIII

Что за радость ехать одному и по большой дороге, и по проселочной тропинке жизни? На первой встречаешь нищих духом, а на другой нищих обыкновенных, как, например, вот этот, который молит меня о милостыне. Счастье! а что такое счастье? Глупый, нерасчетливый богач, который на бедность смотрит с презрением, сыплет деньги без пользы и без счету и, верно, подобно мне, не вынет серебряной монеты... и не скажет: прими, бедный странник!

XCIV

Таким образом отправлялся я понемножку вперед да вперед. Вдруг вечноунылая скука, томная грусть и задумчивая тоска напали на чувства мои! Все во мне изнемогало, силы истощились, проклятые Хариты [143] сдавили душу мою! Но могущественный сон наложил на меня спасительный эгид [144] свой, и вот мой армасар, как животное, управляемое, кроме узды, инстинктом, сворачивает с дороги, проходит с презрением стог сена, приближается к табуну, внимательно рассматривает кобылиц, гордо подходит к одной из них, приветствует ее зубами и задними копытами и — злодей! — прерывает сладкое мое усыпление. «Ты заблудился, мой милый!» — сказал я, поворотил его на дорогу, пришпорил и — заснул опять...

День XIV

XCV

Я не помню, конь ли мой привез меня в Тульчин в продолжение сна или сон носил меня по Бессарабии, только известно мне, что человек разбудил меня на той же квартире, из которой я несколько дней тому назад отправился путешествовать под покровительством Адеоны[145] по настоящему и прошедшему, по видимому и незримому, по близкому и отдаленному, по миру физическому и миру нравственному, по чувствам и чувственности и, наконец, по всему, что можно объехать сухим путем, морем и воображением, исключая только то, что и конем не объедешь.

XCVI

Встретив день обыкновенным приемом кофию, я взглянул на полку. Долго взор мой, как взор султана, блуждал по гарему книг. Здесь нет ни одной, думал я, которая бы не была в моих руках. В этой много огня, но нет души; ты стара и потому стала глупа; ты слишком нежна и чувствительна; ты мечтательна, как немецкая философия; ты суха, ты слишком плодовита; ты... поди сюда... ты, изношенная, любимая моя султанша, Всемирная История! роди мне сына!

XCVII

Я уже прилег с султаншей своей на диван, как вдруг входит ко мне гость.

— Что поделываете?

— Да так, ничего.

— Что почитываете?

— Да так, ничего.

Вскоре гость мой ушел; почти вслед за ним и я отправился из дому.

XCVIII

Природа Подолии роскошна, воздух чист, свеж, здоров, долины заселены, фруктовые сады пышны, луга душисты, ряды тополей величественны, природа цветет, а вы, добрые хохлы и хохлачки! шесть дней трудитесь в поте лица на владетелей, день седьмой господу богу, а потом в корчму. Туда, как в Керам...[146] мудрецы мои! сбираетесь вы судить и рядить, пить и плясать. Красные девушки... нет!.. нет красной девушки между вами! а все в цветах — бедные цветы!

XCIX

Местоположение Тульчина прекрасно. Палац с золотым девизом: *Да будет вечно обителью свободных и добродетельных.* Пространный костел

наполнен ксендзами, ругателями слушателей своих. Ряды заездных домов, где всякий проезжий засыпан жидами и завален товарами. Вот Тульчин. Но я забыл пространный сад, который называется *Хороший*.

Он был хорош, как сень богов,
Когда с Босфорских берегов
В него богиня поселилась.
Он лучше стал, когда у ней
Чета прелестных дочерей
На диво всем очам родилась!
День ото дня он хорошел,
Когда сердца двух дев созрели,
Дитя крылатый прилетел,
И девы песнь любви запели!

Теперь опустел *Хороший*. Кто ищет уединения — там оно. Давно ли?..

Но время не для всех равно:
Я примечал и вижу явно,
Что для счастливых все давно,
А для несчастных все недавно.

C

Долго ходил я вокруг прудов, смотрел на плавающих лебедей и думал:

Бывало, равнодушный, смелый,
Не знал тоски и грусти я,
И в море дней, как лебедь белый,
Неслась спокойно жизнь моя!

CI

Подходя к дому, вправо от дорожки, ведущей к нему в гору, стоит железная клетка величиной с беседку; в ней жила сивоворонка [147]; с любопытством взглянув на затворницу, я торопился перескочить мостик и быстро пустился по дорожке.

Где некогда наедине
Я был... гулял я... что за полька!
Она в глаза смотрела мне,
Я ей в глаза смотрел... и только!

CII

Как будто уставший от всех прогулок, которые мне в жизни случалось делать, сел я на скамейку и вспомнил прошедшее.

Почти от самой той минуты, в которую я произнес на санскритском языке громкую речь о вступлении моем в свет, от самой той минуты лет

до 5-ти меня лелеяли и баюкали, лет до 10-ти нежили и баловали, лет до 15 учили и наказывали, в 16 на службе царской гремел я саблей и тешился серебряным темляком[148], в 17 нижние чины становились предо мною во фронт и без *вашего благородия* не смели произнести слова, сестрицы, братцы и учебные товарищи дивились и шитому воротнику и эксельбанту, учителя смотрели на меня с восторгом, как Алкмен[149] на свою статую, а красные девушки... я не скажу, как смотрели на меня — в 18, в 19, в 20 и далее, и далее, и далее, до настоящей минуты — много сбылось чудесного. Жизнь этих лет составила бы тома три с портретами и виньетками. Но если бы можно было пережить все это время... какое бы вышло прекрасное издание: revue, corrigée, augmentée et illustrée *...

CIII

Как тяжко, грустно мне! но пусть
Томит меня души усталость!
То о прошедшем счастье грусть,
То к сердцу собственному жалость:
Дитя больное, няню ждет,
Об колыбель устало стукать,
А няня милая нейдет
Его лелеять и баюкать!

Ах няня, няня, ласковая няня сердца! что бы было с ним без тебя? ты божество его!.. В нем твой храм и жертвенники твои!.. Добрая, милая кормилица! не отходи от него!

CIV

Я в тяжких думах утонул,
Далеко все, что сердцу мило!
Сатурн[150], мне кажется, заснул,
А время крылья опустило.
Но я и сам хочу заснуть,
Еще везде я быть успею;
Теперь, как ворон Прометею,
Тоска мою терзает грудь!
Заснул. Но вот что очень странно.
Мне вдруг приснилось, будто я,
Как злой прелюбодей судья,
Ищу, где моется Сусанна[151].

Подобный сон действительно был бы странен. Что за мысль? откуда такая идея? Но он был следствием очень обыкновенной случайности. Я сидел и заснул близ купальни; верно шум от плескания воды и звуки нежного голоса навели его на мое воображение.

---

* просмотренное, выверенное, дополненное и иллюстрированное (*франц.*).

CV

Скоро очнулся я, вскочил и скорыми шагами пустился домой. Дома я заметил развернутую карту Бессарабии и вспомнил, что меня ожидают на Пруте. Быстро перелетел я туда, как звук слова от говорящего к внимающему, и потом медленно, как будто шагом, ехал я рекой, своротил направо, долиной к с. Лапушне, и потом чрез Чючюлени прибыл в с. Лозово. Оно все в садах между крутыми горами, покрытыми густым лесом. Я не знаю отчего, но после долгого пути приезжаешь в подобные места с таким же удовольствием, как домой. Остановясь подле одной *касы* **, я вошел в нее. Как опрятно! Стены белы, как снег; против дверей на развешанных по стене обоях иконы, убранные цветами; полки и перекладины унизаны большими яблоками и чем-то вроде маленьких тыкв, похожих на звезды. Под образами, во всю стену, широкий, мягкий диван; перед ним чистенький столик; подле стен, на диване, сундуки с приданым дочерей хозяйских и разноцветные ковры их работы.

CVI

Покуда готовили мне обед и жарили куропатку и вальдшнепа, которых я убил дорогой, я рассматривал живопись и значение икон. Вдруг заткнутая за обои бумага обратила на себя мое внимание. Писано по-русски; однообразное окончание рифм как будто осветилось. — Ба, стихи! — вскричал я, и давай читать:

CVII

В Молдавии, в одной деревне,
Я заболел. Правдивый бог
Наслал недуг, я изнемог
И высох, как покойник древний.
Денщик мой знал, что я как тень,
А без меня смирна нагайка,
И потому и ночь, и день
Не просыпался. Лишь хозяйка,
Все целомудрие храня,
Ходила около меня.
И часто слушал я от скуки
Нескромные слова Марюки,
Интрижки давние ее
Вниманье тешили мое.

«У нас здесь полк стоял пехотный
(Она всегда твердила мне),
Меня любил фельдфебель ротный,
И выписал он на стене

** дом (*молд.*).

Меня на джоке... погляди-ка!
Он говорил: «Вот это я.
Вот *Марвелица-мититика* [3*],
Любезная душа моя!»
Уж кажется прошло два года:
Парентий [4*] нас благословил;
И вот до самого похода
Со мной Илья Евсеич жил.
Его ль не буду вспоминать я?
Он сшил мне ситцевых два платья!
Я много слез по нем лила,
И с горя я бы умерла,
Но думала: не будет к нам уж!
И с полгода как вышла замуж.
Мне молдаванская земля
Скучна: хоть здешняя я родом,
Но вылита я в *москаля*
Поручика, который с взводом
В деревне нашей с год стоял
И матушке моей сто *левов* [152]
Да перстень с светлым камнем дал...
. . . .

CVIII

Здесь чтение поэмы прервала вошедшая женщина.

— Марьелица!

— Что? — вдруг отозвалась она.

— Илья Евсеич кланяется тебе!

Закраснелась, скрылась Марьелица, и след простыл.

После обеда я продолжал читать найденную поэму... Вероятно, вы также хотите знать продолжение и конец ее, но могу ли я печатать чужое произведение? Согласитесь сами.

Ввечеру Марьелица показалась опять. Долго она искала что-то по всей комнате; кажется, желание знать о здоровье Ильи Евсеича беспокоило ее, но я притворился спящим, а вскоре и вправду заснул.

[3*] маленькая, малышка (*молд.*).
[4*] Священник (*молд.*).

День XV

CIX

Лет в 50 я гораздо подробнее буду рассказывать или описывать походы свои. После *курьерских*, поездив на *долгих*[153], я посвящу себя жизни постоянной, подражая природе, в которой постоянно все, кроме природы и людей, исключая из числа последних всех милых женщин, известных мне и читателям.

CX

Это последняя талия, которую я мечу для первого тома моего путешествия; она решит, кто останется в проигрыше — я или читатель.

Проигрыш более всего заводит в игру; например, если у автора книги сорвут несколько тысяч экземпляров, то он рад заложить новый банк, а решительный книгопродавец поставит *ва-банк*.

CXI

Но я заговорился. Уже несколько дней, как манифест, объявляющий войну султану, обнародован. Из Лозова взор мой опять переносится в Тульчин. Между тем вьюки готовятся к походу, почтовая повозка у крыльца. Прощайте, милые мои! молитесь за меня! когда, когда опять увидимся мы? Прощайте! Но еще должно выслушать молебен. Кончен! крест поцелован, святая вода окропила, прощайте!

Таким образом простился я с Тульчином 20 апреля 1828 года; 22 был уже в Кишиневе, а 25 переправился с войсками чрез р. Прут при местечке Фальчи.

В походных записках офицера м. Фальчи произведено в крепость 3 разряда.

По мне пусть будет Фальча крепость
Без стен, без бруствера, без рвов:
В подобном смысле я готов
За правду принимать нелепость.

CXII

Здесь конец первой части путешествия! — вскричал я и ударил кулаком по столу. Все, что было на нем, полетело на пол, чернилица привскочила, чернилы брызнули, и черная капля потопила Яссы[154].

CXIII

Если б человеку при создании вселенной дан был произвол избрать в ней жилище себе, до сих пор носился бы он в нерешительности, как эфир между мирами. Так и я теперь не знаю, на чем остановиться...

CXIV

Дай крылья, сын Цитереиды[155],
Дай крылья мне, я полечу!
На райских берегах Тавриды
Я встретить светлый день хочу.
Усталый путник, там я сброшу
Печалей тягостную ношу!

Там легко, вóльно будет мне:
Там к Чатырдагской вышине[156]
Я прикую безмолвно взоры;
Я быстрой серной кипусь в горы,
И с гор, как водная струя,
Скачусь в объятья другу я!

Кто этот друг? — спросите вы меня. Вздохните глубоко о том, что вы некогда любили больше всего в мире; взгляните на то, что для вас дороже всего в мире теперь; слейте эти два чувства; если от слияния их родится существо, то оно подобно будет моему другу.

CXV

Как все пристало, мило ей!
Когда шалит, ей шалость кстати;
В пылу младенческих затей
Она крылатее дитяти,
Который с помощию стрел
Совсем Вселенной завладел!

В ней все влечет к себе и манит;
Умен и пылок разговор;
Когда ж она потупит взор,
Стыдливость щечки разрумянит,
И вдруг задумчива, скучна,
Головку склонит, ручки сложит,
Тогда мне душу мысль тревожит,
Что замужем уже она.

В ней сердце сладкой воли просит,
Его неопытность томит;
Как терпеливо переносит
Она болезнь души! Сидит,
Молчит, как хворая старушка,
Очаровательно-слаба.
Зачем, коварная судьба!
Не грудь моя ее подушка?

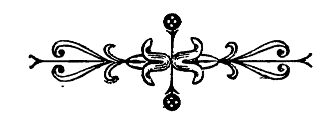
Как билось сердце бы мое
Под этой ангельской головкой!
С какою нежною уловкой
Оно качало бы ее!

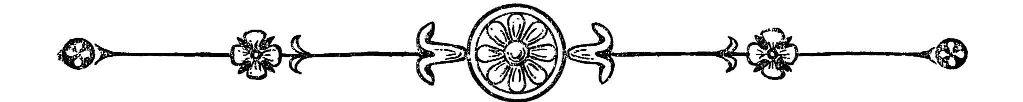
CXVI

Как Цинциннат[157], совершив в 15 дней великий подвиг, я смиренно удаляюсь от письменного столика к дивану и предаюсь сладостному отдохновению.

Перед походом в Азию Александр раздал все, что имел. «Что же оставляешь ты для себя?» — спрашивали его. «Надежду»,— отвечал он. 35-ть тысяч храбрых македонцев готовы уже были поддержать надежду его.

Конец первой части

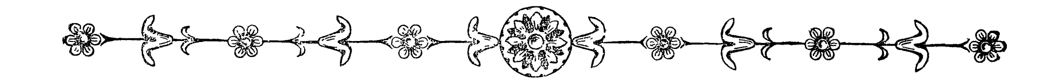
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Lorsque *quelque* est placé devant le substantif *chose* ces deux mots s'emplaient souvent comme un seul... par exemple: avez vous lu ce livre? — Non, j'en ailu quelque chose qui m'a paru bon (*Gram. franç. de L'Homond, revue, carrigée et augmentée par Letellier, douzième édition, page 128*) *.

ОГЛАВЛЕНИЕ

---

* Когда *какая-то* помещено перед существительным *вещь*, эти два слова часто употребляются как одно... например: вы читали эту книгу? Нет, я читал какую-то, показавшуюся хорошей. (*Франц. грам. Л'Омонда* [1], *просмотренная, выверенная, и дополненная Летелье, двенадцатое издание, страница 128*) (*франц.*).

День XVI

CXVII

По слабости, свойственной всему человеческому роду, отложив попечение о всех старых началах, я приступаю здесь к началу новому. Могу ли я равнодушно смотреть на новорожденную мысль свою? — нет. Искусно, нежно принимаю я ее из недр головы своей, как младенца, даю ей имя, благословляю ее, опускаю в купель... Увя! увя! какой восторг для чувствительного отца!

В святую веру окрестя,
Ее я нянчу и целую,
Ее лелею, образую;
Живи, расти, мое дитя,
Мой милый, добрый мой ребенок!
Не знай свивальников, пеленок,
И слез не знай! кто слезы льет,
Тот на других печаль накличет;
Мамуня песенку споет,
А котя Васька прокурнычит;
Засмейся, душенька!.. гу-гу!..

CXVIII

Теперь спокойно я пускаюсь в путь. ..

В крылатом, легком экипаже,
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад? на восток? на юг?
Туда, где были, иль где будем?
В обитель чудных, райских мест?
В мир просвещенный к диким людям,
Иль к жителям далеких звезд?
Мне все равно, лишь было б радо
Мое возлюбленное стадо
Из мира в мир за мной летать;
Ему чтоб только не устать.

CXIX

Уложим же воображение и мысли в котомку и — с богом! Паспорты, подорожные не нужны нам, мы люди свободные. Лошадей почтовых также не надо, есть свои, и какие! куда на них не уедешь? только держись! вечно несут, и вечно в гору. Там — храм славы. «Слава не может быть основана на одной истине!» — сказал Квинт Курций в один пасмурный день.

Ум, мужество, воображение и вообще все умственные богатства хороши только тогда, когда они в действии. Без движения все — мертвый капитал, и потому

Порхай, лети, мой милый конь,
Тебе не нужны хлыст и шпоры;
Неси чрез воды, чрез огонь,
Чрез дебри, пропасти и горы.
Взвивайся, мчись, не уставай;
Чем дальше, тем живей, свободней!
Ты можешь залететь и в рай,
Ты можешь быть и в преисподней;
Там темно...

CXX

Подайте свечей! Впрочем, путь наш везде ясен. Его освещает не то обыкновенное солнце, к которому мы пригляделись и которое иногда с охотою променяли бы на луну майскую; не то солнце, которое упало вместе с небом на землю и разбилось вдребезги; не то, которое погибло во всемирном пожаре; не то, которое снесено с места ветром; не то, которое взошло на небо после смерти четырех первых и которое освещает новые предрассудки и пятый возраст мира [2]; но — надежда, солнце душевное!.. надежда!.. Боже, какое богатство лучей!.. сколько затмений!.. блистательное, обманчивое светило!.. светит, светит, и все ничего не видно... Темно!.. подайте свечу!

CXXI

Вот... лицо Земли перед нами... счастливой дороги!.. заяц навстречу не попадется, ось не переломится, колесо не разлетится вдребезги, и мы себе шеи не сломим... Эй! Чубукчи-паша! трубку! Итак... мы уже на диване. Взоры наши отправляются вдоль по широкой карте. Вот я вожу по ней указательным пальцем. Он могуществен, как перст времени. Хотите ли, подобно ему, я сотру с лица Земли грады, горы, границы царств!.. хотите ли, зажгу Ледовитый океан, обращу Белое море в Черное? Но вы и без доказательств верите могуществу моему и могуществу времени, хотя в разных случаях. Создавать — слава; разрушать — грех; впрочем, разрушение дает место созданию. Все стоит на развалинах.

CXXII

Где же тот чудный, обещанный обед? — спросит меня любопытный, как жалкое существо, желающее быть всеведающим. Завтра удовлетворю я твое любопытство, голод и жажду; теперь вечер, утро вечера мудренее. Представь себе! однажды ввечеру, растроганный до глубины сердца, «послушайте», сказал я одному земному существу, схватив его за руку и вскочив с места, «послушайте!» повторил я и потом произнес медленно: пора почивать! и опять опустился на диван. Почему, думаете вы, это так случилось? потому что огненные слова осветили рассудок и опровергли необдуманный восторг. Проснувшись на другой день, я подумал и сказал решительно: вечер глуп!

CXXIII

Что же далее? Далее то, что я до сей CXXIII главы сохранил свободу сердца и переменил посвящение *Странника. Вам!* какое тысячемыслие! какой лаконизм! Так индейский владыко Изуара[3] сказал своей супруге: «*Гум*!» — «*Ом*»[4], — отвечала она, и Изуара создал мир в том самом виде, как он кажется индейцам; ибо мы смотрим на него совсем с другой точки.

Слово *Гум*! заключает в себе всю полноту прожекта, или предположения о создании, и вопрос о согласии. Слово *Ом*! заключает похвалу, поправки, дополнения (особенно в существовании женского пола) и, наконец, согласие, подтверждение и т. п.

Так изъясняют значение сих слов толкователи санскритских индейских слов: премудрый патер Паолино ди Санто Бартоломео[5] и Ланглес[6], восставая на филологов Виллиама Джонса[7], Вилькинса[8] и проч., которые говорят, что таинственное слово *Ом*! есть изображение божества и составлено из трех деванагарийских букв[9]: А И У, кои сливаясь, производят О или с прибавлением М — *Ом*! т. е. творителя, хранителя, рушителя.

Это понятно. Санскритский язык есть то ничего, из которого созданы все прочие земные языки; или то море, из которого истекают реки глагола.

CXXIV

«Пусть расслабленные, утопленники неги и роскоши назовут путешествие глупостию; пусть удивляет их смелость тех, которые, бросая пуховое ложе, преодолевают все тягости, все затруднения долгого пути. Горный воздух исполнен благовония и сладостной животворности, которых никогда не испытывала пресыщенная леность!»

Так, или подобно сему, говорил мой милый, вечно задумчивый... нет!.. вечно дымящийся, пылающий, извергающий на все предметы черную лаву вулкан Байрон-Бейрон-Бирон[10].

Со вздохом глубоким отправляюсь я вдоль по пространной карте вечно спорных участков земного шара искать этого горного воздуха и прекрасной природы. Природа только там хороша, где освящает ее довольствие человека, где он и сам равен красоте роскошной природы.

О, это истинная правда! скажет тот, кто не участвует в откупе природы и которого владения ограничены поверхностью его одежды.

CXXV

Смирно!.. в колонны стройсь!.. марш, марш!.. раздавалось на юге России. Быстро, как время, войска приближались к границе.

Вот и перед моими глазами: пространная долина, зеленые камыши, болота, озера, река Прут. Мест. Фальчи па возвышенности противоположного берега. По извилистой дороге тянутся полки, обозы... Понтонный мост! до свидания, Россия!

И слезы вдруг, как у ребенка,
Ключом горячим потекли;
Прощай, родимая сторонка,
И все, что мило на земли!
Прощайте, красные девицы!
Иду!.. последний переход!
Вот... Царства русского границы;
Но их — душа не перейдет!..
Не болен я, а сердцу худо!
Пусть я военный человек,
Но во владениях Махмуда [11]
Бессонен будет мой ночлег!

Здесь ангельская чувствительность ее (но кто опа?), может быть, заставит невольно вскрикнуть:

Ах, боже мой! какая жалость!
Убьет себя бессоньем он!
— Не бойтесь, душенька! усталость
Прогонит грусть, нагонит сон.

День XVII

CXXVI

Эзопка! [12] утонул во сне!
Сгони с постели Пенелопу [13],
Да шар земной подвинь ко мне,
И разложи на стол Европу!
Прекрасно!.. ну, в шкапу сыщи
Ту книгу, много что картинок.
Умен!.. Теперь ступай на рынок

И изготовь к обеду щи,
Кусок жаркова, крем да вафли...
Ступай!
— Для рифмы: к вам не граф ли
Обедать будет?
— Может быть.

CXXVII

Я не воображаю, а потому и вы также не воображайте, добрые мои посетители, чтоб мой эзопка был в состоянии изготовить пышный обеденный стол на несколько тысяч персон. Нет, он так еще невинен в познании поваренного искусства, что часто суп мой вкусен, как вода Асфальтского моря[14], а кусок жаркова уподобляется эбеновому дереву, из которого можно выточить все, что вам угодно. Но зато, о господа гастрономы! как жарит он дичь!.. Если бы все гаршнепы, шнепы, дупельшнепы, вальдшнепы, кроншнепы, куропатки, перепела, стрепета и дрофы, по которым, благодаря искусству Кюленца и собственному, я не сделал промаха, если б эта дичь могла чувствовать, с какою попечительностью и с какою нежностию эзопка обходился с нею, как подрумянивал ее на вертеле, на сковороде и в кастрюльке и потом подавал на стол, если б дичь эта могла чувствовать, как она услаждала вкус мой и как вкус мой ласкал, лобызал каждый сустав ее, то она встрепенулась бы от душевного удовольствия и испустила радостный крик, ибо что может быть сладостнее той минуты, когда доставляешь наслаждение другим, жертвуя какой-нибудь земной собственностию.

— Эзопка! ты гений! — сказал я ему однажды; ошибся ли я? — «Нет», — отвечал он сквозь зубы и провел кулак под носом.

Каким же образом эзопка, подобный существу, одаренному одним лишь осязанием, может быть так гениален в жарении дичи? Если не душевные способности жарят дичь, то и инстинкт животный не определит меру и время, необходимые для совершенного приготовления дичи.

Может быть, для этого нужно иметь отличное чувство вкуса? Но мой эзопка, зажмуря глаза, не отличит соли от перца.

Может быть, нужно совершенное зрение, которое проникало бы во внутренность лежащей на сковороде или в кастрюльке птицы? Но мой эзопка не для кота Васьки жарил ту дичь, которую кот Васька съел в его глазах.

Может быть, нужен слух, который бы понимал язык существ неодушевленных, издающих только скрып и треск? Но мой эзопка глух, как все, что не имеет пустоты.

Может быть, нужно тонкое обоняние, которое бы распознавало пары, исходящие от недожаренного, изжаренного и пережаренного? Но эзопка не отличит благовония от всякого другого запаха.

Что же такое гений?

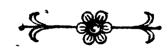
Каждый человек создан обыкновенным человеком для всех и гением для некоторых. Каждый человек полон видимого или скрытного совер-

шенства к действию, ему предназначенному. Какая снисходительность!.. далее!..

Гений ума не скажет никому: ты глуп! но скажет: ты этого не знаешь, не понимаешь, это не касается ни до чувств твоих, ни до понятий: ступай дальше, здесь не твоя сфера, не твое место, не тот воздух, которым ты можешь дышать, не тот язык, который для тебя понятен; здесь нет ни друзей твоих, ни сотрудников, ни соревнователей; ступай, эзопка! ступай дальше! ты гений там, где от гения требуют только совершенного умения жарить дичь.

CXXVIII

Боготворите дар Вертумна[15];
Но не забудьте лишь одно:
Чтó кажется теперь умно,
То будет завтра же безумно.

День XVIII

CXXIX

Милые читатели и спутники мои! приветствую счастливое вступление ваше в храмину сына странствующего!

Милые читательницы и спутницы! прелестные, как непорочная дева, обитавшая, до основания Манжурского царства[16], при подошве Голмин-шан-ин-Алина[17]... присутствие ваше, как источник Силоальмский[18], укрепляет силы и, как уверенность, оживляет душу.

Мир и наслаждение вступающим в обитель мою... Вы здесь как дома... Все невообразимые богатства и красоты природы к услугам вашим... Храмина воображения пространна. Вы устали? садитесь в спокойный, роскошный трон, на котором восседал Ксеркс[19] и смотрел на бесчисленный флот Персии. Хотите прохлады? вот фонтан, подобный тромбу[20] Атлантического океана, касающемуся до небес. Хотите уединения? вот мир до создания первого человека. Хотите убежища от насчастия? вот небо.

Все здесь есть, все, кроме начала и конца.

CXXX

Блаженные современники младенчества земного шара! Вы, обитавшие на островах очарованных, в садах солнцевых, близ сводов небесных, при истоках света!.. Вы, плоды грехопадения, дети любви, первые семейства народов!.. Смотрите, вот семена, сохраненные от потопа и рассеянные по земле, вот потомство ваше! Возрадуетесь ли вы, смотря на роскошный пир наш? Вы питались сочными плодами, а мы... мы питаемся воображением.

CXXXI

Но час обеда приближается. На этом поле расположимся мы. Помогите же мне перенести на него всю красоту природы.

Для окрестностей мы выберем лучшие места из всех известных и неизвестных географии гор. Отдаление должно быть величественно. В синеве Шимборазо[21], как монумент в честь создания мира. За нею, подобно светлой короне с 7 золотыми маковками, гора Сюммер — средоточие Вселенной. Подле нее Каркуф[22], увенчанный Вавплонской башнею. Посредине хребтов водопад Ниагарский. Равнина, простирающаяся от нас до отдаления, должна быть усеяна холмами Цитереиды[23], пальмы солимскими, кедрами ливанскими, тополями Эрихона[24], финиками мекскими, апельсинами мальтийскими, каштанами индейскими, гранатами алжирскими, фисташками алепскими, виноградником коринфским.

Природная беседка, образованная райской смоковницей и тамариском[25] с берегов Нила, защищает нас от солнца. Акации и розы сирийские ласкают обоняние. Вот анская восковая пальма в 200 футов вышиною. Вот баобаб с берегов Зеленого мыса, 15 сажен в окружности. Вот бальзамический тополь Северной Америки, далекармийский дуб, таврийский лавр и вечнозеленый белот.

CXXXII

Разнообразие природы, вкусов, климата должно быть под руками. Что может быть разнообразнее климата саннинского? «Глава Саннина[26], — говорят поэты арабские, — облечена зимою, весна украшает плечи его, осень на груди, лето покоится под стопами!»

Для того, кто привык к роскоши и неге восточной, к лени азиатской, здесь тянется долина Сирии. Вот высокий холм; на окрестностях видна улыбка природы. На него переношу я из Дели пышные, светлые чертоги Кулихана[27]. Они великолепны, как светило дня; стены покрыты золотой чешуею; потолок украшен светозарными камнями; невольно остановится на нем взор, как в темную полночь на осыпанном созвездиями небе. С одной стороны двенадцать тучных золотых столбов поддерживают своды над пространным широким диваном. Балдахин навис, как на западе румяные облака над солнцем. Мраморный пол скользок, как путь к величию. Посредине чертогов высокий фонтан падает в яшмовый бассейн и утоляет своею прохладой усталость и жажду. Сквозь прозрачные искры рассыпающейся воды видно изображение божественной Аллаталлах *. Это розовый мрамор; но, кажется, в волнах хочет она потушить огонь сладострастных желаний. Но что арабская Аллаталлах, персидская Аная, греческая Венера и славянская Лада перед той прелестной моею читательницей, которую любовь погрузила в размышление, а усталость склонила на диван, мягкий, как волны Евфрата, когда протекал он чрез земной рай. Нескром-

* Арабская Венера (*прим. автора*).

ный взор мой навеки остановился на ней... Она заметила, вспыхнула, опустила очи — все алмазы во дворце Кулихана потухли. Ах, без этих очей нет света во всей природе!.. так, здесь и не далее...

CXXXIII

Я высказал бы все приметы,
Я описал бы образ твой,
Чтобы найти,.. создать,.. с тобой,
С тобою быть!.. но кто ты, где ты?
В кругу ли ты живешь людей,
Земной ли шар твоя обитель?
Или из области теней,
Незримый сердца искуситель,
Какой-то глыбою огня
Ты прилетаешь жечь меня!

Последуй чудному примеру,
И девою в шестнадцать лет
Сойди, явись на белый свет,
Прими крещение и веру!

О, над купелию венцом
Сплелись бы ангелы и пели:
А я бы крестным был отцом
И принял деву из купели.

CXXXIV

Но для того, кто, как простой сын и друг природы, любит смотреть на красоты ее, туркестанский ковер, испещренный разноцветными гиероглифами подобно египетскому дендерахскому зодиаку[28], постлан на землю. Садитесь, гости мои! Покуда буду я хлопотать, чтоб уставить на место природу и климат, прошу вас закусить. Не венерин элей** и не нектар олимпийский предлагаю вам, но фиал, наполненный дыханием той, которую вы боготворите; этот напиток возрождает голод и жажду. Не маринованное небо, не амуреты и не сердце с трюфелями и анчоусами, но сладкий поцелуй свидания.

CXXXV

Хаос наполнял беспредельность; стихии не знали еще ни вражды, ни союза.

Казалось, что все было полно, и не было места упасть и атому без трех протяжений;

** елей.

Но место являлось повсюду для воли и дум.

Хаос не раздвинув, они проницали его, находили везде для себя беспреградность, свободу.

Они истекали одна из другой и впадали друг в друга.

Они проносились повсюду, на все отражая прекрасную, светлую мысль о создании.

Окончен их путь. И стало без грохоту все разделяться на части; и строилась каждая часть по величию, образу мысли, ее наполнявшей.

И стали те части мирами.

Порыв разделения разрознил их связи в пространстве; но в то же мгновение родство повлекло их друг к другу...

CXXXVI

— Что это такое?

— Сочиняю систему мира; послушай! «Хаос наполнял беспредельность; стихии...»

— Полно, милый! что ты бредишь.

— Как — бредишь?.. Показать истинное число стихий!.. открыть сцепление Вселенной!.. это бред?

— Бред, мой милый!.. Посмотри,.. тебя ожидают.

— Ах!..

CXXXVII

Чуть-чуть не позабыл! как трудно
Все обещанья исполнять!
Иное обещанье чудно,
Другое слишком безрассудно,
А третье лучше б не давать.
Но ныне на одних обетах
Общественный вертится свет;
И в людях, точно как в скелетах,
Уже души и сердца нет.

Я хотел сказать про обед, а не про обет, и ошибся; но я уверен, что вы меня за это не казните. Кто не знает, что обеты давать легче, нежели обеды.

Я уверен, однако же, что если б вы приехали ко мне и пересыщенными наружной роскошью обыкновенных блюд света, то и тогда еще найду я новую для вас пищу, легкую и удобоваримую.

CXXXVIII

Почтенные старцы! Вам первый шаг, первое место, первое слово, вам первенство во всем. Ни порода, ни богатство, ни звание, ни достоинства не увольняют от должных вам почестей. «Опыт и время сделали вас хранителями мудрости», — говорят китайцы. Прославляю 2967 лето до

Р. Х., видевшее основание Китайского царства [29]! прославляю императора Тай Хау-фуси [30], основателя оного! прославляю народ, у которого старость есть священное право на уважение!

Сядьте на эту скалу, с которой видно все пространство жизни каждого. Сядьте под этими липами, с которых трудолюбие сбирало соты. Я уже вижу в очах ваших вопрос: «Чем хочешь ты, молодой человек, угостить нас? Все испытали мы,.. вкусили от каждого блюда, предлагаемого человеку существованием,.. сыты мы,.. что остается нам? — остается еще раскусить эти сахарные фрукты, в которых скрыты билетики с вопросами:

«Был ли ты человеком в продолжение жизни?»

«Сколько басен написали Пильпай, Езоп [31] и Крылов на твой счет?»

«Сказал ли тебе хоть один человек от чистого сердца: ты добр!?..»

«Будешь ли ты жить в потомстве или памяти всех, знавших тебя не так, как зажигателя Эфесского храма [32], но подобно... подобно хоть приобретшему один талант на данные ему два для пользы ближних?..»

— Вот что остается нам в пищу, а в утешение — стоять на большой дороге жизни указателями пути добрым прохожим».

Честь и слава вам, почтенные старцы! ниспошли вам небо благословенное долголетие Ян-ди-шен-Нуна! [33]

CXXXIX

Теперь к вам, читательницы... гостьи... старушки!.. Но вы сами уже распорядились. Уста ваши полны речей. Вы уже призвали время настоящее на суд с прошедшим... Вы уже казните его за испорченность свойства людей нового века, за странность моды, за безобразность одежды, за чудные обычаи, за вредные привычки, за отвержение всего ветхого. Вы правы! кто против вас?.. Прошедшее и будущее всегда лучше настоящего.

С прошедшим был и я знаком,
В разладе мы друг с другом жили,
Но долго, бабушки, об нем
И сердце, и душа тужили!

CXL

Хороший хозяин должен быть движим своим гостеприимством во все стороны, как непостоянство, должен светить одинаково для всех, как солнце, должен быть рабом прихоти гостей своих, должен быть учтив, как лесть, говорить, как стоустая молва, приветлив, как любовник, терпелив, как муж.

Исполню ли я все эти условия? я, одинокий Странник! О, если б...

Как помощь одного существа может увеличить силы, облегчить труды, прояснить душу и взоры!.. Если б...... эти точки могли замениться именем, то я и не заглянул бы сам в следующую главу.

Но. . . . . может быть там в числе гостей моих. . .

Так, так! куда ни обращу
Свой взгляд, вниманье — забываюсь!
Кого-то я везде ищу,
И с кем-то в думах я встречаюсь.

Не знаю, кто сей тайный дух,
Владеющий воображеньем,
Одевший сердце, взор и слух
Каким-то сладким сновиденьем!

Его незримый образ мил,
Его неслышный голос звонок,
Я с ним весь мир бы позабыл
И стал бы весел, как ребенок.

Но где же это существо,
Мой ангел, мысленная дева,
С которой я вступлю в родство,
Как с звуком лиры звук напева?

Вей, дева, думы надо мной,
Я полон будущею встречей!
Быть может, будет призрак твой
Приходу твоему предтечей!

CXLI

Нет ее.

CXLII

Стекайтесь, стекайтесь, милые друзья! живые, огненные юноши! Что же принесу в пищу чувствам, уму и сердцу вашему?

Пища вашего ума — вся Вселенная. Пища сердца —святые обязанности и еще, еще — взаимность той, о которой вы теперь мечтаете, которой внимаете, с которой жизнь есть *все* и *все* есть жизнь.

Пища наших чувств — настоящее!

CXLIII

Свершен венец создания природы!
Шумят под пальмами цветы!
Где дева провела младенческие годы?
Кто возлелеял в ней слиянье красоты?

Милое потомство не ведавшей ни колыбели[34], ни объятий родительских, в которой первое чувство было любовь, а второе — раскаянье!

Вы, к которым я прикован, как Прометей к скале Кавказской!.. Вы, прелестные *ничто* и *все*!.. золотые, алмазные мои! слабые, как сердце, легкие, как мысли, нежные, как чувства, гордые, как ум!

Вас встречаю я монгольским приветствием: Амур! [35]

Из ваших рук оковы, плен,
Как дар, приемлю
Для вас перенесу Эйрен [36]
На землю!

На этом блюде перед вами сады Альциноя [37], воспетые слепцом Амуром... слепцом Омиром [38], хотел я сказать.

Послушайте, что говорит он про эти сады:

«Древа садов Альциноя вечно покрыты плодами; нежный зефир хранит живость, силу и соки их; одни поспевают, другие рождаются; за спелым гранатом и за апельсином скрываются новые, образующиеся; зрелая смоква уступает место другой; готовая маслина сменяется зарождающеюся...» [39]

Не похожи ли иногда и ваши привязанности на древа в садах Альциноя? Одно чувство созрело, другое рождается... старое уступает место новому.

Скажите мне, существа вечнолюбящие! помните ли вы прошедшее? вполне ли предаетесь настоящему? не перегоняют ли ваши мысли времени? не всегда ли вы носитесь в будущем? не разочаровывает ли вас видимое? «Это не то!» — думаете вы и — опять на крыльях! но...

Блажен, кто может испытать
Взаимность, чувство неземное,
И другу нежному сказать:
Я не один и нас не двое!
Я не одна и нас не двое!

CXLIV

К вам теперь обращаюсь, страдальцы и труженики мира. Вы, которым ни сладостная пища, ни песни любви и соловья не возвратят спокойствия и сна!.. Вы, которые болезнями или обстоятельствами, добровольно или против воли исключены из жизни, но еще существуете! Вы, не лишенные единственно покрова небесного!.. Для вас чаша, наполненная горьким терпением!.. Выпейте до дна!.. и вы увидите, что улыбка существует еще и для ваших уст.

Вы же, люди несчастные, но обложенные всеми средствами и способами жизни! вот источник живой воды! читайте надпись, прибитую над ним, и следуйте ей:

«В продолжение 6 недель обратите день в ночь, ночь в день, то есть спите в продолжение дня, бодрствуйте и трудитесь ночью; принимайте пищу обеденную в полночь; наблюдайте строгую диэту, предписанную медициною для пациентов, страждущих расстройством кровоносной, нервной или желудочной системы. Тело ваше укрепится, душа оживет, и вы взалкаете жизнию!»

CXLV

Здесь, здесь на благовонном лугу под пространной липой засяду я с вами, тучные, упитанные тельцы-гастрономы! Лучший час дня есть переход от голода и жажды к упоению и насыщению. Люблю вашу беседу! Вы вечно веселы, как мечтательные существа, которых небо одарило бесконечною жизнию, неизнуряемыми силами, неистощимым богатством, неизменимой любовию, верной дружбою, вечным здоровьем и неувядаемою красотой!

Слова ваши звучны, как вылетающие пробки! смысл пенится, как шампанское!

Люблю кипящие бокалы!
Люблю пиров несвязный шум,
Где чист, крылат, прозрачен ум,
Где речи остры, как кинжалы!

Вот, друзья мои, блюда, которые колкостию и остротою раздражают и притупленные нервы вкуса.

Ух! на японском зангском фарфоре лежит кроншнеп! начинен труфелями, анчоусами, устрицами! Начинен, как век событиями!

Работайте вокруг паштета!
Он жирен, он вам по душе:
Румян, как перси Аишэ [40],
Слоен, как очи Магомета!
Но... оставляю вас, друзья,
И пир, довольствием цветущий;
Одежды сбрасываю я,
Чтоб встретить с честью сон грядущий.

День XIX

CXLVI

Если в душе, в чувствах и в словах певца есть родство с временем и семена для души, чувств и слов потомства, то завистливое невежество как Голиаф падет от руки Давида [41], а гармония усмирит громы.

Если мысли певца есть лучи светила восходящего, то они пробудят, согреют, затеплят понятную душу.

Но если певец есть отголосок произнесенных уже звуков, если он есть луч солнца заходящего, то пусть не удивляется он равнодушию и невниманию других к его холодным восторгам.

Акбэ, вождь Омара[42], покорил владычеству его калифа берберов и многих других народов; он достиг победоносно до пределов Африки, и когда Океан остановил его, он кинулся на коне в море, извлек меч и вскричал: «Бог Магомета! ты зришь его! если б не эта стихия, я пошел бы далее, я нашел бы новых народов и заставил бы их обожать твое имя!»

Так и поэт... хотел я продолжать, но обстоятельства увлекли меня в следующую главу.

CXLVII

Я не буду описывать странного моего положения; люди заботятся о положении людей только тогда, когда оно беспокоит их физическим или моральным образом. Но из следующих слов, которые я должен был поместить здесь, положение мое будет понятно.

В вас много чувства и огня,
Вы очень нежны, очень милы;
Но в отношении меня
В вас отрицательные силы.
Вы свет, а я похож на тьму,
Вы веселы, а я печален,
Вы параллельны ко всему,
А я, напротив, вертикален.

Совершенство мыслей и произведений зависит от счастливого расположения духа... Может ли человек постоянно быть счастлив!.. однако же...

CXLVIII

Однако ж войско перешло уже границу. Отряд ген-лейт. барона Крейца вступил в Яссы. Бым-бешлы-ага исчез, а диван-эффенди и владетельный князь[43] предались покровительству России.

Народ обступил полки уланские, благословляя знамена русского царя. Восторженный этерист[44] в черной одежде и клобуке кричал: виват, император Николай!— Руки его подняты были к небу, в правой была развернута книга предсказаний. «Лети, России светлый ангел!» — кричал он по-гречески.

«Лети, России светлый ангел!
Твой пламенник нам в помощь дан,
То предсказал нам Агатангел,
То прорицал нам Иоанн![45]»

«Venit, venit Moscal! Venit cavaleria di Imperat! slava luy domnodseu! * καλα ινε! ** халоса! халоса! ши еу 3* слузил государски!» — кричало од-

* Идет, идет русский воин! Идет императорская конница! слава государю (*рум.*).
** да здравствует! (*новогреч.*).
3* и я (*молд.*).

но греческое существо, тощее, как остов человеческий, служившее при 6 князьях молдавских и видевшее на своем веку много чудес, и между прочим еврея-колдуна, который вызывал заклинаниями всю нечистую силу в стакан, наполненный водою.... Пир горой в стакане.. шум, визг и крики; ..., но вот является старшой... садится нечистая сила за браный стол... судят и рядят... про судьбу гадающих, про клады, про пропажу, про виноватого, про вора... Стоит еврейский колдун над стаканом с огромным Талмудом, читает молитвы, заклинания и повторяет речи нечистой силы, предсказывает и — все сбывается!..

— Ты видел это? — Вида́ль, вида́ль, сама вида́ль! — повторяет грекос.— Очень рад, но прощай, мой друг, мы еще встретимся с тобой.

CXLIX

Всякому известно, что 25 апреля 1828 года[46] переправа через границу была при м. Скулянах, при м. Фальчи и при с. Вадулуй-Исакчи, но не всякому известны затруднения переправ весной, во время разлития рек. При с. Вадулуй-Исакчи прутская долина шириною до 4 верст. Все пространство наводнено, но преодолеть все можно. В одну ночь готов мост и плотина чрез наводнение. Это селение называлось прежде *Траян*; вероятно, потому, что над ним, на горе, оконечность древней границы, называвшейся также *Траян* — via Trajani — *Траянов вал.*

В дополнение ко всему сказанному мною некогда о Траяновом вале[47] я должен заключить все изыскания и умствования следующим:

Бессарабия, Молдавия, Валахия, Булгария, Трансильвания и пр. и пр. изрезаны во всех направлениях подобными валами. Валы эти есть не что иное, как сухие, укрепленные границы.

В Бессарабии нижний Траянов вал отделял землю, принадлежавшую греческим колониям, лежавшим на берегу Черного моря, от народов, кочевавших в пустынном Буджаке.

Верхний Траянов вал служил границею между степями и верхнею богатою, населенною природою Бессарабии.

Г. Галац[48], бывший греческою и потом римской колонией, отделен от Гетских пустынь подобным же высоким валом.

Во всех прочих местах — та же история.

CL

Итак, против с. Траян, почти в том же месте, где некогда была переправа постоянная и мост каменный, русские выстроили плотину и вступили в Молдавию.

Кстати о р. Прут. Волны ее родятся в горах Карпатских, гибнут в Дунае. Вообще ширина реки от 5 до 10 сажен. Вода от быстроты мутна, но здорова и имеет свойство минеральных крепительных вод.

От самой австрийской границы до м. Липкан пробирается она подле крутого, лесистого берега Молдавии. С нашей стороны долина открыта, на-

селения часты. Так, помню я, в с. Мамалыге, объезжая пограничную цепь, заехал я на ночлег к почтенному старику эсаулу. Живо поворотил он своего калмыка, и чайник вмиг вскипел. Я предложил ему чаю с ромом ямайским. «Э, нет! — вскричал он.

— Убей меня господь бог громом,
Не будь донским я казаком,
Когда испорчу чай я ромом
Или испорчу чаем ром!
Нет! просто с чистым кипятком!
Вот пуншт! уж точно пуншт дворянский!
Да и коньяк! сшибет с коня!
А конь-то, конь-то у меня!
Во всей станице Атаманской
И в стойле графского отца
Такого нет, брат, жеребца!..
Эгэ! ин в койку, час законный:
Я вижу, ты храпка уж дал!
Я сам сегодня рано встал
И по дистанции кордонной
Верст полтораста пробежал!
Ну, доброй ночи! доброй ночи!»

CLI

Так как предыдущая глава началась переправою, то я хотел и заключить оную рассуждением о затруднении переправы смысла из главы в главу, из стиха в стих и т. д., но я должен был невольно отложить это предприятие до статьи об Архипелаге.

День XX

CLII

Иногда, вступая на поприще дня, я размышлял о Вселенной, о человеке, о жизни.

Вселенная есть ....; человек есть ....; жизнь есть .... Подобные определения не совсем ясны; однако же время их дополнит и объяснит.

Рассматривая математически, Вселенная есть X, человек Y, жизнь Z. Дав самую огромную величину X (ибо что может быть более Вселенной в мире физическом?), мы тотчас определяем и Y и Z; но так как величина X

произвольна, то и понятия о Y и Z, при различии оснований систем, столь же различны, как и степени от $-\infty$ до $+\infty$. По обстоятельствам, которые нисколько не относятся к учености и открытиям прошедших и будущих столетий, и несмотря на то, что настоящее живет на счет прошедшего, я должен определить силу магнитную.

Так как все необходимо оставляет на себе след, то сила магнитная есть не что иное, как след полета земного шара... Земной шар несется вперед полюсом южным, и потому след его остается на севере. Струи воспаленного эфира, проистекающие от постоянного разреза его полетом, есть направление магнитной силы от юга к северу... Из чего и можно заключить, что северное сияние есть видение следа быстрого полета земного шара.

Родство магнита с железом также понятно: железо есть не что иное, как струя кипения земного вещества в точке южного полюса от стеснения и воспаления эфира;.... и, вероятно, направление струй этого металла в земле должно быть от юга к северу.

Вот что! Истина везде нужна.

CLIII

От м. Липкан до с. Костешты р. Прут течет большею частию между скалистыми берегами. При Костештах в первый день течения своего встретила она непреодолимую гранитную зубчатую стену, но стена раздвинулась перед волнами Гиераза [49], как море пред народом Израильским [50].

За Костештскими скалами вершина левого берега верстах в пяти тянется параллельно реке крутым обвалом. От вершины весь скат на несколько верст усеян курганами. Это место называется *Сута Можиле* (Сто Могил, или Курганов). Неровность места должна бы напоминать сильное землетрясение, страшную битву, но современники их, может быть, несколько уж тысяч лет как лежат под первым слоем земли, не заботясь о том, что иной живой много бы дал иному древнему мертвецу за рассказы о современных ему событиях.

Далее р. Прут течет более по болотистой и покрытой камышом равнине. От Скулян вправо змеится за рекою дорога в Яссы, влево — в Кишинев. На сей последней Провидение сложило с князя Потемкина [51] блеск, почести и заботы и отправило его к источнику сил по пути невозвратному.

Ниже Скулян и Цецоры, где был лагерь Петра Великого, река Прут погружается более и более в камыши. Болотистая, покрытая озерами долина расширяется.

Во время наводнений берега топки, непроходимы. Но ты, странник, ты, посланный для усиления пограничной цепи по этой стихийной змее в 740 верст длиною, проплыл благополучно верхом [52].

250 кордонных донских коней в течение 4 месяцев несли тебя по водам так же отважно, как Юпитер нес дочь царя Агенора [53] с берегов Финикии до острова Крита.

Европа на рогатом воре
Плыла верхом... Ей не до слез:
Все молится, чтоб Зевс пропес
Ее счастливо через море.
Не бойся, дева, бурных вод:
Тебя сам Зевс чрез них несет!

CLIV

Кажется мне, что я сбился с дороги!.. В какой же из глав своротил я вправо или влево?.. Кажется, в самом начале предыдущей... Подобные промахи часто случаются с людьми восторженными, влюбленными, беззаботными и рассеянными... Все эти достоинства могут заключаться во мне одном: восторженность в душе, любовь в сердце, беззаботность в нраве, рассеяние в мыслях.

Но можно ли идти все прямо?
Направо храм, налево сад...
Свернул... река, болото, яма,
Стена и... тысячи преград!
Вот и ступай опять назад!
Ступай назад?.. назад! а крылья?
А самоходы?.. самолет? [54]
Какие нужны мне усилья?
Вспорхнул и полетел вперед!

CLV

Вперед!.. вслед за отрядом г. л. * барона Гейсмара, составляющим летучий авангард 6 корпуса... В 5 дней проносится от 228 верст равпинами Валахии и 30 апреля вступает в Букарест [55]. Митрополит, духовенство, бояре, народ встречают его как избавителя, предупредившего истребительное появление турок от Дуная.

Плоское положение Букареста не дарит любопытных взоров ни видами города, ни видами окрестностей. Приближаясь к столице Валахии мелким кустарником и молодым лесом, почти незаметно въезжаешь в Букарест...

CLVI

Кривою улицей и длинной
Я ехал, ехал и — устал;
И как назло, я всех встречал
С физиогномией пустынной.
Седых бояр, старух боярш,
Их кацавейку, шубу лисью
Давно видал я... Конь мой! марш!
Марш к Антонани! шагом... рысью...

* генерал-лейтенанта.

В галоп!.. стой!.. это что за дом?
В окне... как из воды наяда!..
Эгэ! я, верно, ей знаком?
Как улыбается, как рада!..
Ей лет пятнадцать!.. чудеса!..
Румянец пылок, черен локон,
Волниста грудь, горят глаза,
В ней все горит!.. но из-за окон
Ее уже не вижу я,
А кровь волнуется моя!

CLVII

Устал я с дороги!.. Есть, пить, спать!.. Эй! Мой, циганешти, молдовепешти, румунешти, гречештп, формошика! ди грабе! мынкат! **

— Да поскорей!

Слуга француз

— Plait-il monsieur?

— Manger monsieur! [3*]

Служанка немка

Glaig, was sie wollen? [4*]

Слуга жид

— Закуску?
— Подавай ее!
Скорей!.. от голоду я болен!

Девка немка

— Wir haben Schneppen [5*].
— Ну, sehr gut! [6*]

Слуга молдован

— Ликер пуфтешти? [7*]
— Да, не худо!

Жид с товарами

— Печатки, кольцы!

** Дай мне цыганского, молдавского, румынского, греческого, красавица! эй быстрее! кушать! (*молд.*).
[3*] — Что угодно господину? — Кушать господину! (*франц.*).
[4*] Сейчас, что вы желаете? (*немец.*).
[5*] У нас есть водочка (*немец.*).
[6*] отлично! (*немец.*).
[7*] желаете? (*молд.*).

— Прочь, иуда!

Другой жид

— Сукно, подкладка!

Армянип с товарами

— Гермисут..! 8*

Еврей штукмейстерх 9*

— Эх вэрдэ энен этвас цаэн! 10*

— Тьфу, надоели! ей, хозяин!..
Гони их всех!

Хозяин (*гонит*)

— Пуфтим, пуфтим! 11*

Армяне

— Мхазур буюрун султаным! 12*

(*Уходят*)

Слуга грек

— И зу каппони кэ салатан! 13*

— Султан куриный, иль эвнух 14*,
Мне все равно, он весь упрятан...
Но... в нем, мой друг, нечистый дух!

Хозяин

— Анасыпа... 15* и т. д.

CLVIII

Таким образом, все вышеозначенные лица, купцы и разносчики, привязчивые жиды и безотвязные армяне, навьюченные тирольцы, разнонародные ресторационные служиторы и Лотхен, заставившая меня сказать понемецки: ну, sehr gut! — каждый, в свою очередь, своею единицею измеряли мое терпение и голод. Но, наконец, первые изгнаны турецким проклятием, а последние подали мне чашку бульону, пару бекасов с салатом и бисквит, изготовленный еще в 1820 году, к ожидаемому дню вступ-

8* Шелковая ткань!.. (*турецк.*).
9* Торговец (*идиш*).
10* Я вам кое-что покажу! (*идиш*).
11* Прошу, прошу! (*молд.*).
12* Извините, пожалуйста, наш господин (*турецк.*).
13* А вот каплун с салатом! (*новогреч.*).
14* евнух.
15* Мать вашу... (*турецк.*).

ления на диван [56] Валахии князя Каллимахи [57]. Потом выпил я, как водится, рымникского вина и стакан *фе*, ибо поданный *кофе* не стоил и названия *офе*.

Как человек совершенно опытный по части утоления голода и жажды, я в пять минут обработал статью: побранил прислугу за излишнюю скорость и нетерпимую медленность, сказал еще несколько слов по-немецки и отправился в свою комнату.

Державин [58].

На бархатном диване лежа...

Я

Постойте, сам я доскажу,
Картина на меня похожа,
Я точно так теперь лежу...
Но... спать пора...

День XXI

CLIX

«Как! мне гоняться за тобой!
За тенью женщины лукавой?
Нет, друг! гоняйся ты за мной,
А я не погонюсь за славой!
И что мне слава? — глупый звон,
Когда я не в нее влюблен!»

Так я вскричал сего дня утром
И вихрем полетел вперед,
Как голубь, пойманный Ксизутром [59],
Искать пристанища средь вод.

CLX

Скажите, добрые мои, не противозаконно ли думать, что для усовершенствования люди и все их отношения должны быть вылиты в одну форму? Отчего встречал я подобные идеи? — «Что тут за премудрость! — говорит недовольный.— Для чего иному жизнь награда, а другому наказание?» — Если бы я жил до жизни, я отвечал бы ему, но этого, кажется, со мною не случилось.

Бедный кусок прекрасного мрамора! ты не попал в руки Фидия [60]! как бы тебе дивились!.. ты попал в ограду, в столб, в помост на ступень!.. никто

не смотрит на тебя, а все попирают ногами!.. Бедный кусок прекрасного мрамора! Но что ж делать, утешься, это для разнообразия; — а вечное движение?— для существования;— а существование?— для разрушения;— а разрушение?— для начала;— а начало?— для конца!— а конец?— для связи; а связь?— для соединения;— а соединение?— для рождения; и т. д. говорит мудрый, и очень доволен собою... Поверь, нужно только долготерпение: со временем попадешь, подобно древнему камню, в музеум, и тогда прояснится снова твоя наружность.

CLXI

CLX главу я поместил для того, что ей предназначено было существовать, и именно в том самом виде, в каком она помещена. Всем недостаткам и несовершенствам ее не я причиною... Прекрасная мысль подобна мрамору; и если она попадает под руку не Фидию, а простому каменщику, то он обтешет ее против всех правил скульптуры.

Тут кто-то подкрался ко мне сзади и закрыл глаза мне руками...

CLXII

Пожалуйста оставь, мой друг!
Клянусь, что ты мне надоела!
Скажи, возможно ли мне вдруг
Тебя ласкать и делать дело?
Я занят, нежностям любви
Теперь не время!.. что за скука!..
Отстань!.. ах, боже мой, не рви!..
Ага, пищать?.. вперед наука!..
Ай!.. что ты!.. Где найду слова?
Читатель! мой язык немеет!
Сто сорок первая глава,
Взгляни, взгляни, в камине тлеет!
В огне погибли не мечты,
Статья, прекрасная, как Пери! [61]
Читатель, чувствуешь ли ты
Всю цену общей нам потери?

Да, потери, общей нам потери! Если бы было мне время и в сердце моем был Бахчисарайский фонтан, я бы на этом месте непременно построил бассейн и наполнил бы его слезами! но...

CLXIII

Здесь не в моде гулять пешком, да и невозможно гулять пешком от узких улиц, от неровности деревянной мостовой, от удушливой пыли, от грязи, от брызгов проезжающих экипажей... Зато здесь в моде гулять в бутках *.

* колясках (*рум.*).

К вечеру букарестские красавицы в уборной перед приманчивым трюмо снимают с локонов металлические папильотки, омывают лицо девственным молоком; искусственный румянец загорается на ланитах, как стыдливость; брови чернеют; под ресницами является черта томности; талию сковывает корсет...

О, гесперидские плоды! [62]
Хоть сталью твердой будьте сжаты,
Но тщетны скромности труды,
Взор хитрый видит все сквозь латы!
Страшна была бы жизнь моя,
Как пес plus ultra ** наказанья,
Когда, друзья, лишился б я...
Когда б лишился... осязанья!

CLXIV

Далее что?— Далее... Красавицы накладывают на голову прозрачный ток; жемчужные нитки, как змеи, вьются в волосах;... на шею золотую цепь; к груди радужную бабочку; к поясу ключ; за пояс часы sotteuse 3*; на руку готическое ожерелье, эластические перчатки, лорнет; а платье... а его гарнировка... а рукава à l'ange qui vole! 4* ......все так цветно, так новомодно, так придумано!

Madame la marchande de modes 5*, как оживленная картинка из *Journal de Dames* 6*, хлопочет около красавиц Юга, прикалывает, пришпиливает, стягивает, вливает в душу вкус, истинное образование тела и гармонию одежды...

Наконец туалет кончен. Арнаут входит. «*Бутка гата!*» 7* — говорит он, и вот маленькие ножки в атласных башмачках переносят легкую румынку в коляску венскую. Кучер в венгерской, испещренной шнурками одежде, в этеристской шапке вытянул вожжи, бич хлопнул, жеребцы встряхнули гривами, взвились, сбруя загремела, коляска заколебалась, пролетела ворота и плавно пустилась по улице в рядах других... Прелестная румынка довольна, счастлива.

Таким образом тянутся вдоль Букареста сотни экипажей, как движущиеся оранжереи. Звуки: *Кали имера — сас!* 8* *Хош — гэлдын! Сара — буна! Вечер добрый! Bon soir! Guten Abend!* 9* *Wie befinden Sie... Sie... Sie... Sie... Sich?* 10* сливаются со стуком колес и продолжаются до утомления.

Это одно из видимых наслаждений прекрасного здешнего пола.

** Здесь: высшая мера (*лат.*).
3* Нелепой (формы) (*франц.*).
4* Букв.: как летающий ангел! (фасон рукава) (*франц.*).
5* Госпожа модистка (*франц.*).
6* *Дамского журнала* (*франц.*).
7* Коляска подана! (*рум.*).
8* Вечер добрый! (*новогреч.*).
9* То же на турецком, румынском, русском, французском и немецких языках.
10* Как вы...вы...вы...вы поживаете? (*немец.*).

CLXV

Вечер давно уже настал, милые мои читатели! я пожелал бы вам сладкого сна; но воображение мое еще так живо, деятельно... занесло меня в гости к бояру валахскому.

Неужели, думаете вы, я буду описывать, как подъехал я к крыльцу, как поднялся на парадную лестницу, как в передней несколько арнаут подбежали ко мне и одному только удалось снять с меня шинель; как я немного приостановился при входе в залу, как вошел в нее, как обратил на себя внимание бомонда [11*] букарестского, как облетели взоры мои по наружности присутствующих, как приковалось мое внимание..., как приличие отвлекло его... и как подошел я к хозяйке? — совсем нет! я просто скажу вам, что Монтескю [63] измерял деятельность людей по Реомюрову термометру [64], а Волней [65] наложил молчание на уста его. Необходимости, потребности человека есть причины движимости его скорой и медленной. И в состоянии общественности и в состоянии диком люди не деятельны, тяжелы, изнежены, если земля, которую они населяют, роскошна, богата всем, что необходимо для существования... Напротив, недостатки, скупость природы, бесплодность ее вынуждают человека к трудам, к деятельности, к изобретательности, к вечному движению.

Засеял ли бы кто-нибудь, подобно мне, чистое поле, находящееся под его десницею, мыслями, мечтами, событиями и всеми своими понятиями о вещах, если б он — довольствовался настоящим?.. но я обращаюсь к хозяину дома.

CLXVI

Вообразите себе бояра валахского, сидящего на пространном диване. Вот он... Одежда его пышна, разноцветна, роскошна, как па картинке в книге описания костюма народов... Положение его неподвижно, как ваятельное изображение монгольского божества Шагэ-муни [66]... Ноги, как вещь простонародную, он свернул и скрыл под благоденствием и здравием целого своего корпуса. Наружность его скопирована с важности последнего паши, на которого он осмелился взглянуть, приближаясь к нему со страхом и трепетом.

Он важен, важен, очень важен!
Усы в три дюйма, и седа
Его в два локтя борода,
Янтарь в аршин, чубук в пять сажен;
Он важен, важен, очень важен!

[11*] светского общества (*франц.*).

День XXII

CLXVII

Оставляя вас, спутники и спутницы мои, наслаждаться всеми прелестями букарестской жизни, я извиняюсь перед вами и отправляюсь наблюдать движение войск наших.

Что может быть интереснее первой стычки с неприятелем!.. Человек добр от природы и никакого не имеет расположения, особенно в минуты рассудка, обращать довременно других и себя в землю и лишать скромную душу ее покрова; но должно видеть, как скоро наполняется он ожесточением против врага, с каким удовольствием истребляет в нем способность жить! Я не говорю уже о варварских военных обычаях и наслаждениях: о печенеге, который предпочитает драгоценной чаше череп неприятельский [67], о янычаре, который прорезывает на теле боковые карманы и вкладывает в них руки мертвеца-врага.

CLXVIII

27 числа апреля авангард 7 корпуса достиг до деревни Болдагенешти, в 8 верстах от крепости Браилова. Здесь была первая встреча с неприятелем. Партия Атаманского его императорского величества наследника полка под командою храброго Катасонова настигла отряд турок, выехавший из крепости на фуражировку... 30 турок убиты, 18 взяты в плен.

1-го мая 7-й корпус обложил крепость. 7-го мая принял командование над осадным корпусом его императорское высочество великий князь Михаил Павлович.

В следующий день на стенах браиловских отсветилось присутствие самого государя императора Николая [68].

CLXIX

Первый блистательный подвиг Турецкой кампании принадлежит Дунайской флотилии под командою капитана 1-го ранга Завадовского.

О, помню я, как он нарушил спокойствие ночи на 28-е маия и сладкий сон мой в Хаджи-Капитане!.. Как туча, пронесся отчаянный Завадовский мимо крепости и разразился громами посреди флотилии турецкой... Дело сделано!.. Неприятельский адмиральский бот и 11 судов с артиллерией взяты в плен, 8 сожжены, разбиты, посажены на мель.

Лучшая награда, по-моему, есть успех в предприятии.

CLXX

Друзья мои! потомство, будущие герои!.. когда-нибудь и вы насмотритесь на храбрость, на мужество, на великие дела и на слабость человеческую!.. и вы с почтением взглянете на пятипудовую мортиру, которая, как

старая барыня, сидит важно в широких креслах, кашляет и на всех плюет... и вы увидите, как носится под небом бомба, днем, как черный ворон, ночью, как метеор.

Она упала в город, пробила насквозь крышу; она внутри дома; но там ей душно... вот вырвалась она на чистый воздух... и — весь дом на воздухе... Но вот летит другая вслед за ней... и т. д.

CLXXI

Что может быть неприятнее дорожных остановок! Выбьются из сил лошади, сломается колесо, переломится ось, трудный переезд, чертов мост, гора, переправа и все, что называется в дороге несносным, досадным, скучным, нестерпимым!

Точно такие же чувства убивают меня, когда остановится мое воображение. Бич и понукание не помогут... Вызывая ад на земле, я иду пешком по чистому полю до следующей главы и тщетно ищу места, где бы поместить всю пустоту, которая наводняет иногда мысли.

В эти глупейшие минуты жизни кажется, что все уже выдумано, все сказано, все написано.

Долго, долго иногда ждешь того времени, в которое душа повторит снова, громче прежнего: мало, мало еще выдумано, мало сказано, мало написано!.. В эти минуты так легко писать.

Итак, я беру перо и, исполняя обещание XLV главы, пишу:

Гармония, которую издают уста прелестной женщины, есть звуки согласия, подобного течению Вселенной...

Но прежде, чем стану продолжать, взгляните на эту милую, ангел-читательницу! Если б Прометей жил в наше время,— не с неба похитил бы он чудный огонь, но из глаз ее... Смотрите, она покраснела! так, при создании мира, расцвела в одно мгновение роза!.. Грудь ее вздымается... не волны ли это, одетые пеной?

Вот сравнивать пришла охота!
Скажите просто: в вас не *то*,
Что мило, как *не знаю что*,
Но в вас божественное *что-то*!

Итак, самые лучшие звуки есть те, которые слышатся в минуту превращения земли в небо, когда одно мгновение вечного блаженства растворяется, по Ганнемановой системе[69], в беспредельном Океане времени, и одна капля сего духовного бальзама изливается в душу человека.

Но взгляните же опять на нее!
Какая живость, стан, румянец,
Какие очи и уста!
Душа, как пламень, в ней чиста!
А муж ее... авелианец![70]

Злодей! ты отнял жизнь у тех,
Которые бы верно жили!
Младые юноши твой грех
Своей бы кровью искупили;
Но...

Она добродетельный, непорочный ангел!..

CLXXII

Здесь должен я сказать и о гармонии гениев.
Их голос и слава их песен сладки;
В пример для вас запел бы я;
Но я боюсь, что нервные припадки
Во всех произведет гармония моя.
А вследствие сего, по данному мне праву,
Которое признать обязаны и вы,
Читатели, я поднял уж заставу
Для выезда из скучной сей главы.

День XXIII

CLXXIII

В один из прекрасных утренников мая месяца 1828 года, согласно диспозиции движения Главной квартиры 2-й армии, встал я ранее солнца; ... казак подвел моего коня, я сел, опоясал его нагайкой и пустился по дороге в Галац.

Прощай, скромная хижина Хаджи-Капитана, в которой я вкушал первые сладкие сны под грохот осадных орудий!.. Прощай, Браилов! я описал бы, как стены и мечети твои пали от грома русского, я описал бы осаду твою по всем правилам, изложенным в Вобане, С. Поле, Фоларде, Белидоре, Кегорне, Кормонтане [71],.. но обязанность и воображение влекут меня за Дунай.

CLXXIV

Ура, высокие восторги,
Соблазны юношеских лет!
Кого не утешал Георгий [72]
И пара толстых эполет!

Пой песню: *Едет казак за Дунай...*[73] и т. д., т. е. за Балканы, но до которых пор он едет, про то высшее начальство знает.

Однако ж, какая грустная дорога казаку! Во-первых, потому, что он

сказал девице *прощай*, а во-вторых... но все прочие причины в сравнении с первою — ничто!

За 10 дней до того времени, как русский часовой на бастионе браиловском закричал в первый раз: *кто идет*! 3 корпус, одушевляемый присутствием мужественного и великодушного русского царя, строил плотину в пять верст длиною через топи и камыши дунайские, строил мост через реку, и как богатырь-великан, перешагнув через все преграды, пошел строить чудеса в областях Балканов.

Здесь некогда и Дарий[74] шел в противную сторону на кочующих скифов, но тогда земной шар был 2336-ю годами моложе и река Дунай называлась Истером, истекавшим из отдаленных мест, где покоится солнце.

Великие события есть ключи, заводящие механизм вечного движения.

CLXXV

Смотрите, как наша батарея о 24-х орудиях осыпает ядрами турецкий берег и неприятельские укрепления! Флотилия Дунайская пронеслась под огнем магометанским под самую крепость Исакчу; лодки запорожцев и баркасы, как стадо лебедей, приплыли к берегу; егерские полки нагрузились и переносятся на противоположную сторону... Но вот огонь усилился, туча дыма налегла на широкий Дунай, все скрылось от взоров, только гром пушек перекатывался по необозримому отдалению, в извилинах Дуная, между скалами, по озерам, по камышам... Но вдруг утихли раскаты грома,.. его заменил треск беглого ружейного огня... все прояснилось... На Дунае лежит уже понтонный мост, войска и орудия спешат по нем... Солнце пламенеет, ряды штыков блестят, Дунай спокоен, русские в Булгарии, толпы турок, разбросанные страхом, бегут в крепость... Исакча обложена.

Воин! если ты был при переходе чрез Дунай, то вспомни, как перебежал ты через понтонный мост, взглянул налево в окоп турецкий, направо в оставленный неприятелем редут с безобразными орудиями, как спешил на гору, задыхаясь взобрался на Визирский страшный курган, сел, отдохнул и потом стал смотреть кругом себя... Помнишь ли, как чудна показалась тебе природа? Прямо на север перед собою видел ты все создание переправы, за нею болотистый, покрытый камышом берег и новый проложенный путь, далее село Сатуново, далее степи Буджака и протяжные горы... Вправо — отдаленный Измаил, извилины Дуная, светлые озера, зеленые камыши, синий туман над полосою моря... Влево — дикая крепость Исакча, далее устья Прута и Серета, г. Галац и чуть заметный в дыму Браилов... За тобою — Бабадагский берег; и горы, покрытые лесом, и путь, пролегающий в столицу султана... Ты очарован, воин! ты утомил взоры, посвятил вздох прошедшему и снова перенесся в заманчивую будущность!..

Кончив день знаком восклицательным, я был доволен собою и заснул так крепко, что если б пламенный поцелуй любви обжег уста мои, я не почувствовал бы ни малейшей боли.

День XXIV

CLXXVI

Когда природный ум и неиспорченное сердце нераздельно, дружелюбно владычествовали над человеческим родом, тогда был век золотой.

Настали пылкие лета мира: ум дал волю сердцу; то был век серебряный.

Наконец сердце истощилось, ум взял верх — настал век железный.

Посмотрите же, как царствует холодный ум!.. Как светит он в очах человечества;... а в груди кусок железа!.. Уж не мудрость и не чувства приводят все в движение, но расчеты ума и сила магнитная!

Силы небесные! оживите сердце!

CLXXVII

Предыдущая глава касалась вообще до всего человечества, ибо в отношении собственного сердца я живу еще в веке серебряном.

Не знаю, что с моим мне бедным сердцем делать:
Оно болит, грустит, томится без тебя!
Возьми ж его себе, оно мне изменило
И любит лишь тебя одну, мой нежный друг!

Возьми, тебе одной его я поручаю,
Я неразлучно с ним и дружелюбно жил,
Теперь оно любовь предпочитает дружбе,
Пусть чувства в ней оно желанные найдет!

Не знаю, отчего ему так хладно стало
В моей родной груди, столь ласковой к нему:
Пусть у тебя найдет оно тот сладкий пламень,
Которым я его не в силах сам питать.

Но если нет в тебе огня взаимной страсти,
То не бери его: оно от хладных чувств
Увянет, как цветок, а я приду в ничтожность,
Как храм без идола, как без надежды жизнь!

Все ищет истинной любви; но еще вчерась встретил я одно прелестное романическое существо, которое искало ее, нашло ее и — как Езопов петух [75] — равнодушно посмотрело на найденный алмаз!

CLXXVIII

CLXXIX

После вчерашней встречи с досады я не знаю, чем наполнить CLXXVIII главу; но вы не можете назвать ее пустою: в мире нет пустоты.

CLXXX

Однажды, заброшенный каким-то огорчением, лежал я в темном углу, на диване... Я бы не утонул в размышлении, если б два чудака не спасли меня против воли громким свои спором, происходившим в соседней комнате.

Первый голос

Не толкуй мне, не рассказывай мне!.. Возвышенная любовь!.. знаю, знаю ее!.. Это, мой друг, также обыкновенная, земная любовь, но в оковах; понимаешь!...... она состоит из двух........ но часто духовная вечно свободна........ цепь желаний.......... препятствия............ невозможность...... бедное сердце начинает страдать, сострадательная душа разделяет его горе, обиженное, неудовлетворенное желание гонит по крайней мере мысли к недостижимой цели... а воображение — злодейство! О люди, люди!.. но всех людей забавнее люди влюбленные!

Второй голос

Несносные слова! и я их выслушал! неужели непонятно тебе, что любовь есть союз Вселенной, невольное влечение однородных, односвойственных существ друг к другу... Это ли непостижимое чувство назвать стремлением прихотливых желаний к удовлетворению?.. ее ли назвать произвольной целью и игрой своенравного самолюбия?.. Я видел женщин прекрасных, милых; победа над чувствами их льстила бы и самолюбию Рошефокольда [76]; но я смотрел на них, как на существ чуждой земли, которых язык для меня непонятен, обычаи странны... Я видел прелестных, милых женщин; сближенный обстоятельствами, я привыкал к ним, и привычку можно было бы принять за любовь; я бы их любил, но не жертвовал бы для них собою!..

Первый голос

Понятно, не досказывай...далее следует любовь эфирная, или тоска двух существ о том, что, имея одну душу, они имеют и два сердца!..... очень понятно! — общая душа стремится сблизить их до невозможности, слить в математическую линию.

Второй голос

Нет, это для Земли непонятно!

Первый голос

Как? до какой же степени мы должны любить, например, женщину?

Второй голос

Если б я допустил в истинной любви безумие, я сказал бы, что должно любить более жизни; не по рассудку, согласному с сердцем, мы должны любить избранный предмет, как жизнь свою!.. Это кажется очень ясно?

Первый голос

Не совсем! для меня одно только ясно: всякий, кто посвящает себя в рыцари, должен выбирать шлем по голове; потому что если он будет мал — свалится с головы; велик — закроет уши и глаза, а иногда и совсем сядет на шею. Но полно о возвышенной любви. Главный мой совет тебе, юный восторженник: не верь женщинам!

Второй голос

Очень благодарен! тебе остается еще сказать и всем женщинам: не верьте мужчинам!.. о, тогда люди будут счастливы, спокойны!.. Нет!.. я лучше хочу не верить собственным чувствам; вот настоящие льстецы наши, которым верит самолюбие!.. Добра и зла в женщинах столько же, сколько и в нас; нрав их...

Первый голос

Их нрав совсем мне не знаком,
Я все считаю лишь по пальцам;
С моим ли маленьким умом
Знать счет сердечным постояльцам?
Прощая слабостям земным,
Характер женщин бесподобен,
Я их люблю, но верить им
Я от природы не способен.
Любовь — оковы, от оков
Так натурален шаг к свободе;
К тому ж благодаря природе
Для бабочек и мотыльков
Так много создано цветов.
К чему бояться изобилья?

Перелетайте, пейте мед,
Покуда радужные крылья
С вас злое время не сорвет!
Теки, век жизни, быстро лейся!
Счастливец! радости лови!
Оковы с чувств и с сердца рви,
Люби, разлюбливай и смейся
Над долговечностью любви!

Второй голос

Конечно! Я с тобой не говорю!.. правила сердца развратного!.. прощай, дух возмутитель доверенности!..

Первый голос

До свидания!

Наскучив слушать подобный спор, я вскочил с дивана, схватил фуражку и отправился в поход; через несколько мгновений я уже был опять на Дунае.

CLXXXI

Не говоря о подробностях пути от крепости Исакчи до г. Бабадага, я скажу только, что отдельные горы, холмы, долины, покрытые кустарником, скалы Денистепе и лес вправо, влево серебряное озеро Разельм, за ним синее море и, наконец, цветущий май, ясное небо, душистый воздух — все очаровало чувства гостей турецких: поход казался прогулкою, а область Бабадагская — эдемом, но — без гурий.

Во время движения главных сил от Исакчи к Бабадагу отряды были направлены к Тульче, Мачину и Гирсову. Покуда они исполняют свое назначение, мы последуем за императорскою квартирою и за Главною квартирою 2-й армии, через Бейдаут, Сатис-киой до Кара-су.

CLXXXII

По занятии области Бабадагской Кара-су было назначено местом ожидания первоначальных успехов армии при обложенных крепостях.

Тут, перед Траяновым валом, на отлогом скате левого берега Кара-су, основалась походная столица императора, во всем блеске.

Город шатров с золотыми маковками был обнесен живыми оградами. Чисто было небо, облака боялись помешать солнцу играть на светлых орудиях и штыках русских.

Несколько дней это был лагерь тишины, уподобляющейся расстоянию от молнии до грома, как говорит Байрон. Но вдруг несколько сот орудий грянули в честь взятия крепостей Браилова и Мачина... Солиман-паша и

Джиафер-паша первые испытали, что теперь уже не те времена для правоверных мусульман, когда они под владычеством Омара покорили 36 000 городов и крепостей, разрушили 4000 храмов и соорудили 1400 мечетей.

CLXXXIII

Вскоре на походной колокольне единственный и звонкий колокольчик возвестил молебствие о взятии крепостей Гирсова, Тульчи, а наконец и Кистенджи. В первой Ишим-паша, во второй Ибрагим-паша, в третьей Абдуллах-бей преклонили свои бунчуки [77] пред знаменами русскими, вручили их победителям и отправились оправдывать неудачи свои пред блистательною Портою.

CLXXXIV

Пред ставкой русского царя развеваются ряды цветных знамен........ Русский царь светел, окружен сынами своими, окружен очами Европы.

Только победные пороховые облака носятся в небе.

Военно-торговый народ собрался толпами; смотрит и удивляется; толки его раздаются на языках: русском, молдавском, булгарском, турецком, сербском, немецком, французском, италианском и греческом.

Представьте себе, милые мои, с каким удовольствием я вспомню на старости лет эту вековую картину! В толпе штабной, в какой-нибудь характеристической группе Бульи [78], видна и физиогномия Странника, на которой, кажется, начертаны слова: скоро ли проснусь я?

С какою гордостию, отложив перо, трудящееся над описанием *будущего*, я воссяду посреди добрых моих приятелей и поведаю им события *прошедшего* следующим образом.

CLXXXV

«В то время, когда...» — при начале рассказа, без сомнения, понюхаю я табаку, зашиплю, как стенные часы, и громко чихну; внимающие гости скажут: желаю здравствовать!.. умолкнут... я поблагодарю и буду продолжать рассказ следующим образом:

В то время, когда по хребту Траянова вала, простирающегося в Булгарии, по берегу Кара-су до крепости Кистенджи, называвшейся некогда Истером, а потом Константианой, скакал я вперед...

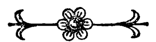
— Это было, кажется, 8 июня 1828 г., как известно по истории,— скажет один из моих приятелей,— «о, нет! — прервет другой,— 20-го июня, я очень помню, я читал Валентини!» [79] — Из этого вспыхнет хронически-хронологический спор, который прервется приездом новых гостей, может быть, и дам; а потому, забыв прошедшее, я предамся вполне настоящему.

CLXXXVI

По известным причинам, но не мне, углубленному единственно в стратегию собственных движений... императорская квартира и Главная квартира 2-й армии перенеслись с первой позиции на Кара-су на вторую позицию, верст около 10 выше, перед озерами... Тут лагерь разбит по всем правилам castraметации [80].

Но ночь уже настала... ночь тихая. Какая картина!.. Лагерные и бивачные огни, рассеянные во мраке, мерцают вокруг вас; они простираются до самого неба, и звезды на горизонте кажутся продолжением огней русского лагеря.

Давно уже эхо задунайское не разносило звонкого русского отзыва!.. Перекликайтесь, недремлющие! а я... Монтань [81] сказал: Notre veillée est plus endormie que le dormir; notre sagesse moins sage que la folie; nos songes valent mieux que nos discours *.

День XXV

CLXXXVII

Ударило семь часов... Утренние лучи ждали уже возвращения моего из области внука Эребова...[82] ожидание их скоро исполнилось. Колесница, запряженная призраками, остановилась у подъезда, и я во всей красоте, как дельфин, показался из волн... пуховых.

Где, думаете вы, был я?

Близ Альпов снежных, там, где *Леман*
Шумит, бушует между скал;
Где друга Юлии злой демон
На гибель часто искушал [83];
Там — был и я...

CLXXXVIII

Люди, удаленные от мест, где терзают род человеческий неутолимые желания и необузданные страсти, наслаждались некогда красотою природы, тишиною жизни и спокойствием души. Чисто было дыхание их, как воздух Гельвеции [84]. Не было между ними неприязни. Сердца их не уподоблялись островам, разбросанным по океану, а составляли одну землю, одну цепь обычаев, привычек, дружбы и любви.

* Наше ночное бдение более сонливо, нежели сон; наше благоразумие менее разумно, нежели безрассудство; наши мечты стоят больше, чем наши рассуждения (*франц.*).

Девы! девы, которых я вижу и встречаю! если б вы видели уборы и украшения тех дев, о которых я теперь думаю!.. Какая роскошь! сколько золота, драгоценностей! какой ослепительный блеск! И ничто не затемняет красоты природной!.. Скромность ли затемнит ее?.. Какие украшения роскошнее невинности и добродетели?

Смейтесь, смейтесь, крылатые, которых я вижу и встречаю! О, пошли святой Промысл, чтобы в душе вашей отозвалось хоть на одно мгновение то чувство, которое называется *Природою*!

Что остается теперь человеку в наслаждение? — одно минутное забвение вечных огорчений.

Ум поглотил сердце... а счастие земное есть удел сердца!

CLXXXIX

Если б кто-нибудь взял на себя право упрекнуть меня, что сердце мое холодно, как лед, — я не буду опровергать упрека клятвами; нет!.. пусть сердце мое будет подобно куску льда, принесенному из-за Ледовитого океана, с того места, где на севере стекаются в одну точку все умственные меридианы... пусть оно уподобляется ему!.. Может быть, полярный лед так тверд, как кремень, и удар куска об кусок произвел бы искры... но какие искры? — искры любви!.. Если кто даст мне хоть одну подобную искру — я буду доволен: что может быть лучше *любви искренней?*

CXC

Любовь!.. Я верю преданиям очаровательного Гезиода [85] и страстной Сафо... Их сердца знали тебя... Я верю им: ты дочь неба и земли!.. божество и демон, ясновидящая и слепая, ад и рай, блаженство и страдание!

Соблазн, предатель, искуситель,
Источник тайного огня,
Непостоянный сердца житель,
Коварный дух, оставь меня!
Минутный спутник мне не нужен,
Подобный счастью и судьбе,
Ты вечно верен лишь себе,
С собой лишь постоянно дружен.
Неси сокровища мечты
Тому, кто хочет быть обманут!
Меняй сердца, они цветы,
В них чувства скоро, скоро вянут!

CXCI

Часто, и как часто... после вышеописанного, произнесенного огорченными чувствами монолога вдруг делается резкий переход в нижеследующий:

Она мутит мой дух давно,
Она меня все в омут тянет!
Взгляните... то всплывет, то канет
На очарованное дно!
Мои ли чувства не растают?
Всплывет... и воды заиграют!..
Как колыбель под ней волна!..
Вся в брызгах, как в шатре алмазном,
Лежит раскинувшись она
И возмущает дух соблазном!
О, брошусь в воду!.. пыл огня,
Быть может, холод волн потушит...
Но я боюсь... в воде меня
Русалка страстная задушит!..[86]

CXCII

Подобно мне, увлекаемому пылким воображением, бо́льшая часть людей увлекается пылкими страстями и забывает свои обязанности... но я... я недолго блуждаю по произволу необузданных мыслей!.. Вот опять своротил их на большую дорогу. Совсем на землю я не хочу съезжать... Пущусь по седьмому слою воздуха... Проезжая мимо Могуры, я не могу не остановиться на вершине этой знакомой мне горы... Хребет Карпатский и отрасли, расстилающиеся по Венгрии, Галиции, Трансильвании и Молдавии, ясно вижу я перед собою как окаменевшие валы разъяренного океана, озаряемого светлым божеством Зороастра[87]; но не восклицая: «Какая величественная картина!», я очень равнодушно смотрю на необозримое пространство. Подо мною все тихо. Где же люди? Где шумное, вечное движение их и бесконечные заботы? Не видно, не слышно их! как они мирны! не нарушают спокойствия природы!.. О, если бы мне теперь было время, я взобрался бы по ступеням воздушным на первое золотообрезное облако, как Юпитер взглянул бы на землю и громовою стрелою на голубом воздухе начертал бы мысль свою о человечестве!

CXCIII

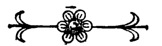
Младенческое состояние его... Тут невольно припомнит каждый, как лелеяла его маминька...

Что, если б вы, хоть и шутя,
Ему про котеньку запели;
Тридцатилетнее дитя
Лежал бы смирно в колыбели...
Ах, маминька! я вас люблю!
Я светел в чувствах, без оттенки!
Вы говорите: я шалю?
Так что же, поставьте на коленки!

Малютка ваш у ваших ног
Почувствовать заставит жалость;
Не принимайте за порок
В ребенке маленькую шалость...
Мамунечка!..

CXCIV

Как иногда приятны сумерки!.. Но, боже мой, мне не удалось сего дня пролететь с читателями и расстояния между слиянием двух математических линий!

День XXVI

CXCV

Как приятно будет мне, добрый, милый товарищ мой, когда ты встретишь, если не меня, то, по крайней мере, мысли мои о всем и всех и воспоминания мои о тех, которых любил и люблю!.. Скажи мне, на которой ты теперь ступени лестницы, ведущей к благу?.. Куда смотришь ты — на север, на запад, на юг, на восток, на небо, или в землю?.. испытал ли ты, что такое жизнь?.. Однажды мечтал я о жизни и начал писать главу CLII... Всякое начало должно иметь продолжение, и потому:

Существование есть шар; жизнь есть окружности, пересекающие его во всех направлениях; люди есть точки, следующие по этим направлениям.

Хорошо! сказал один из величайших умов неопределенного столетия, взял кусок мела, начертил на стене круг, изображающий шар, провел диаметр AB, потом, перпендикулярно к оному, в равном расстоянии от оконечностей A и B, окружность C и начал говорить следующим образом:

Точки A и B есть крайности наших чувств и страстей. A — крайность добра... B — крайность зла... Окружность CD, находящаяся в равном расстоянии от крайностей, есть единственный путь возможной долговечности.

Человек является на свет из которой-нибудь из точек сей окружности. Если он направлен и постоянно идет по CD, то от *зенита*[88], или точки рождения, до *надира*, идет он, отдаляясь, усиливаясь, одушевляясь более и более. От *надира* продолжение пути есть возвращение... Воображая, что удаляется от точки *начала жизненного пути,* он приближается к ней. Если он дойдет до нее, то это истощенное, иссохшее существо есть тот же младенец, но растянутый временем и наполненный... землею!

О, как блажен тот, кто прошел все *плюсы* от 0 до 1 и все *минусы* от единицы до ноля!

Если жизнь отклонилась от направления CD к которому-нибудь из полюсов или крайностей, то очень ясно, что этот путь короче, склонение к возврату ближе, возвращение к состоянию младенчества, или ничтожества, ближе.

— Отчего? — спросите вы...— Оттого,— ответят вам все науки и опытная премудрость,— что все основано на равновесии; что спокойствие духа, здоровье тела и счастие сердца живут в равном расстоянии от неба и земли.

Приближьтесь к одной крайности — вас сожжет излишество животворной силы; приближьтесь к другой — вас убьет излишество удушающей.

CXCVI

Убежденный в предположениях своих тем огнем, который упал с неба на двенадцать глав, я отправлялся ни медленно, ни быстро по той математической прямой линии, которую Галлер[89] мысленно провел от рождения до смерти. Я заметил, что она проходила в равном расстоянии от полюсов и вообще от всех крайностей... Климат был так умерен, что слова: *жарко* и *холодно* вывелись бы из употребления. Вправо видел я в разных положениях: *добро, любовь, юг, душу, мечту, истину, свет, все, ум, восторженность, привлечение, оксиген, небо, утомительность от труда, всеведение* и т. д.

Влево были: *зло, ненависть, север, тело, действительность, ложе, тема, ничто, сердце, умение, отражение, азот, ад, утомительность от бездействия, невежество* и т. д.

Но на этом пути так мало было людей, что я должен бы был томиться тоскою уединения, если б какое-то чувство душевного и телесного здоровья не заменяло мне все блестящие призраки, которыми была усеяна природа, лежащая от меня вправо и влево.

CXCVII

Сделав таким образом приложение жизни к геометрии и наскучив не только читателям, но и самому себе, я, однако же, сделал еще одно приложение, а именно: приложил руку к сердцу и произнес:

— О, сердце! скажи мне, я ли причина твоего страдания или ты причина страдания моего?.. будь вечно со мною согласно! соглашайся вечно со мною!

— Нет-с, соглашаться каждый раз
Меня рассудок мой не учит!
Поверьте-с, вечный отзыв: да-с!
Когда-нибудь и вам наскучит,

— отвечало мне сердце и забилось сильнее прежнего.

CXCVIII

На это я не только ничего не сказал, но даже ничего бы и не подумал, если б восторги соответствовали степенным летам.

Я был хорош, мне говорила
Про то искательность очей;
Но похвала не обольстила
Души доверчивой моей.
Я был любим, любил нередко,
Но никогда не ревновал
И на себе не испытал,
Что значит женщина-кокетка.
Кому же в этом честь отдам?
По склонностям, природой данным,
Не бывши постоянным сам,
Мне все казалось постоянным.

Бывало.....

Но и теперь, пускаясь в путь
За ловким, ветреным народом,
Я загляжусь на что-нибудь
И полюбуюсь мимоходом,
Хотя к степенному лицу
И это несколько некстати;
Но кто ж крылатому слепцу,
Властолюбивому дитяти
Забавных жертв не приносил?
Кого в грехи он не вводил?

CXCIX

Кто заслужил славу истощением сил своих, терпением и временем, тот человек опытный, тот нажил богатство ума; я уважаю, люблю его... хотя и кусок дерева, сгнивая, набирается света.

Но... обязанность зовет меня в этот пространный намет *, где, как говорит г. Нахимов [90], возвышаются горы бумажные, текут реки чернильные и стада перьев с писком носятся по пространству стола.

CC

Ст. а д.**

Бумаги с августа, а нет уведомленья
О получении! За эти упущенья
Не вам, сударь, а мне приставят длинный нос!

* шатер.
** Старший адъютант.

Чинов.⟨ник⟩

Я написал давно уж начерно-с
И дал переписать... что ж делать с писарями!
(Пишет, диктуя самому себе вслух)
«Уведомыть... при сем... имею честь,
Что *сума* денег мною за номѣрами
2-м и 5-м, пущенная вами
От 23-го июля... *двѣсти шесть*
Рублей... получены». Вот-с кончено!

Ст. ад.

Прекрасно!
Вас не учить казенному письму!
Вы пишете так четко, кратко, ясно,
Но вместо *суммы* вы поставили *суму*,
Ѣ вместо *е, еры* на место *иже!*
Скажите мне, любезный филолог,
Вы, верно, слышали, что канцелярский слог
Тем лучше, чем он ниже?

CCI

Но вот Бехтыр-киой!

Пробили поход!.. Взгляните, лагерная команда, как саранча, обсыпала все палатки!.. кажется, она пожирает их. Взгляните, как исчезает город шатров!.. нет его! Весь штаб на конях. Все двинулось вперед! Бесконечные обозы потянулись по извилинам дороги... так скопленная и спущенная вода катится по желобу долины.

Тут видите вы разноцветные дилижансы, дормезы [91], кареты, коляски, дрожки, брички, таратайки, повозки, брашеванки [92], телеги, кухни, фуры, ящики... За ними следуют вьюки — на лошадях, на ослах, на плечах и, наконец, известные всему походному штабу два верблюда... Они везут калмыцкую кибитку. При них отправляются два степных оренбургских уроженца, да толстый Иоган, да бывший константинопольской миссии курьер.

Все это тянется по дороге от Кара-су чрез Махмуд-киой, Муссабей, Азанлар, Гелби-киой — к Базарчику.

CCII

Соединив несколько переходов в один, я уверен, что читатель не почувствует от этого ни малейшей усталости, как гренадер суворовский, который разделил расстояние от земли до неба только на два солдатских перехода. Я уверен, что, отправясь в этот путь, он сделал его в один переход.

Но, говоря об усталости, я из снисходительности если не к другим, то, по крайней мере, к самому себе, разделяю всякий труд на несколько частей и — для каждой части предназначаю особенный день; следовательно, вы можете себе представить, что солнце отправилось уже на другое полушарие, снабдив частию своего света наместницу свою луну.

Чудак Зороастр почитал солнце богом...

К нему мольбы его текли,
Не знал он мысли сокровенной:
Пусть солнце свет и дух земли,
Но солнце ль свет и дух Вселенной?

День XXVII

CCIII

Я сидел с книгой в руках... не помню, читал я или думал о ней... вдруг очутилось предо мной видение, светлое, как мысль об исполнении пламенных надежд и желаний.

О н о

— Конечно, любите вы чтенье?

Я

— Люблю ли?!.. я на небесах,
Когда в твоих, мой друг, очах
Читаю чувств изображенье,
Твержу, учу их наизусть!
Их смысл так сладок и приятен!
То привлекателен, как грусть,
То вдруг, как случай, непонятен!
Скажи мне... нет, не говори!..
Но прямо в очи мне смотри!
Я прочитаю...

Взяв на себя труд Шамполиона [93], я скоро раскаялся...

— Нет! — думал я,— разобрать египетский язык дружбы и любви есть египетская работа!... и — отправился в Булгарию.

CCIV

Остановясь перед самым Базарджиком, на долине Табан-дере, я еще раз оглянулся назад и потом обратил все свое внимание на город.

Аджи-оглу-базар-джик значит: странствующего сына базар малый... Итак, любезный мой караван, видал ли ты когда-нибудь пустой город?.. Вот он... Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! точно как в сердце, оставленном надеждою.

CCV

Идите по улице — вам никто не встретится. Взойдите на двор — собака не хамкнет. Взойдите в дом — вас не спросят: кто вы? зачем вы? кого вам? Взойдите в гарем... о, как неприятна эта пустота!

Фонтаны не льются, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, но она уже горька, как слезы... отравлена.

Вот высокое Джалье; но там уже не слышно: *Элинин каризини арзулама!* *

Предместье города, в которое переселялись турки, армяне и булгары базарджикские на жизнь вечную, так велико, как только может себе представить испуганное воображение, не любящее ни покойников, ни кладбищ. Оконечности города и окрестности его уставлены гранитными и мраморными камнями; ...почти на каждом вырезаны разновидные чалмы, означающие звание и состояние мусульманина, отгостившего на земной поверхности.

CCVI

Теперь далее, от Базарджика к Шумле!.. Но, милые спутники мои, я отвечаю за безопасность вашу и потому предлагаю вам не рассыпаться, не удаляться от меня!.. Дорога до Козлуджи идет лесом... Вот мрачная Ушеплийская долина... толпы турок скитаются по лесам, стерегут неосторожных... Чу? выстрел! пуля просвистала!.. залп!.. Турки!.. И все это мечта, воображение!.. Не бойтесь, милые спутницы мои! Под моим предводительством целы и невредимы выйдете вы из опасности! Но...

CCVII

Сердце мое возгорелось духом воинственным!.. Дайте мне броню мою! шлем мой пернатый! меч мой, меч мой! на котором начертано золотыми арабскими буквами: *Когда Чемидзан*[94] *перестанет покровительствовать мне, ты, меч мой, будешь защитником моим!..*

Доблестные, воинственные читатели и читательницы! великий, бессмертный подвиг предстоит вам!.. толпитесь вокруг меня!.. Вы, юноши, готовьте пламенное воображение и лорнеты!.. Вы, старцы, опытная мудрость, надевайте очки!.. Вы, прелестные стрелометательницы, амазонки мои!

---

* Не пожелай зла своему народу! (*турецк.*).

девы и женщины, правое и левое крыло, дающее крепость центру, запасайтесь огненными взорами!

Предводительствуя корпусом таких волонтеров, мне легко пройти весь мир, и покорить Вселенную — перу моему! но это долго, скучно... вооруженною рукою пройдем мы по Булгарии, чрез Балканы, до Константинополя... Подобно набегу какой-нибудь орды, мы пронесемся... нет!.. разольемся, как Нил, по владениям Махмуда!.. Ожидает ли он нас? успеет ли он издать хати-шериф **, вызывающий к восстанию на брань против необузданной толпы читателей, напавших на топографическую карту его владений, штурмующих девственную Шумлу, прогуливающихся по р. Тундже, отдыхающих в Эски-Сарае и в лавровых рощах Эдрине и, наконец, осматривающих без спросу все редкости Стамбула?

CCVIII

Подробная карта Турции перед нами. Поле чести открыто. Слава готовит венок Победе.— Друзья мои! «*не множество, а мужество*» — вот первое правило войны.— «Стадо ослов, предводительствуемых львом, страшнее стада львов, предводительствуемых ослом»,— сказал греческий полководец Хабрий [95]. Итак... но сегодня уже поздно.

CCIX

Скинув броню, шлем и меч, я повесил их на одно из дерев, принадлежащих Повелителю правоверных; возвратился туда, где был; надел..., разумеется, не римскую тогу... и стал сердиться...

Подле моей комнаты, за деревянной стеною, жил пылкий юноша. Часто исступления сердца его и исступления поэтической души нарушали первый сладкий сон мой. В отмщение за доставленную им мне бессонницу, подобно совести, которая подслушивает человеческие мысли, я приложил ухо к стене.

«Любить или не любить!» — вскричал он голосом Гамлета [96].

«Себялюбие! предрассудки! закон, установленный папою Григорием Девятым [97]! обязанности! общее мнение... о, сколько препятствий!» — произнес юноша с отчанияем, похожим на отчаяние Лира, когда он говорит: Громы! молнии! вы не дети мои [98]!

«О, если б ты была свободна! если б голос не умер на устах моих, я бы сказал тебе: еще до существования моего я люблю тебя! я люблю тебя теперь! я люблю тебя за гробом Вселенной!..»

— Да! — думал я,— глагол *люблю* был бы глаголом божественным, если б не спрягался.

«Что мне уверять тебя,— продолжал юноша,— уверения лишают доверенности. Ты прекрасна, добродетельна; ты звезда, ласково светящая на меня с неба! Два звука, согласованные самою природою! — я и ты! — некогда они были одним существом; но какая-то враждующая сила разорвала

** указ (*турецк.*).

его надвое, чтоб со временем, при встрече нашей, насладиться нашим страданием!..[99]

О, долго ль сон коварный длится?
Исчез очарованья мир!
Ты не моя, но ты кумир,
Пред коим вечно мне молиться!»

CCX

Восклицания утихли... все умолкло... Я задумался... гений сна повеял крыльями...

Усни же, милый мой малютка,
Проживший *десять тысяч* дней
Игралищем слепых страстей,
Рабом послушным предрассудка!
Счастлив, когда в ночной тиши
Ты, как покойник, равнодушен
И сон твой кроток, не нарушен
Болезнью сердца и души!

День XXVIII

CCXI

Этот день я не намерен посвящать ни мирному странствию по Вселенной и по событиям, ни военным походам по Булгарии. Он так хорош, как 1-е маия. Но положим, что он и есть 1-е маия; и потому очень неудивительно, если кто-нибудь пригласит меня ехать вместе за город, в сад, в рощу...

Если слова: *поедемте с нами!* произнесены голосом, которого эхо отдается в сердце... если эти же слова повторены взором... о, тогда я еду непременно!

CCXII

Если любопытство читателей следует за мною на это гулянье, то... послушайте:

— Неужели? — сказало одно кубическое существо.

— Поверьте! — отвечало другое существо, которого я и описать не умею.

Ах, боже мой, какая жалость!
Тиранить так свою жену!
Ее неопытность и шалость
Считать за грех и за вину!

Ох, эта мне понятий древность!
Вот, умолчи и не злословь
В мужьях всевидящую ревность
И безответную любовь!
Несносно!..

«О, это правда! — сказала одна юная дева, прекрасная, как невеста Океании.— Мужчины? — льстецы!.. мужья? — тираны!».

— Как эти речи странны мне!
Не понимаю! верно, вам уж
Не раз случалось, хоть во сне,
Влюбленной быть и выйти замуж? —

сказал я эфирному созданию, которое произнесло оскорбительные слова на весь мужской человеческий род.

Не знаю, понравился ли ей ритурнель, приделанный мною к ее песне о мужчинах, потому что, сказав, я в то же мгновение своротил на другую дорожку, остановился подле виноградного куста, сорвал зрелую, наливную, покрытую как будто инеем кисть и... вручаю ее тебе, милая, прелестная читательница! тебе, ангелу, подле которого и самое грешное существо освятилось бы новыми, высокими чувствами!

CCXIII

О юноша, оставь свои мечты!
Забудь коварные надежды и желанья!
Здесь радостей твоих заплетены цветы
В цепь неразрывную печали и страданья!
Оставь доверчивость и пристально смотри,
Как изменяются на всем от света краски:
Жди дня, о юноша, во время ли зари
Нам распознать любовь и непритворность ласки!

CCXIV

Не объясняя причины, по которой наскучил мне сегодняшний день, я предложил солнцу скорее скатиться на запад и осветить все заатлантические известные и неизвестные страны, где человек, по системе Кабаниса [100], должен был первоначально быть растением, потом полипом, потом насекомым, потом орангутангом, потом диким человеком...

Стадо диких людей, которое мирно пасется на лугах, орошаемых алмазными струями реки...

Стадо диких людей, которое живет в мире со всеми животными...

Стадо диких людей, у которых нет долгов на земле, а людей на небе...

Это стадо... но что такое счастие и спокойствие без того, что рождает несчастие и беспокойствие?

CCXV

— Ты слеп!
— Ложь!
— Видишь ли ты?
— Ничего не вижу, потому что ничего не видно!

— Поди уверь, что солнце не свеча,
Что бледная луна не тусклая лампада,
Что звезды светлые не золотые блестки
И не отличия, дарованные небу!..

Впрочем, слепота не грех. Но от этого шуму, от этой ветрености сердца, от этой болтливости языка, от этих нескромных взоров, от этого века, навьюченного ношею бедствий, я удаляюсь и, подобно Язону [101], с моими аргонавтами сажусь на корабль, сделанный из зеркала.

От пристани г. Галаца я отправляюсь вниз по Дунаю, по устью прекрасному в Понт, потом в Пропонт; потом в Геллеспонт; потом, не задевая ни за один остров моря Эгейского и Средиземного, прямо к устьям Нила; Нилом к Мемфису; от Мемфиса, перенеся на плечах корабль свой,— по тому же тракту, по которому аргонавты переносили свои корабли,— на море, отделяющее земли Египетские от Обетованных, спускаюсь по оному до океана, орошающего и Аравию, и Иран, и Индию; океаном до слияния Тигра и Евфрата, и, наконец, плыву медленно вверх по последней реке до самого рая...

Я был в раю...

CCXVI

Тогда был вечер;— и теперь уже вечереет; а так как люди вообще привыкли полагаться на завтрашний день как на начало будущих благ, то и я обращаюсь к читателям с вопросом: вы, верно, устали?

—Ах, нисколько! — отвечают они, задыхаясь от усталости.

Благодарите же богов,
Когда не шли вы, как обозы,
Пустыней дикою стихов
Или распутицею прозы!

День XXIX

CCXVII

Итак, друзья мои, вы уже слышали, что сказал полководец Хабрий. Теперь дайте мне телескоп, я взгляну на позицию всех моих читателей... Хуже пары слепых глаз!.. обезображивает все, как критика пристрастного журналиста!.. протрите ему стеклы! [102]

Хорошо! теперь слушайте диспозицию:

«10-ти тысячный отряд юного моего воинства переправляется через Дунай в Никополе. От Никополя, своротив к Систову, он должен восхититься местоположением; но не блуждать в садах фруктовых и виноградных, не срывать ни одного румяного листа с розовых кустов, украшающих горы, скаты, холмы,— не идти быстро мимо Рущука. Если неприятель сделает вылазку, то с презрением посмотреть на него и потом следовать далее чрез Разград по дороге к Шумле.

«Другой 10-ти тысячный отряд идет через Силистрию. Переправа не остановит храбрых. Напомнив сей крепости 1810 год [103], отряд продолжает идти чрез Акадапар, Эмбелер, Экизчи к правому флангу к. Шумлы.

Сам я, предводительствуя главными силами моих читателей, иду чрез Базарджик.

«Пятитысячный отряд преклонных летами и вооруженных всеми градусами очков наблюдает крепость Варну с утесов при с. Франки. В предводители сего отряда избирается старец, украшенный и царем и временем, знающий наизусть все походы Миниха, Румянцева, Суворова, Потемкина, Каменского, Кутузова [104]...»

Прочитав диспозицию, разумеется, все возвратились по местам; — несколько избранных говорливых читательниц пробарабанили устами своими поход, и все двинулись!

CCXVIII

15 тысяч отборных юношей и прелестных воинственных красавиц со мною! — Песельники, вперед! — закричал я. — Ах, господа, у меня душа обмерла от наслаждения, когда запевальщик, прелестный, как она, перелился весь в арию: Di piacer mi belza il cor *.

Быстро двигаюсь я от Базарджика к Ушенли чрез густой лес и хребет гор, скрывающих от Козлуджи север.

Здесь, друзья мои, под предводительством царя, шли мы в 1828 году. Спускаясь с горы, пред Козлуджи, открылись взорам нашим разновидные гряды Балканов. Сквозь лиловое отдаление и светлую будущность я уже видел тогда, как развевались на Эмосе [105] благословенные знамена русские и как русская воля подавала законы владычеству Магометову.

---

* От удовольствия сильно бьется сердце (*итал.*).

CCXIX

Покуда первые два отряда приблизятся к Шумле, мы сделаем дневку в садах Козлуджийских.

Дика наружность здесь природы!
На юг — дорога на Проводы...
Нельзя здесь, други, не вздохнуть:
Ведет далеко этот путь!
Там... древний мир гиероглифов!
Чернеет Эмоса гряда!
Там спорных праотцев и скифов
Паслися мирные стада!..

День XXX

CCXXI

Так как рассветать будет еще в следующей главе, то до восхождения солнца я думал о Чжинд-чженской фарфоровой фабрике, о веселом взоре и ясной наружности — явных признаках мудрости, о лжи и упрямстве — пороках, которые должно искоренять с самого младенчества, о выражении Плиния [106]: ut externus alieno non sit hominis vice**, об уме и глупости умных и о глупости и уме глупых... и т. д.

CCXXII

Утро было очаровательно. За завесой туманов Балканы... отдельные холмы, белеющие скалы по долине Давно... ущелья правого берега долины Проводской; высоты над Мадардой и Шумлой, освещенные солнцем... Мечеть Козлуджийская в садах... лагерь моих читателей... Какие виды!

Я вышел из своего шатра, невольно взглянул на шатер Царь-Девицы, с золотой маковкой... сердце затрепетало желанием битвы, и я вскричал:

Лейб-Амазонский эскадрон
Построить близ моей палатки!

Дежурный

Нельзя-с, большая часть больны.

Я

Как!.. чем?

Медик

От действия луны...

** и для чужестранца не будет чужим в образе человека (*лат.*).

Я

Вот кстати лунные припадки!
Но должно им скорей помочь,
Мы выступаем в эту ночь!

Медик

Есть способ легкий, хоть старинный:
Поить водою розмаринной;
Но натуральный термин...

Я

Ох, с амазонками беда!
Не подражать бы им Минерве! [107]
Но мы оставим их в резерве —
Походный с нами гошпиталь.
Однако ж это очень жаль!..
Без них мне скучно!..

CCXXIII

Скучно, скучно!.. нет, без них ни шагу вперед! готов отложить поход к Шумле хоть до конца 3-й части! О, чтоб совершать дела великие, нужно терпение!.. ангельское... дьявольское... думаете вы? нет, мое — т. е. среднее между ними.

Как терпелив тот, который, утолив жажду и голод, чувства, ум и сердце, ложится в пуховые волны и, уже засыпая, чувствует, что что-то ползет по лицу, но боится пошевелиться, протянуть руку, чтоб, спугнув насекомое, не спугнуть и усыпления с очей своих... как терпелив он!

Это еще не все, ибо все более целой Вселенной. Это не конец и не начало... Покажите мне в чем-нибудь начало и конец, я скажу: нет, это продолжение.

CCXXIV

Подобные переходы уподобляются известным переходам... или, еще лучше, известному моцартовскому аккорду в увертюре *Титово милосердие* [108]. Разумеется, что тот, кто не знает генерал-баса чувств человеческих, не может понимать правильности резких переходов; для понятий его доступна только простая гамма... Хайдн [109], выражая *создание мира*, прежде всего изобразил *Хаос*... Во всем стройность создается из нестройности... Мысли, мнения, речи, дела, вся жизнь, все подвержено этому закону.

CCXXV

Дневка казалась мне вечностью... Грустен и задумчив сидел я... Беда быть без дела!.. Взяв Лаватера [110], стал я сравнивать физиогномию всех великих людей; но — умственная величина зависит от фокуса понятий и от точки, с которой мы на нее смотрим. Тут я опять задумался... Мысли мои,

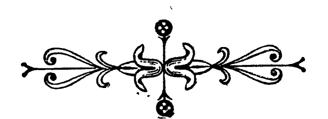
как прикованные, не оставляли меня; я был доволен. Но все, что имеет крылья, не создано для постоянства. Скоро мысли мои вспорхнули, понеслись быстро... Где же настиг я их? На очах, на устах, на улыбке, на румянце ланит, на персях, на задумчивости существа, которое так хорошо, как неиспытанное блаженство. Они хотели даже проникнуть в сердце его, во все изгибы сердца... Остановитесь, дерзкие! там ночь!.. тайны сердца совершаются во мраке... С трудом вывел я на свет мысли свои из подземелий, в которых они уже блуждали, — и стал писать письмо.

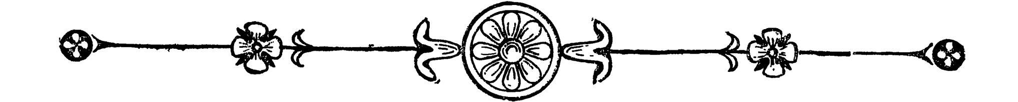
О ваших слышал новостях
От бывшего у нас в гостях
Товарища-приятеля!
Что вы здоровы все подряд,
Я этому сердечно рад,
Благодарю Создателя!
И то с восторгом слышал я,
Что вы, как добрая семья,
Соединились дружбою.
С пером иль с книгою в руках
Проводите часы в трудах
И занимаясь службою.
И в дополненье к похвалам,
Вы ровно к девяти часам
Приходите в чертежную;
И соблюдаете вы в ней
Со рвеньем службы долг своей
И тишину возможную [111].

CCXXVI

— Хотелось знать бы вам весьма
И продолжение письма,
Любезные читатели.
Но продолжать нет сил и слов;
Таких уродливых стихов
Набор рекрутский к стати ли?
Мое житье, мое бытье,
Ты путешествие мое,
Моя энциклопедия!
Пусть свет тебя возьмет, прочтет
И от души произнесет:
Ей-богу — ну комедия!

Конец второй части [112].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Auteur de «St...». Que pensez vous de mon livre?
Une dame... Je fais comme vous, monsieur, je ne pense pas.

*«Lucius Apuleus» Rivarol**.

ОГЛАВЛЕНИЕ

---

* Автор «Ст.....». Что думаете вы о моей книге?
Дама... Я поступаю как вы, мсье, я не думаю.
«Луций Апулей» Ривароля (*франц.*).

** Стыдно говорить (*лат.*).

3* Еврейская суббота (*украин.*).

День XXXVII

День XXXVIII

День XXXIX

День XL

День XLI

День XLII

День XLIII

День XLIV

День XLV

4* Главная улица (*молд.*).
5* как водится, или: по обычаю (*молд.*).

День XXXI

Ὑ τὸ μέγα ἐν, ἀλλὰ, τὸ εὖ μέγα*

CCXXVII

(*На берегах Фригии*[1] *Аполлон в рубище таскает на носилках камни для построения Трои*[2].)

Поденщик

Источник света и лучей!

Аполлон

Скажи мне попросту: *изгнанник!* **

Поденщик

Светлейшей ясности твоей
Представиться желает *странник*!

Аполлон

Теперь некстати эта честь!
Где он?

(*Странник входит, в пестром переплете, обремененный типографическими ошибками*[3].)

Странник

Всепресветлейший.........

Аполлон

Лесть!
Прошу обыкновенным слогом!..

Странник

Я — я......

Аполлон

Ты — ты? Довольно, с богом!

(*Странник выходит в свет.*)

* Не огромное благо, но благая огромность (*новогреч.*).
** Аполлон был в изгнании с Олимпа (*прим. автора*).

CCXXVIII

Ah! ah! (il rit) [3*]

Все *встречные* хотели знать цель его, спрашивали: куда идешь?

Посмотрите, отвечал он, на этого мотылька, который летит по одной со мной дороге.

Мгновенный гость существованья!
Зачем и ты летишь на свет?
Ужели и тебе во тьме покоя нет,
Как пылкому уму гордейшего созданья?
Смотри, вся даль алмазами горит:
Не подлетай, златые крылья вспыхнут!
Луч таинства твой взгляд навеки ослепит,
И поздно гордые мечты твои утихнут!
И *все* и *всех* судьбы в пределы облекли,
Не преступить заветную границу!
Как рвется *узник дух* подняться от земли!
Как силится увлечь на небо и темницу!
Глас внутренний твердит, гремит его уму:
«*Законы вечные Вселенной не случайны*!»
И мысли, слабые светильники! сквозь тьму
Хотят прозреть завесу вечной *тайны*!
Прошли века, пройдут века веков,
На общем кладбище улягутся народы;
Но не постигнет ум Создателя миров,
И тайны занавес не снимется с природы!

CCXXIX

В пространной пристани Трои, нагрузив корабль (сделанный, как уже было выше сказано, из зеркала) всем *невещественным*, я невольно должен был подумать также и о невещественном *балласте*, столь необходимом для тяжести и равновесия. Всякий может понять, что я говорю про *пустословие*, балласт умственный; и потому, без дальнейших объяснений, я отправляюсь в Архипелаг.

Подобно мне, несомому по волнам Геллеспонта, в которых некогда отсвечивалась *Ида*[4] и ее подножие, украшенное паросским мрамором и садами Трои, мысли мои несутся по пучине памяти.

В ней отражается бывшее; чертоги Приама[5], высокие стены и башни, огромные храмы и тот певец, который родился в *Смирне*, *в Родосе*, *в Колофоне*, *в Саламине*, *в Хиосе и в Афинах*[6]; и его песни о славе *Ахилла* и *Одиссея*, и его *Батрахомиомахия*[7], и его *Гимн Церере*, погибавший в неизвестности в продолжение 2760 лет и, к счастию, отысканный в конце прошедшего столетия *Христианом-Фридрихом Маттеем*[8] в *Патриаршей ризнице* в Москве.

[3*] Ах! ах! (он смеется) (*франц.*).

CCXXX

Continova, s. f.— continuation
(Nuovo Dizionario portatile) 4*.

Так! все прошедшее отсветилось в памяти моей!

Вот, близ мыса Сигейского, на могиле славной Трои, светятся степы Александрии. И они исчезли! — Вот на могиле Александрии, орошаемой Скамандром, чернеют хижины Бунар-баши. И они исчезнут! *Инш-Алла*! (будь воля божия!).

Как Солиман, сын Оркана [9], перед походом в Херсонис Фракийский взошел на груду камней, бренных останков Трои, подивился на них и отправился далее, покорять Галлиполи [10], так и я, насмотревшись на развалины истинного просвещения, отправляюсь с моим караваном в дальнейший путь по земному шару.

CCXXXI

Маре Калабалык! 5*
(Молдаван.)

Счастлив тот, кого судьба отклонила от бурь морских, сердечных, житейских и от всех родов бурь, сопровождаемых громом, молниею, вихрями, словами, угрозами и ударами.

Пробираясь между попутными и противными ветрами во время поднимавшихся со всех сторон туч, я причалил к берегу, оглянулся на море. Какая картина! Представьте себе *море синее*, *белое*, *красное или черное*, все равно. Вот туча помрачает горизонт и предвещает близкую бурю. Вот раздаются уже громовые удары, молнии рассекают воздух. Вдали корабль — жертва бездны! Ветры сорвали с него паруса, снасти лопнули, молния ударила в мачту, мачта разлетелась вдребезги, огонь коснулся до порохового запаса, корабль взорван. Смотрите на огненную тучу! Вот рог изобилия, из которого сыплются в море люди, бочки, камни, бревны, золото, пушки, ядры и все, все, кроме нескольких сот пуд губительного состава, изобретенного *Шварцем* [11]. Он повис на воздухе. Где ж прежняя тяжесть его?

Страшно быть взорванным! Я это испытал:

Холодность сносна лишь при муже;
Но вдруг она, день ото дня,
Со мной все хуже, хуже, хуже...
Как это взорвало меня!
Как это взорвало меня!

4* Continova, сущ. ж. р.— продолжение. (*Новый карманный словарь*). (*итал.— франц.*).

5* Ну и Неразбериха! (*молд.*).

CCXXXII

Море, о море, о пространное море!
(Фигура усугубления. § 56 Краткой риторики)

Когда буря утихла, тучи пронеслись за пределы южного горизонта, а море поглотило все, что было тяжелее вод его, я пустился далее. Корабль, управляемый своенравным кормчим, летел, как мысль; огненная борозда струилась вслед за ним. День уже скрылся, но поверхность вод искрилась и казалась обширным полем света; а волны оделись блестящею пеной. Подобно *Форстеру*[12] и многим другим естествоиспытателям, я хотел проникнуть в таинственность этого света; думал, думал и, наконец, решил, что не светящиеся рыбы, не черви, не мокрицы, не полипы и не икра причиною оного, а трение вод, рождающее *пену*, блестящую и осыпанную жемчугами мать *Афродиты*[13].

CCXXXIII

Wus hat Er gesakt?
(Ein Jude)[6*]

Быстро летел корабль мой; так быстро, что на вершине мачты показалась *Елена.* Нужно ли напомнить догадливому главу CLI и то, что я, как торопливый путешественник, с таким же вниманием взглянул на рассеянные острова по Архипелагу[14], как торопливый читатель на главы, рассеянные по моему *Страннику.* Их разделяет друг от друга пучина вод; сообщение между ними трудно, я согласен; но виновен ли я, что мое воображение произвело умственный Архипелаг? Не от понятия ли читателя зависит: в *Фазосе* отыскать золотые и алмазные мины; в *Лемносе* взглянуть на вулканы; в древней *Евбее* вкусить роскошных плодов и меду; в *Саламине* вспомнить морскую битву[15], бывшую за 480 лет до Р. Х.; в *Эгине* поучиться у *мирмидонян* муравьиному трудолюбию; в *Идре*, или в *Нио* — морскому искусству; в *Андросе* принести жертву Бахусу[16]; в *Китносе* взять целебную ванну; в *Делосе* взойти на развалины храма Аполлонова и пожалеть, что нельзя уже вопросить оракула о судьбе своей; в гористом *Миконц* оплешиветь; на роскошных лугах *Станфалии* нарвать цветов и свить венок для любимого существа... Все это зависело от читателя. На всех этих островах, и особенно на *Имбро* и *Мило*, есть много *дичи...* но — о господа охотники! берите ружья, снаряжайтесь! я вас заведу в такие места, где у бекасов носы длиннее, чем у всякого обманувшегося или обманувшего *политика, хитреца и волокиты.*

[6*] Что он сказал? (*Еврей*) (*идиш*).

CCXXXIV

Я заметил, что одно только *воспоминание* пишет хорошо, красноречиво и плавно. Ему и перо в руки! Точно, ему и перо в руки! И это перо будет подобно мечу *Скандер-бега*[17]. Какой Магомет в состоянии владеть оным?

И сверх того:

Поэтом тот себя не числи,
Кому полет на небо труд
И у кого с пера текут
Одни чернилы, а не мысли!

CCXXXV

Гай-гай! Ио́н! Ио́н-же-ио́н!
(Малор. воскл.)

Между тем как слово *Счастие* водит за нос своих поклонников, точно так же, как и *Щастие*, а они хотят сорвать с радуги золото и драгоценные камни, — я с горестию смотрю на обманчивый блеск *Изиды*[18], вижу, как он обращается в крупные капли дождя и мочит искателей, и — продолжаю писать о том,

Что стало злой забавой света,
Что всякий знает наизусть,
Что так приятно для Поэта
И что в него внушает грусть.

Часто душа ищет для себя пищи в разнообразии предметов. Следуя ее влечению, я отправляюсь к *источнику философии*, известному у одних под именем *добра*, а у других под именем *зла*; сажусь подле него на камень и смотрю на алхимическое производство обращения всего в золото. Честь, совесть, истина, дружба, любовь, все обращается в благородный, звонкий металл — и счет короток!

CCXXXVI

2 жды 2=4

«Это старо!» — скажешь ты? Но кто бы ты ни был, смертный или божество, как говорит странствующий *Телемак*[19], дай мне руку, умолкни на несколько мгновений, склони очи к земле и обрати ко мне слух твой!

Не верю я торговой чести,
Пословица ужасно лжет:
Какой дурак товар и вести
За что купил, за то и продает?

CCXXXVII

Завтра! завтра!

День XXXII

Good dawning! *

CCXXXVIII

В двадцатый день странствования своего я размышлял о *Вселенной.*

Что такое *Вселенная*?

Нет ничего труднее умного и здравого ответа; и потому с той поры, в которую человек начинает обращаться с вопросами к самому себе, душа становится грустною, небо жизни начинает покрываться тучами, рассудок, как придворный, должен хитрить пред царствующим сердцем и часто льстит любимцам-страстям, чтоб достигнуть цели своей.

Если бы вздумалось мне спросить у какого бы то ни было существа, одаренного светом разума, что такое Вселенная? посмотрел бы он на меня, как на *неука*, с видом удивления и, не отвечая, отворотился бы от меня, как ученик верхних классов, которого самолюбие затронули обидным вопросом: что такое грамматика? К кому же после подобного события во Вселенной обратиться мне с вопросом, как не к самому себе?

Представьте же теперь, любезные народы, что *Вселенная* есть не что иное, как то прелестное, совершенное существо, та дочь вечности, с которой воображение срисовало все виды и образы мечты и которая носится в пространстве, одинокая, то грустная, то радостная, то грозная, то величественная, смотря по расположению духа того, кто об ней думает.

Сбросит ли с себя когда-нибудь эта красавица все блестящие, украшающие ее разноцветные солнцы и вечно-голубую, прозрачную одежду свою?

Разве тогда только, когда предсказанный *дракон* пролетит в пространстве, вихрями крыльев своих смахнет с неба луну и звезды, опрокинет сосуд света и, сдавив в когтях Землю, вознесется, как орел, и с высоты опустит ее... но куда же она полетит?

CCXXXIX

Во время вышеозначенного полета Земли по неопределенному направлению сохранила ли бы она силу центровлекомости? Если нет, то, милые друзья, я не имею силы продолжать эту главу.

---

* Доброе утро! (букв.: рассвет) (*англ.*).

CCXL

> L e G é n i e (*seul*)
> (on entend une douce symphonie)
> Mais quels doux accens succendent
> au cris de la douleur?..
>
> *Divert. de St. Foix* **

Отклонив внимание от напуганного воображения, я беру посох свой, *выхожу из комнаты, схожу с крыльца, прохожу калитку и* — иду глухим переулком. Темно, тихо, все спит; редко где покажется сквозь ставень луч света или отзовется из-под ворот сторожевой пес. Мысли толпятся в голове моей. Сам себе задаю я вопросы; сам разрешаю их. Да! — говорю я мысленно:

— Да, точно! жить на свете трудно!
Но что ж такое значит жить?
— Любить умно и безрассудно,
Уметь и не уметь любить.

Но кто ж не умеет любить? что за труд любить? — вскричал я и — остановился, чтоб удобнее обдумать, правду ли я сказал.

— Ложь! — отвечали в один голос все мудрецы и великие мужи, описанные Плутархом. Я покраснел и со страха бегом удалился от самого себя.

Торопливость всегда бросит что-нибудь под ноги; однако же я в совершенной целости дошел до ворот того дома, в котором сердце гадает о своей участи. Ни сфинкс, ни лев, ни дракон не сторожили подле них; и потому беспрепятственно сделал я несколько уже шагов по двору, как вдруг сердце мое забилось. И как не биться ему тогда, как я был уже там близко от того крыльца, по которому легче всходить, нежели сходить; так близко от тех стен, в которые я желал бы превратить мои объятия!

Поставив правую ногу на первую ступень крыльца, я остановился, осмотрелся кругом: не заметил ли меня кто-нибудь? — Нет... слава богу!.. тут... я выкрал сам себя и скорыми шагами пустился домой.

Подобная нерешительность есть болезнь, основанная на предчувствии, поздняя обдуманность сердца, неуместный вопрос: *быть или не быть*? характеристическая черта любви, каприз рассудка, нервическое расслабление, онемение чувств, раздор души с телом, животная лень и пр. и пр. и пр.

CCXLI

Воротясь домой, я спросил себя: зачем воротился я? Так как люди сами себе, по обыкновению, отвечают довольно медленно и нерешительно, то и я, последуя введенному обычаю, долго молчал, как будто в ожидании, чтоб кто-нибудь ответил за меня. Этого не случилось, и, следовательно, вопрос остался нерешенным, а я, наскучив сидеть дома, вышел за город, чтобы подышать свежим, чистым воздухом.

** Г е н и й (*один*) (слышна нежная симфония) Но какие нежные оттенки сопровождают горестные вопли?.. *Диверт.⟨исмент⟩ Сен Фуа* [20] (*франц.*).

CCXLII

Mais il est vrai que l'air pur n'est pas fait pour l'homme, comme on le demontre en chemie.

Rivarol [3*]

— Терпение! А что такое терпение? — говорили 5 171 003 405 человек, входя в мою комнату.

— О, если до меня дошла очередь отвечать на этот вопрос,— сказал я, возвысив голову и голос,— то готов уверять вас на каждом шагу и в каждую минуту моей жизни, что терпение есть истинный талант гения, истинный щит против настоящих и воображаемых несчастий, лекарство от всех болезней, постоянное занятие души, истинный труд, философский камень, квадратура круга, греческий огонь, лучший признак существования...

Готов покорно перенесть
Всю тяжесть зол от Провиденья
И от людей: во мне терпенья
Довольно есть, но есть и честь!

Это значит, что для человеческого терпения необходима великая душа, а не длинные уши, крепкий хребет и твердая шкура.

CCXLIII

Il n'y avait rien de si facile que de dècouvrir l'Amerique, puisqu'il ne s'agissait que d'aller pour la rencontrer.

(Les envieux) [4*]

Не зная, с которой стороны подойти мне опять к тому месту, где остановилась главная мысль моя и военные действия, я задумался, как Аристотель, о достоинстве сочинений и книг.

«Хорошая книга есть та, — говорит он, — в которой сочинитель говорит *то, что должно*, не говорит того, *чего не должно*, и говорит *так, как должно*».

«*Добродетель придерживается во всем середины*», — замечает тот же самый Аристотель [22].

И потому я совершенно прав, если пишу *не совсем то, что должно, не совсем то, что не должно, и не совсем так, как должно.*

Например, каким образом пропустил бы я следующую главу и не очистил воздух от шлаков злого языка?

[3*] Но это верно, что чистый воздух не создан для человека, как это доказывается химией. *Ривароль* [21] (*франц.*).

[4*] Нет ничего легче, чем открыть Америку, надо только пойти, чтобы ее встретить. (*Завистники*) (*франц.*).

CCXLIV

(Pudet dicere).
Florus [23]

Уж с год вдовой она была
И скромно с маминькой жила...
Зимою время скучно, длинно;
В кругу приветливой семьи
Часы свободные мои
Неслись так быстро и невинно.
Но что же! Злой язык сказал:
Он там дневал и ночевал!
Я там дневал?.. Я ночевал?..

День XXXIII

Ein armer Teufel sang und trallerte vom Morgen
Bis in die Nacht entfernt von Gram und Sorgen.

Deutsche Geschichte *

CCXLV

Много раз слышал я, долго и сам думал, что и поэт создан для разнообразия в мире, что и он, подобно всем художникам и ремесленникам, существует для промысла, но... что же скажу я против этого холодному веку? Вопросим Оракула...

Но до Оракула далеко,
Далеко, милые друзья!
Дойти сегодня до Востока,
Мне кажется, не в силах я.
Но нет! Для вас, мои богини,
Как мысль крылатая паря,
Чрез Аравийские пустыни,
Чрез горы, степи и моря
До мест, где теплится заря,
Достигну я!.. достигну, дети!
Шалуньи!.. Вот уж пролетел
Тьму расстояний и столетий
И, слава богу, жив и цел.
А вы?.. устали?.. о малютки!..
Как жаль мне вас!.. как не пенять!
Ну для чего, зачем вам брать
С собой в дорогу предрассудки!..

---

* С утра и до ночи, не ведая забот,
Не зная грусти, пел и пел бедняга черт. *Немецкая история* (*немец.*)

Тяжелая ноша, избави бог, какая тяжелая ноша! сказал бы и Александр Васильевич[24] — русская душа, великая душа, чистая, огненная душа!

Но вот храм Аммона, вот Оракул. Слушайте ответ его:

Погибни в том остаток чувства,
Будь в жизни все ему на зло,
Кто дар считает за искусство,
А труд души — за ремесло!
Я жизни сей не раб презренный,
Я проводник того огня,
Который движет всей Вселенной
И с неба льется на меня!

CCXLVI

Уже не то небо надо мною, которое, подобно голубому балдахину, осеняет высокие горы, глубокое море, зеленые степи, роскошные сады. Уже не то время во всей Вселенной, по которому катилась цветущая молодость моя и всего современного мне поколения. Тяготеющих слоев воздуха более уже надо мною, чувства мои стали внимательнее к жизни; но огонь в них прежний: душа — незримая весталка — сохранила его! — Блажен, кто не прожил радостей!

Кто знает цену сам себе,
Кому другие знают цену,
Тот не ищи своей судьбе
Другого счастия в замену!

CCXLVII

Полечу зегзицею по Дунаеви!
(Сл. о плъку Игореве)

Милые мои! с удовольствием сердца, с ясною душою и чистой совестью становитесь на *плашкот*[25].

Если б вместо пера явилась в руке моей кисть, а предо мною вместо чернил — палитра, вместо бумаги — полотно; и если бы поэзия — умственная живопись — преобразилась в живопись обыкновенную, — вы, верно, были бы довольнее мною и, указав пальцем на картину, сказали бы: «Вот Дунай! Вот на Дунае остров, вот плашкот, на котором мы плывем, вот турецкая крепость Гирсов! Смотрите, как каменные стены срослись со скалою! Вот плывет по Дунаю корабль! А там, там, какая цветущая даль! Как постепенно скрывается река в зелени, исчезает в тени высоких скал правого берега!».

Вот что сказали бы вы. Для вас нарисовал бы я и себя. «Вот он!» — произнес бы кто-нибудь. Чего же более?

CCXLVIII

Читатели, пробегая взорами главу CCI, могли думать, что она кончена, ибо под статьею не было подписано: *Продолжение в CCXLVIII главе.* Это простительно: по дальному расстоянию этих глав друг от друга я не мог видеть из CCI, что находится в CCXLVIII.

Кто слово Ветхого завета
Над мрачной бездной произнес
И искрой собственного света
Безбрежный озарил Хаос?
Не ты ли, Солнце? — Что ж сгорело?
На запад светлый взор поник?
Где храм величественный Бела[26]?
Где твой хранимый Вестой[27] лик?
О, не гордись своею силой!
Все славит ясный твой восход,
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет![28]

CCXLIX

Странная вещь! Какую точку ни избери в этой чудной Вселенной, смотри с оной двумя человеческими глазами, отвсюду видно одно и то же! Везде небо, усеянное неутихающими искрами, везде определенности и законы, во всем жизнь и равновесие, повсюду бог! — Океан существования, света, мудрости, блаженства!

О, если б рука моя была так длинна, как луч моего зрения, то... я не знал бы, что мне с нею делать!.. и особенно в это мгновение, когда сердце предлагает ее новой Армиде[29], чтоб помочь ей взойти по узкой тропинке, вьющейся между частым виноградником, на высокий холм в Карпатских горах, с которого видна вдали пустынная равнина и Матчинские скалы, а вблизи струйка славного Рымника[30].

— Ужели это тот Рымник, в котором погибла вся турецкая армия и в котором утонул сын Суворова? — это ручей!

— Точно, без прибавления.

Хоть за горами и ручей
Не хуже моря часто топит,
Но здесь, читатели, ей-ей!
Совсем преданье не эзопит.
Да, *Рымник* не велик поток,
Но редко кто бы в нем поплавал;
Весной он быстр, широк, глубок,
Весной утонет в нем и дьявол.

— Это удивительно! — однако ж мы отстали от прочих, где они?

— Кажется, вправо.

— Кажется, влево.
— Не заметил.
— Побежим искать их! ловите меня! — *Она* пустилась с горы, как серна; я вслед за *ней*. Луга, сады, виноградники мелькнули около нас. Быстро летела она, я за нею. До цели было уже недалеко, я отчаялся догнать ее, но...

Благодаря сетям таланта
Она ко мне попала в плен.
И стал я новый Гиппомен,
Она — вторая Аталанта[31]...

CCL

Досадно мне, очень досадно правило, что человек, по воле или поневоле, а должен оставлять места, людей, привычки, желание и пр. и пр. для новых мест, людей, привычек и желаний и т. д.! — Скажу ли я сам себе или другие мне скажут: «ты не на своем месте!», и я должен идти далее. Замечу ли я сам себе или другие мне заметят: «ты здесь не любим», и я должен идти далее. Привыкну ли я к кому-нибудь или ко мне кто-нибудь привыкнет, — и я должен идти далее, чтоб привычка не обратилась в пагубную страсть. Желаю ли я себе счастия или другие желают мне счастия, — и я должен не идти, а бежать далее, ибо счастие есть быстрая Аталанта. Таким образом, и время идет и мы идем. Но я устал идти пешком; сажусь в фургон и еду. *Берка*, жидок, подгоняет кляч; медленно передвигают они восемь ног своих, скука одолевает меня, я засыпаю.

День XXXIV

CCLI

Сладко спалось мне. Сладко было пробуждение мое. Тишина окружала меня. Как потерявший память, я не знал, где я. Хотел рассмотреть, приподнимал ресницы, но они опадали снова на глаза, и предметы скрывались от взоров. Сон преодолел усилие. Снова погрузился я в волны забвения. Мне казалось, что я на Олимпе, на пиру у Юпитера. Жажда томит меня, я умоляю Гебу[32]:

Лей нектар мне, Ювента-Геба!
Дай пить!.. горят мои уста!..
Как свет, как мысль о благах неба,
Струя прозрачна и чиста!..

Как сладок... взгляд твой! Что ж он томен?
Не буря ли волнует грудь?..
Постой, постой!.. я буду скромен...
Я буду пить!.. но дай вздохнуть!

CCLII

Глубоко вздохнул я и проснулся. Смотрю. Где я? — Лежу в фургоне, лошади распряженные спокойно едят сено. Вправо лес; влево... шум... уединенная корчма... Где же мой Берка? мошенник!

Иду в корчму — в корчме все пьяно!
И Берка пьян! Ну как тут быть?!
Он Мардохея от Амана [33]
Не мог, бездельник, отличить!
Подобный *растах* * не был в плане!
Вот я к жиду: Впряжешь ли кляч? —
Что ж жид в ответ? — «*Ни, шабас, пане!*» —
О, счастлив тот, кто не горяч!
Но если б и его заставить
В корчме с жидами шабаш [34] править???
Я посмотрел бы!!!

День XXXV

В. в. **, при вверенном мне посте все обстоит благополучно, нового ничего нет.

(Прав. гар. службы)

CCLIII

Я полагаю, что всякий помнит, на чем остановился поход мой во II части, всякий знает причину остановки; и потому, после короткого или долгого времени, я возвращаюсь в стан мой при *Козлуджи*.

Тихо, не рассекая воздуха, приблизился я к палатке своей. Какой беспорядок во всем лагере! Мои телохранители, мои амазонки, в утренних полуодеждах разбрелись по садам, забыли обязанности и рвение к службе!

Что, если бы во время моего отсутствия из стана толпа турок явилась в стан? — Достало ли бы во мне души и тела, чтоб отвечать за испуг, слезы, отчаяние, обмороки и за все возможные женские припадки, коим могли бы подвергнуться мои *долгополые рыцари*? — О!!! — заревел я, как нуми-

* Остановка в пути.
** Ваше высокоблагородие.

дийский лев, и, сломив с головы стоявшего после меня огромного вола рог, затрубил в него тревогу и сбор.

«Женщины! — вскричал я к собравшемуся войску моему и после долгого молчания продолжал:— Ступайте! нет другого слова ни на каком языке, которое могло бы лучше выразить упрек мой.»

«Странно! — сказали несколько удалявшихся с сборного места девушек, — отчего он нам ничего не сказал!»

CCLIV

Приведя в должный порядок благочиние лагеря и разослав по всем частям войска диспозиции на будущий день, я подошел к шатру Царь-Девицы. Близ самого входа...

Я кашлянул и нос утер.
Потом лицо и руки вытер
И мыслил: если б в сей шатер
Дождем упал я, как Юпитер [35],
То...

Тут остановился я, вынул карманное зеркальцо и не мог удержаться от смеха.

Я так похож был на *Лицо*,
Шпигованное виноградом,
Когда, поднявшись на крыльцо,
Оно все занято *докладом*,
Когда на нем так видны: пот,
Табак, угри и тьма забот,

так похож был на него, что устрашился самого себя; но, несмотря на это, я двинулся всем своим корпусом вперед, — все забыто!

CCLV

Я не заметил, что сделалось с солнцем: по обыкновению *село* оно или, не садясь, исчезло с неба. Скучная луна ныряла в облаках, как *камбала*, и, подобно *холодному существу*, равнодушно смотрела на всё и всех. Не удивительно: давно присмотрелась она на плутни, давно прислушалась к вздохам... пора наскучить!

Между тем, как луна плыла, а звезды строились на небе по данной им в день мироздания диспозиции, — небесного порядка ничто не нарушало, а земной... но на земле другое дело: сегодня не то, что вчера, вчера не то, что третьего дня, и т. д. по бесконечности *Невтонова бинома* [36].

День XXXVI

CCLVI

Вот Шумла. Милые мои спутницы, привыкшие к победам, готовьтесь!

Нетрудно вам завоевать
Эдем [37], не только царство турок;
Вы научились побеждать
В кругу кадрилей и мазурок;
Ваш нежный взор, ваш страстный вздох
Ужасен, грозен и смертелен!
Ура!.. победа!.. с нами бог!..
Но кто изменит, тот расстрелян!
— Расстрелян? как! и в нас стрелять? —
По ратному раздалось полю.
— Нет, не дадим себя в неволю! —
И вот моя исчезла рать!
Как трудно войском управлять!

CCLVII

Как Силла при Орхомене [38], я схватил шаль Терно [39] из рук знаменосной девы и вскричал: оставьте меня, оставьте! я и один проникну Шумлинские стены, взберусь на высокий минарет *Яны-Джамэ*, чтобы сломить с него двурогую луну! Если я упаду с высоты минарета, то скажите всем, всем умеющим не только читать, но и разбирать по складам русские книги, что я пал, без помощи...

NB. Как счастлив тот, кому не помогают падать!

Слова подействовали. Героини мои, как озаренные жизнию цветы, собрались снова в пышный букет, и я двинулся на подвиг.

CCLVIII

Едва только солнца... или нет... едва только Земля пришла в то положение, в котором, смотря с Буланлыкской высоты на восток, солнце стелет лучи свои, начиная от Арарата, по Черному морю, чрез Варну и потом вдоль Проводской долины, Шумлинская гора показалась мне старой турчанкой, сидящей, свернув под себя ноги, на роскошном ковре булгарской природы. Представьте же теперь свернутые ноги за фасы [40] укрепления и за этими фасами, в огромной расселине, город Шумлу [41]. Картина стоит причудливой кисти Жоаннота [42].

CCLIX

Итак, 8 июля назначен был приступ к Шумле. Я проснулся под светло-голубым небом Булгарии вместе со всем русским войском и с Авророй, которая, раздвинув тоненькие облачка, завесившие ее ложе, окинула с востока любопытными взорами величественный русский лагерь. Вспомнив, что 8-е июля был первым днем моей жизни, я подумал, что он же, может быть, будет и последним, вздохнул и потом, позабыв, о чем я вспомнил и о чем подумал, сел на своего гнедого *Турчонка,* заставил его проплясать, согнуться кольцом, стать на дыбы, закрутить по дюжине раз вправо и влево на одном месте и — пустился на сборное место, к царской палатке.

CCLX

Поэты двух великих наций,
Виргилий и слепой Гомер,
Богатый подали пример,
Писали тьму в стихах реляций;
Но для чего язык богов,
Где громок смысл без громких слов.

CCLXI

Пред началом еще предыдущей главы большая часть моих читательниц, предвидя уже жестокую битву и льющуюся кровь и предчувствуя тот страх, который может в них поселиться от сей ужасной картины и от грома нескольких сот орудий, тихо скрылись... Не выводя их из заблуждения уверениями, что опасность не так велика, как они воображают, и что турки трусы, я опускаю, как ночь, покров на реляцию действий.

Здесь должен я уведомить читателей, что, вопреки предчувствию, изъясненному мною в CCLIX главе, Провидение не лишило меня в этот день ни одного из признаков жизни.

Около полуночи, жив как нельзя более, ехал я один-одинехонек, потому что вестовой мой казак, будь ему в укор сказано! отстал от меня: ехал я чрез поле битвы на правом фланге действий. Конь часто храпел, останавливался, отскакивал, перескакивал; может быть, его пугали те, которые залегли покоиться на сырой земле, среди поля чести. Отыскав на карте с. Майну, Майку, или Макак, на правом фланге нашей новой позиции, и отведя туда баталион 8-й дивизии, я возвращался тихо и думал о том, как бы скорее отыскать *Главную квартиру*, денщика, вьюк, чайник и все принадлежности военного ночлега.

Все это я нашел. Усталость убаюкала меня, и я скоро перенесся... в следующую главу, — и что же?

CCLXII

Быстро летел я на почтовых. Колокольчик не успевал издавать звука, облако пыли крутилось около меня и скрывало от взоров моих *все предметы*, кроме солнца, которое, как будто в часы затмения, казалось без лучей, но жгло безбожно.

Я торопился; непостижимое чувство влекло меня; мысли и взоры мои были устремлены на даль, которая лежала передо мною. Мне казалось, что духовный *я* был уже *там*, и нетерпеливо ожидал приближения вещественного *я*.

Налево показались строения.— Какое это селение? — спросил я у извозчика.

— *Алеф!* [43]— отвечал он.

Здесь должна быть станция, думал я, ибо мы проскакали уже около 30 верст; и точно. Поровнявшись с небольшим домом, лошади остановились как вкопанные, колокольчик звякнул, я выскочил из повозки, вбежал на крыльцо, в сени, отворил двери направо и вошел в небольшую комнату.

Сухощавый бледный человек в утренней одежде, в шапке сидел подле стола, уложенного книгами и бумагами; подле него на полках, на стульях, на полу, на окошках также были разбросаны разной величины книги в деревянных, в кожаных и пергаментных переплетах.

— Господин смотритель, лошадей!.. да скорее!.. Как эта станция называется?

«*Алеф*», — произнес смотритель, не обращая на меня внимания.

— Послушай, дружок! Когда ты видишь перед собой на чьих-нибудь плечах мундир и эполеты, то ты должен снять свою шапку и приниматься за дело!

«*Бэт!*»

— Бэт? ах ты, старая дуга!

Я схватил смотрителя за грудь, шапка свалилась с головы его.

«*Гиммэль!*» — вскричал он.

— А! теперь по-немецки! На, возьми подорожную, записывай!.. и лошадей! живо! — Он взял подорожную и молча поворачивал ее во все стороны.

— Что ты думаешь?

Смотритель посмотрел на меня и стал шептать:

«*Алеф, бэт, гиммэль, далэт, хэ, вув!*»

— Слушай, приятель! чтоб отвязаться от глупости твоей или плутней, вот тебе на чай, на водку, на хлеб, на что хочешь, только давай мне скорее лошадей!

Взглянув на меня, потом на несколько мелких серебряных монет, положенных мною перед ним на стол, смотритель оставил подорожную и стал пересматривать деньги по одиночке, приговаривая: *алеф... гиммэль... вув... хэс... куф...*

Кто одарен от природы прекрасным свойством, называемым *терпение*, тот мог бы наслаждаться этой картиной, но я не вытерпел. Сбросив со сто-

ла все деньги на пол, я схватил подорожную и всунул ее в руки смотрителя. — Читай! пиши! и вели запрягать лошадей!... или... я...

Взяв опять подорожную, он посмотрел на нее, подумал, встал с места, подошел к полке и стащил с нее огромный фолиант. Возвратясь на место, разогнул книгу, положил пред собою и подорожную, взглянул на нее и стал перебирать листы.

Огромная книга была какой-то словарь!

— Ты, кажется, выжил из себя! на какой язык переводишь ты мою подорожную!

«*Ламмэд, мэм, айн, заммэх, алль, пай, фай*»,— произносил вместо ответа смотритель, усиливая голос свой; но я не дал кончить ему непонятной речи.

— Демон! жид!— вскричал я и, вырвав книгу из рук его, бросил ее. Книга ударилась в полку, куча других книг посыпалась прямо на чудака. То же самое движение повалило стол. Вслед за столом повалился на землю и смотритель, повторяя: *алеф, бэт, гиммэль...*

С ужасом я выбежал из комнаты в сени, на двор, на улицу... Ни души нет.

По дороге раздавались редкие звуки колокольчика.

Пустая почтовая тройка ехала мимо, шаг за шагом. Ямщпк спал в повозке. Я вскочил в нее; ямщик вздрогнул и проснулся.

—Послушай! — вскричал я,— вот тебе кошелек с деньгами!.. Вези меня скорее до следующей станции!.. Ни слова! мне некогда разговаривать с тобой!..

Схватив вожжи, ямщик вытянул лошадей кнутом, и они понеслись быстрее стрелы.

— Слава богу! — думал я, — по крайней мере избавился от проклятого *Алефа*! — и лег в сено, которое лежало в повозке. Я уже стал засыпать, как вдруг почувствовал ужасные толчки.

— Ты пе разбираешь дороги! — вскричал я и выглянул из повозки. Мы ехали по вспаханной земле.

— Борода! куда своротил ты!.. где дорога?

«*Алеф*!» — раздалось в ушах моих.

— Опять *Алеф*!.. Ступай на дорогу!

«*Бэт*!» — продолжал ямщик.

— На дорогу, мошенник!

«*Гиммэль, далэт, хэ, вув, зайн, хэв, тэт! . .*»

— Что делается со мною!.. где я!.. в какой земле?.. откуда взялись эти проклятые *Алефы*! — вскричал я, взбешенный. Схватил левой рукой ямщика за ворот, хотел ударить... глядь — правой руки нет!

— Уф!..— возопил я.

«*Туф*?» — произнес ямщик вопросительным голосом и вдруг остановил лошадей.

— Нечистая сила! дьявол! алеф! ступай на дорогу!

«*Алеф*?» — сказал ямщик, взглянув на меня, и вдруг ударил лошадей, пустился по полю во весь опор.

Я потерял и силы, и голос.

Мы неслись с горы и на гору, по камням и по грязи; то пыль взвивалась вокруг нас столбом, то обдавало нас грязью и водой. Колокольчик умолк; только отрывистые восклицания ямщика: *пай*, *фай*, *айн*, *алль*, *каф*, *рэш*, *шин*!.. раздавались в ушах моих. Взобравшись на ужасную гору, я со страхом взглянул на крутизну, с которой нам должно было спускаться.

В долине светилась широкая река; за рекой, против нас, было огромное здание, обнесенное садами и светлыми райскими окрестностями.

— Что это за строение? — спросил я.

«*Замэх*!»

— Какой замок?

«*Айн*, *пай*, *фай*, *цадык*...»

Я не успел еще кончить нескольких сердитых слов, лошади ринулись с горы...

Как оторванная от гор скала, рухнулись мы в реку.

Невозможно определить того чувства, которое наполняет душу во время неожиданного падения. Это чувство не есть страх, потому что страх есть чувство неприятное; оно более похоже на замирание сердца и чувств, когда щекотит нас леший; оно ближе к наслаждению, и человек любил бы его, если бы смерть или лишение какого-нибудь из драгоценных членов тела не было последствием падения. Это чувство есть мгновенное отсутствие мыслей, и потому я не помню, каким образом погрузился я в воду, не помню, как лошади вынесли меня на другой берег и как ямщик свалился с повозки, исчез под волнами, а я стоя правил лошадьми.

Как Асфалей, Дагон или Нептун [44] выплывает на поприще моря в раковине, запряженной дельфинами, так точно и я показался на противной стороне реки.

Вскочив на берег, кони встряхнулись и пустились в гору, как будто трезубец Нептуна вонзился в них, а лихой ямщик гаркнул, опустил вожжи и дал всю свободу порыву их.— Я еще не успел подобрать вожжей, кони внесли уже меня на гору, пролетели аллею и как вкопанные остановились подле огромных палат, пред которыми на террасе стояло большое общество. Внимание всех было обращено на меня.

Спроси меня кто хочет, на кого был я похож в это чудное мгновение, я невольно засмеюсь ему в глаза и спрошу его: на что похож несбыточный сон?

Появление мое произвело необыкновенное волнение во всех. Как окаменелый, стоял я в повозке и держал еще вожжи. Вдруг общий крик радости, страха, сожаления и удивления раздался на террасе. Все мужчины и женщины, в летах и молодые, бросились ко мне. Мне казалось, что толпы народа вылились из маскерадной залы и обступили меня с криком: *Алеф*!

Волосы мои стали дыбом, холодный пот прокатился по лицу.

С какой-то неистовой радостью несколько мужчин, в разнохарактерных богатейших одеждах всех веков и всех частей света, схватили меня под руки и повели к дому. Все прочие мужчины и женщины толпились вслед

за мною как за чудом, от которого зависит и жизнь, и счастие их. Я потерял остальную память и не мог дать себе отчета, каким образом исчезла с меня мокрая одежда моя, мой военный сертук с перехватом и когда успели облечь меня в какую-то роскошную, покойную, ласковую одежду, кажется, похожую на восточную, потому что я не имел времени, не мог обратить на самого себя внимания.

Я несколько очувствовался, когда уже ввели меня в великолепную, торжественную залу, где все присутствующие обоих полов, похожие на представителей всех земных народов, стояли в каком-то ожидании.

В конце залы, на возвышении, сидела дева; перед нею стоял жертвенник, на котором горел пламень. Я взглянул на нее и опустил невольно глаза свои; она показалась мне божеством, пред которого ведут меня на суд. Помню, что взоры ее были склонены в землю.

Когда приблизился я к ней, она как будто опамятовалась, вскрикнула и встала с места.

Этот очаровательный звук не был похож ни на восторженное *ah*! французское, ни на сухое ἁ!ἰγ!илп ὤ греческое, или ни на гордое *iah*! латинское, ни на чувствительное *ach*! немецкое, ни на резкое *ah*! итальянское, ни на глупое *йох* еврейское; нет, это было нежное русское *ах*! посреди глубочайшего молчания. Оно проникло в глубину моего сердца.

Не смея поднять своих взоров, я, однако же, заметил, что прекрасное, величественное юное создание показало мне рукою, чтоб я сел подле него. Я не смел противиться.

Все присутствующие также сели.

Я ожидал, что будет далее.

Все молчали, взоры всех были обращены на меня.

С каким-то ожиданием девушка сидела, потупив взоры, и также молчала.

Что должен был делать я в таком положении?.. молчать?.. я молчал — и все молчали.

Нетерпение подействовало на меня, — Что ж, — сказал я сам себе, — если от меня зависит вывести и себя и других из глупейшего положения, то я первый прерву молчание!

— Я не знаю, какое божество обратило на меня благосклонные взоры свои и доставило мне счастие быть здесь? — произнес я тихо, обращаясь к молчаливой, прелестной деве.

Она взглянула на меня нежно, и слово *Алеф!* вырвалось со вздохом из уст ее.

«*Алеф! Алеф!..*» — раздалось по всей зале, шепотом.

Холод ужаса пробежал по мне.

— Не понимаю таинственных слов, — продолжал я, — здесь все таинственно для меня; объясните мне или позвольте удалиться от этих очарований!

«*Бэт!*» — произнесла тихо девушка.

«*Бэт! Бэт! Бэт!*» — повторилось тихо тысячами голосов.

Я вскочил.

«Этого я не в состоянии вынести», — вскричал я.

«*Гиммэль!*» — вскричала девушка и бросилась в мои объятия.

Я онемел.

«*Гиммэль! Гиммэль! Гиммэль!*» — раздалось громко по всей зале.

Вдруг явился старец в белой одежде; из-под двурогой шапки древних жрецов снежные власы покоились по плечам. Он подошел ко мне, взял мою руку, вложил в нее руку девы и начал произносить медленно: *алеф*, *бэт*, *гиммэль*, *далэт*, *гэ*, *вув*, *зайн*, *хэт*, *тэт*, *иот*, *каф*, *ламэд*, *мэм*, *нун*, *замэх, айн, пэ, цадэ, куф, рэшь, шин, таф!*

Все присутствующие повторяли эти слова.

Ужас обнял меня, в глазах темнело, день исчез, все покрылось тьмою. Рука девы холодела в руке моей.

«Ваше благородие!.. Ваше благородие!»... — раздалось в отдалении.

— Уф! — вскричал я и проснулся.

Передо мной стояли вестовой и денщик; сквозь палатку светило вечернее солнце; левая рука моя с судорожным движением держала саблю.

— Боже мой! это все было во сне! — произнес я и вскочил с радостию, что отделался от *Алефа*, *Бэта*, *Гиммэля* и от всех букв еврейской азбуки.

День XXXVII

Zetzt gehen wir weiter.
(Überzengender Beweiß der Unsterblichkeit.)
1s Haup. II Abs.

Israel Gottlieb Ganzen *.

CCLXIII

Должно знать всем вообще и каждому порознь, кто не видел собственными глазами крепости Шумлы и знает ее только по сделанному мною выше сего описанию, что Шумла не есть простая, обыкновенная турецкая крепость, но укрепленная позиция, имеющая более сорока верст в окружности, а потому не Кегорн, не Вобан, не Кормонтань, не Бусмар[45] и пр. и пр., не хитрости и не подземная война помогут взять ее, а просто слова: ну, ребята! — с нами бог! — ура!

---

* Теперь идем мы дальше. (Убедительное доказательство бессмертия.) 1-я гл. II отд. *Исраэл Готтлиб Ганцен* (*нем.*).

Но на приступ к этой старой бабе трудно решиться, не предложив пожертвовать хоть одним десятком тысяч закаленных в военном огне душ. Этот расчет должен был подтвердить необходимость покорить прежде Варну как надежную опору левого фланга действующих войск и покровительницу подвоза провианта морем.

Таким образом, значительная часть армии, подкрепляемая гвардейским корпусом, и обратилась с громами своими к древнему *Одессу* [46].

CCLXIV

Варна, как печальная Геро, в саду, под скалами, на берегу морском сидит и смотрит на волны, ожидая Леандра [47].

Несчастный Владислав IV [48], король польский, желая избавить красавицу от ига мусульманского, нарушил торжественный мир, едва только заключенный на Алкоране и Евангелии с Амуратом, и простер к ней свои объятия. Но зверский янычар налетел на него, снес голову, венчанную на царство Польское, царство Венгерское и княжество Литовское, воткнул на *джирид* [49] и понес по толпам войска Амуратова. Уста, едва только поцеловавшие Евангелие в знак вечного мира с турками, долго что-то лепетали; но турки не поняли последних слов Владислава.

CCLXV

В 1828 году дела под Варной начались и шли иначе, нежели в прошлых веках.

В половине июля месяца Шумла была уже под караулом. 16 и 17 числа заняты высоты при д. Страже; на них оперлась правая рука войск осаждающих. Нужно было занять чем-нибудь Гуссейн-пашу с 30 т. войска шумлинского, чтоб отвлечь внимание от Варны; и потому началась по всему фронту нашему постройка редутов. Главная необходимость их состояла в том, чтобы незначительными силами удерживать фронт позиции, а остальными действовать на фланги и тыл крепости, ходить дозором к Джумаю, к Эски-Стамбулу, к Рарграду и т. д.

21-го июля государь император, сделав распоряжения, необходимые для споспешествования к взятию Варны, оставил нас на высотах пред Шумлою и, заповедав быть умными, храбрыми и осторожными, как сие надлежит солдату, стоящему на часах, — отправился к Варне, где слава готовила уже новые лавры для царя России.

CCLXVI

Представьте себе, милые спутники мои, крепость Варну в том самом виде, в каком верная кисть живописца, циркуль и перо *военного топографа* могут вам ее представить на бумаге. Потом вообразите себе, что стены крепости унизаны 250 орудиями и 15-ю тысячами вооруженных с головы до ног турок; что каждый из них, в надежде на *Аллаха* и его пророка,

пьет свой кофий, курит трубку и выпускает каждый день по нескольку тучных зарядов за крепостную стену.

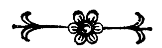
В то же самое время, добрые мои читатели, представьте себе, как русские полевые полки сжали своею грудью крепость; как русская гвардия цвет мужества, силы, здоровья и красоты русского народа, расположена на высотах, в шатрах с золотыми маковками; как эскадра Черноморского флота, подобно огромному стаду гордых пеликанов, окружает и стесняет у берега турецкую Варнскую флотилию, как устрашенную рыбу... Но чтоб увенчать великое событие в летописях русской славы, русские! вы знаете своего царя, представьте же себе его, изрекающего волю свою с адмиральского корабля «Парижа» и повелевающего разгромить непокорных.

Осадная артиллерия, с вновь созданных укреплений под стенами Варны и со всех кораблей флота, сыплет 70 тыс. ядер, бомб, гранат и ракет в осажденную крепость; разгромляет ограды и домы и вынуждает капитан-пашу просить о пощаде. Пощада дана. Варна арестована [50], и победа в летописях мира начертала: «Русский царь Николай покорил Варну».

CCLXVII

Если б воображение мое в состоянии было оставаться долго на одном месте, то подробностью описаний я наполнил бы сотни томов и книга *Странник* была бы величиною с монгольскую книгу *Ганжур* [51]. Но это несообразно с целию того, кто останавливается только там, где остановит его великое событие, любопытство, разделение пути, голова Януса [52] с двумя или четырьмя лицами или нерешенный вопрос, напр.: почему храм Януса был открыт только во время войны? Потому, отвечает он, что во время мира не о чем просить бога войны.

Но этот ответ покажется неудовлетворительным, ибо редкий ученый довольствуется чистым соображением, без комментарий, цитат и фактов.

День XXXVIII

Le métier qu'on croit particulier aux comediens et aux bateleurs, c'est le métier de tous les hommes.

Hippocrate *

CCLXVIII

Gli uomini si rendono miseri col desirare il superfluo.

(Minerva sotto la figura Mentore) **

. . . . и т. далее.

CCLXIX

. . . . ? 3*

Понятно, ясно! *кольми паче*
Тому, кто в женской школе рос взрос;
Иной таинственный вопрос
Нельзя и выразить иначе.

CCLXX

Объяснив таким образом причину, по которой удалился я на время из круга военных действий, по обыкновению скакал я на почтовых. Мой суруджи, исхлопав длинный бич, дул коня, на котором сидел верхом, оставшеюся в руках палкою и в хвост и в голову. По крайней мере часом был бы я ранее на станции, если бы не разлетелось колесо в бричке моей и если б следующий разговор был менее занимателен.

Покуда чинили колесо, я прогуливался по местечку. Любопытство остановило меня против ворот госпиталя. Я заглянул в них. Два солдата несли в корзине стклянки с лекарствами; остановились подле госпитального крыльца отдыхать и стали беседовать:

Постой, брат! мочи нет! схватило за живот!
А лекаря просить не стану о лекарстве!
Нет! кто ему в *рецет* уж попадет,
Того пиши в небесном царстве!

---

* Занятия, считающиеся присущими комедиантам и фиглярам,— это занятия всех людей. *Гиппократ* [53].

** Люди становятся жалкими, желая лишнего.
(*Минерва под изображением Ментора*) (*итал.*).

3* ...Ces exagérations sont permises à la poésie, surtout dans la manière d'écrire dont je me sers. *Fables de Lafontaine, Liv.* XI. *fab.* IX *(прим. автора)*.— Эти преувеличения допускаются в поэзии, особенно в том жанре литературы, которому я служу. *Басни Лафонтена* [54], *кн.* XI, *б.* IX.

Горазд морить!.. Уланского полку
Солдатик, видишь ты, был болен просто сыпью...
Что ж!.. ох, брат, вот резня!.. ей-богу не могу!..
Постой-ка, я какой-нибудь мекштурки выпью.

(*Пересматривает стклянки на̀ свет и потом пьет.*)

Как пиво!.. ну уж дрянь! насилу проглотил!
Варить *декох* сам дьявол, верно, учит:
Как лазаретную плепорцию хватил,
Так так, как дохлую скотину, и распучит!

(*Подходит больной солдат.*)

— Что, брат Хадей?
— Что... лихоманка, брат!.. чуть показалась зорька,
Как учала трепать! свалила с ног, ей-ей!
Дай, брат, лекарствеца, да покислей!
— Изволь, и кисло, брат, и солоно, и горько!
На вкус аптекарь не варит.
А ты, брат, что? аль бок-то все болит?
— Какой-те бок! уж согрешил пред небом!
Ни пить, ни есть, ни спать — совсем было пропал!
Спасибо фельшеру, какой-то плаштырь дал,
Вот и поел его сегодня трохи с хлебом,
И лучше!..
— Что ты?
Вот те бог!
Пойдем, брат...

(*Поднимают корзину.*)

Дежурный

— Что это?
— Мекштура и декох.

(*Уходят.*)

CCLXXI

Я хотел подтвердить справедливость всего вышеописанного всевозможною клятвою, какую только читатель в состоянии бы был придумать на сей случай, но мои кони мчатся уже быстрее вихря; предметы вправо и влево также торопятся куда-то. За пространной равниной видно только утреннее небо. Кажется, еще версты две, и — бух долой с земного шара! Какой чудный скачок!

CCLXXII

Но...

Рассудок мудрецу поможет
Добро и зло определить:
То хорошо, что *может быть*,
И худо то, что *быть не может*.

CCLXXIII

Здесь должен я признаться всему потомству, что нет ничего грустнее стоянки под крепостью, особенно, друзья мои, в пустынной Булгарии. «Отчего, — спросит медицинский факультет, — отчего задунайский воздух был так ядовит для нас? Какого жизненного элемента недоставало в нем?» — Никто не решит вопроса.

В нем недоставало женского дыхания.

Напрасно военная музыка хотела развеселить душу, играя то русскую песню, то арии из *La dame blanche* [4*] [55], из *Freischütz* [5*] [56], то мазурку, то cadrille française [6*]. Все это увеличивало тоску, потому что напоминало многое.

CCLXXIV

Все действия устремлены были на Варну и на посланного к ней в защитники милион-пашу. Бóльшая половина войск, облегавших Шумлу. скрытно двинулась на левый фланг черты действия, к р. Камчику, чтоб не допустить 30 т. вспомогательных войск, приближавшихся к Варне.

В дополнение, болезни так наполняли гошпитали, что ни мудрая распорядительность, ни всевозможные средства к предохранению войск от них не в силах были остановить поток лазаретных карет, дрог и фур, который истекал из-под шумлинского лагеря. Палатки опустели. Гуссейн-паша хотел пересчитать нас двумя решительными ночными вылазками, но в оба раза встретил русскую единицу, которая, подобно палице богатыря, укладывала турецкие толпы во чистом поле на вечный сон.

Напрасно Гуссейн с крепостных стен стегал по своим низам-гедитам [57] картечью, напрасно проклинал их и грозил смертию, они бежали искать спасения от русской палицы в объятиях шумлинских оград.

CCLXXV

С неизъяснимою досадой
В палатке я своей сидел;
Все было занято осадой,
И я был занят кучей дел.

4* «Белой дамы» (*франц.*).
5* «Вольного стрелка» (*немец.*).
6* французскую кадриль (*франц.*).

Передо мной, как ряд курганов,
Стопы бумаг, маршрутов тьма;
Вот век! — в нем жить нельзя без планов,
Без чертежей и без письма!
Вот век! — старик скупой, угрюмый,
Окованный какой-то думой!
Как не припомнить давних дней,
Когда возил в походах Дарий [58]
Постели вместо канцелярий,
А женщин вместо писарей.
То было время! не по плану,
А просто так искать побед;
При войске был всегда поэт,
Подобный барду Оссиану [59];
На поле славы дуб горел,
А он героев пел да пел!

CCLXXVI

Но вот привели для допроса пленного.

Он был собой прекрасен, молод,
Как дева самых пылких лет;
Он по-турецки был одет
И пикою в плечо проколот.
По-русски он немножко знал,
Но очень ясно рассказал,
Как в Шумле он живал в довольстве,
Как певчим был в *Чифте-Хамам* [7*],
Как был в России при посольстве,
Хороша дивка видел там;
Как он *от дивка очень плакал*,
Как возвратился в *Стамбулу*
И как его *эмир-оглу*
Чуть-чуть не посадил там на кол.

CCLXXVII

Альмэ была причиною этой беды, и вот как рассказывал Эмин [60]:

Она хорошая была,
Была такая молодая,
А! ля-иль-лях-аллах-алла! [8*]
Другой получше уж не знай я!

[7*] Мечеть в Шумле (*прим. автора*).
[8*] Нет бога, кроме Аллаха! (*араб.*).

Паша любился на она,
А что такой!.. какой мне дела!
Есть многа у паша жена
В харэм [9*], хорошая и бела,
А мой Альмэ ему не пар,
Как мой пистоли с твой пистоли,
Цалуй попрежде мой ханджар [10*],
И видим, сила чей поболе!..

Тут молодой турок стал бранить на своем языке пашу; я не понимал. А между тем день кончился.

CCLXXVIII

И расточает каждый год
Богатства жизни понемногу;
Все больше, больше наш расход,
Все ближе, ближе мы к *итогу*!

День XXXIX

Celui qui n'a pas un grain de chimère dans la tête, pour se consoler de la réalité, je le plains.

Dolomieu *

CCLXXIX

Настал новый день, но я, все еще грустный, как будущность безнадежного человека, не знал, в какую часть света удалиться от тоски, и — бросился в пустыню, лежащую между Сенегамбией, Нигрицией [62] и Северной Америкой.

Не боясь ни хищных арабов, ни хищных зверей, ни хищных птиц, ни бурных вихрей, вздымающих валы песчаного моря, я сел на высокую насыпь в самом центре Заары [63] и стал смотреть на медное небо.

Тут видел я все богатство солнца и неуместную щедрость его.

Сыплет лучи без меры, не позволяет пронестись над пустыней ни облаку, утоляющему жажду земли, ни ветру, разносящему прохладу. Одно хочет быть добрым и щедрым.

Кто же скажет, что излишество благодеяния не есть истинное зло?

9* гарем.
10* кинжал (*прим. автора*).
* Я сочувствую тому, кто лишен химер в воображении, чтобы утешать себя в реальной жизни. *Доломье* [61] (*франц.*).

Смотрите, может ли эта пустыня быть благодарною солнцу за то, что оно щедростию своею обращает ее в ад?

Прощай же, бедная Заара, земля бесплодная и пустынная! ты ли виновна в излишестве и в недостатках своих, которые на пространстве 5 895 760 квадратных верст не дают приют бедному человечеству: ему так тесно на земле!

CCLXXX

Когда я еще был ребенком и, сердитый, с досады, отказывался от пищи, тогда няня тщетно уговаривала меня. Что ж сделал бы я теперь, рассерженный на медное небо Заары и в таком же расположении духа, как Ксеркс во время наказания Геллеспонта и вызова горы Атоса на бой[64].

На слова:

Милый друг, послушай,
Хоть немножко скушай!

я отвечал бы:

Не хочу я хлеба!
Дайте мне неба,
Южного неба!

CCLXXXI

Так отвечал бы я няне и всем, кто вздумал бы мне давать пустопорожнюю землю, например, посреди Гоби.

Как житель Гоби, человек может не знать наслаждений жизни, может даже не понимать, что на земле существует благополучие. Виноват ли он, что родился посреди пустынной степи? Нет лесов, нет воды, утоляющей жажду. Летом тщетные молитвы о дожде, зима грозит истреблением стад. Вода соленая, как море, ядовитая трава *сули* — вот украшения природы, в которой суждено обитать иногда существу, одаренному разумом.

Но это ничего. Человек, который похож на жителя Гоби, должен думать и чувствовать, как житель Гоби: «Некогда утолю я жажду из чудесного, священного ключа *Арашана*, сладостно журчащего посреди рая, предназначенного праведным монголам; некогда буду я нетленен, как злато, и буду сиять, как драгоценный камень; некогда перегоню я на своем тарпане ** три тысячи скакунов и получу от Кутухтвы в награду: ружье, панцирь, 15 быков и коров, 15 лошадей, 100 баранов, одного верблюда, 1000 кирпичей чаю, 20 кусков атласу и несколько шкур лисиц и выдр!»[65]

Воображая иметь такое несчетное богатство, житель Гоби украшает им всю свою будущность, строит мысленно Жэхэ [3]* и — счастлив.

** дикий конь (*прим. автора*).
[3]* Дворец Богды[66] (*прим. автора*).

День XL

Celui qui est assis, travaille pour se lever; celui qui est dans le mouvement, travaille pour être en repos.

Hippocrate *

CCLXXXII

Du, lieber Berg!

(Gesangbuch für Kinder, von Stoh) **

Возвратясь из степей африканских, чрез пустыню Гоби, в лагерь, я был встречен объятиями доброго моего товарища.

— Что ты так пасмурен? — спросил я его.

«Проклятый жид опять насолил мне!»

Понимаю!

Свой своему, к твоей беде,
Невольно друг, что же на поверку:
Разумный рок тебя преследовал везде,
А счастье глупое преследовало Берку!

CCLXXXIII

Мы вошли в палатку.

CCLXXXIV

(*В палатке.*)

А сердце бедное...

Сбитенщик (*за палаткой*)

Кипит!

Денщик

Монета мелкая, как женщина злодейка,
Недолго и в руках надежных проживет,
Ну, встань ребром, моя последняя копейка,
Которую берег на денежный развод!
Горячий! ходь сюды!

---

* Тот, кто сидит, трудится, чтобы подняться; тот, кто движется, трудится, чтобы быть в покое. *Гиппократ* (*франц.*).

** Ты, любимая гора! (*Книга песен Штоха для детей*) (*немец.*).

Сбитенщик

Вот кипяток!

Денщик

Налей-ка!
Почем?

Сбитенщик

Есть в разную цену;
А сбитенек, что — чай твой, чрезвычаен!

Денщик (*поет*)

Не черт ли сам тебя занес, брат, на войну?

Сбитенщик

Какой-те черт, не черт, Савельич, мой хозяин.

Денщик

Что, борода, видал секим-башку?

Сбитенщик

А как же, вишь: с Каменским[67] мы ходили
В Силистру, под Рущук, да был в Базарчику,
Потом под Ботиным в большом сраженье были.

Денщик

Эгэ-гэ-гэ! так ты, брат, послужил!

Сбитенщик

Пять лет все при одном полку был маркитантом[68],
Да при дивизии год целый; с ней ходил
Под Шумлу, крепость за Балкантом!

CCLXXXV

Уже было около полуночи. Мне должно было отправиться на левый фланг. Казак, Ермак безымянный, подвел мне коня, подал нагайку, я вскочил на седло и помчался широкою тропинкой около лагеря. Кто-то ехал передо мной рысцой и бормотал что-то про себя. Я тихо следовал за ним. Любопытство прислушивалось к словам его. Это были жалобы самому себе, военная зависть:

3* бифштекс

У нас орудий вечный говор,
Свист ядер, пуль и треск гранат,
И наши головы трещат.
А здесь на полной кухне повар
Готовит барину бивстек [3*]!..
Как славно пахнет теплым супом!..
А как бурчит в желудке глупом!..
Как нежен здесь военный человек!..
Под кровом парусных палаток
Приятные летают сны...
На всем здесь виден отпечаток
Довольствия и тишины,
И в неге тонет петербургство!..
Но между тем, как говорят,
Где два фонарика горят,
Найду я главное дежурство!

Отрядный офицер свернул влево, а я вправо; таким образом мы, никогда не встречаясь друг с другом, расстались. Мог ли он догадаться, что я преступным ухом подслушал те слова, которые он говорил сам себе, и выдал их в свет, приделав к ним бахрому из рифм?

CCLXXXVI

Темнота ночная застлала дорогу. Призадумавшись, я ехал полем; вдруг раздался в ушах моих вопрос, на который всякий (хотя бы он был голодная собака) обязан отвечать: солдат!

Этот вопрос, сделанный мне ночью часовым на передовой цепи, я считаю за самый счастливейший и умнейший из всех тех, на которые я должен был отвечать. Без него, под покровом ночи, в предположении, что и плотный некрасовец [69], с густою бородой, в русском перепоясанном кафтане, в высокой мерлушковой, цилиндрической, перегнутой на бок шапке, стоя на турецкой передовой цепи, также не заметил бы меня, и я, блуждая между передовыми неприятельскими укреплениями, верно, ударился бы лбом обо что-нибудь, принадлежащее султану Махмуду.

Какое неприятное чувство наполнило бы душу мою, если б уроженцы Булгарии, Румилии, Албании, Босния, Македонии, Анатолии, Армении, Курдистана, Ирак-Араби, Диарбекира [70] и всех мест и всех островов, принадлежащих блистательной Порте [71], окружили меня, воскликнули: *ля-иль-лях-алла*! *Гяур*! [4*] и повлекли бы в ставку Гуссейна.

Сидя на пространной бархатной подушке, сераскир [72] спросил бы меня, каким образом попал я в турецкий лагерь.

— Заблудился,— отвечал бы я.

«Не заблуждения, а путь правый ведет под кров Аллаха и его пророка», — сказал бы Гуссейн и велел бы меня отправить в Константинополь.

4* Слава Аллаху! Неприятель! (*араб.*).

CCLXXXVII

Снабдив по доброте души
Каким-нибудь негодным мулом,
Какой-нибудь Ахмет-баши
Меня бы вез под караулом.
И долго он меня бы вез
Чрез Карнабат, или Айдос,
Чрез Кирккилиссу, до Стамбула.
Прощай бы молодость моя!
И сколько раз вздохнул бы я,
И сколько раз бы ты вздохнула
И сколько слез бы пролила,
Но мне ничем не помогла!..

CCLXXXVIII

К счастию, этого не случилось; вздохи и слезы остались целы. А между тем время было отправляться на зимние квартиры. И я, вслед за историческими лицами 1828 года, скакал на почтовых от Варны чрез Мангалию... Тс! За пересыпью, между небольшим озером и морем, показался на отлогом скате к морю небольшой, пустынный азиатский городок; кроме одной или двух мечетей, из-за домов белела башенка с крестом; это была церковь.

Так вот то место, где жил изгнанный из Рима Овидий, по неизвестной потомству причине! Вот тот город Томи, где лежал надгробный камень с подписью:

Hic ego qui jaces tenerorum lusor amorum,
Ingenus peru Naso poeto meo.
At tibi qui transis, ne sit grave, quisqius amasti,
Dicere Nasonis, molliter ossa cubent [5*] [73]

CCLXXXIX

Люди по большей части развязывают узлы не умнее Александра Великого[74]. И потому кто же упрекнет меня за перевод древней латинской рукописи, объясняющей тайну, важную для ученого света.

[5*] Здесь я лежу, поэт Назон, певец сладостных песен,
Погибший из-за своего таланта.
Да не будет тебе в тягость, прохожий,
Как и всякому, пожелать, чтобы кости Назона покоились мягко (*лат.*).

CCXC

(*Октавий Август*[75] *и Овидий Назон в теплице Пантеона*)

Август

Ложись, Назон!.. распарив кости, приятно лечь и отдохнуть!

Мне кажется... что вместе с грешным телом омылись также ум и чувства и с грязью стерлись все заботы.

Читай мне новое твое произведенье; готов внимать.

Я в бане свой... вполне свободен.., как мысль крылатая певца!

Здесь, отдохнув от тяжести державы, я чувствую себя...

Все говорит во мне: ты сам в душе поэт!..

О, если б не судьба мне быть владыкой Рима и прославлять отечество свое, я посвятил бы жизнь одним восторгам чистым, как огнь богов, хранимый Вестой! [76]

Любить и петь любовь... вот два предназначенья, святой удел людей и жизни цель!..

О, я бы был поэтом дивным!.. мой век Октавия бы знал!

Между творцом великим *Илиады*... и богом песней есть довольно места!..

Наш беден век достойными названия поэтов!..

(*вздыхает*)

Ну что Виргилий[77] наш?.. Тибулл[78]?.. или Гораций? — Певцы ничтожные, временщики у славы.

Будь сам судьей, Назон!

Овидий

Им судьи время и потомство.

Август

Нет, говори свободно!.. Ты цену им давать имеешь право... Назон живет для славы римских муз.

Овидий

Таких нахлебников у славы очень много!

Август

Виргилиевы сказки про Енея[79] я слушал, слушал и заснул.

Язык нечист, болотист и тяжел, как воздух понтипейский...

Эклога и конец шестой лишь песни — так — изрядны, сносны... [6*]

Ему бы не простил я глупости народной и восторгов, когда читал на *сцене* он отрывок; но... кесарская честь... так шла к Виргилию, как тога к обезьяне.

Я посадил его с Горацием за стол свой...

[6*] Эклоги в честь Августа; в конце шестой песни Виргилий воспевает Клавдия Марцелла, сына Октавии, сестры Августа (*прим. автора*).

Живые статуи!.. ничем не сдвинешь с места; но одаренные завидным мне желудком!..

(*смеется*)

Один вздыхал, другой точил все слезы [7*]... Я смеялся... мне для сваренья пищи смех полезен...

Трибун Гораций, кажется, знаком тебе, Назон?.. и, верно, знаешь ты, что он бежал с сраженья?.. а трус поэтом быть не может.

Его все оды так несносны!.. надутее Эзоповой лягушки [80], и, кажется, их слава скоро лопнет!..

Овидий

Да... так... но, кажется, что прежде этой славы от зависти к поэту лопнет зависть!..

Август

Из дружбы ты к Горацию пристрастен.

Но слушай, как его Октавий проучил:

Ему и в мысль не приходило, что кесарь может быть поэтом.

Вот я шутя ему однажды предложил учить меня науке стихотворства.

Что ж? вдруг является Гораций мой ко мне с огромным свитком.

Вот, говорит, *Наука Стихотворства* [81], когда начнем урок?

Урок?.. садись!.. и слушал я с терпением и смехом,

Как с важностью глубокой на челе он толковал *цезуру* и *гекзаметр* и *альцеический* [82] глупейший свой размер.

Я обещал ему твердить все наизусть; а между тем просил на завтра же задать предмет для описанья в стихах ямбических; и хитро речь склонил к Сицилии роскошной.

Он не заметил сети, и сам мне предложил Сицилию воспеть.

Вот, на другой же день являюсь с торжеством я пред наставника как ученик успешный.

Читаю третью песнь моей *Сицилиады* [8*]... Ты знаешь сам, Назон, как хороша она!

Что ж, думаешь, Гораций мой плаксивый? Не понял красоты! и вздумал мне мои высчитывать ошибки!..

А, друг! ты хлопаешь ушами,

Так отправляйся же с своей наукою в деревню! Учись сперва, потом учи других!

Овидий

Ты дал урок не одному ему.

Август

Ну, а Табулл?.. певец любовных дел Сюльпиции с Церинтом, как нравится тебе?.. а мне так жаль его!..

[7*] Виргилий был одержим одышкой. Гораций имел фистулы в глазах (*прим. автора*).
[8*] Светоний [83] (*прим. автора*).

Недаром он свои елегии заслюнил: мне кажется, ему Церинт из дружбы позволил сесть в ногах и списывать с натуры восторги страстные свои!..

(*смеется*)

Постой... прекрасно!.. эпиграмма!..

Увы, судьба над ним жестоко тяготеет:
Другие пьют, а он пьянеет!

Я, как Метида[84], вдруг рожаю головой вооруженную Минерву — Эпиграмму!

Ну, начинай, Назон!

Овидий

(*развертывает свиток*)

Август

Что, не *Искусство ли любить*[85]?

Овидий

О, нет, *Искусство ненавидеть,* трагедия.

Август

Трагедия!.. прекрасно! мы с тобой как будто сговорились!.. и я трагедию недавно кончил и, отдохнув, тебе намерен прочитать.

Названье как?

Овидий

Медея[86].

Август

Как?.. *Медея*?.. Назон, ты, верно, знал, что я пишу *Медею*... и подшутить желаешь надо мной!

Овидий

Невыгодно шутить мне над тобой!.. Кто ж виноват, что Мельпомена[87] внушила кесарю и мне одну и ту же мысль!

Август

Так ты не знал, что я пишу *Медею*?

Овидий

Я только знал одно, что Август — император и долг его писать законы Риму!

Август

Не хочешь ли и ты давать законы мне?.. Но полно, в стороне оставим сердце, рассудок нас с тобою примирит...

Но если ты без всякой цели свою Медею написал, то ты легко мне это и докажешь.

(*хлопает в ладони; являются слуги*)

Курильницу, и с жертвенным пылающим огнем!
Дай свиток свой!

Овидий

Зачем?

(*вносят курильницу*)

Август

На жертву дружбе. Я состязаться с Еврипидом...[88] один хочу!

Овидий

Когда бы у тебя родился сын... ужели всех чужих младенцев ты повелел предать бы смерти.., чтоб не встречать нигде подобных сыну?..

Август

Зло, колко!.. но прощу, когда исполнишь просьбу.

Овидий

Я, как отец, люблю своих детей!.. на жертву и богам я их не принесу!

Август

(*вырывает у Овидия свиток и бросает в огонь*)

Смотри же на свою пылающую славу!

Овидий

(*схватывает свиток Августа и бросает в огонь*)

Смотри же и ты на казнь своей Медеи и на дымок, оставшийся от кесарских трудов!

Август

Стража, стража!

(*стража входит*)
(*показывая на Назона*)

На скифскую границу, в заточенье!

Овидий

(*увлекаемый стражею*)

Медея!.. ты виновна!.. и я наказан небом за то, что освятить твою желал я память и оправдать тебя хотел перед потомством!

День XLI

CCXCI

(Вечер.)

(*Общество сидит вкруг стола; читают новое произведение Поэта.*)

Une demoiselle*

(*восхищенная до седьмого неба прекрасными стихами*)

«Как он хорош, как он умен!
Как мил!.. и я того не знала!..
Ах, если б здесь явился он,
Его бы я расцеловала!»

И вот является Поэт
Нежданно, робко, осторожно.
Ей шепчут: вот он!
«Что вы!.. нет!»
— Клянусь вам честью! — «Невозможно!..
Я не поверю никогда!»
И кто поверит, в самом деле,
Что истинный талант всегда
Судьбина держит в черном теле!

Я

(*про себя*)

О память, душу не волнуй!
Ужели в жизни все непрочно!
Увы, не отдан поцелуй,
И мне обещанный заочно!

CCXCII

Поэта посадили также в круговую. Он был робкого свойства.

Я с сожалением смотрел на его страдальческое положение между двумя дамами, которые *по-своему* экзаменовали ум и чувства его и заметно удивлялись простоте его ответов. А он — учтивец! — стягивался в математическую линию, чтоб не задеть плечами, локтем или рукою за которую-нибудь из своих соседок; но — увы! — стали рассматривать *портрет глаза* одной из дам; ему также предложили взглянуть; он протянул руку и — провел локтем по лицу хорошенькой соседки справа.

«Сочините экспромт на этот портрет глаза»,— сказала ему соседка слева.

Бедный поэт не знал, отвечать ли ему прежде на предложение или извиняться в своей неосторожности.

Только с двух сторон он был виноват, со всех сторон заметили его неловкость.

---

* Девица (*франц.*).

Он краснел; казалось, что весь поэтический угар выступил ему в лице.

«Пишите же экспромт!» — повторила соседка слева и придвинула к нему бумагу и чернилы.

— Что прикажете писать? я не знаю?..

«Найдите, например, ошибку в изображении этого глаза».

— Если это ваш глаз, то...

«То пишите!»

Поэт взял перо и написал:

Ошибку отыскать я рад,
Язык мой чувств моих невольник,
По мне бы, должно не в квадрат
Вписать ваш глаз, а в

Поэт задумался; дело стало за рифмой.

«Хорошо, хорошо, рифму я сама подберу, — вскричала капризная соседка; — теперь пишите что-нибудь другое, а именно: посвящение этого глаза моему другу; только по-французски».

— Не умею-с.

«Пишите, пишите! говорю вам».

Поэт не умел и не смел отговориться. Слабое существо поэт, а не женщина, подумал я.

Он написал:

Mon amie! que cet œil vous rappele les yeux,
Qui aimaient vous chercher, contempler et comprendre;
Qu'il vous souvient toujours les regards tendres,
Et les larmes qu'ils versaient au moment des adieux **.

«Хорошо!.. Теперь стихи в альбом, без отговорок! Для вас это легко».

— Трудно, — отвечал, запинаясь, поэт.

«Так же трудно, как нам из горсти бисера связать какой-нибудь узор. Вот вам горсть слов: Coeur, souffrir, souvenir, oubli [3]*; составьте из них какой-нибудь смысл».

— Из поэзии хотят сделать мозаическую работу! — прошептал поэт и стал писать:

Deux choses qui font le coeur souffrir,
Que le tourmentent pendant le vie:
C'est d'un côté le souvenir,
De l'autre côté l'oubli [4]*.

** Мой друг, пусть этот взгляд вам напоминает
Глаза, которые любили вас искать, созерцать и понимать;
Пусть он всегда напоминает вам нежные взгляды и слезы,
Которые они источали в момент прощания (*франц.*).

[3]* Сердце, страдать, воспоминание, забвение (*франц.*).

[4]* Две вещи, которые заставляют сердце страдать,
Которые его мучают в течение жизни:
Это, с одной стороны, воспоминание,
С другой — забвение (*франц.*).

«Браво, браво! и еще раз браво! Это можно поместить не только в альбом, но и в новое издание конфектных девизов!»

Поэт не обиделся этим восклицанием: он знал, что поэзия есть сладость, полезная для сварения истины, особенно для тех, которым философическая пища тяжела и неудобосварима.

CCXCIII

— Скажите пожалуйста! — думал я,— так стихи есть не что иное, как мозаическая, бисерная работа? Нетрудная работа! Буду и я писать стихи! буду писать — и кончено! Горсть слов, немного смысла, музыкальное ухо, небольшой навык — вот и все материалы для произведения стихов.

Читатель, давайте же писать стихи! Верьте, что менее, нежели в несколько дней, мы собьем цену со всех поэм, опер, водевилей и т. д., не говоря о мелочных стишках, которые пишутся в один присест и даже экспромтум, как вы видели в предыдущей главе. Мы пособьем спеси со всех *недорослей*, которые величают себя поэтами.

Боже мой! как будто свекла не в состоянии заменить сахарного тростника!

CCXCIV

Да перстень с светлым камнем дал...
. . . .
. . . .

(*Странник. Часть I. Глава CVI.*)

. . . . а он
Последний отнимал мой сон
И увеличивал недуги.
Как часто я ее услуги
Благославлял и проклинал,
А после бредил и не спал!
Однажды, утомленный, хилый,
Я, глядя на нее, алкал
Здоровья, крепости и силы;
Вдруг вижу, входит молодой
Армейский юнкер в ту же хату;
Я не позволил бы с собой
Стоять в одной квартире брату,
Где только угол есть, да стол,
Да благосклонный женский пол.
В другое время, знал бы *дворник*,
Что я, и ближнего любя,
Способен выйти из себя;
Но истомленный, как затворник,
Я все терпел, я все сносил

И даже денщика не бил.
Моя хозяйка серной с места
Вскочила юнкера встречать.
А он, застенчив как невеста,
Вошел, поклон и стал снимать
С бесильных плеч солдатский ранец;
Взглянул на портупейный глянец,
Потер немножко обшлагом,
Повесил кивер и потом,
Расслабленный жарою тяжкой,
Возился долго бы он с пряжкой,
Когда б хозяйка не была
Предупредительна, мила.
«*Москаль сараку*! [5*] как ты молод, —
Она сказала, — как твое
Здоровье сносит жар и холод,
Солдатский ранец и ружье!
Аштаб те! [6*] пряжку расстегну я!»
И вот она с него сняла
Мундир и галстух и дала
Ему три жарких поцелуя;
Потом просила его сесть.
Без благодарности за честь,
За встречу и прием приятный.
«Хозяйка, как бы что поесть!» —
Сказал ей юнкер непонятный.
А я, я — хилый и больной!
Забыл болезнь и хладнокровье,
Как будто юнкер молодой
С собой принес мое здоровье!
. . . .

CCXCV

Ах, боже мой!.. Как вам не стыдно
Без спросу брать мою тетрадь!
Из этого поступка видно,
Что вы... умеете читать!

(*В сторону.*)

Совсем не то хотел сказать!

5* Бедный москаль! (*прим. автора*).
6* Постой-ка (*прим. автора*).

CCXCVI

Рассерженный нескромностью соседа, прочитавшего без моего позволения продолжение поэмы, найденной мною в Лозове, о *Мититике Марьиолице*, я сел подле письменного стола, бросил взоры на карту, глаза разбежались: что же было мне делать без глаз? Как ученик аббата Л'Епе [89], провел я пальцем по карте и ощупал Кавказские горы. По воображению, создал я об них полную логическую идею.

Посмотрите же на эту природу, обогащенную небом, на столпившиеся горы, на светлые ручьи воды живой, на эту щедрую, девственную землю, не тронутую сошником, на эти плодоносные леса, на эти испещренные цветами скаты и покрытые густою зеленью долины; на эти громады скал, на эти слои снегов, по которым можно было бы определить возраст Вселенной; на этот воздух благовонный, как роза, распустившаяся во время создания Эввы! [90] Смотрите, смотрите, гг. читатели и милые читательницы!

Солнце блистательным светом своим завистливо скрывает от взоров бесчисленные светила, плавающие в небе; в отдалении вечные снега уподобляются полотну, разостланному по вершинам цветущего Кавказа: ни волны, ни листья не ропщут на беспокойный ветр. Окруженный неведомой мне доселе тишиною, я слышу только биение своего сердца; вдруг раздается голос... какой голос! Внимайте, внимайте, гг. читатели и милые читательницы!..

CCXCVII

Заняв таким образом слух и взоры моих спутников и прекрасных спутниц, я опять выкрадываю себя из толпы их и еду от Мангалии вверх по морскому берегу; отсчитав 300 стадий [91], по счислению *неизвестного мореплавателя*, по *Понту Эвксинскому* [92], я приближаюсь к древнему Истеру, преобразованному временем и потомками торков [93] в Кистенджи.

Там был добрый мой приятель П.П.Л. [94], человек с славною душой и приветливым сердцем. Заплатив долг климату и трудам кампании, он только что скинул с себя оковы болезни.

Отвыкнув от теплого приюта, от мягкого ложа и лакомой пищи, мне странно казалось соединение всей этой роскоши в бывшем доме паши кистенджийского, в котором жил Л.

Спокойствие мне показалось чудно,
Но я никак бы здесь не мог сказать,
Что от всего отвыкнуть очень трудно,
А ко всему труднее привыкать.

CCXCVIII

После шестимесячного непостоянного крова неба мне так хорошо было видеть над собою резной потолок бывшего *харэма* [7*]; так хорошо показалось быть снова заключенным в стенах!.. Сон уморил бы меня, если б не-

---

[7*] гарема.

обходимость вставать не разорвала маковых оков, которыми я был опутан. И сердце, и воображение покоились безмятежно; пульс утих, кровь смиренно совершала обращение свое. Как трудно разлучаться с таким сном!

Так как в продолжение войны каждая крепость обращалась в гошпиталь, то и в Кистенджи любопытство могло бы взглянуть только на несколько бакалей с сидельцами жидами, греками, армянами и русскими маркитантами.

Кто имел необходимость в сале, в балыке, в маслинах, в черных булках и в кислом вине, тот мог купить все эти жизненные потребности за довольно сходную цену.

На стенах укреплений стояли еще огромные крепостные орудия, древние трофеи побед турецких в Германии и Польше[95]. Молчаливо выглядывали они из амбразур, как головы черепах из своих... как их называют?.. похожих на два щита, в которых было погребено тело Аларика[96], мужественного царя готов.

Не видя необходимости описывать, как интересно плещет *Черное море* о гранитные подошвы древнего, славного города *Истра*, я еще менее намерен уверять читателей, что некогда Дунай впадал в море близ этого города и что долина Кара-су есть древнее русло его.

Как ни теки, Дунай мой, быстро,
Но без чудес не мог ты перелить
Своей воды чрез гору, что близ Истра
Дорогу вздумала тебе загородить.

День XLII

CCXCIX

Pour ne rien laisser en arrière, je vous dirai, monsieur, que...

(Lettre sur le têtes parlantes. Rivarol) *

Я еду далее, по пустырю Силистрийского Санджака, на Гирсов. После шести часов езды лошади устали, желудок опустел, должно было искать приюта от дождя. Вот в стороне от дороги видно какое-то *киой*. Посмотрим на карте. *Карамурат-киой*, *Дана-киой*... Бог знает! *Дана-киой или Карамурат-киой*?.. Судя по расстоянию от Гирсова, должно быть *Дана-киой*... но *Дана-киой* влево от дороги, идущей из Кистенджи!.. Впрочем, и *Карамурат-киой*... да... не более трех верст по карте... но столько ли в натуре?.. *На карту надейся, а сам не плошай*! — говорит военная пословица.

---

* Чтобы ничего не оставлять позади, я вам скажу, господин, что...
(*Письмо говорящим головам. Ривароль*) (*франц.*).

Так рассуждал я, а между тем бричка двигалась вперед. *Киой* осталось версты две уже позади. — Стой! назад! не все ли равно, *Карамурат-киой* или *Дана-киой*? и там, и там пусто. Нужны только вода, очаг да камыш. Ступай! И вот въезжаем в деревню. Чисто, и домового нет!.. в одной трубе дымок... может быть, турки?.. нет!.. видна бричка... подъезжаю.

«Ба! В.......!» — А! Н....! что ты здесь делаешь! — «А вот взойди, посмотри».

Одна булгарская землянка уцелела от совершенного разрушения; над нею еще была крыша, внутри ее был еще очаг. Перед очагом, в котором трещал уже камыш, лежал огромный чемодан; на чемодане стояла оловянная чаша; из чаши клубился пар, как из Везувия.

Я не буду ни опровергать, ни подтверждать догадку читателя, что в чаше заключался суп, сваренный на подобие супов французских на воде, немецких на шоколаде или на пиве, английских на вине, китайских с кирпичным чаем, восточных на всякой всячине; не буду спорить о вероятности предположения, что то были щи русские или борщ польский, с свеклой; малороссийский на капустном или огуречном соке; молдаванский с виноградным листом; не скажу, справедливо или нет заключение, что в чаше была уха, столь же жирная и вкусная, как уха Демьянова [97].

И странно было бы спорить о том, чего я сам не успел исследовать, хлебнув сгоряча чего-то необыкновенно горячего. Язык мой загорелся, из глаз посыпались слезы, аппетит исчез.

CCC

Ожога лишила меня часа на три памяти и внимания, и потому в нескольких словах переношу я себя и Н.... из *Дана-киой* или *Карамурат-киой* по грязной дороге в Гирсов.

Читатель может себе представить влево от дороги темно-голубую ленту Дуная, лежащую на одичалой природе; вправо покатость гор; позади себя путь, который мы уже совершили; перед собою гласис [98] кр. Гирсова, мост чрез ров и каменные ворота в средине куртины [99]; над собою вечернее небо со всеми признаками осенней, дурной погоды.

Таким образом, проходя церемониальным маршем вместе со всею Вселенною пред *Временем*, мы пронеслись чрез мост и ворота и катились по гирсовской улице под гору, к комендантскому дому. Коменданта дома нет; плац-адъютанта дома нет.

Вечер держался уже на ниточке.

Какой-то солдатик взялся отводить нам *приличную квартиру*.

Долго водил он нас между рассеянными по крепости деревянными, полуразрушенными домами, занятыми под гошпитали и магазины; наконец, как бы случайно, нашел пустой дом.

«Господин служивый, здесь ни окошек, ни дверей! очаг и труба сломаны!»

Идем далее.

«Вот еще дом, годный под квартиру, В. в-е! **»

Я отворяю двери, вхожу... темно... Наступив на что-то мягкое, я невольно остановился... гляжу под ноги... «Любезный друг, здесь есть уже постояльцы!.. если не живые, так мертвые!.. смотри, сколько их разметалось по полу!»

«Виноват, В.в-е! — отвечал простодушный солдатик, — здесь, верно, гошпитальный амбар для склада покойников.»

Опять пошли ходить и ездить.

Еще квартиру показал нам вожатый наш. Тепла, хороша; но в ней только что упокоился один офицер, бывший *в горячке*.

— Невыгодна квартира! показывай другую.

«Больше нет, В.в-е!» — отвечал наш квартиргер 3*.

Положение наше было не очень приятно: ночью, под дождем, посреди грязных улиц Гирсова. Однако же оно скоро улучшилось. Узнав, что плац-адъютант уехал на несколько времени из крепости, мы расположились в его квартире, теплой, снабженной всеми потребностями, необходимыми для военного спокойствия.

День XLIII

Сей день должен был начинаться главами CCCVII и CCCVIII; но так как они не явились в назначенное время к своему месту, то и были арестованы мною на двадцать четыре часа.

(Примечание)

CCCI

Хотя бы нить памяти вашей и была короче расстояния между хвостом и головой *Большой Медведицы*, но, верно, вы не отказались бы нанизать на нее и прекрасное правило жизни:

Будь тем, что есть;
Ходи без маски;
Люби не лесть,
А только ласки.
Людей люби;
Не крась природу;
Не много спи,
Пей больше воду.

** Ваше высокоблагородие!
3* квартирьер.

Божбе не верь;
Все весь и мерь;
Не нянчи тело
И делай дело.

CCCII

Таким образом, в молодости, нанизав на память все прекрасное, все полезное, все высокое, под старость от *нечего делать* можно перебирать эти четки.

Как сладко воспоминание, как хороша и старость, когда она есть тихая задумчивость о прошедшем!

Жизнь наша требует того, чтоб каждому делу предшествовала мысль и новая мысль последовала за делом.

Помните ли *вы*... *вы*, которую я не знаю, как назвать... *вы*, которая так похожа на все, с чем поэты сравнили красоту и добродетель, помните ли вы чувства той минуты, в которую сердце вам сказало: «*Ты сделала добро!*», а все окружающее подумало: «*Как она совершенна!*».

CCCIII

Если бы мысль моя была так глубока, как океан в том месте, где измерял его *Форстер*, и так высока, как слой воздуха, до которого долетал *Гай-Люсак*[100], то подобная красноречивая мысль не нашла бы по себе языка, и ее пришлось бы выразить красноречивым молчанием; потому что красноречивое молчание могущественнее, выразительнее красноречия словесного. Это подтвердят вам все мои читательницы. Их тонкому, чувствительному слуху более понятна *пауза* между двумя очаровательными *аккордами*, этот сокровенный звук, слышимый только одною непорочною, чистою душою.

CCCIV

Не сердитесь же, что в этой главе не слышен вам скрып моего пера. Это *пауза*. Здесь мысль моя выражена молчанием.

CCCV

После трехдневного жития в крепости Гирсове, по причине невозможности переправиться чрез бурный Дунай, наконец на четвертый день поутру солнце стало проглядывать сквозь остальные облака, и я двинулся с места.

Не буду описывать, как прибыл я в г. Галац, где первоначально предполагалось зимованье Главной квартиры действующей армии.

Галац из повести одной,
Мне кажется, уж вам известен[101];
Вы помните: ее герой,
Хотя был молод, добр и честен,

Но, убоясь гнилой тюрьмы,
Сибирской жизни и зимы,
Бежал. В невольники попался,
Гречанку спас и от чумы
В ее объятиях скончался.

И потому я не буду также описывать и картины Галаца. Это небольшой городок на скате Дунайского берега, сжатый реками Серетом и Прутом. В небольшую пристань стекаются в известное время несколько десятков купеческих кораблей и меняют архипелагское вино, турецкий табак, маслины, апельсины, лимоны и масло на жирную пшеницу Молдавии и — отправляются куда следует.

CCCVI

Надежда моя оставаться в Галаце и расположиться на покойной квартире обманулась, но приятным образом.

Едва только въехал я в двор одного жителя города, как мне принесли от коменданта предписание из Главной квартиры на мое имя о назначении зимовать ей в г. Яссах.

В Яссы!..

День XLIV

V u l c a i n (*à part*).
Ah, nature nature! vas, je t'abandonne, a qui vondra te prendre!

Pandore. St. Foix *

CCCVII

Человек счастливее, спокойнее, довольнее жизнию, когда он имеет дело с самой природой, а не с людьми.

С какою благодарностию и щедротой сравнится благодарность и щедрость природы? Кто лучше вознаградит труд?

Надежный взаимодавец! верный должник наш!

Свободен, здоров духом и телом тот, кто обручился с тобою духом и телом!

---

* В у л к а н (*в сторону*).
Ах, природа, природа! итак, я оставляю тебя тому, кто захочет тебя взять!
Пандора. Сен-Фуа (*франц.*).

CCCVIII

Испытали ли вы, друзья мои, те минуты, в которые окружало вас земное бедствие со всеми своими видимыми и незримыми свойствами и принадлежностями; но сердце ваше было неприступно для него, как небо, и вы улыбались, как ангелы, присутствию терпения и надежды?

Это лучшие минуты жизни. В эти мгновения

Я не земной, я чем-то полон,
Для мысли места нет во мне!
И рад я, мирен! ибо мысль
Есть тайный в нас зародыш горя.
Вздох о потерянном блаженстве
Беспамятен в душе моей,
И будущность... но что мне счастье?..
По образу своих желаний
Создам и возгнушаюсь им!

CCCIX

Mes regards voulent pénétrer dans la profondeur du passé; mais je n'y vois qu'une lueur incertaine, semblable à celle des rayons de la lune réfléchis par la surface d'un lac éloigné. Là brillent les flambeaux de la guerre; ici je vois une génération faible et vile, passer dans le silence, sans marquer les années d'aucune action éclatante.

Cathloda. Chant. III **

Теперь я, милые мои, *на почте Борда*, ожидаю с нетерпением, покуда мне запрягут четырех тощих *кай* 3*. Но я вижу уже речку *Бахлуй* и г. *Яссы* с его протяжной *улицей-маре*, с его княжеским сгоревшим дворцом, с его церквами и монастырями, которые, как отдельные древние замки, возвышаются на холмах, одетых виноградником; — вижу за городом пространный зеленый ковер....

Копо, *Копо*, зеленое *Копо*!
Где бог любви явился *Мититикой*!
Где кобзы зык и звуки песни дикой
И поо-поо-померани-по! [103]

** Мои взоры стремятся проникнуть в глубину прошлого; но я вижу там только неопределенный отблеск, похожий на отражение лунных лучей от поверхности отдаленного озера. Там горят огни войны, здесь я вижу поколение слабое и жалкое, идущее своей дорогой, не отмечая годы каким-либо блестящим деянием.

Катлода [102]. *Песнь III* (*франц.*)

3* лошадей (*молд.*).

О сила воображения! Представьте себе, мне кажется, что я уже в толпе красавиц Молдавии, иду по полю, очарованному их прелестью! Вот та, которая всех лучше, отдалилась от общества, я преследую ее, она останавливается, я тоже, она оглядывает окрестную природу Ясс, и я также...

Я

Как мир величествен, чудесен!
Взгляните вдаль!
Чу, в роще звук веселых песен,
(*показывая на сердце*).
А здесь... печаль!
Надежду на удел счастливый
Пришлось забыть!
(*после молчания*)
Вы что-то слишком молчаливы?

Она

Что ж говорить?

Я

Что говорить? а! это ново!
Но я пойму,
Что сказано на место слова:
Конец всему!

Она

Не знаю, чем вы недовольны?

Я

Ничем и всем!
Для вас... мои слова не больны,
Язык мой нем;
И потому... Но вы ласкали,
С ума свели!
Чего во мне вы так искали
И не нашли?
Быть может, чем-нибудь наружным
Не нравлюсь я?..
Иль не сходна с климатом южным
Любовь моя?
Или... пресытясь спозаранка...
Но вас мне жаль!
Понятно все: вы молдаванка,
А я москаль!

Прощайте!

CCCX

Все это было не что иное, как мечта на пути к Яссам; но мысленное равнодушие красавицы так на меня подействовало, что я велел остановить лошадей, выскочил из каруцы и пошел в сторону, в лес — воображая, что удаляюсь от жестокой молдаванки.

— Как! — вскричал я, остановясь пред глубоким оврагом.

«Как!» — отозвалось в лесу.

Я оглянул все кругом себя.

«Где же она?» — Нет ее и не было, — сказало мне сердце, пришедшее в память.

— Как! — повторил я, — неужели горе, тоска, грусть, исступление могут родиться одинаково от причин истинных и от причин воображаемых?

«Да, — сказал мне Математик, — потому, что a^2 происходит одинаково от $(+a)\times(+a)$ и от $(-a)\times(-a)$».

— Понимаю.

Убежденный таким ясным доводом, я возвратился к моей почтовой каруце, сел в нее, суруджи хлопнул по лошадям бичом своим, они замялись, дернули врозь, второй удар согласил их — и я понесся.

CCCXI

В надежде, что капли *мудрости*, падающие с неба, проточат когда-нибудь камень невежества и преткновения, огромный, как твердь земная, я еду, не оглядываясь назад.

Для жизни, как и для дороги, одно правило:

Не торопись; смотри постоянно перед собою; озирай даль, чтоб не сбиться с дороги; с горы не гони, чтобы не сесть под горою; встречным кричи заблаговременно: держи право! съедешься — посторонись; лают собаки — не дразни; ползет змея — не наступи и не слушай, что она шипит; попутчикам, умному не говори, что он умен, глупому, что он глуп, — не отделаешься от них; не выказывай ни доброты своей, ни золота — обкрадут; и т. д.

Но это правило для людей обыкновенных... впрочем, кто считает себя человеком обыкновенным? Я умолкаю: люди необыкновенные, то есть *гении,* есть *кометы*, которые совершают путь неопределенный, не подлежат общим законам.

CCCXII

Лошади мои пристали, сбруя покрылась пеною, пар стлался над ними, как туман. Суруджи, также усталый, тщетно оббивал волосяной конец арапника и кричал: *хи-мэ*! *мурилэ*! [4*] Таким образом тянулся я по *улице-маре*, через *поду Могушой* [5*].

[4*] пошла! дохлятина! (*молд.*).
[5*] мост Могушой (*молд.*).

Вправо и влево бросались мне в глаза то *бакалеи* с широкими окончинами, то *кафенэ*, в которых сквозь двери и стеклянные простенки видны были прямо: черный очаг, уставленный различной величины кофейниками; посредине: жаровня; по сторонам: диваны; на диванах, в *чалмах*, *кушмах* и *фесях*, в *фермелэ*[6*] и в *мейтанах*, усатые гости. Молча играют они в *куонхину*, в *трик-трак*[104] и, глотая кофе, обдают себя табашным дымом.

Почти из каждого окна знаменитой улицы выглядывало женское лицо и провожало Странника любопытными взорами с мыслию: *москаль*! Я тешился, замечая различие этих выставлявшихся не на показ головок. То в шляпке с цветами — я видел только *глаза*; то в платке, опутывающем черную косу — *свежесть и здоровье*; то в мушках, осыпанных жемчугом и обложенных золотым кованым плетешком — протяжное слово: *wus*?[7*]; то в белом или красном фесике — *следы утомления*; то в огромных накладных буклях — *Пентефриеву жену*, когда она смотрит на *Иосифа*[105]; то под прозрачным покрывалом — *ложную стыдливость*; то с приглаженными и заплетенными в косу волосами — *смиренное бездушие*; то с всклокоченными кудрями — *загоревшее чадо табора*.

Но вот наружность улицы постепенно лучше и лучше. При повороте влево, от сгоревшего дворца господарского, встречаются совсем другие предметы.

Расцвеченные венские коляски снуют взад и вперед. *Куконы* и *куконицы*, разряженные в атлас, в мусселин, в органди, в гроденапль, в gros-de berlin, в gros-de-tour, в satin-turc, в gros d'orient, в satin de la reine, в batiste d'écosse[8*], в тюль, в кисею, в креп, в газ, в перкаль, в кашемир... в блондах, в кружевах, в шалях, в платках, в пелеринах, в шемизетках, в канзу, в шарфах, в корсажах, в вуалях, в колеретках, à la vierge, à la gardinière, à l'anglaise[9*], в перьях à l'Inca[10*], в платьях с рукавами в виде берета, в виде côtesdemelon, oreilles d'éléphant[11*].......... Устал!.. словом сказать, во всех изменениях *орнитологии*, по системе венской, парижской и лондонской, *куконы* и *куконицы* куда-то торопятся. Беззаботные, самодовольные лица с пылкими очами, с природным и китайским румянцем, с собственною и свинцовою белизною сыплют взоры вправо и влево. Я еду.

CCCXIII

Для прохожих мало места на улицах, покрытых деревянною мостовой. Только простому народу и иноземцу не стыдно идти пешком.

6* кацавейка, одежда без рукавов (*молд.*).
7* что? (*немец.*).
8* сорта материй (*франц*).
9* по-девичьи, как у цветочницы, по-английски (*франц.*).
10* как у инки (*франц.*).
11* боков дыни, ушей слона (*франц*).

CCCXIV

Qui prouve trop ne prouve rien.
(Axiome) [12*]

Но вот направо и налево — лавки и магазины, наполненные изделиями Турции и Австрии. Штемпели Вены и Лейпцига, Стамбула, Измира ручаются за дешевизну и доброту.

Не довольствуясь тем, что необходимость и желание перевести деньги наполняют лавки и магазины покупщиками, сидельцы ловят вас на улице, уговаривают, влекут насильно в лавку, соблазняют дешевизной, уступкой, и, прежде нежели вы решились купить то, на что взглянули, товар уже отмерян, взвешен, отрезан, завернут и всунут вам в руки; — что же остается вам делать? — платить.

После этого верьте вышеозначенной аксиоме! Кто больше жида уверяет, что товар его ganz fain? [13*] А вы принимаете все за *чистые деньги*.

К проезжающим мимо лавок — то же *жестокое внимание*, то же *насильственное угождение*.

Не успели еще усталые лошади мои сделать нескольких шагов между длинными строями лавок, и уже потомки *Израиля* обсыпали мою бричку и набросали в нее всего, что по догадливости своей они считали нужным мне продать. Что было мне делать? Лошади мои, как будто подкупленные жидами, стали, и я должен был выслушать цену товаров: — Батист, батист! — кричал рыжий еврей, — ganz güt, fain! [14*], восемь червонцев за штуку! — Голландское полотно! — кричал другой, с витыми пейсами, — äch! fünf Dukaten Stuck! [15*] Сукно Sedan, пятнадцать левов локоть. Шаль! бур-де-суа! четыре червонца! *кэртс ди вист ку карикатурь*! [16*] *опту-спрезечи лей! кумпара, кумпара, боерь*! [17*] Kausen Sie, kausen Sie, mein lieber Herr! [18*]

— Сараку-ди-мини! [19*]

CCCXV

На *улице-маре*, против дома Пашкана, в котором жил главнокомандующий, была отведена мне квартира. После восьмимесячной кочевой жизни в пустынях булгарских широкие диваны бояра Ионы Некульчи-Муто показались мне нежнее дружеских объятий. В одно мгновение я успел на каждом из них присесть, прилечь, свернуть под себя ноги à la

---

[12*] Кто слишком много доказывает, тот никого не убеждает. (*Аксиома*) (*франц.*).
[13*] самый лучший (*идиш*).
[14*] самый хороший, лучший! (*идиш*).
[15*] эх, пять дукатов за кусок! (*идиш*).
[16*] визитные карточки с карикатурами! (*молд.*).
[17*] восемнадцать лей! купи, купи, господин! (*молд.*).
[18*] Купите, купите, дорогой господин! (*идиш*).
[19*] Бедный я! (*молд.*).

turc[20*], развернуть, протянуться и быть во всех положениях лени, неги и спокойствия.

Вот и чемодан мой! и он порадуется спокойствию, и ему протерли бока.

Денщик и суруджи вдвоем
Втащили в комнату *мой дом*.

Суруджи

— Хэ! *маре драку!*[21*]

Денщик

— Тяжеленек!

— Да,— думал я,— не мудрено!
В нем все, что богом мне дано,
Все, кроме радостей и денег!

CCCXVI

Ласковые хозяева приняли меня, как родного.

Вскоре явилось ко мне с вином на подносе, с дульчецом, и кофием, и с трубкою дюбеку презанимательное лицо.

«*Пуфтим, боерь*! — сказало оно мне, — *кала краси*! *дульцец, кафэ ши люлэ*!»[22*]

— Благодарю, друг мой. Скажи, пожалуйста, ты здешний? «Еу целовек грек, капитан Микулай; ам зинка, коптел мулт![23*] нам камес, нет страи![24*] дают кукон си куконица страи си камес; турци мынкать со![25*]»

—Жаль; выпей с горя вина.

«А, халоса! кала ине краси![26*] Капитан Микулай слузил государски...[27*] сол антелериски, такой большой *тунуруле*![28*] еу показит дорога: дела *Хотин*, на *Бендерь*, мерже на *Измаил*... Инарал командирски[29*] дают на капитан Микулай *эна хартия*!.. такой пальсой пумаг!.. пецатлуит: и проци и проци и проци![30*]... Кульерски пумаг!.. ги!.. гуляй на поцта кульерски!.. динь, динь, динь, динь! пасоль, пасоль!.. и дают инараль командирски другой пумаг... халоса!.. писит: капитан Микулай

20* по-турецки (*франц.*).
21* большой черт (*прим. автора*).
22* Пожалуйте, господин!.. отличное вино! варенье, кофе и трубка! (*смесь новогреч. и молд.*).
23* имею жену, много детей (*прим. автора*).
24* нет белья, нет одежды (*прим. автора*).
25* турки все съели (*прим. автора*).
26* Славное вино! (*греч*). (*прим. автора*).
27* был в службе русской (*прим. автора*).
28* шла артиллерия, большие пушки (*прим. автора*).
29* Генерал, начальник (*прим. автора*).
30* напечатано: и проч. и проч. и проч. (подорожная) (*прим. автора*).

слузил государски, халоса... дают цин *капитан*, халоса цин, государски!.. Сто пайдот на Царьград?»

— Пойдем.

«Си еу пайдот!.. я был на баталия ку немца![31*]... на Фоксань![32*] Кнезь паслот менэ с провиантски *каруца* на Кобурски![33*]... Немца идот, идот, идот!.. так! Венгерски гусарски... так... халоса!.. Бозе мой!! Турци!!! многа, многа!! Визирь ку кавалерия, на армасарь Анатольски!![34*] идот! Я лезит на карэ[35*]. Бум, бум, бум! *тунурулэ*. А! страсна!.. я лезит на земля... Бозе мой, бозе мой! пропадит немца!.. Венит Суворов!!![36*] Бум, бум, бум!!! пжи-жи-жи-жи, пжи-жи-жи-жи!!! Хи! Фужит драку турци!![37*]»

Пылкое воображение *целовека грека*, недовольное смешением греческого, молдаванского и русского языка, дополняло слова представлением всего в лицах. Для изображения визирской кавалерии и венгерского гусарского полка указательный и средний палец правой руки седлали указательный палец левой.

При слове *идот!* правая ладонь плавно двигалась параллельно земле, а голова Микулая поднималась гордо вверх, как у всадника. С словом: *еу*[38*] *лезит на земля* — он распростирался по полу и лежал несколько мгновений молча, неподвижно. При слове *венит Суворов*! весь корпус *целовека грека* встряхнула радость о избавлении от гибели.

Дорого бы дал иной италианский *импрезарио*, чтоб иметь право показывать капитана Микулая на площади.

Насмеявшись вдоволь, я прервал рассказ его о взятии Хотина, о пришествии турок в Яссы, о битве этеристов при Скулянах.

— Где тут бывает гулянье? — спросил я его.

«Гуляй?.. пи улица. Кунуница мулт[39*], молдаванка, грецанка, ирмэнь[40*]».

— Хороши куконицы?

«Халоса? гуляй... так... Хэ! Капитан Микулай знай... Мой тата си мама зивот на Царьградски *бурика*[41*]. Их! там девка халоса! Бозе мой! какой халоса!»

— Прощай, я иду гулять.

«Бун, бун, боярилэ[42*]».

31* с немцами (*прим автора*).
32* при Фокшанах (*прим. автора*).
33* Князь послал меня с провиантским обозом к принцу Кобургскому (*прим. автора*).
34* Визирь с кавалерией на анатольских жеребцах (*прим. автора*).
35* Я лежал в каре (*прим. автора*).
36* Идет Суворов (*прим. автора*).
37* Убежали черти турки (*прим. автора*).
38* я (*молд.*).
39* много (*молд.*).
40* армянка.
41* *Бурика* по-молдавански — пупок; по выражению: в самой средине Царьграда (*прим. автора*).
42* Хорошо, хорошо, боярин (*прим. автора*).

CCCXVII

Счастия миг, юность лови!
Путай себя в цепи любви!
Время, как молния, быстро летит,
Юность увянет, сердце сгорит.
(Эпиграмма)

С этою мыслию сел я на дрожки и пустился в Копо. Два ряда экипажей совершенно стеснили улицу, мне не хотелось тянуться в рядах, — мимо!

Кто знает московские гулянья, тот может себе представить, что в Яссах всякий день, без исключения... виноват... исключая бурные дни... подобные гулянья в экипажах составляют некоторую обязанность почти всех классов жителей. Это род *моциону* от засидения, от скуки; род *выставки* по части промышленности сердечной; род *far niente* [43*], от *нечего делать*; род привычки, основанной, как большая часть постановлений и законов молдаванских, на слове *дупа обычулуй* [44*].

Два рода экипажей тянутся от сгоревшего господарского дворца вверх и вниз по *улице-маре*, чрез поле Копо.

Природа красится присутствием людей,
А жизнь чистейшею любовью;
Но что же жизнь, когда должны мы в ней
Предать все чувства хладнокровью!

И потому я ехал, рассматривая внимательно все, чем движущиеся оранжереи были наполнены.

День XLV

Cimmeriae tenebrae *

CCCXVIII

В пылкие, неопытные лета юноша горделиво воображает, что он создан разгадать тайну мироздания. «Много прошло времени от начала мира, — думает он, — может быть, еще более остается до конца его... Были великие люди, соединявшие в себе ум и чувства целых народов и целых столетий... они разгадали кое-что... Должен же родиться на свет гений,

43* безделия (*итал.*).
44* по обычаю (*прим. автора*).
* Мрак кромешный (*лат.*).

у которого зрение будет телескопическое, слух подобен фокусу эллиптическому, память велика, как *книга Вселенной*, ум ясен и основателен, как формула алгебраическая, а рассудок верен, как вывод... Почему знать... может быть... я...»

Таким образом рассуждая, молодой человек внезапно встречает небольшое существо, лет... но лета ничего не значат... нежное, чувствительное, полное жизни и красоты. Забыта высокая цель существования! С этого мгновения не тайну создания разгадывает юноша, а сердце чудной своей встречи. С каждым ударом пульса, с каждым словом, с каждым взглядом, шагом и вздохом она увеличивается в глазах и понятиях юноши до бесконечности и, наконец, обращается во *Вселенную*, а вся *Вселенная*, постепенно уменьшаясь, принимает на себя вид ее. Какой переворот!

CCCXIX

Твой друг с тобой, моя Лавиния[106]!
С тобой! но ты
Таишь следы
Какой-то грусти и уныния?
Любовь моя!
Ужели я
Покину рай мой и Италию?
Как честный грек,
Я твой навек!
Не убивай себя печалию!

Ainsi parloit Enée, les larme aux yeux: cependant sa flotte voguoit à pleines voiles...

Eneide **.

CCCXX

Я не могу скрыть от вас, мои читательницы, что человеческое сердце имеет совершенное подобие с земным шаром. Так же, как и на Земле, на нем есть полюсы, а потому-то, разложив его по методе *Меркатора*[107] на плоскость, мы увидим, что оно имеет поясы жара и холода и что *сердечные крайности*, так же как и земные, никуда не годятся. Из сего что заключаете вы? То, что тогда только хорошо жить в чьем-нибудь сердце, когда занимаем в нем пояс умеренный, в котором не задушат вас ни объятия, ни проклятия.

Кажется мне, что это справедливо?

(*Все молчат.*)

Глупо было бы думать в нынешнем веке, что *молчание есть знак согласия.*

** Так говорил Эней со слезами на глазах: в это время его флот уплывал на всех парусах. *Энеида* (*франц.*).

CCCXXI

Может быть, спросят меня: что я видел в Копо?

Что видел я, не помню, право:
Как на круженье колеса,
Смотрел я прямо, влево, вправо,
Ничто не бросилось в глаза!
Там, как в созвездье Козерога,
На небе, очень много звезд,
Изрядных женщин было много
И куча зреющих невест.

Скучно было мне ездить одному, без *знатока в красавицах ясских*. К счастию, попадается мне навстречу товарищ.

— Покажи мне всех, расскажи мне все!

«Хорошо», — отвечал он. Но память его была уже потеряна в рядах экипажей. Долго еще ездили мы взад и вперед, как вдруг товарищ мой вскрикнул:

Ах, вот Елена молодая!
Соперница сирийских роз!

Я

Не та ль, которую увез
Парис у грека Менелая?

Он

Ах нет!... блуждающий огонь,
Арабский своенравный конь!..
Во всем чудна, во всем примерна,
Нежна, как вздох [3*], быстра, как серна,
Досадна так, как звук *не тронь*!

CCCXXII

Commeun ver, qui devient chrysallide, aurelie, nymphe, et enfin papillon.

Em. Swedenborg [4*]

Точно так же... но... Время идет ни тише, ни скорее. Чувства, вспыхнув от радости, что встретили спокойствие и негу, оживленные новостию жизни ясской, вскоре пришли в обыкновенное свое положение. Опять отражались в них то временное довольствие, то беспокойная грусть. Все чего-то недоставало им; обманываясь желаниями, они видели одну только

[3*] Товарищ сказал: как вздох любви; но любовь его не уместилась в стихе (*прим. автора*).

[4*] Подобно козявке, пресуществляющейся в яичко, гусеницу, куколку и наконец — в бабочку. *Эм. Сведенборг* [108] (*франц.*).

скуку в исполнении желаний. Однажды, отягченный думами, спустился я с террасы загородного сада Михайлаки Стурдзы[109], обошел кругом пруд, перебрался по легкому мостику на островок, скрывавший акациями пасмурную беседку...

CCCXXIII

Amore (*solo sedente a piè dell'albero*)
...Che bella avventura! che vergogna! che ridicolo!...

Le Grazie. Comed. del S. Saint Foix[5*].

CCCXXIV

Δός μοὶ χαρτὶ kονσόλι kαί μελάνι![6*]

(Нубия)

Вообразите себе, друзья мои, что, засидевшись дома, вы вдруг подумаете: «Пройдусь для моциону», и велите седлать своего коня.

— Куда? — спрашивают вас.

— Так! — отвечаете вы.

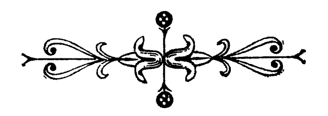
Во время подобной прогулки вы *Странник*; впечатления ваши легки и непостоянны.

CCXXV

(Москва)

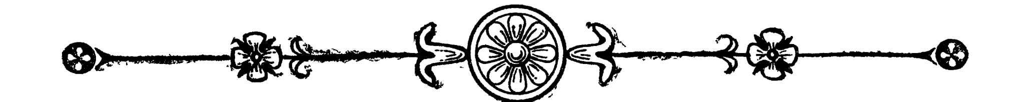
Мой конь устал, устал и я!
П $\frac{\text{РРРР}}{\text{УУУУ}}$!!! — молвил Странник вдруг и спешил.
Довольно, милые друзья,
Своею скачкой вас потешил.

Конец третьей части

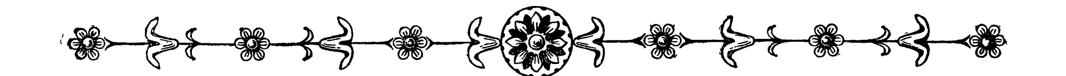

[5*] Любовь (*одиноко сидящая у подножия древа*).
...Какое прекрасное приключение! какой позор! как смешно!..
Грации. Комед. С. Сен-Фуа. (*итал.*)

[6*] Дайте мне клочок бумаги и чернилы! (*новогреч.*).

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРОСТИТЕ, КОЛЬ МОЕЙ НЕСТРОЙНОЙ ЛИРЫ ГЛАС

Простите, коль моей нестройной лиры глас
Прелестных петь красот и Кишинев дерзает.
Давно уже забыл я Геликон[1], Парнас,
И лиру пыль мою давно уж покрывает.
Я славы не ищу и не ищу похвал,
Желаю обратить я ваше лишь вниманье
О Кишиневские Красы — я б счастлив стал,
Когда бы вы прочли, — вот все мое желанье.
О Тредьяковский[2], рифм соплетатель,
Оставь ты на время смерти покой,
Муз ты достойный был обожатель,
Восстани из Праху, мне Лиру настрой.
Дивным восторгом вдруг возрожденный,
Лиру забыту беру я свою,
Муз вдохновением я оживленный
Милых прелестных красот воспою...

О ты, веселий что собор
И удовольствия скрывает,
О Петербург, в мечтах мой взор
В приятностях твоих блуждает.
И ты, древнопрестольный град,
Столица смехов, игр, веселий,
Лишиться всех твоих отрад
Судьбы мне грозны повелели. —
Но что Москва и град Петров
В пространном скрыты отдаленье.
Когда пред взором Кишинев
Стоит на гордом возвышенье
И славный Бык меж камышом
В извилинах своих струится,
Приятный гул и тихий гром
В зыбях его всегда двоится:
Во влажности густой собором

И выставя главы свои,
Ликуют громким шумпым хором
То водяные соловьи.
Пар, собравшись над водой,
Повсюду льет благоуханья,
От коих знойною порой
[Страдает чувств] Ужасно страждет обоняпье.
И сад младой на высоте
Величественный вид являет
Во всей искусства красоте;
И весь там Кишинев гуляет. —
На гордых Э........м Столпах
Там вид беседки соруженной
Висит, изорван, и в клочках,
Им флюгер славе посвященный;
Но я боюсь, что наведу
Всем скуку видов описаньем,
То мы гуляющих в саду
Рассмотрим лучше со вниманьем:
Ту[манов] тихо вот идет,
Спокойства, тишины блюститель,
За ним весь полицейский сброд,
И он их гордый предводитель,
Но в должности не цербер он,
Полет его не соколиный,
Он лисьим свойством не снабжеп,
И взор в нем не орлиный.
Вот Л. .ка, борзый Аполлон,
Наставник здешних муз достойный,
И вид его, как гуслей тон,
Плачевный, низкий и нестройный.
Из одного угла в другой
Исправно вести переносит,
И сор домашний он чужой
Из дому в дом с прибавкой носит,
Умеет хари он кривлять,
И передразнивать умеет,
И так всех живо представлять,
Что Апеллес [3] пред ним краснеет.
Но вот и С. . . . .ка идет,
Прелестный образ нежной флоры,
Весна в лице ее цветет,
И полны пылкой страсти взоры,
Печальный, томный ее взгляд
Повсюду с быстротой блуждает,
В ней чувства пламенно горят,

Желанье ими управляет.
Ее жених и Селадон [4]
Идет с улыбкой восхищенья,
Любовью воспаленный, он
В ней зрит уж страсти упоенья.
Друг с другом взоры встретясь их
В сердцах их [страсть] жар воспламеняют,
И тут невеста и жених
Дня брачного скорей желают.
И Ли. . . . . .ка за ними вслед
Идет с невинностью Сусанны,
В лице совсем притворства нет,
И в мыслях лишь одни романы.
Анти-Орфей [5] ей предлагал
И руку, сердце и цевницу,
На коей громко воспевал
Зарю и красную девицу.
Жестокий получив отказ,
Он скрылся с горестью душевной,
Цевницы уж негромок глас,
Но слышен звук в дали плачевный.
Теперь за пенистым Днестром
Он грусть, мучение скрывает
И иногда, и то тишком,
Жестоку лиру воспевает.
Но кто с стремлением бежит
Там, с боку на бок колыхаясь,
М. . . . .ца то спешит,
От жару, зною запыхаясь,
С [лиц] чела у ней пот градом льет,
И уж румянец стал багровый,
Дородность вид ей придает
Сердитый, грозный и суровый,
И перезрелость девства в ней
Последствия свои явила
И вместо свежих роз, лилей
Лицо холмами осенила.
[С супру]
Вот с деревянною ногой
С женой М. . . . . .ич поспешает.
Жена, как фурия, взирает,
А он как бы Вулкан [6] хромой.
Но вот с игрецкою ухваткой
Спешит З. . . . . .ий на картеж,
Вблизи простой его десяткой,
Вдали же козырем почтешь.

И В.....ти, как вихрь, несется,
Супруг за ней бежит бегом,
Как черепаха, мать плетется,
Свой толстый тащит стан с трудом.
Лететь за ней устав, зефиры,
На платье севши отдыхать,
Его изволют поддувать
Для прохлажденья сей пленпры.
Лицо, как шитая канва,
Тут Р.....ова выступает,
За ней и перед ней летает
Худая общая молва.
И вот Пу....рия красива,
Прекрасный взор, прелестный стан,
И так умильно молчалива
Венерин, словом, истукан [7].
За ней вслед Те.....е стремится
С сердечной горестью, тоской,
(Открыть желая пламень свой)
Амура просит он вступиться
И сердце ей пронзить стрелой.
Амур же вместо утешенья
Ему совет свой подает:
Пора тебе к успокоенью,
Ты вышел для любви из лет.
А! вот и неразлучных свита,
Колонной все они идут,
Иной накушался до сыта
И весом будет в десять пуд,
Другой, играя роль учену,
Премудро-гордый принял вид,
А тот, задать желая тону,
Прищурившись, в очки глядит,
И отрастив усы ужасны,
Он ими гордо шевелит
И думает, что взоры страстны
Прелестный пол к нему склонит.
Иной, как Селадон несчастный,
Себя на муку посвятил,
Вздыхает томно, сладострастно,
И взор на милых обратил.
Другой совсем противно мыслит,
Не любит о любви мечтать,
Амура богом он не числит
И хочет стрел его бежать.
А сей любитель Терпсихоры [8]

Свою отраду в танцах зрит,
И танцевать он до уморы
Как бы обязанностью чтит.
Но вдруг Каплюшка быстроногий,
Пигмей откуда ни взялся,
И своротили все с дороги,
Чтоб посмотреть на чудеса.
Но кто портрет его представит
И в точности изобразит,
Коль рассмотреть его весь вид
Всем нос его преграду ставит.
Чтоб сделать с ним сравненье ясно:
Урода взять из обезьян,
Надев парик, надев кафтан,
Приставить к морде нос ужасный.
С супругою своей младой
Идет тут С.... ручка с ручкой,
Не знав, кто скажет, что с женой,
Подумаешь — идет он с внучкой.
Вот юности в прелестном цвете
Идет невинность, красота.
Но ах, без просвещенья в свете
Наружность [ед] есть [одна] лишь суета
Но нужно ль милым просвещенье,
И не одна ли есть мечта,
Коль их достоинства: Смиренье,
Невинность, Скромность, Доброта.
И вот П....тий худощавый,
Как будто смертный грех, идет,
И вот походкой величавой
Супруга тащится вослед,
Горбатый нос и стан Эзопа,
Как птица хищная, она,
Ее портрет, о Каллиопа [9],
Представить лира не сильна.
А тут С....ти долговязый
С сестрицей рослою спешит,
С какой ее сравнить заразой
И с чем сравнить его мне вид.
Вот с видом кротости [небесной] смиренной,
[Идет] С улыбкой [Д......] милой на устах
Идет Д......, [улыбка милая] в [глазах] очах
Минервы [10] виден дар бесценный.
Пастушка, нежный философ,
Идет, склонивши взор умильный,
И скрытая в очах любовь

В сердца метает стрелы сильны.
Подруга с греческим лицом,
С прелестно-быстрыми оча́ми
И взором, дышащим огнем,
С ней тихими идет шагами.

Но вдруг как бы в мечтах предстал
Мне Ангел в образе прелестной,
По чувствам пламень пробежал
Уже давно мне неизвестный.
Как солнца луч, прелестный взор
Живит сердца и согревает,
И прелестей ее собор
Во всех огнь страсти возрождает.
Прости, коль дерзостный певец
Хвалу тебе свою приносит
И, будто лебедь зря конец,
Последню песнь Творцу возносит.
Тебе бы лиру посвятил,
Тебя бы вечно пел и славил,
Тебя своим бы богом чтил
И в сердце твой кумир поставил.
Но ах, во мне уж жар потух,
Со мной и лира устарела,
Теперь она разит тем слух,
Что прежде звучно, громко пела.

ДЖОК

(Отрывок)

Музыка Варфоломея [1],
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй скорее
И играй на славу *джок*!
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой:
В первой паре Катакази [2]
С скромной Скиновой женой [3].
Ты ж возьми его супругу,
Виц-Крупенский [4] отставной,
Руки за пояс друг другу

И пляшите *джок* родной!
Рознован [5] — «качула маре» *,
С Богданясою [6] *пофтим* **,
Лихо пляшет Сандулаки [7]
И мадам Короя с ним.
В пятой паре для красы
Худобашев [8] с Польхронисой [9] —
Бекасиные носы.
Пульхерица — легконожка [10],
Кишиневский наш божок [11]!
Встань, голубушка [12], немножко,
Оттанцуй с *бабакой* 3* *джок*!
Альбрехтша [13]! ты всем давала
Женской скромности пример:
У тебя для генерала
Не был презрен офицер!
Вы, которую все звали
Милая княжна Ралу [14],
Вы теперь кукона Сала
И не лучше Эдиб-оглу [15]!

ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Текст II

Вы позабыли обо мне,
Я вас напрасно звал друзьями.
Но все еще наедине,
В мечтах или глубоком сне
Мне кажется, я вместе с вами.
Недавно видел сон один,
Что по курьерской подорожной
Примчал я к вам, друзья, в Хотин
И там увидел вас в чертежной.
Сидите вкруг больших столов,
Близ вас лежат громады планов,
От ваших рук, как от фонтанов,
Там льются тысячи штришков.
Юрасов, рисовальщик смелый,

* высокая шапка (*молд.*).
** просим (*молд.*).
3* папашей (*молд.*).

Отделкой занят набело
И, к плану приклонив чело,
Жует тихонько бублик белый.
Перо поставив на брульон*,
С ним рядом, тут же у окошка,
Сидит Фонтон де Верайон
И говорит: брат, дай немножко.
Лугинин, не смотря на них,
Ведет по плоскости бумажной
Рукой надежной и отважной
Пером гусиным толстый штрих.
Роговский в уголку с ним рядом
Глядит на план умнейшим взглядом,
Движеньем нежным от руки
Вытягивает ручейки,
Овраги, речки и границы,
И ту деревню, где не раз
Он ночью, не смыкая глаз,
С надеждой тщетной ждал Зоицы.
Послушным двигая пером,
Там Львовчин юный, нежный, скромный
Рисует тоненьким штришком,
Склонясь главой на план огромный.
Тут Джиолио, великий муж,
Собой осанист, плотен, дюж,
На блюдце медленно трет тушь
И круг столов отважно ходит.
Но вот с Лугининым заводит
Он спор. — Уткнув на планы перст,
Он говорит, что близ Бужоры
Не могут быть так круты горы,
Что от Бужор до Котоморы
Двенадцать, а не десять верст,
Что все в деревнях молдаване
Его боятся, а в Гармане
Всегда 18 лошадей,
И что никто его смелей
На тройке ухорской не справит,
И что никто его скорей
Планшет на точке не уставит,
И что в деревне Тертицей
Ему дала . . . как вдруг раздался
Знакомый глас: monsieur Djiolio!
И вот наш Джиолио убрался

* черновик, черновая тетрадь.

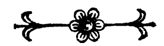
На место медленно свое.
Умолкло все,— но после вскоре
Как будто новый ветерок
Повеял тих через лесок,
И листья снова в разговоре.
«Ей брат, послушай-ко, Змеев, —
Вдруг вставши говорит Юрасов. —
Вчерась убил я шесть бекасов,
Да 5 престрашных куликов.
До дому нам близка дорога,
Пойдем позавтракать немного».
Змеев его не слышит слов,
[Димитрии пленившись] Пленясь какой-то девы станом,
Лицом и [полнотой] пышностью грудей,
И блеском огненных очей,
Не спит уж несколько ночей,
И сон морит его над планом.

Текст I

〈........................〉
Димитрии пленившись станом
[Он был вчерась на бале званом]
И блеском огненных очей,
Не спит он несколько ночей,
И сон морит его над планом.
А Куликовский над работой
[Зевает] Страдает, кажется, зевотой,
Как Ниагарский водопад,
Шум ветров бурных заглуша〈ет〉.
Так Пушк.〈ин〉 слово начинает
[Вдруг общий гром и заглушает],
И кажется, что все молчат [1].
«Друзья,— он * говорит,— сегодня
Пойдемте все к вечерне мы
Послушать страсти там господни».
Как вдруг раздался громкий глас:
[Друзья, послушайте приказ]
«Имею честь поздравить вас,
Фонтон, Лугинин, Львов, Иванов,—
За чистую отделку планов
Вам благодарность. Вот приказ» [2].

* То есть Куликовский.

Так Лопухин вдруг с громким криком
Влетел в смяте⟨нии⟩ великом
И удивил [смерте] приказ⟨ом⟩ тех,
Которых труд, желань⟨е⟩, рвенье,
Или со съемки удаленье
Сочли за леность и за грех.

ПАМЯТНЫЙ ЕЖЕДНЕВНИК

Тульчин 12 апреля. Главная квартира 2 армии выступила из Тульчина в Кишинев. Управлении налегке еше оставались до 20-го.

19. Выехал я на почтовых чрез Могилев, в Брацлавах съехался на станции с графом Дибичем [1].

20. Поутру приехал в Атаки; свидание с Хотяевыми, Хвостовым и его семейством. Старая любовь увяла.

21. Ввечеру в Кишиневе. Остановился у Алексеева [2],— вечер у Липранди [3]. На другой день хлопоты в отделении,— хоть без ног, а иди впереди.

22 и 23. В Кишиневе. 23 являлся к Дибичу.

24. Главная квартира выступает в Фальчи. Еду с Андреевским в бричке. Ночью в Мовешти 30 вер⟨ст⟩.

25. Переход до 30 верст в Сарацыну, ночлег — хлопоты за квартиры.

26. Переход более 40 верст, переправа через Прут на понтонах. Ночью в Фальчи. Местечко древное. Жители так же молдаване, как и в Бессарабии.— Равнодушие и сон.

27. Переход в 35 верст. С. Ведени 70 двор.⟨ов⟩.

28. Переход в 25 верст. С. Бракешти, против Вадулуй-Исакчи до 100 дворов.

NB Жители, коих замечаю до сих пор, беднее бессарабских.— Жители спокойны, даже равнодушны. Мы как в своей земле, а они как будто не впервой нас видят.

29. Переход 25 верст в с. Шипинь, против Вадулуй-Исак.⟨чи⟩.

30. Переход 30 верст в с. Максшиени на р. Серете. Главнокомандующего Дибича и Киселева [4] уже там не застал, они уехали к Браилову. В сем селении 12 раненых турок и несколько купцов, забратых в плен при Браилове. Казак. Атаман. полка. Ввечеру получил от ген.-кв.* предписание, прибыл 1 мая в с. Хаджи-Капитан при Браилове.

1 мая. Поехал верхом в Хаджи-Капитан; будем переправляться на понтонах.— Приехал часу в 12-м. Вся Главная квартира в Хаджи-Капитан. Селение не более 15 дворов разоренных в 5 верстах от крепости Браилова.

2. Хаджи-Капитан. После обеда ездил к крепости сажен 200 за цепь ка-

* генерал-квартирмейстера.

заков передовую.— Тыч..... похищен у неприятеля. Часу в 1-м до обеда поехал под крепость, был в занятом стрелками форштате.

4 мая. Хаджи-Капитан. Канцелярские дела.

6. Там же и те же занятия. Ездил под крепость.

7. Приехал великий князь Михаил Павлович[5]. Кв.⟨артира⟩ его с. Каза-су в 1-й версте от Хаджи-Капитана.

8. В Хаджи-Капитан.

9 По утру являлись великому князю.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16. В Хаджи-Капитан. К вечеру приехал туда и князь Прозоровский, бывший сосъемщик мой в Бессарабии.

17.

18.

19. С скукой пополам, там же. Прозоровский обещает перевести в Генеральный штаб. Князя обещание есть ласковый отказ.

20. День проведен по обыкновенному. Под вечер в Браилове взрыв, наша Кессель-батарея зажгла порт;— все поскакали под крепость — и я. Был в траншеях на Кессель-батарее.— Из крепости не стреляли, и потому очень интересно было смотреть на полет наших бомб, падение их заметно и самый взрыв в городе.

21. Простился с к. Прозоровским. Мысль ехать в Фокшаны. *В однообразной жизни по крайней мере мысли разнообразны.*

22. Поехал в Фокшаны**; перем. лошд.; при переправе через Бузей, в с. Молод, приехал в Фокшаны в 7 час. вечера, остановился в доме Понсона, бывшего старосты консульского в Фокшанах;— гостеприимная жена его. Ввечеру нездоровье или усталость; в 12 часов лег спать.

23. Целый день ходил по лавкам.— Деньги есть, много нужд.— Лошади в Молдавии дрянь.

** Фокшаны порядочное местечко; хуже прежнего; но не уступает нынешнему Кишиневу; есть турецкие и австрийские товары; с нашим приходом в Молдавию заметно все подорожало.— Здесь есть монастырь довольно в древнем вкусе и несколько церквей; одобесное вино под боком — местоположение: на равнине Валахской при подошве Карпатских гор (*прим. автора*).

РЕЛЯЦИИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828 ГОДА

ПЕРЕПРАВА РОССИЙСКОГО ВОЙСКА ЧРЕЗ ДУНАЙ ПРИ САТУНОВЕ 27 МАЙЯ 1828-го г.

27-го майя российское оружие перенесено на правый берег Дуная. Сие событие увенчано победою над турецкими войсками, оспаривавшими переправу.

Место для перехода войск на неприятельскую землю избрано было в 3-х верстах ниже крепости Исакчи, представляя все невыгоды и трудность, почти не преодолимую, оно есть удобнейшее на всей части Дуная, касающейся пределов России. В этом месте, ознаменованный уже и прежде подобными событиями, Дунай, сужаясь, допускает чрез болотистое пространство приближение к себе и высадку войск на правый свой берег — но там же неприятель с своей стороны имеет все выгоды местоположения, чтоб твердо оспаривать переправу.

Берег Дуная, возвышаясь ярусами, составлял фронт защитной позиции; правый фланг, примыкая к болоту, был сверх того обеспечен неприятелем засеками и батареею на 9 орудий, левый редутом на 5-ть орудий большого калибра с ружейными амбразурами, в средине устроена была батарея на 7 орудий, которая и соединялась с фланговыми укреплениями окопом с бойницами. 6-ть тысяч азиятских войск расположены были на позиции для обороны берега.

Все видимые затруднения, увеличенные необыкновенным разливом вод, не остановили решительной воли его императорского величества и мужества войск, стремившихся достигнуть к показанной им цели.

К назначенному времени через наводненные камыши проложен доступ к Дунаю. Плотина совершена войсками и обывателями под ведением командира 2-ой сводной пионерской бригады генерал-майора Руперта; пролегая около 2-х верст по болотистой долине прямо к Дунаю, она сворачивает под выстрелами неприятельскими вправо по топкому берегу и приближается к месту переправы, имея всего протяжения более 4-х верст.

К 27-му числу войска 3-го пехотного корпуса сблизились от Болграда к Сатунову; 3-я бригада Дунайской флотилии с транспортными судами и понтонами подошла от Измаила на ту же высоту и остановилась на левом фланге батареи в 24-е орудия, устроенной для прикрытия переправы.

В 4-е часа утра 27-го числа государь император изволил прибыть к войскам, собранным перед переправою; открытый огонь по неприятельским укреплениям с береговой нашей батареи и флотилии был знаком движения войск на правый берег.

Генерал от инфантерии Рудзевич, командир 3-го пехотного корпуса, генерал-квартирмейстер Главного штаба его императорского величества генерал-адъютант граф Сухтелен и начальник Главного штаба 2-й армии генерал-адъютант Киселев распоряжали переправою войск.

Часть Егерской бригады 9-й дивизии должна была первая переплыть

реку; но безветрие и быстрое течение медлили ход транспортных судов; между тем командир 2-ой бригады генерал-майор Гельвих с 120 человеками сел на лодки запорожцев, возвратившихся в подданство России [1], и с их пособием первый выступил на неприятельскую землю; ему последовал на транспортном судне с небольшим отрядом генерал-майор князь Горчаков, начальник штаба 3-го корпуса.

Другое отделение запорожских лодок подало способ генерал-майору Курносову и полковнику Крузе, командиру 3-го саперного баталиона, последовать за движением Гельвиха и князя Горчакова.

Передовые отряды сии, высаженные на берег, покрытый водою и камышом, должны были проходить чрез засеки и потом $1^1/_2$ версты глубоким болотом; неприятель быстро атаковал голову колонны, надеясь опрокинуть оную в воду, но мужество начальников и нижних чинов удержало натиск его, и 3 баталиона выстроились в боевой порядок.

В это же время быстрое течение относило от настоящего направления 3-е отделение запорожских лодок, перевозивших 2-ой баталион Алексопольского полка. Генерал-адъютант Киселев сел на одну из них, привел отделение к сухому берегу, назначил место высадки и в то же время приказал капитану 2-го ранга Патаниоти подвинуть суда левого фланга флотилии более вперед и действовать картечью по неприятелю, который атаковал передовые отряды и упорно держался на мысе, выдавшемся от высот к болотистому берегу Дуная.

Выстрелы сии имели заметное влияние на успех. Неприятельская кавалерия отступила, а переправленные отделения соединились, построились в боевой порядок под начальством генерал-лейтенанта Бартоломея и двинулись на приступ к неприятельским батареям.

Войска сии, от которых зависела быстрота успеха, совершили свой подвиг с неотразимою храбростию и прошли победителями по всему ряду укреплений неприятельских. Турки оставили свои батареи, артиллерию, бросились к лагерю на высоте своей позиции; в это время в укреплении правого фланга их взлетел на воздух фугас, и 17 человек 17-го Егерского полка сделались жертвою взрыва.

Между тем генерал от инфантерии Рудзевич довершал переправу и занятие правого берега Дуная. 4-е баталиона в колоннах устремились чрез наводненные болота на высоту позиции неприятельской; появление их заставило турок совершенно оставить свой лагерь и искать спасения в бегстве по дорогам к Тульче, Бабадигу и Исакче.

Прочие переправившиеся части 3-го пехотного корпуса заняли береговые укрепления, в которых оставлено неприятелем 21 орудие большого и малого калибра.

Переправа и занятие высот, ознаменованные силою, покровительствующей российскому оружию, и мужеством войск, стоили нам 112 человек убитыми и ранеными, в числе последних и капитан 2-го ранга Патаниоти, содействовавший победе.

Сост. с подл. донесений

Старший адъютант *Вельтман.*

ВЗЯТИЕ кр. ИСАКЧИ

Между тем как устраивался через Дунай понтонный мост и остальные части 3-го корпуса переходили на неприятельскую землю, 28-го числа сделано усиленное обозрение Исакчи, стрелки и отряды казаков под выстрелами дошли до средины предместья, на другой день три баталиона 3-й бригады 9-й дивизии Симбирского полка и 20-й Егерской и 16 орудий артиллерии обложили крепость; гарнизон не решился ожидать действия и выслал уполномоченных для переговоров; 30-го числа командир 3-го корпуса генерал от инфантерии Рудзевич подписал условия о сдаче. В тот же день Муромский полк вступил в крепость и принял от удаляющегося гарнизона 18 знамен, 70 пушек, 5 мортир, все оружие и все военные и жизненные припасы.

Сост. с подл. донесений

Старший адъютант *Вельтман.*

ВЗЯТИЕ к. ТУЛЬЧИ

1-го июня отряд* генерала-лейтенанта Ушакова обложил к. Тульчу.

2-го числа с рассветом гарнизон сделал вылазку, но был опрокинут уланами и преследован под выстрелы крепости; безуспешно возобновленное нападение в тот же день и усиленная вылазка 3-го числа, отраженная с большою потерею для неприятеля, принудила его не удаляться от стен своих. В продолжение 9 дней не было видно новых покушений со стороны его, между тем облегающие войска довершили редут на 4 батарейных и 4 легких орудия.

12 числа паша извещен о взятии кк. Браилова и Мачина с предложением сдать Тульчу, но он не согласился и на другой же день сделал вылазку в значительном числе кавалерии. Уланы опрокинули толпу и обратили в крепость с большим уроном для неприятеля; с нашей стороны убито 5 улан, ранены полковник Остроградский, корнет Гетманцевич и 6 рядовых.

Неудачные предприятия отразить русских и, наконец, удостоверение о взятии Браилова, Мачина и Кистенджи чрез нарочно посланного решили трехбунчужного пашу Ибрагима сдать кр. Тульчу, 4-е знамени, 36 пушек, все оружие и военные снаряды.

ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ПРИ ОСАДЕ БРАИЛОВА

После переправы 2-й армии чрез р. Прут начальною целию действий 7-го корпуса была предположена осада Браилова.

Авангард оного, при коем находился лично начальник Главного штаба его императорского величества граф Дибич, быстро двинулся вперед под

* Отряд сей состоял из 2-й бригады 7-й дивизии, одной роты артиллерии, сотни казаков и дивизиона улан 2-го Бугского уланского полка (*прим. автора*).

начальством генерал-майора Рейтерна и 28-го числа достигнул до д. Болгаденешти в 8 верстах от крепости. Здесь была первая встреча с неприятелем. Партия Атаманского его императорского высочества наследника полка и несколько улан 4-ой Бугской дивизии, посланных в подкрепление, настигли отряд, выехавший из города на фуражировку; в сей сшибке до 30 турок пало убитыми, 18 взяты в плен.

С нашей стороны убит 1 улан и ранено 7 казаков.

На другой день авангард расположился при д. Хаджи-Капитан в 6-и верстах от крепости.

Того же числа прибыл господин главнокомандующий с начальником Главного штаба армии, а к вечеру войска 7-го корпуса обложили крепость.

18-ая дивизия под командою генерал-майора Людингсгаузена-Вольфа расположена была при крепости на правом нашем фланге; бригада 19-ой дивизионом улан под командою генерал-майора Сиверса занимала левый фланг.

19-ая дивизия под начальством генерал-лейтенанта Иванова составляла резерв осаждающих. Бугская дивизия расположена была в центре.

Для большого стеснения обложенного неприятеля предложено занять хутор на правом фланге осадного корпуса и сады на левом его фланге. В ночь на 1-ое маия Казанский пехотный полк, подкрепляемый дивизионом улан под начальством генерал-майора Людингсгаузена-Вольфа двинулся по назначению к сему хутору, лежащему на ближайший пушечный выстрел от крепости, и занял оный без большого сопротивления; в то же время 37-ой Егерский полк, усиленный также дивизионом улан, утвердился в садах левого фланга.

Сия поверхность одержана была без всякой потери с нашей стороны, неприятель слабо сопротивлялся и, не отваживаясь сделать вылазку, действовал орудиями с крепостных батарей.

По обложении крепости неприятель выжег предместье и надеялся держаться в оном под прикрытием крепостного огня.

2-го маия отряжена была для занятия предместия 1-ая бригада 18-ой дивизии с стрелками Казанского полка под начальством генерал-маиора Полешки. Заметив приближение войск, осажденные открыли сильный огонь с батарей, но стрелки Казанского полка под картечью и ядрами прошли до самого гласиса, где и удержались. Быстрота и решительность войск, занявших предместие, были примерны, успех при маловажной потере превзошел самое ожидание; с нашей стороны убито 7 человек нижних чинов, ранены командир 1-ой бригады 18-ой дивизии генерал-маиор Полешко, получивший контузию, 2 обер-офицера и 25 человек нижних чинов.

7-го маия его императорское высочество генерал-фельдцехмейстер великий князь Михаил Павлович принял командование осадным корпусом. В следующий день стены Браилова ознаменовались воззрением на них самого императора России в сопровождении великого князя, генерал-фельдмаршала и начальников Главных штабов его императорского величества и 2-ой армии. Государь лично обозревал крепость и назначил места атаки.

После открытия действия батарей на левом и правом фланге, 13 числа начались работы правильной осады; они основаны открытием траншей и учреждением линии сообщения, на протяжении которой устроенные 5 батарей и редут действовали по бастионам левой стороны крепости; от сей первой облегающей линии приближение к крепости производилось летучими сапами [2], которые и соединены 2-ю облегающею линиею в расстоянии 30 сажень от контрэскарпа [3],— доступ к контрэскарпу веден был двойным прямым тихим сапом, далее начинались два спуска в ров, правая галерея имела 22 сажени протяжения и кончилась усиленным горном, левая, проходя 23$^1/_2$ саж. и кончаясь за эскарпом, разделилась на параллельные к оному боковые галереи в 20 футов длиною.

Таким образом, осада крепости продолжалась с быстрым успехом, орудия наши утушали огонь неприятельских батарей и вместе сожигали город; между тем неприятель решался несколько раз сделать вылазку, но при движении наблюдательных отрядов толпы удалялись в крепость. 20 числа покушение осажденных было дерзновеннее, до 500 человек турецкой пехоты и конницы устремились овладеть береговою единорожною батареею [4] на левом фланге осадного корпуса, сильный натиск их принудил отступить почти до самой батареи стрелков, прикрывавших оную, но к ним на подкрепление подоспел резерв, который вскоре усилен был еще двумя ротами 38-го Егерского полка. Решительный удар в штыки принудил неприятеля отступить к стенам своим и после перестрелки скрыться в крепость.

В сем деле убито с нашей стороны 4 рядовых, ранено унтер-офицеров 3 и рядовых 24.— Со стороны неприятеля потеря должна быть втрое значительнее, ибо, не взирая на все его усилия уносить убитых, осталось на месте много неприятельских трупов. По уверению участвовавших в сем деле, начальник вылазки находится в числе убитых.

Дунайская флотилия под начальством капитана 1-го ранга Завадовского 18-го числа подошла к крепости на 3 версты расстояния, целию оной было уничтожить флотилию неприятельскую и прервать сообщение Браилова с правым берегом Дуная.

28-го числа маия в час по полупочи после тщательного двухнедельного ожидания подул свежий попутный ветер, флотилия снялась с якоря и пошла вверх по Дунаю к гирлу Мачинскому.

Эскадра капитана 2-го ранга Резанова, отделенная для действия против крепости, и батарея подполковника Макалинского, устроенная на сухом пути, скрывали движение 16-и судов под командою начальника флотилии Завадовского, которые и вошли в Мачинский рукав.

Неприятельская флотилия расположена была поперек рукава. Завадовский быстро двинулся на нее и открыл сильный огонь. Турки немедленно ответствовали, но выдержав решительный натиск приближения, они поспешно стали отступать; преследование было беспощадно, едва 4-ая часть судов турецких спаслась под прикрытие батарей крепости Мачина.

В сем смелом и блистательном деле неприятель потерял из бывших у него 25 судов: 4 шлюпа, 7 канонерских лодок и адмиральский бот с артил-

лериею, 8 разных судов сожжено, разбито и насажено на мель. С нашей стороны потеря была маловажна.

Июня 2-го числа все минные работы были кончены, галереи правого и левого спусков и усиленный горн[5] были заряжены и забиты.

Два подкопа должны были сделать пролом в эскарпе, 3-ий засыпать ров глыбами обрушенной земли и облегчить приступ.

На другой день в 9 часов утра положено было зажечь все подкопы и двинуться быстро в проломы.

Войска разделены были на две колонны, каждая составляла два эшелона для временного подкрепления, одному из сих эшелонов назначено было занять вал, другие два должны были проникнуть в средину крепости, а 4-ый составлял резерв.

В условный час мины вспыхнули, а грохот взрывов был знаком приступа. Войска, ожидавшие сей минуты, одушевленные присутствием его императорского высочества генерал-фельдцехмейстера и примером своих начальников, находившихся в голове колонн, с грозным *ура*! быстро кинулись к местам взрывов, но неожидаемое препятствие остановило колонны. Позд<н>о уже заметили, что подкоп левого крыла приступа подорван 2-мя минутами ранее положенного времени и воспрепятствовал воспалению средней сильной мины; края эскарпа были взрыты, но пролома не образовалось. Все соображение приступа расстроилось. Передовые колонны чрез густое облако дыму и пыли стремительно уже спустились в ров и оттеснялись в нем пред неприступной стеной. Место взрывов и весь эскарп были усеяны отчаянным гарнизоном крепости и жителями, все вооружено было истреблением мужественных воинов, стесненных во рву и тщетно искавших возможности проникнуть в крепость; но на правом крыле 120 охотников успели подняться на вал сквозь амбразуры и встретили на нем славную смерть, из них один только унтер-офицер бросился в Дунай и спасся, выплыв на свой берег.

Действия на левом крыле приступа не имели успеха по той же причине.

Явная невозможность преодолеть препятствия к достижению цели принудила оставить предприятие. Войскам приказано отступить.

В полном порядке шли они из-под выстрелов неприятельских под прикрытием Казанского полка, занимавшего переднюю цепь осадных работ; усилив огонь, осажденные сделали против него 6-ть вылазок, но были отражены с значительным уроном; с нашей стороны потеря особенно чувствительна смертию генерал-маиоров Людингсгаузена-Вольфа и Тимрота; ранен генерал-маиор Степанов; штаб- и обер-офицеров убито 18, ранено 74, нижних чинов убито 887, ранено 1778.

Гарнизон Браилова видел мужество и твердость русских воинов в самой жесточайшей неудаче; исторгнув последние силы свои на отражение приступа, он устрашился ожидать последствий и 5-го числа просил переговоров.

В два часа пополуночи на 7-ое число капитуляция подписана была его императорским высочеством генерал-фельдцехмейстером и комендантом

крепости Сулиман-пашою, причем последний представил в российский лагерь трех аманатов [6] из числа знаменитых чиновников.

На другой день в 12 часов знамена русские развевались на стенах Браилова. Саперы и 1-е баталионы полков Казанского пехотного и 35-го Егерского вошли торжественно в крепость чрез пролом и заняли части фронта, на которых произведен был приступ.

Вслед за ними введены 4 легкие орудия, а два другие баталиона тех же полков, 6 батарейных и 2 легких орудия расположены в разных местах по контрэскарпу для составления резерва войск, вошедших в крепость.

10-го числа цитадель и стены Браилова, установленные 240 орудиями, были совершенно заняты нашими войсками. Гарнизон турецкий оставил крепость.

ВЗЯТИЕ к. КИСТЕНДЖИ

Авангард войск, перешедших чрез Дунай, назначен был действовать против кр. Кистенджи.

Командовавший авангардом генерал-лейтенант Редигер 4-го июня приблизился к оной. Российский флот стоял уже на одной высоте с крепостию.

Появление отряда казаков, посланных для обозрения укреплений, было встречено 200 человек неприятельской кавалерии, но генерал-маиор Кирсанов бросился с подкреплением, опрокинул неприятеля и преследовал до самых могил, находящихся перед крепостию, где скрывались в засаде турецкие стрелки.

Обозрев положение крепости, генерал-лейтенант Редигер стеснил посты неприятельские, обложил оную и основал против левого фланга сильную батарею. Сии действия сопровождались сильнейшим огнем из всех орудий крепости со стороны земли и ⟨со⟩ стороны моря по подошедшему русскому бригу.

7-го июня государь император изволил прибыть из лагеря при Карасу на Траяновом вале к блокадным войскам. Обозрев лично крепость, его величество повелел открыть решительное действие против оной в случае несогласия на предложение о сдаче.

Ответ кистенджийского коменданта изъявлял твердую решительность не сдавать крепости, но после действия артиллерии нашей 42 орудий с 3-х батарей и 20 орудий с военного брига «Орфея» и после полученного извещения о падении Браилова и Мачина Абдуллах-бей объявил согласие сдать Кистенджи.

11 июня подписаны договоры, 12-го часть войск заняла крепость. Приобретения, сделанные в оной, состоят в 4-х знаменах, 36 крепостных орудиях и многих различных военных снарядах.

ЗАНЯТИЕ ВЫСОТЫ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ ПОЗИЦИИ ПРИ ШУМЛЕ 16 и 17 ИЮЛЯ

Для полноты позиции, занятой 8 июля при Шумле, и для основательного утверждения правого фланга расположения войск должно было овладеть горою, составлявшею продолжение позиционной линии.

Согласно воле императора, исполнение сего назначено было делом 8-ой дивизии.

16-го июля в 4 часа пополудни 3-я бригада 8-ой дивизии двинулась к высоте, в то же время 1-ая батарейная рота и конно-батарейная № 19 под прикрытием 2-ой бригады 8-ой дивизии, расположившись на левом берегу р. Отражи, открыли огонь по начатому неприятельскому укреплению, дабы отклонить его внимание от цели действий и воспретить окончание построения.

Турки вышли в значительном числе кавалерии и пехоты с артиллериею из крепости и расположились перед оною, примыкая правым флангом к новопостроенному полевому укреплению, направив огни орудий (находившихся под начальством Карадженема) против высоты, на которую всходила 3-я бригада 8-ой дивизии под начальством генерал-маиора Вреде.

Сильный отряд неприятельский приблизился к подошве высоты и стал обходить оную, но высланная от 1-ой Конноегерской дивизии, прикрывавшей движение 3-ей бригады справа, конная рота № 22 и орудия легкой роты № 2 9-ой артиллерийской бригады под прикрытием 2-х баталионов 2-ой бригады остановили наступательное движение неприятеля.

Между тем 3-я бригада заняла уже высоту и подавалась вперед с величайшим затруднением чрез густой и колючий кустарник; пройдя до противного ската, она была атакована со всех сторон толпами неприятельской кавалерии. 1-ый баталион 15-го Егерского полка, шедший правее прочих, был окружен; не имея ни одного орудия для решительного отпора неприятеля, он выдерживал возобновляющиеся атаки огнем каре [7].

1-й баталион 16-го Егерского полка был таким же образом атакован и столь же успешно отражал неприятеля оружейным огнем.

С приближением 2-го баталиона 15-го Егерского полка с 2-мя орудиями, составлявшего резерв, войска двинулись вперед и, выдержав еще несколько кавалерийских атак, сбили неприятеля с горы; преследуемый выстрелами артиллерии, он отступил в крепость.

Император с генерал-фельдмаршалом и начальником Главного штаба его императорского величества наблюдал успехи своего оружия с кургана правее № 1. Начальник главного штаба 2-ой армии находился при действии войск, занимавших высоту.

В продолжение ночи на высоте основаны редуты № V и VI. Утром 17 числа неприятель открыл по 3-ей бригаде, занявшей высоту, сильный огонь с батарей, устроенных на оконечности главной Шумлинской горы, а по второй бригаде — с устроенного укрепления Селиктан-паши и в то же время вывел из крепости значительное число кавалерии с 10 орудиями и завел перестрелку с передовыми постами, стараясь избрать удобный слу-

чай взять обратно высоту, но действия нашей артиллерии остановили все его покушения.

Около полудня 2000 кавалерии устремились от лагеря при укреплении паши мачинского к редуту № XIX, но 5 эскадронов гусар и 6 орудий обратили неприятеля в бегство.

Перед вечером новое усилие неприятеля на правый фланг, сопровождаемое выстрелами с разных пунктов, отражено действием наших батарей.

ЭСКАНДЕР

МЫСЛЬ

Соч. А. В.

[«Дела мои отразятся в памяти людей, как лучи солнца на щите моем».]

Есть в мире прекрасное чувство одно,
Которое любят и боги и люди
А
Т

I

[Мысль моя, невидимая собеседница в уединении и в обществе,] [ты объятие] [союз] тлен[ого]ое [сердца] [и] [с] [бессмерт[ной] ьем] [душ[и]ою] [существа] [ты мой] [свободная как твердь] [все] [до созданья мира!] Дитя мое, мысль моя, Кто тебя создал? — [Не я ли?] Не я ли? [раб случая, раб подобных себе, раб страстей и желаний моих[,]! и твой раб дитя мое? —]

II

[Ты моя; но очи и слух и все чувства мои в твой воле и воля моя есть твой повелитель,] но Часто ты мне непослушна; [Но] И дерзость твою я могу наказать лишь своею печалью.—

III

Так так доступны просторы и место и время [,].— [что] Как часто желаю я сбросить всю тяжесть земную, чтобы вольно лететь за тобою от мира до мира; от бездны до неба, от века до века от [жизни] смерти до [смерти] жизни, от слез до восторгов любви бесконечной!—

[IV] II

[Цепи] Пределом сковать можно [накинуть оковы на землю, воду и] на воздух и воды и свет [оковать пределами] [но] Но Тебя [не заключат] [скуют] [ни] [и] [цепи] [ни границы] [не удержали и] ни границы ни цепи свободы лишить не возмогут и тяжесть не сдавит!

[Со мной ты родила́сь со мной и погибнешь, как луч с изчезанием света; нет! ты можешь меня пережить, как имя в метрической книге Прихода, в котором кто жил и скончался.—]

I

1) [Прекрасен родился] [с] С [гордой] твердой, великой душою родился Эскандер, [младенческий плач не обрызгал слез[ами]ой материнские объяти[й]я улыбка сияла на детских устах в минуту явленья на поприще жизни.

Но кто его мать, кто отец — нам преданья не скажут. [Где] [как] [детство свое проводил он.— Ужель повстречался он людям впервые] [пространства ужель] 2) Они его встретили Юношей [милым] гордым готовым и мыслить высоко и чувствовать сильно. И он в людях рабов своих [встретил] видел; 3) Приемыш Филиппа не видел [между] отца своего [ними отца] 4) [В нем] Но гордое сердце хотело любовь знать родную,— избрал отцом он Владельца Олимпа.

II

Я гордость сломил возносящихся [возн[е]сенных] слишком высоко, эфиром дышать неспособн⟨ый⟩, цари предо мной, как пред небом Титаны [1].

[На гордой скале над Понтом висящей сидит он;] Седая скала над пучиной склонилась как старец над гробом; [тропой] на ней восседает Эскандер.

На запад высокие тянутся горы, как путь возводящий на небо;

Море шумит, и ревущие волны рядами несутся.
И снова всю землю хотят покорить Океану;
Но груди гранитные скал набеги валов отражают.

III

Задумчив, [глядит он] [смотрит], как будто впервые он [вид] смотрит на прелесть и [мрачность] ужас природы;

Но в тех ли очах любопытство, для коих нет дивного в мире, которым давно все знакомо?—

IV

Чего я желаю? сказал он, кого [я]же ищу я на суше, [по] и море?— Иран мне подвластен, Индия пала, Иемен где твое счастье? [не] пределы ли мира мне нужны, чтоб во Вселенной проникнуть пределы [всего]?

Кеид* [царь] твой дар есть насмешка! Зачем [я] же тебя не заставил я чашу твою опорожнить? Ищу ль я покоя? [Нет] покой мне несносен, он тяжесть гнетущая к недру земному.— Богатства я презрел; блестящие камни и злато — не солнце, не звезды.

Солнце и звезды я сорва[ть]л бы с неба, чтобы видеть их тайны и светлое море, откуда лучи истекают.

V

Я понял и пищу страстей и чувств упоенье;

Я видел, как люди безумно своею надеждой питались;

Как страх обнимал недостойных, когда разрушались воздушные зданья желаний;

Я видел как явное горе завидует скрытой печали!

VI

Радость, без цели высокой — [нет!] мгновенье безумства, радость великих — улыбка природы в минуту восстания из бездн[ъ]ы [Океана]. Хаоса!

Веселые песни невольниц мне вечно, как вопли, несносны;

Кто пел бы приятно и с чувством для чуждых восторгов над гробом своих удовольствий?

VII

(В шатре слышны гармонические звуки),

Любовь, привязанность к праху, чувство достойное слабых творений, но чувство коварное.— Можно простить самовластью

Чтоб пожелать себя самого повсюду пределом природы, рабом быть желаний внушаемых ею; но сбывчивость их покупать за [новое] постыдное рабство — покорность и мыслей и дел. Нет, это жестоко.— Сносить своенравие женщин — согласием с волей младенцев безумных, купить лишь потребность природы... Это возможно.

(В шатре раздается песнь)

Отец мой! твой голос взывающий внемлю
Для слуха он страшное слово твердит!
[Но] [О] Но скоро[ль] слезой окроплю я ту землю,
В которой твой прах неспокойно лежит?
Там жертвенник [мести] Белу — надгробный твой камень
[Там] И тень твоя в жрицы меня посвятит;
И вспыхнет на жертве лобзания пламень;
И жертву в объятьях любви умертвит!

Эскандер (после размышления)

* Царь Милиды в Индии подарил Александру Магическую неопорожняемую чашу (*прим. автора*).

Согласие с волей младенцев и женщин есть средство [и] их властью играть произвольно.

Печальные песни! они раздирают мне душу. Но Зенда прекрасна; За Зенду мне Бел не простил бы, если б жрецы были в силах и в мрамор холодный внушать свою злобу и зависть...

Но первосвященник погиб под мечом правосудным и дух возмутителя казни земной был достоин.

Снова к стенам Вавилона! — Желание девы исполнить! — [Ты] [Победитель полсвета]. В храме могущего Бела [посл] принесть она хочет последнюю жертву.

[Но] И кто же Молился [ли кто] столь пламенно [Белу] небу, как пламенно дева меня умоляла? — [Но если б] Когда бы в молитвах ее не заметил я страсти, не видел желанья любовь утаить к Эскандеру; — [О! я заглушил бы] тогда [не] [только] не пустое желанье; но я и врожденное чувство в себе заглушил бы!

Сокровища все Нерм-Паяна я ей предлагал — отказалась; — [любит и в страхе глядит на меня непонятная дева.]

[Мой взор не постигнет ее;] [пронижет] [как] Но солнце проникнуть не может сквозь дебри Зуль-мата.

[Но] в таинственном мрачном лесу сокрывается светлый источник, которого волны [всю] всем жизнь обновляют.

И в Зенде [сокрывается] есть [чистое] светлое сердце — источник блаженства.

З е н д а ([одна] всходит на холм[е] пред станом Эскандера).

Пламень обнявший полсвета! Эскандер, ты мыслишь на небо проникнуть и свергнуть с престолов воздушных богов обладающих миром.—

Но что ж оторвет от Земли земную стихию,

Измерял ли властью своею свои ты желанья?

Взберись по могиле народов, тобой пораженных, на небо! —

В ней кости отца моего! — Они ль тебе будут ступенью? Нет, гордый властитель Земли!..

О, если б ты был и добрее и ближе душой своей к Земле!

О, если б ты не был [не] преступник для девы тебя полюбившей!

Тогда бы, Эскандер, ты был мне [был ты] дороже владычества воли над всей Вселенной.

Дороже и цели мечтаний своих закоснелых, наследник Олимпа! —

[Как] Теперь драгоценна мне нить твоей жизни, [пусть буду я] но так как для Парк[ой]и [твоею] жестокой; В объятьях [Парки] моих ты узнаешь блаженство. Но с этим блаженством сольется конец твой!

Э с к а н д е р. И я не останусь в том мире, где сердце узнало ужасные чувства!

Достаньте мне испить воды

[Ах дайте мне воды живой] из Аб-Хэида *.

---

* Источник живой воды Аб-Х[е]эид, в лесу непроницаемом Солнцем называемом Зуль-мат в провинции Шехер-Хурут (*прим. автора*).

Она [во мне] мои все силы обновит.
Отцом оставлена в наследство мне обида
⟨2⟩ [страшная мне] душу тяготит
Но клятва
⟨1⟩ [мщения на дочери лежит].
Эскандер! кто тебе от девы оборона
[От девы, мстящей за отца]
Кто отдаляет час [ужасного] конца
Ее любовь! — но стены близки Вавилона
[И близок час и твоего конца]!
[Мне] и [в помощь] [тень] [мне] ⟨нрзб.⟩ [отца]
[И силы подкрепит тень моего отца]
[И воскресит мой дух] тень грозного отца близка
Там упаду в твои объятья без защиты,
Там чувства мне восторгами волнуй
И усладит вдвойне мне душу ядовитый
Любви и мщенья поцелуй!

Эскандер ([один в] в загородных чертогах жрецов близ храма Бела [близ] Вавилона),

(Близ него стоит Зенда),

Зенда (на очах ее слезы)

Эскандер (в безумном исступлении чувств)

Еще обними меня [дева] Зенда, еще я горю, на сердце растают [и снеги] гранитные льдины Кавказа!

Мучительны, Зенда, нет, сладки томленья любви!

Юпитер, отец мой, завидуй!

В объятиях Леды, божественный лебедь, завидуй!

О Зенда, в груди твоей солнце!

Прочь! обожгла меня дева!.. Желаний огонь... в объятьях твоих... я пламенем залил!..

Волнуется кровь! Так Понт бушевал и взбрасывал волны, чтоб сдвинуть Лактонию в бездну! и сдвинул! И облит огнем как дворец Истакара; трудом и веками его созидали а сильный в мгновенье разрушил! —

Мне душно под небом! И небо стесняет дыханье! его бы я сбросил с себя, чтобы только вздохнуть в беспредельном пространстве!

(Зенда бросается в его объятья; но мгновенно вырвавшись скрывается за столпами чертогов)

Пусти меня Зенда, дай меч мой, я цепи разрушу, которыми ты приковала к земле Александра!

Дай меч мой! Но где же ты дева? Или ты призрак? Или Юпитера пламень с неба на казнь мне упавший!

Отец! ты трепещешь, чтоб я не похитил и волю твою и державу над миром!

Своими громами меня поразил ты!

И молнии твои вкруг меня обвились, как змеи!

Ты сбросил меня в страшный Тартар!
Юпитер! и ты знаешь зависть к счастливцу!
[Я смертный!]
(умирает).

Лагерь при Шумле, 10 июня 1829-го года.

ЭМИН

[Осеннее солнце всходило; но гордые] Гранитные скалы Мадарской долины [скрывали от взоров восточное небо, —] с создания [мира они] не [видали еще] видят лучей восходящего солнца, [из зависти] и тень их, как зависть, скрывает от взоров восточное небо.— Мрачны они; но [в вер] на гордой вершине [зеленой], сквозь частый кустарник кизила играет румяное утро.— от [ска] подошвы скалы, [крутизна] до долины. Крутизна раз[деляясь] дроб[ясь]ится [на цв зеленые] на холмы, украшена зеленью пышных черешен и яблонь, направо в садах. [по] близ дороги, идущей на скалы, и лесов к проводам мечети Кулевчи, [за нею] и рядом Гирковна. Далее лес, а [там] высокие горы.—

[Северный] ветер с полуночи проносится с свисто⟨м⟩ в ущелья Балканов; редко он [он] дует в долинах лесистых; но вдруг, усмиренный загорной природою юга, [он] смягчается, тихнет и там где была колыбель поколений славянских, он дышит прохладой.

Мрачной стеною, с востока на запад, тянется Эмос лесистый и гордые отрасли стелет на юг по Ромелии на север до Камчика и до Дуная.— Как от[верженное] [но гордое дитя]торгнутое дитя от семейства [шумный кати] шалым Дунаем стоит она гора

ЭМИН, СОБЫТИЕ 1828 ГОДА

Ясно было утро; но осенний северный ветер шумел и с свистом проносился в ущелье лесистых Балканов; [потихнул] смягченный роскошной природой юга, где была колыбель славянского народа, он тихнул и разливался прохладой в лесах и долинах [прохладой.—] как мрачн[ая]ой стеной тянулся от востока к западу хребет Кучук-Балкана; близко за ним виден был Бугоко-Балкан. Отдельно возвышалась между отраслями одна гора, как отверженн[ая]ое, но гордо[я]е дитя семейства. Возвышаясь к Западу, она вдруг раздвоилась и кончилась обрывами. В этом ущелье г. Шумла [обне] запертый [от] [укре]пленн[ой][ым] [стеною] валом, коего стены поднима[лись]ются почти до [самой] высот двух оконечностей неприступной горы.

[Мрачен] Необитаем казался город, [но] между мрачными строениями, как великаны в саванах, стояли белые мечети; но площади [пред] близ стен города уставлены были разноцветными палатками; там и в укреплениях заметны [две] толпы, [и] [изредка] часто на стенах сверкнет огонь, дым взовьется клубами, и вскоре слышится удар и резкий полет гранаты или ядра.— Оно падает перед [укреплением] батареями русских; возвышенные окрестности Шумлы унизаны лагерями и смертоносными орудиями [их] жителей Севера. Главные силы оттоманов за стенами в бездейственном [ждут] ожидании страшного часа приступа; обманутое невежество их бесплодно осыпает ядрами подножие позиций русских, которым еще не нужна Шумла; но нужно время и [ослабления сил неп] бездействие Гуссейна и 50 тысяч турок. [Близ] К передовой цепи [на возвышении летел] проскакал кто-то в бурке; слез с коня и лег на возвышении, светлая сабля успокоилась на коленях его, из-под [длин] широкого козырька фуражки заметны только были крученые усы, но он глядел на Шумлу и на ведеты[1] турецкие. Цепь от цепи была не более, как в 50 шагах; турки попарно неподвижно стояли и не сводили взоров с русского лагеря; но один казак подле коня своего [казалось спал] лежал на земле. Неосторожность его, кажется, обратила внимание незнакомого, он встал и подошел к казаку.

«Спишь, товарищ! [Здесь не спят»]

Казак

[Не спят, ваше благородие] Никак нет, ваше благородие! Тот не казак у которого оба глаза спят! Один всегда на часах!

Нез.⟨накомец⟩

Зачем слезать с лошади и ложиться [на]

Казак

Чтобы турки заснули, ваше благородие.

Нез.

Всякое ремесло мастера боится; прощай товарищ!

Казак

Сегодня один молодец волей иль неволей, а попал в руки; не [зна] узнаешь по платью, а кажется, переодетая турчанка.

Нез.

Где же он?

Казак

Свели к начальству; [вот там, в.⟨аше⟩б.⟨лагородие⟩ видите палатку, там еще застанете его] Дежурный по цепи знает где [он] турок, он сейчас будет проезжать здесь, а [можно будет]

Н е з.

Это любопытно; [прощай]. Подожду.

К а з а к

Вот он.

[Дежурн. ост] Н е з н.

Здравствуйте.

[Н е з н.] Д е ж у р н ы й

Покорнейше благодарю, верно с приказанием.

Н е з.

Нет-с.— В гости к вам приехал.

Д е ж.

Извините, нечем потчевать, мы сами в гостях у турок.

Н е з н.

Ну, еще неизвестно, кто здесь хозяин, с обеих сторон одинаковое рвение угощать друг друга.

Д.

А дедушка мне сказал: смотри, внучек, ты слишком прям, теперь свет час от часу хитрее, теперь правду иногда говорить не должно, а иногда не можно; но дедушка не сказал мне, что [до] говорить вместо правды.

Н е з.

Остается молчать.

Д.<е ж у р н ы й>

Молчать, назовут глупым.

Н е з.

[О] Нет, должно только уметь молчать, и прослывешь мудрым, [я вам в пример скажу анекдот со мной;] [в одной корчме я заметил одного] как жид[а], который очень сурьезно не думал отвечать на несколько раз повторенный вопрос [сурьезно] [<нрзб.>] и что-то бормотал про себя; я [спросил] сделал ему вопрос [его сели что обедать;] [что это за дурень?] [— Какой дурень], без внимания к словам моим он продолжал ходить и бормотать; что же говорит этот дурак, вскричал я; он не говорит [эт], то ученый, отвечали [в несколько голосов] жиды и жидовки; [вот вам и приобретение] [да что ж он знает? — Он знает Талмуд] [уважение созд<а>л молчанием] [Что ж он делает? — Он читает Талмуд;] [говорит ли он вам, что писано в Талмуде? — Нет, он не говорит.]

Д.

К чему мудрость казаку; его дело не бумажное; его дело исписать неприятеля саблей, поставить ему знак препинания копьем и пулей;

[уметь] читать благодарность в глазах начальников; а считать на войне не должно.

Нез.

Вы справедливо [судите] думаете.

Д.

Да вот беда, к чему храбрость, когда нет случая показать ее? — Который месяц сидим мы без дела под Шумлой? — Чтоб знать причину этого, я бы согласился быть на несколько времени мудрым.— Вот вы, я думаю, все языки и науки знаете, растолкуйте мне эту тайну!

Нез.

Тайна великой военной науки [, которая называется стратегией] открывается только по окончании кампании.— Мы близки к этому, и потому узел ее несколько уже развязался.— Сколько мои понятия мне позволят, я растолкую вам [цель] причину нашего бездействия под Шумлой. Цель наша есть Константинополь. Есть двое ворот для приближения к сему городу: чрез Шумлу и град Варну. Две девственные крепости, любимицы Магомета и прочные надежды поклонников его. Прочие дороги зависят от сих двух главных путей чрез Балканские горы. Если б мы обратили все силы свои и действия на Шумлу, где главное войско турок, подкрепляемое крепостями дунайскими от Силистрии до Видина, нам бы стоило это больших усилий для окончания первой кампании: во-первых, потому что Шумла поддерживаемая неприступной позицией [и защищаемая 50/т]; во-вторых, наша борьба должна бы была быть почти против всех сил турецких; но если б мы и взяли Шумлу, то дальнейший путь во всяком случае нам бы был почти невозможен, по причине трудности [сле] подвоза продовольствия по далекой, лесистой и ущелистой дороге, наполненной вооруженными жителями турками; напротив, путь чрез Варну открыть содействует флотилия; продовольство свободно и сухим путем и морем, крепость отделена от прочих, защищаема 5-ой частью войск против того, которое бы должно было победить для очищения пути чрез Шумлу.— С этими условиями, я думаю, согласитесь предпочесть прямой и удобный путь многотрудному.

Д.

Все это я понял, и прекрасно, да зачем же мы-то здесь: всем бы к Варне, взять и вперед.—

Н.

И вот, видите ли, почему: победив все крепости по Дунаю до Силистрии, а по Черному морю до Варны, мы обратимся сначала всеми силами к Шумле и Силистрии, чтоб отвлечь внимание турок от Варны. Занимая их блокированием сих крепостей, мы [запираем] [их] заставляем до 100/т ежеминутным ожиданием штурма быть в бездействии и бесполезными для

Варны; а между тем Варна обложена свежими войсками, и на днях будет взята; и тогда успехи первой кампании и велики и [мудры] полезны для последующей.

Деж.

Да, сего дни [и они] откуда-то достали одну ракетку и послали к нам [ракету]; но турецкий состав выгорел в воздухе, и она упала близ цели.

Нез.

Я слышал [вам] сего дни взяли в плен молодого турка или переодетую турчанку.

Д.

Правда, так хорош собою, что мы все это думали, да и теперь сомневаемся; по платью их не разберешь; у них и женщины [хо] в широких шароварах.

Нез.

Где можно видеть этого турецкого Адониса[2]?

Д.

Я вас провожу в лагерь аванпостов; он должен быть еще там, но [подождемте] потерпите немного, мне нужно дождаться своих казаков.

Нез.

Вы кажется старый служивый, и, судя по штурмовикам[3], которые украшают вашу грудь, вы [здесь не] в этих местах не в первый раз?

Д.

Пятдесят лет живу, тридцать служу [в третий раз здесь[4]] Давно было, а кажется, мой след и кровь турецкая еще не простыли здесь, вон на той горе, когда в году с своей сотней я резался тысячи в две, как подберут они мешки свои, хвост в зубы, к черту туфли и во все ноги. Признаться, потешилось казацкое сердце.

Нез.

Как вы сравниваете прежних турок с нынешними.—

Д.

Те же зайцы, да сжились с лисами. Знаете ли [что], турки — трава, лишь [бы была] были бы руки, глаза да косà, а Кутузов сказал: не трудно турок бить, а трудно здесь быть.

Нез.

Правда, убийственный климат, в день промокаешь от поту, а в ночь от росы.

Д.

Приведи сюда не русское войско, что бы с ним было? все бы получило ревматизм.

Нез.

[О, да] Вы большой забавник; но в этом случае вы и на мой счет гуляете.

Д.

Извините, пожалоста, я простой человек, везде как домашний, со всеми как свой.

Нез.

Это самый чистый [благород] русский характер.

Деж.

Теперь понимаю я и не ропщу на свое бездействие.— Но, вот мой жданный казак... Что делается на правом фланге?

[Нез.]

Казак

[От] Казаки [отбили] [человек] забрали человек 25 турецких фуражиров, [с] подловили его тридцатью коньками да отбили штук 300 доброго мяса.

Д.

Ай да товарищи.

Казак

Генерал сам был там.

Д.

Вечно бы служи[ть]л с ним... Ну, теперь поедемте смотреть турчанку.

Нез.

Готов...

Д.

Турки расстрелялись что-то; на цепи не опасно, ядры летят через; как бы нам с богом пробраться около редутов, объедемте правее...

Нез.

Су́женого конем не объедешь; на прямой дороге [всегда] всегда меньше беды. Поедемте прямо.

Д.

По мне все равно, и я люблю прямо ездить.

Быстро помчались они по полю, изрезанному полетом ядр и гранат. [Из крепости прошумела бомба]. На передовом неприятельском укреплепии взлетел столп дымный, образовался кольцом, зазвенел⟨а⟩ [полет] бомб[ы]а; и медленно опис[ыв]ала часть отлогой дуги и лопнула [над] [в воздухе] над[д] ними, небольшое облако, как оторванное от густой тучи, таяло в воздухе, а между тем они приехали к нескольким отдельным палаткам.—

[Д е ж.]

Где молодой пленный турок? — спросил старшина.

Ч а с о в.⟨о й⟩

В этой палатке.

Д е ж у р н ы й

Выведите его.—

Прекраспый, как обещанная Магометом радость неба, вышел из палатки юноша [-турок]; белая чалма, склоненная на правую сторону, сливалась с белизной чела его, под

ЛАГЕРЬ

ИНТЕРМЕДИЯ

Обозы устанавливаются в тыл, перед ними разбивают лагерь; шум, ржание коней.

<Явл. 1-е>

Г.⟨е н е р а л⟩

Пишите же немедленно приказ:
Что волей высшего начальства
Назначен...

А.⟨д ъ ю т а н т⟩ (*подходит*)

Граф зовет.

Г.

Меня? Иду сейчас!

(*к С.⟨таршему⟩ А.⟨дъютанту⟩*)

Пишите!

Ун.⟨тер⟩ оф.⟨ицер⟩ (*кричит к бат.⟨альону⟩*)

Первое капральство[1]!
Пить водку!

[*Солдатам раздают вино, они садятся есть кашицу*).

С. А.

В первый раз
И я ее желал бы хоть отведать!
Пишите!.. Где же здесь писать?
Несносно отдыха не ведать,
Перед рассветом лечь, до свету встать
И время не найти спокойно пообедать,
В жестокий жар, день целый на коне
Тащись в пыли обоза душной,
Ночь в канцелярии, не мысли обо сне,
[И вечно двигайся] *Не знай усталости*, как маятник
[бездушный] послушный.

(*идет между обозом*)

Где писаря, где [фуру], *где* [я] *и их* найду
И эту тощую чиновную фигуру

Ж.

Вас генерал зовет!

С. А.

Сей час! иду, иду!
Ага! ей, писаря, открой скорее фуру,
Бумаги к подписи достань,
Пожалуйста, хотя из одолженья,
Ты медленностью не тирань
Мне душу...

Несколько оф.⟨ицеров⟩

Где начальник отделенья?

С. А.

Что нужно, господа?

Один из оф⟨ицеров⟩в

Нам нужны отправленья!
Мне надоело ждать, и я сердечно рад,
Что встретил вас.

Другой

Мне нужен аттестат,
Я жду уж целый день и вышел из терпенья.

С. А.

Нельзя ли подождать хотя из снисхожденья?

1-й

Да я и сам служил по письменным делам,
Но у меня не ждали, был порядок.

С. А.

[Я верю и могу признаться] *Жаль, очень жаль,*
я думал уж и [в] сам,
Что *верно*, после вас дела пришли в упадок

(*хочет идти*)

Да, к Инзову! [2]

Почтальон (*навстречу ему*)

Пост-пакеты,
Да с деньгами 12 номеров.

С. А.

Сейчас приму...

А д. (*подбегает*)

Mon cher *, на пару слов.

С. А.

Ей-богу некогда.

Писарь

Пожалуйте бланкеты.

(*Мужч. кланяется*)

С. А.

Ну что ты?

М.

Маркитант.

(*другой кланяется*).

С. А.

А ты [что] *кто*?

* Мой дорогой (*франц.*).

⟨Другой⟩

Маркитант!

С. А.

Да что вам нужно здесь, проклятые?

М. (*все*)

Билеты!

С. А.

Теперь мне некогда.

Голос

[Что ж] Где же старший адъютант?

С. А.

Сейчас!

Явл. 2-е

Те же и *Некто* (*подходит к одному экипажу*).

Некто

А, здравствуйте! что это — не вино ли?
Признаться, я вчерась нарезался, к тебе
Послать не знал кого; а дюжинку, не боле,
Раскупорил с друзьями *V.C.P.* [3]
Да это ничего, и после же *восьмого*
Ну, хвастать не хочу, а счастьем похвалюсь,
Что если б не имел коня такого,
Не снес бы головы! И об заклад побьюсь
На 30 верст! Пусть кто меня обскачет —
Вот кошелек и правая рука!

Один из

Такая речь одна худого ездока
На пакостном коньке, наверно, озадачит;
И ты бы выиграл заклад...

Некто

В 18 лет
Я понимал безумные восторги,
Меня тогда потешил бы Георгий
И пара толстых эполет;
Но в 26-ть...

Один из

Скажи-ка в 40, с лишком

Некто

Ну, нет, любезнейший, хотя уж по лицу
Я не кажусь изнеженным мальчишком,
Но все-таки благодар[ени]я творцу...
(*приосамываясь*)

Н.

Да дело не о том, а главное заслуги!
Я, нечего сказать, всегда из кожи лез;
То п[р]одтвердят мои и недруги и други,
Да вот, ты помнишь сам, когда на фланге лес
Мы заняли...

Д.

Не помню.

Н.

Ну так слышал.
Счастлив, кто не был там, счастливее, кто вышел.
Признаться, я не трус, а маленький озноб
По телу пробежал, когда нас окружали.
Визгуньи-бестии все уши прожужжали,
Одна попала в шляпу.

Д.

А не в лоб?

Он

Вам шутки и смешки! — Когда бы не усталость
И было время мне, то я бы рассказал,
[Про] Как мы дрались вчерась! Конечно, это шалость,
Что один с конем [я к туркам] [за цепь] *я в кучу* заскакал
Широкоштанников [4]; шарахнулись [канальи] *со страху*!

Д.

О страшный человек! [Ну, верно, спас] [Из] *Счастлив турецкий бог*,
А то бы, верно, ты, брат, с одного размаху
Разнес на части четырех.

Н.

[Ну] Вот если б привелось сойтись со мной Гусейну
[Ну, это было бы немного *уж и трудно*, не по силе]

Д.

Покуда не в твоих еще Гусейн руках,
Пойдем, да выпьем-ка по‹р›твейну,
[Не бойся и руби без счета на словах]
И всех изрубим на словах.

(*Уходят*)

ОСОБЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ В 1828 И 1829 ГОДАХ

В ЕВРОПЕ

1828 год

Переход через Дунай, [под] по личному распоряжению государя императора Николая, на том самом месте, где за 508 лет до Р.Х. был мост Дария, шаха Персии [переходил из Мидии в Скифию], во время войны его с скифами.

Взятие Варны, в присутствии императора; 70 000 ядер и бомб всыпаны в эту [девственницу] крепость; и [история] в первый раз [эта] история видит падение ее. —

1829 год

— [Замечательное] Внезапное и быстрое движение главнокомандующего графа Дибича, от Силистрии к Шумле, две [встречи Визиря, отрезания Визиря, высту] встречи Визиря [выступившего из кр. Шумлы с 40 000 для осады Правод] вне стен крепости. Успех венчал дело, при с. Кулевче, войско визирское рассеяно и взято 40 орудий. — Последствием этого было одушевление русского войска и падение духа в турках.

— Повсеместное распространение чумы в Молдавии, в Валахии, в Булгарии, в госпиталях и в войсках.

Гр. Дибич ведет 18 000, можно сказать, больных чрез Балканы, [по] но Адрианополь[2] покорен, [мир] Константинополь трепещет — и мир, новая слава России, заключен[3].

ОТРЫВОК ИЗ *ОПЫТА О ВОЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ*

О ВОСПИТАНИИ

Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце.
(*Посл. митрополита Макария*[1] *к Свияжскому войску*).

I

От воспитания зависят свойства наши и наклонности. Оно должно внушать добродетели, склоняющие мысли и действия наши к пользе общей, к благу отечества.

Первые уроки, советы и примеры остаются руководителями нашими на всю жизнь.

II

Издавна познали необходимость и пользу общественных заведений для образования юношества. Ликург, Сократ, Платон, Ксенофонт и Плутарх[2] считали за большой вред во всяком государстве, когда поведение и образование детей предоставлялось родителям *, часто слепым от нежности, скупым, порочным или, по крайней мере, неспособным руководствовать ими. — Дети, говорили сии великие люди, принадлежат государству, они его надежда; следовательно, их должно воспитать под присмотром и в правилах государства, дабы, образованные вместе одинаковыми уроками добродетели, они стремились производить одно целое, во всех частях совершенное.

III

Часто уносимый недостатками, или даже следствиями разврата, из своей земли в землю чуждую, не признающий отечества, не имеющий ни веры, ни нравственности, берется быть образователем юношества, — и ему доверяют без испытания сию священную обязанность потому, что он пришелец из земли просвещенной!

Какой пример и совет подает он юноше? — Презирая веру, обычаи земли, называя святое предрассудком, нравы наши варварскими, он научает и его презирать все родное и священное, искореняя в юноше добродетели

* Но первоначальное образование детей в христианских государствах бесспорно принадлежит родителям. Решительные мнения языческих мудрецов о вреде домашнего воспитания могли быть справедливы в отношении к язычникам, их современникам. Впрочем, нельзя не согласиться с ними в том, что и ныне общественное воспитание имеет значительные преимущества пред домашним и что воспитатели детей во всяком случае должны приготовлять полезных для государства людей (*прим. автора*).

отечественные, не умея вселить новых, он оставляет его между пороками той и другой земли. Душа молодого человека образуется для эгоизма, сердце для пороков, способности для наружного блеску, тело для неги и красоты. Это ли воспитание юноши, от которого со временем отечество должно ожидать и любви и пользы себе?

IV

Всякий юноша первоначально должен воспитываться как человек, который посвящается военному состоянию, ибо это есть лучшее образование сердца, и разума, и тела.

Со временем развернувшиеся способности его склонятся на поприще, к которому предназначат его наклонности. Если природа одарит его пылкою душою и деятельным организмом тела, он будет военным по склонности. Если он слишком чувствителен, слаб телом, но велик душою — он будет мирным, полезным гражданином. Если он слаб и телом и душою, тяжел для всего — обижен природою и собственным малодушием — пусть живет он в обществе как нуль, который сам по себе ничего не значит, но, поставленный подле единицы, увеличивает ничтожеством своим достоинство ее вдесятеро.

V

В истории видим мы, что особенное внимание на образование юношества делало в продолжение 500 лет Лакедемон, город бедный и имевший мало граждан, самым могущественным во всей Греции.

Равным вниманием на образование воинов, вниманием, продолжавшимся несколько веков, горсть людей, основавших Рим, произвела со временем победителей Вселенной. Бесчисленность народов, силы, богатство целого мира не могли противостоять малочисленной их армии. И что ж может сделать число людей, страсти и слепая храбрость противу мужества, управляемого дисциплиной, покорного рассудку и искусству.

VI

Единственно наставник, считающий для себя честию и славой образовать отечеству истинного, полезного, великого воина, может помогать природе производить величайшие дарования; внушая в душу юноши благородные желания, возвышенные чувства и любовь к отечеству, породив в нем наклонность ко всему изящному, великому, он не даст заглушить оную рассеянием, но даст пищу полезную возженному огню в воображении юноши. Чтением исторических книг поддержит склонность к великим людям и великим деяниям, предохранит его от суетности и научит преждевременно опытности для поприща, на которое он вступит.

VII

Слава военная более действует на душу молодого человека. В первые лета жизни воображение его очаровано вниманием к подвигам неустрашимости и чести.— *Илиада* Гомера вселила в Александра Великого пристра-

стие к войне; жизнь и подвиги сего победителя сделали Карла XII героем; чтением Ксенофонта Сципион Африканский и Лукулл[3] образовали себя и были великими полководцами. Кир был их образцом. — Так и всякий молодой человек с восторгом встречает великих людей и доблестные дела их в истории мира. В отечественной видит славные дела героев и защитников России, их добродетели, мужество и славу. Читая жизнь непобедимого Суворова, исполняется сердце удивлением к подвигам и уважением к его имени. Великие примеры воспламеняют воображение юноши, и слава делается его страстию.

VIII

Сердце, разум и тело молодого человека, посвящаемого военной службе, должны быть образованы с одинаковым старанием. И тогда, как сердце внимает урокам мудрости, разум приобретает познания искусства военного, наук и языков, тело должно укрепляться различными движениями, навыком управлять оружием, навыком к перенесению трудов, связанных с военным состоянием.

IX

Уроки нравственности должны внушать любовь к *вере*, которую должны почитать лучшим способом, каким только можно возвысить дух и силу умственных способностей, к *чести*, которая составляет душу военного звания, к *умеренности*, как необходимому началу многих добродетелей. — Вот источники, из которых проистекают: честность, мужество, величие души, точность и доброволие в исполнении обязанностей, любовь к отечеству и рвение к его славе.

X

Образуя разум юноши основательными науками, наставник пройдет с ним связь военных происшествий, сравнит искусство войны древних и новых народов, заметит общее между ними и различное,— покажет славные дела древних и новейших полководцев, черты гения и решительности, подававшие им победу и ошибки, в которые впадали они иногда, — докажет событиями, примерами всех времен и стран, что усовершенствованное военное искусство и сила без военных добродетелей были ненадежными средствами для успехов войны, слабою оградой благоденствия народов.

XI

История и география более прочих наук соединены с нравственным военным воспитанием. Сии науки неразлучны, их образование взаимно. С каким рвением молодой человек будет следовать по карте по пути побед Александра Великого в Азии! — Здесь, скажут ему, сей победитель прошел вплавь р. Граник сквозь град стрел; тут соорудил он мост чрез море и покорил Тир. В этом месте был город Арабеллы, свидетель блестящей

победы его. В сей долине происходила кровавая, решительная битва, где победа вручила юному герою скиптр Дария [4], его жену и дочерей, которых девственная стыдливость не имела причин краснеть во время плена.

Следуя за Аннибалом [5] в его бессмертной экспедиции в Италии, сквозь леса Галлии и снега Альпов, он увидит бессмертного героя отечества своего, идущего по непролетаемым Альпам, по следам Аннибала, заваленным в продолжение прошедших веков новыми громадами снежных гор, — увидит, что возвышенному гению Суворова и единодушию его воинов не было преград в мире.

В истории отечественной наставник укажет ему на победы древних россиян: на щит Олега на вратах Константинопольских [6], на Переяславец Болгарский, столицу Святослава [7], на реку Непрядву [8], близ волн которой Россия сбросила иго татар, укрепившись единодушием.

Тут был славный подвиг *Великого* [9], Полтавская победа. — Вот, скажет он, путь от Москвы до Парижа, — и юноша увидит на нем памятники славы великодушного монарха [10], полководцев, воинов его и целого российского народа!

XII

Таким образом, география, соединяясь с историею, с событиями и уроками военными, не будет наукой бесплодною, заключая в одном предмете источники многих понятий. — Довольствуясь кратким обозрением древней географии, наставник войдет в подробности новой, в особенности отечественной и окрестных государств, где, может быть, воспитанник его со временем будет играть ролю на театре войны.

XIII

При образовании часть времени должна быть посвящена практическим военным наукам, образующим необходимую способность в человеке, посвящающем себя военному званию: это топографические упражнения в поле. Там молодой человек под руководством наставника-воина, постигая выгоды различных местоположений для военных действий и сравнивая с теми, которыми величайшие полководцы всех времен воспользовались для побед, приобретает *военный глазомер*, способность редкую, неоценимую, которую можно назвать *быстрым действием умственной способности в определении средств, необходимых для победы, во всяком обстоятельстве войны.*

XIV

Здоровое, крепкое сложение, образование способностей тела суть необходимости физические для военного человека. В первых годах жизни должно приготовлять сложение его к тому, чтобы силы не знали изнеможения от трудов, здоровье не зависело от перемен жизни и погоды.

Несколько столетий назад в России молодые люди обыкновенно готовили себя к военной службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель, скакали на конях, боролись, и победителям была слава. Это укрепляло их силы, научало искусству действовать оружием, приучало переносить труды, приучало к развязности, легкости и быстроте.

XV

Все познания, необходимые для военного состояния, должны быть увенчаны *познанием человека,* ибо каким образом управлять действием чего-нибудь, не зная пружины, на которой основано действие?

Сердце человека занимает главное место в науке военной: оно есть сильнейшая причина побед. Человек не камень, его не одно принуждение двигает: есть некоторые слова, есть некоторый род обхождения, которые сильнее действуют на него, более управляют им, нежели голос повелевающий.

«Бегите, оставьте меня! здесь погребу я себя!» — сказал Суворов изнеможенному до отчаяния войску своему, и как ветр, раздувающий гаснущее пламя, слова сии возродили силу и бодрость в воинах.

«Идите, неблагодарные! бегите, малодушные! я покорю Вселенную и без вас! Александр найдет подданных и воинов повсюду, где только живут люди!» И ослабевшие македонцы одушевились снова любовию к царю и победам.

НАЧЕРТАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЕССАРАБИИ

(*Отрывок*)

В Бессарабии по сие время существуют памятники, напоминающие Траяна [1]. Насыпные стены, или валы, носят еще имя его, но для чего они построены, неизвестно.

По преданиям и некоторым картам знаем мы только дорогу Траяна * (via Trajani); вал, называемый *Нижним Траяном,* носит имя его; легковерный примет его за направление пути победителя даков [2] и с удивлением, может быть, скажет: «XVII веков еще не сгладили следов римлян!» — Но для чего же Траян увековечил направление пути своего только в Бессарабии?

Сей вопрос заставил меня обратить внимание на обманчивые предания и рассмотреть вал сей в отношении пути и защиты.

* Via Trajani изображена на Сульцеровой карте Валахии. *Кантемир* говорит, что она простиралась от берегов Дуная до Прута и далее на восток по Южной России.— Странно, что время сохранило следы ее только от Прута до озера Сасик (*прим. автора*).

Принять его за направление пути может только одно неведение положения вала и почтительная доверчивость ко всему, что сказано устами предания.

Нижний Траян ** (Траянов вал), начинаясь от Прута, в протяжении своем на восток состоит из двух линий: первая от с. Вадулуй-Исакчи имеет почти прямое направление до вершины озера *Ялпуха*, от которого вдруг сворачивает вправо к озеру *Катлабугу* и оканчивается, опираясь в оное ниже вершины версты на три. Вторая часть начинается от первой под прямым углом, отступив от оконечности также версты на 3, и тянется изломанной линиею через вершину озера *Китая* до озера *Сасик*, но не далее, хотя Кантемир и некоторые другие полагают, что вал сей идет за о. Сасик на восток по южной России.

Если вал сей есть ретрантамент[3], построенный Траяном для ограждения провинций римских от набегов варваров, то при сооружении сей стены должны были быть соблюдены необходимые условия для удобности защиты. — Но здесь, напротив, все выгоды местоположения на стороне, прилегающей с севера.

Протяжение вала разделяет все пространство между им и Дунаем на части озерами, которые, начинаясь от него, впадают в Дунай — части защиты почти не имеют между собою сообщения, в тылу глубокая река почти в версту шириною. Это ли искусственная граница, положенная мудрым Траяном?

Все сии невыгоды с южной стороны вала и господствование его южной стороною ясно говорят, что он построен не Траяном, а, может быть, судя по названию вала, против него народом, который обитал тогда в Бессарабии.

Чтобы более убедиться в этом, то должно описать не только часть сего вала, названную в истории *via Trajani*, но все протяжение его по Бессарабии.

Упираясь, как я уже сказал, в озеро Сасик или, вероятнее, в бывший залив Черного моря, нижний Траянов вал оканчивается в отношении защиты с северной стороны, далее он и не мог быть нужен, ибо от сего места защитою служит море, которое до самого Аккермана не имеет и, вероятно, не имело пристани.

От Аккермана вал начинается снова и идет по скату нагорного берега Днестра, но здесь следы его, едва заметные только в некоторых местах, называются нынешними жителями *змеевым* валом и, кажется, не принадлежали к времени построения большого вала.

При впадении реки Ботны в Днестр, от болот, устья ее или от нынешнего с. Киркаешти, вал показывается в прежнем своем заметном виде под именем *Верхнего Траяна*, или Траянова вала. Сначала идет он по нагорному левому берегу р. Ботны, а потом поперек всей Бессарабии до м. Леова на Пруте, также везде возвышаясь над южной стороною.

От Леова до с. Вадулуй-Исакчи вдоль по Пруту также видны следы его по скату нагорного берега.

** **Жители называют его просто Траяном (*прим. автора*).**

Вышина вала была значительна, ибо после XVII веков в некоторых местах он будет до 4 аршин.

С первого взгляда валы сии, заключающие в себе весь нынешний Буджак, составляют как будто бы один необычайной величины редут[4], носящий имя *Траяна*; целый народ обитает и защищает его; довольный травными степями и оградив себя со всех сторон стеною, кажется, желал бы он, чтоб за нею были пределы жилища людей!

Но это не редут, ибо верхний и нижний валы склоняются в одну сторону, следовательно, они были первой и второй оградой противу оружия Траянова. Прутский вал составлял боковую защиту, а Днестровский, заметный только частями, кажется, не относится к прочим.

Близ Бендер при с. Варнице видны еще остатки укрепленного лагеря Великого беглеца[5] после битвы Полтавской. На Пруте окопы Петра Великого, где окружен был стами тысяч турков и татар и изшел из опасности с именем героя[6], чтобы рассыпать на Россию новые плоды благодетельного своего гения. Кагул, Измаил, Хотин напоминают нам великих полководцев и славу войск наших.

БЕГЛЕЦ

ПОВЕСТЬ

(Отрывки)

Отрывок I

I

Об берег быстрого Дуная[1]
Набегом яростным плеская,
Клокочет, пенится волна;
На небе тучи; ночь черна,
Как застарелый мрак темницы.
Но нет ночной здесь тишины:
Здесь охранение границы
Прочь гонит тишину и сны.
Ничто не дремлет, цепь в движенье,
И молча ходит часовой
Вдоль берега, во тьме ночной;
Во взорах, в слухе опасенье,
В ружье заряд скрыт боевой.

Малейшим шумом он тревожит
Вниманье верное свое,
То под приклад возьмет ружье,
То на плечо его положит.
Вдруг тихо все, и лишь волной
Дунай шумит; вдруг волчий вой,
И в камышах он слышит шорох;
Или увидит за рекой,
Как будто с полки вспыхнет порох.
То вдруг сова вспорхнет над ним
И с шумом мимо пронесется,
То криком жалобным своим
За камышами отзовется.
Опять все тихо, лишь волной
Дунай шумит; и часовой
Заходит скорыми шагами
По берегу, взад и вперед,
И с нетерпеньем смены ждет.

II

В глухую полночь, камышами,
Идет украдкою беглец.
Тягчит усталость, как свинец,
Его стопы, но он тропами
Все ближе крадется к реке.
Цепь часовых уж недалеко.
Вздохнув печально и глубоко,
Он саблю сжал в своей руке.
Едва лишь шум — он встрепенется;
Иль у разъездных казаков
О стремя сабля вдруг забьется,
Иль оклик по цепи постов
Рекой протяжной пронесется,
Он остановится и ждет,
Покуда шум и страх пройдет.
Кому неволя не ужасна?
Кому свобода не мила?
И кто себе желает зла?
Чрез цепь он тихо, безопасно
В траве прокрался, как змея,
Он у воды. «Судьба моя
Мне путь в чужбину указала!
Шаг — и черту переступлю;
Отчизна! я тебя люблю,
Ты, мать моя, меня питала!

О, друг! кто на тебя послал
Минуту страшную забвенья?
Кто ночью черною скрывал
Перед тобой ад преступленья
И муку совести? — Ты нес
Ужасным словом приговора
Семье своей кинжал позора
И деве милой море слез!
Но ты раскаялся. Пусть мука
Наляжет на душе твоей;
По крайней мере от людей
Позорного в сей жизни звука
Ты не услышишь! Страшен он!
Тебя бы не щадил закон.
Ты в летах, окружен семьею,
Ты ей подпора! — Я рожден
На свет бездомным сиротою.
Вину твою я бегством скрою;
Пусть на меня падет она!
Мне все равно, мне жизнь одна
Везде, где есть судьба и люди!
Везде они враги мои!
И ласки нежные семьи
Моей не успокоят груди!
Прощай же, родина моя,
Мой тихий Дон, и две могилы,
И друг несчастный! Вы мне милы!
Об вас с мученьем вспомню я!
Чу! едут... оклик недалеко...
Стук сабли!.. Это цепи звон!..
Прими меня, Дунай глубокий!»
Сказал и в волны прыгнул он.

III

Плывет; кругом рокочут волны;
Дунай широк, а ночь темна;
Как в море, пристань не видна.
Беглец, надежды, страха полный,
Плывет... но скоро быстрина
Его стремлением уносит.
Напрасно руки он заносит,
И ловит воду. Ветр шумит;
В реке за валом вал гремит;
Гнетет пловца изнеможенье
Несносной тяжестью ко дну;

И сил последних напряженье
Не одолеет уж волну.
«Я погибаю! Боже, боже!
Прости меня!..»

Отрывок II

Я знал любовь. — Я знал ее!
Но где ж она? Куда мое
Светило счастья закатилось?
Куда, М...я, ты сокрылась?
Тебя уж нет, но ты была!
Еще я помню сон прекрасный,
Когда в глазах моих цвела.
Я помню, как ты умерла,
Как сон убийственный, ужасный!
Твой прах под камнем гробовым
Я горькой не кроплю росою;
Тебя там нет, ты не под ним,
В моем ты сердце, ты со мною!

Как солнце светит над землей,
Так днем ты светишь надо мной,
В глубоком сне, во мраке ночи
Ты, как луна, блестишь мне в очи,
Хочу обнять — ты высоко,
Хочу достать — ты далеко;
И только мыслью дерзновенной
Касаюсь к неприкосновенной.
М....! милый верный дух!
Скажи, откуда прилетаешь?
И чем еще ты обольщаешь
Мне сердце, душу, взор и слух?
Я видел жизнь твою мгновенно,
Я видел землю над тобой;
Но жив еще любимец твой,
И ты жива в нем и нетленна!
Пусть призрак я один люблю,
Не сон ли жизнь? — Я сладко сплю.

Отрывок III

Без покаянья, похорон,
[Не видя] мучительно, скоропостижно
Зараза жертв своих мертвит.

Не так убийственно разит
Кинжал, [оружие] посланник грозного отмщенья,
Как [скрытый] [быстрый] яд
крылатый [при]косновенья,
Спасенья нет — [не скрыть] и нет защит.
В семью согласия и счастья,
Где жили все рука с рукой
В союзе нежности родной,
Где не имел порок участья,
Закрался яростный недуг:
Убит отец, семьей любимый,
Лежит его прекрасный друг —
Семейства мать — горят нарывы.
Там мать близ мужа и детей
[Еще с молитвою своей]
[Она] [уже тяжелый крест возносит
И бога со слезами просит
Спасти невинных их детей].
[Еще] Мученья голос страшен, звонок.
Пришел к груди ее ребенок,
Сосцы и язву с воплем рвет,
И ищет прежних ласк и взгляда,
И с молоком кипящим пьет
Убийственную влагу яда ‹...›.
Все дышит воздухом боязни,
Все ждет убийства или казни,
Спасая жизнь свою в стенах;
Но злоба проникает стены
И рушит твердые замки;
В родных, в друзьях скрыт яд измены,
И от ласковой руки
Бегут друг друга с ‹нрзб.›,
Все ждут предательства со страхом
Все видят смерть своих родных,
Там дети [близ] на одре отца
Целуют, будто мертвеца.
[То игры детские заводят
И забывают голод свой,
То снова пищи просят, ходят
Вокруг постели роковой.]

MMMCDXLVIII ГОД. РУКОПИСЬ МАРТЫНА ЗАДЕКА

РОМАН

(Отрывок)

Около полувека после переселения Османов[1] на берега Ливии и вскоре после перенесения столицы *Великого народа* с берегов Понта на место Рима Босфоранского, в 4-й день *травеня*[2] стечение жителей на *Софийскую площадь* было необычайно. Волны народа уподоблялись не порывам громового Изолинского потока, но спокойному и величественному течению Ры[3], соединявшей между собой запад, восток и юг Древней Руси.

В толпах народа не было видно ни рубища, ни грустного взора: одежда и взоры на празднике дружбы были светлы.

Посреди площади, как усеченная пирамида Хеопса, высился *восход*. К нему-то в этот день сходились босфоранцы встретить своего властителя и сопровождать его в храм Вознесения.

День был прекрасен. Так же, как и в древние времена эллинов, славного Рима и горделивых обладателей санджак-шерифа, так же, как и в средние и новые времена могущества северного орла, когда пробудилось родство народов и соединило их под один кров, юг был тих, спокоен, сладостен для жизни, а Босфорания славилась роскошною природой, легким воздухом и неиссякаемым источником богатства.

Столпившийся народ в разноцветных одеждах казался с высоты зданий туркестанским ковром, разостланным по площади, но какая-то волшебная сила переливала на нем краски, перерисовывала узоры.

Взоры всех обращались к стороне моря, где был летний дворец властителя. Оттуда до *восхода*, и потом до храма, пролегал путь, огражденный золотыми перилами и покрытый цветным бархатом.

Храм Вознесения был чудом зодчества <...>. Церковь сия, как небесная красавица, осыпанная лучами, отвлекала мысли проходящих от всего земного и обращала взоры на себя.

Горы красного гранита, сдвинутые для сооружения стен и сводов таинственного алтаря, были необъятны. Резные базальтовые обнизи переднего вида и цветоны горели во время светлого дня, как алмазные ожерелья Голконды[4]; двенадцать столбов из цельного белого мрамора равнялись вышиною с главными опорами храма и, отделяясь совершенно от здания, составляли полукружием особую колоннаду с бронзовыми изваяниями двенадцати святых учеников.

Пространный золотой купол оспаривал свет у солнца; по оконечностям возвышались круглые башни, подобные древним восточным минаретам; но золотые иглы их были так высоки, что в странах северных большую половину года они скрывались бы в тучах. Все здание, кроме переднего вида, обнесено было рядом высоких тополей.

На башне над домом блюстителя пробило уже двенадцать часов. Это было время выхода из дворца. Все умолкло. Открылось шествие.

Владыко церкви в белом облачении, в ризе, как будто кованной из серебра и осыпанной блистающими звездами, ожидал властителя, приближавшегося под высоким бархатным навесом, который несли четыре витязя в кольчугах. Сверх обыкновенной одежды лежала на плечах царя пурпуровая мантия, на голове был венец царства, в правой руке жезл власти.

Он был средних лет, наружность не изменяла названию земного бога. Кто смотрел на него, тот радовался, что его видел. Взоры его были склонены, но когда он поднимал их, все потупляли глаза с чувством невольного уважения.

Про него новый Орфей[5] сказал бы: «Он подобен царю того благословенного народа, которого жизнь равнялась десяти вечностям, который питался нектаром из благородных цветов, а утолял жажду небесною росою».

За ним шли: Совет, судьи, двор, охранная сотня и двенадцать полков пеших и конных защитников.

Когда властитель поднялся на ступени восхода, тихие звуки хора пронеслись по воздуху; сладостное *содрогание* пробежало по чувствам всех присутствующих. Все умолкло, плавная речь его раздалась.

При первых словах, взглянув на небо, он обратился к народу:

«Слава и поклонение источнику жизни — богу!

Мир и любовь народу!

Сила царю, права закону, воля мудрости!

Настал день нового обета на соблюдение чистоты души и тела! Да будет каждый из вас стражем своего ближнего и десницею царя! Да исполнит Провидение добрые молитвы ваши, а царь ваш да исполнит волю Провидения!»

— Здравствуй, властитель! Здравствуй, отец! — громко раздалось в народе; и долго не утихали восклицания, переносясь из уст в уста, как эхо пещер Онарских.

Когда народные клики умолкли, тихий гимн, как небесное существо, тек по воздуху, обращая все в тишину и в чувство любви.

В это время властитель следовал к храму; золотые звезды на голубом навесе засияли. Вслед за ним затолпился народ <...>.

АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ

РОМАН

(Отрывок)

Итак, я въезжаю в Вавилон. Он уже другой день во власти Александра.

Бахаввал, правитель Вавилона, и Масса, военачальник, сдали город без сопротивления. Весь священный хор скальдов, или халдеев, встретил

Александра, воспевая при звуках кимвалов гимны в честь побед его; только седовласый первосвященник Хаарун нес из храма лик Солнца к народу и возмущал всех на восстание против Александра; но тщетно, войска Александра показались уже в городе; Хаарун вбежал в храм Сераписа [1] — храм окружили.

Во время ночи Александр велел извлечь его из храма и предать казни.

— Дайте мне проститься с дочерью, дайте благословить Зенду! — вопил он.

Желание старика исполнили.

Привели дочь его. Она упала в его объятия. Старик целовал ее в очи.

—Не плачь! — говорил он шепотом ей, — не плачь, я умру, и ты умрешь, и Александр умрет, только любовь и вражда не умирают... если они не отмщены. Не плачь, Зенда, тебе заповедаю я примирить меня с Александром, чтобы ненависть моя к нему не перешла за гроб в светлый мир... мщение дочери примирит прах мой с прахом Александра... Вот тебе зерно смерти; а это мне... для тебя и для Александра довольно одного... Красота твоя приведет тебя к ложу его... приведет!.. но ты раствори слюнами это зерно и лобзай Александра, дочь моя! лобзай!.. тебе не обречено умереть девой!..

— Отец! — едва произнесла Зенда, готовая упасть без памяти.

— Бери, бери! идут! слышишь ли: для тебя нет отчаяния... ты не младенец, Зенда! не проливай слез, копи их в груди твоей... прощай! помни завет отца!

И старик, проглотив зерно, сжал дочь свою крепко.

Их разлучили.

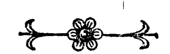
— Постойте! — сказал старик глухим голосом, — дайте мне припасть к лику божью, дайте поцеловать землю, мать, отверзающую для всех лоно свое!

Старик сложил руки на груди, припал челом к земле перед изображением Ваала... Прошло несколько мгновений — он не вставал.

— Приподымите его! — сказал Ефестион, которому поручена была казнь.

Воины хотели исполнить приказание; но все члены старика были уже гранитные; только пена клубилась из хладных уст.

Читатель! ты помнишь Зенду? [2] Смотри, как она выходит из храма: бледна, со склоненною головою, в каком то онемении, не плачет — ей запретил плакать отец. Она не чувствует, что покрывало не таит ее красоты от взоров чужеземных... До кого же не дойдет молва, что Зенда прекрасна, что ей нет подобия в целом мире?.. Благо земное! чей ты удел? счастье, судьба!.. и вы ей не льстите? даже гонимый всюду покой не избрал ее сердце приютом!.. только любовь перед ней на коленях... милый младенец! он тянется па руки к ней; он мыслит, что мать свою встретил... встретил в глубокой печали... и плачет!

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕССАРАБИИ

(Отрывок)

Отец Пульхерии[1], некогда стоявший с чубуком в руках на запятках бутки (коляски) ясского господаря Мурузи, но потом владетель больших имений в Бессарабии, председатель палаты и откупщик всего края, во время Пушкина жил открыто; ему нужен был зять русский, сильная рука которого поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупам. Предчувствуя собирающуюся над ним грозу, он пристроил к небольшому дому огромную залу, разрисовал ее как трактир и стал давать балы за балами, вечера за вечерами. Свернув под себя ноги на диване, как паша, сидел он с чубуком в руках и встречал своих гостей приветливым: «пуфтим» (просим). Его жена, Мария Дмитриевна, была по всей форме русская говорливая, гостеприимная помещица; Пульхерица была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нет, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. Никто не помнит из знавших ее в продолжение нескольких лет, чтоб она на кого-нибудь взглянула особенно; казалось, что каждый, кто бы он ни был и каков бы ни был, для нее был не более, как человек с головой, с руками и с ногами. На балах со всеми кавалерами она с одинаким удовольствием танцевала, всех одинаково любила слушать, и Пушкину так же, как и всякому, кто умел ее расшевелить или польстить ее самолюбию, она отвечала: «Ah, quel vous êtes *, monsieur Pouchkine!» Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти.

Но Пульхерица была необъяснимый феномен в природе; стоит, чтоб сказать мои сомнения на счет ее. Многие искали ее руки, отец и мать изъявляли согласие, но едва желающий быть нареченным приступал к исканию сердца, все вступления к объяснению чувств и желаний Пульхерица прерывала: «Ah, quel vous êtes! Qu'est-ce que vous badinez!» **. И все отступалось от исканий; сердца ее никто не находил; может быть, его и не было или, по крайней мере, оно было на правой стороне, как у анатомированного в Москве солдата. Когда по делам своим отец ее предвидел худую будущность, он принужден был влюбиться, вместо дочери, в одного из моих товарищей, но товарищ мой не прельщался несколькими стами тысяч приданого и поместьями бояр. «Мусье Горчаков[2], — говорил ему Варфоломей, — вы можете положиться на мою любовь и уважение к вам». «Помилуйте, я очень ценю вашу привязанность, но мне не с вами жить». «Поверьте мне, что она вас любит», — говорил Варфоломей. Но товарищ мой не верил клятвам отцовским.

Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около восемнадцати лет, я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее

---

* Ах, какие вы (*франц.*).
** Как это вы шутите! (*франц.*).

произведение не природы, а искусства. «Отчего,— думал я,— у Варфоломея только одна дочь, тогда как и он, и жена его довольно молоды?» Все движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата. «Не автомат ли она?» И я присматривался к ее походке: в походке было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою. Ее лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутою лайкой. Но Пульхерия говорит... Говорил и Альбертов андроид[3] с медным лбом. Я обращал внимание на ее разговоры; она все слушала кавалера своего, улыбалась на его слова и произносила только: «Qu'est-ce que vous dites? [3*] Ah, quel vous êtes!» и иногда: «Qu'est-ce que vous badinez?» Голос ее был протяжен, в произношении что-то особенное, необъяснимое. «Неужели это — новая Галатея?»[4] — думал я... Но последний опыт так убедил меня, что Пульхерия — не существо, а вещество, что я до сих пор верю в возможность моего предположения. Я замечал, ест ли она. Поверит ли мне кто нибудь? Она не ела; она не садилась за большой ужин, ходила вокруг столиков, расставленных вокруг залы, за которыми располагались гости по произволу кадрилями; обращаясь то к тому, то к другому, она повторяла: «Pourquoi ne mangez-vous pas? [4*]»

И если кто нибудь отвечал, что он устал и не может есть, она говорила: «Ah, quel vous êtes!» и отходила. «Пульхерия не существо,— думал я; — но каким же образом ее отец, сам ли гений механического искусства или приобретший за деньги механическую дочь, хлопочет, чтоб выдать ее замуж?» И тут находил я оправдание своего предположения: ему нужно утвердить за дочерью большую часть богатства, чтоб избежать от бедствий несостоятельности, которую он предвидел уже по худому ходу откупов; зятю же своему он запер бы уста золотом; притом же, кто бы решился рассказать, что он женился на произведении механизма? Странно однако, что никто не женился на Пульхерии. Спустя восемь лет я приезжал в Кишинев и видел вечную невесту в саду Кишиневском: она была почти та же, механизм не испортился, только лицо немного поистерлось.

[3*] Что это такое вы говорите? (*франц*).
[4*] Почему вы не едите? (*франц.*).

РАДОЙ

РАССКАЗ

(Отрывок)

Вскоре после покорения Варны[1] приехал я в эту крепость. Жители, турки, еще не выбирались из нее по условию; они еще, собираясь в дорогу, продавали свое движимое и недвижимое имущество грекам, армянам и русским. На площадке давка, толкучий рынок — дешевизна, соблазн ужасный: турецкие шали, персидские ковры, чубуки жасминные и черешневые в сажень, роскошные янтарные мундштуки, арабские кони, бархатные седла, шитые золотом, пистолеты и ятаганы, одежда восточная и утварь... Как не купить чего-нибудь турецкого на память Варны и не вывезти в Россию? — Что стоит шаль? *Кэтс пара*? — *Алтыюз лева.* — Шестьсот левов турецкая шаль! Шестьсот левов составят только двадцать червонцев, а у меня их полный карман!.. Давай!.. — Что стоит конь? — *Бин лева.* — Тысячу левов арабский конь, белый, как снег, шерсть, как атлас, смотрит орлом, крутится вихрем, мчится стрелой! Давай!.. Греческая женская фермелэ на горностае! *Кэтс пара*? — *Юз лева.* — Сто левов?.. Давай!..

В день, в два турки увидели, что у нас нет левов, а есть только червонцы, и что эти *червенцы*, тридцатилевники, для нас дешевле шелухи, выбиваемой на дворе его султанского величества. И вот на другой же день о левах и речи нет. *Кэтс пара*? — *Ики червенца*, *он червенца*, *юз червенца*: ни один разумный *османлы* про левы и слышать не хочет.

С досадой в душе, что не удалось купить прекрасной розовой шали за *бин лева* — потому что ее цена, в честь щедрых победителей, превратилась вдруг в *ики юз червенца* — я отправился верхом на арабском жеребце, которого удалось мне купить у Тегир-паши на левы.

Насмотревшись вдоволь на Черное море и не заметив в нем ничего черного, я заехал в Арсенал, где свалено было оружие всего турецкого гарнизона, защищавшего Варну... Тут были горы сабель, ятаганов, ружей, пистолетов, и можно было ходить по этим горам, как по иглам железного ежа, колоть и резать себе руки и ноги и выбирать, что угодно, на турецкую голову и на украшение стен над ложем почиющих от трудов героев. Выбрав с десяток ятаганов Анадоли, пар пять пистолетов и ружей Шешене и Дели-Орман, да с дюжину саблей Килич, подобных новорожденной луне, я отправил свой трофейный арсенал на квартиру и пустил плясать коня вдоль торговой узенькой улицы. Гордо несся конь мой, согнув в крутую дугу выю и кивая головою; пунцовые шелковые кисти рассыпались на все стороны над благополучными знаками лба его, душа так и радовалась доброте коня!

КОСТЕШТСКИЕ СКАЛЫ

РАССКАЗ

В тысяча восемьсот таком-то году один юный «офицер-ди-императ» * сидел в белой, раскрашенной вавилонами снаружи и внутри «касе» селения Каменки; сидел в сонливом, а может быть, и грустном положении, склонив голову на перекрещенные руки на столе.

— *Боер дорми*? Боярин спит? — спросила хорошенькая, миленькая Ленкуца, дочь хозяйская, входя в комнату с букетом цветов в руках.

Юный офицер, которого мы назовем хоть Световым, молчал.

— *Яка, флоаре*! Посмотри-ка, вот цветы! — сказала Ленкуца нежно.

— Эй, кто тут есть! Скоро ли лошади? — вскричал юный «офицер-ди-императ», подняв голову.

Взор его был мрачен.

— Я давно сказал Афанасьеву, чтоб запрягал, — отвечал, притворив двери, денщик.

Офицер опять склонил голову на руки.

— Ты сердишься? — сказала Ленкуца печальным голосом.

— А тебе что за дело? — сказал Светов, приподняв голову.

Взоры его блеснули, как у победителя.

— Как что за дело? — отвечала Ленкуца.

— Так ты любишь меня, Ленкуца?

— Нет.

— Как нет?

— Я и хотела бы, да не могу тебя любить...

— Отчего, Ленкуца? Скажи, драгуца моя.

— Оттого, что ты любишь другую.

— Это кто тебе сказал?

— Я сама знаю. Ты только в будни говоришь, что любишь меня, а сам всякой праздник уезжаешь бог знает куда.

— Что ж такое?

— Как что? Кто любит, тот праздники проводит с теми, кого любит... Вот и сегодня едешь...

— Я езжу к товарищам.

— И, полно! что ты нашел у товарищей?

— Уверяю тебя, Ленкуца.

— Если ты любишь меня, так не поедешь.

— Мне до́лжно ехать.

— Так поезжай! — сказала Ленкуца, вырвав свою руку из рук Светова и быстро выходя из комнаты.

Казалось бы, что одно только образование может дать природной красоте очаровательную приятность, голосу сладость, взорам томность, дви-

* Так называли молдаване офицеров свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, производивших съемку земель Бессарабских (*прим. автора*).

жениям непринужденность, стану статность, а сердцу нежную любовь; но это все было в Ленкуце, дочери «мазила», или молдаванского однодворца. Ленкуца скромно удалялась от юношеских преследований Светова; он был в отчаянии. В первый еще раз она высказала ему неожиданно свою любовь, но он не мог исполнить ее требований остаться дома. Для свода съемок он должен был съехаться с товарищами, и эти съезды обыкновенно бывали по праздничным дням.

Колокольчик зазвенел, четверка быстрых коней, запряженная в маленькую каруцу, украшенную резьбой, подъехала к хате.

— Ах, какая скука! — вскричал Светов.

— Готово, ваше благородие, — сказал вошедший пионер[1]. — Кому прикажете с собой ехать? Молдавану или мне?

— Ты поедешь.

Светов накинул на себя плащ и хотел уже садиться в каруцу, как вдруг с горы несется во весь опор четверка и прямо поворотила на двенадцатисаженную веху, которая возвышалась над палацом Светова и на вершине которой был воткнут соломенный «ивашка-белая-рубашка». Правил конями кто-то в широких шароварах, в белой куртке и в белой фуражке, правил стоя, как Аполлон конями солнца, и свистел, как Соловей-разбойник.

— Это наши, ваше благородие, — сказал Афанасьев, лейб-возница Светова, радостно смотря на полет коней.

— Кто ж это так отчаянно правит?

Не успел Светов произнести этих слов, кони как вкопанные, в пене и в паре, остановились подле хаты. Лихой кучер бросил к черту вожжи, соскочил с каруцы.

— Лезвик! — вскричал Светов.

— Каков у нас кучер? — крикнули сидевшие в каруце, которых под пылью нельзя было узнать в лицо.

— Лугин и Фантанов! Вы под пылью, как мертвецы в саванах. Ай, Лезвик, чудо! Я думал, что вас под гору несут лошади... прямо с крутизны к черту.

— Как бы не так! — сказал Лезвик. — Уж мы и править не умеем!

— Не с большим в три четверти часа двадцать верст.

— Как бы не двадцать!

— Ну, теперь пошел Лезвик спорить.

— Да разумеется: двадцать одна и триста сажен. Да и где ж три четверти часа?.. Мы выехали половина десятого...

— После поспорим, Лезвик; а теперь позавтракать да и в Костешти. А у тебя уж, Светов, и лошади готовы? Прикажи и нам дать свежих лошадей.

— Да мы трое усядемся на твоей каруце, а Лезвик опять будет править. Вместе веселее.

— Так уж лучше знаете ли что? Я велю запречь воловью каруцу: засядем в нее и будем играть дорогой в бостон.

— Браво! Славная выдумка! Приказывай!

— Эй, Афанасьев, ступай распорядись, чтоб сейчас же была воловья каруца, запряженная двенадцатью рысистыми волами. Каруцу обтянуть и покрыть сверху коврами, накласть в нее подушек и разостлать на них мой большой ковер.

Не успел денщик Светова поджарить куриных котлет, как послышался скрып каруцы, крики и хлопанье бичами.

— Как прикажете, ваше благородие, я не умею править волами, — сказал вошедший Афанасьев.

— А ты не знаешь службы? Что прикажут, то и должен уметь.

— Уж, конечно, ваше благородие, наше подчиненное дело.

— То-то же! Поставить в каруцу складной стол и четыре складных стула... Да в погонщики волов двух верховых.

Покуда завтрак кончился, все уже готово.

Около каруцы собралась вся громада ** села; все заботливо, как будто делали важное дело, помогали Афанасьеву укладывать и устанавливать в воловьей каруце, которая стояла, как дом на колесах: в ширину сажень, в длину две; колеса два аршина в диаметре, а ничем не смазанные буковые оси в палец толщины. Вообще молдавские воловьи каруцы бывают без обшивки; бока их составляют параболу, рогами вверх и на подставках.

— Это что за кавалерия, вооруженная бичами?

— Я приказал двух погонщиков, а их наехал целый взвод, — отвечал Афанасьев.

— *Ной мержем ку боерь!* Мы поедем с боярином! — сказали вершники молдаване, которых набралось человек десять.

— Только двух нужно! — сказал Светов.

— *Лас, боерь... лас!* Оставь их, боярин, оставь! — сказал ватаман, кланяясь.

— Пусть их едут. Хайд! Мимо Ста-Могил!

— Садимся!

Товарищи засели в каруцу, покрытую сверху и завешенную по сторонам коврами. Афанасьев хлопнул хворостиной по волам; вершники крикнули «хайд!» и хлопнули залп бичами.

— *Буна друм, боерь*! Доброго пути боярину! — крикнула вся громада, сняв кушмы и провожая каруцу, которая со скрыпом потянулась из селения.

— *Хэ*! *маре драку ностра боерь, тота каса ла рота пус*! Хэ, большой черт наш боярин, целый дом поставил на колеса!

По неровной дороге, берегом реки Каменки и в гору, волам дозволялось идти обычным своим шагом. Светов, Лугин, Фантанов и Лезвик играли спокойно в бостон; но едва волы выбрались на отлогий скат к реке Пруту, верховые молдаване гикнули, хлопнули бичами по ребрам волов, и — волы поскакали, складной стол прыгнул с ножек, карты полетели, один из бостонистов опрокинулся на подушки, крича «восемь в сюрах» [2].

— Проклятые! расстроили игру!

** мир сельский (*прим. автора*).

— Какая же игра, господа, на почтовых волах! Пошел!

— Хайд! — повторили в десять голосов лихие «калараши» [3*], свистнув и хлопнув по ребрам волов арапниками.

Выпучив глаза и подняв хвосты, волы скакали; каруца, не уступавшая величиной вагону железной дороги, мчалась быстрее паровоза; верховые молдаване как сумасшедшие скакали по сторонам с криками и хлопаньем. Лезвик, не утерпев, выскочил на передок, выхватил из рук Афанасьева хворостину, гикнул — одно мгновенье каруца была уже на береговой дороге, повернула к Костешти и вскоре очутилась на пространстве Ста-Могил.

— Тут, верно, было какое-нибудь сражение? — спросил любознательный Лугин.

— Это просто обросший от времени обвал крутого берега.

— Не может быть! — сказал Лезвик.

— Отчего не может быть?

— Да так, быть не может.

— Доказательство ясно!

— Разумеется, что не может быть! — повторил утвердительно Лезвик.

Лезвик заспорил бы всех, но, к счастию, крик, хлопанье бичей, грохот и дребезг каруцы мешали спору.

С горы и по ровной дороге волы дружно несли ярмо, но едва подъехали к скалам Костештским, в гору, не тут-то было: ни волы, ни крик, ни арапники, ничто не везет. Нечего делать: послали Афанасьева в Костешти пригнать пары три свежих волов, а между тем Лугин, Фантанов, Лезвик и Светов вышли на отдельную высоту полюбоваться игрой природы.

Так называемые «скалы Костештские» выдаются из крутого берега реки Прута и берега реки Чугура и перелегают зубчатой стеной через реку Прут, которая течет сквозь брешь, пробитую, вероятно, волнами всемирного потопа.

Лезвик уже стал спорить, что это искусственные, а не природные скалы, но пригнанные три свежих пары волов втащили на гору прежних двенадцать и каруцу. Пора было ехать, чтобы не опоздать в Костешти к обеду товарища Рацкого. Девять пар волов прибыли наконец к деревне Костешти. Тут им придали рыси, и они скоком привлекли каруцу к хате Рацкого. Все, что было у него товарищей, высыпало дивиться торжественному приезду патриархальной колесницы.

— Посмотрите, господа, — сказал Лезвик, едва только успели надорваться груди от смеху: — вот говорят, что это природные скалы!

— Ха, ха, ха! — раздалось снова.

— Похожи на природные!

— Какие же природные, господа? — сказал один «офицер-ди-императ». — Это искусственные.

— Это просто была плотина, которую прорвала вода, — сказал Лезвик. — Пойдемте, посмотрите сами.

[3*] вооруженные всадники (*молд*).

— Пойдемте, пойдемте сами! — вскричали все.

— Пойдемте.

До скал было не более двухсот шагов от квартиры Рацкого. Берегом реки подошли к гранитным воротам, сквозь которые катился сжатый Прут и где впадал Чугур. По камням пробрались на другую сторону, где был пикет казачий.

— Что, Лезвик? Искусственные скалы? Плотина?

— Разумеется. Спросите хоть у казака. Эй, казак, что это, плотина или природные скалы?

— Чертова плотина, ваше благородие,— отвечал лихой казак.

— Все-таки моя правда,— сказал Лезвик.

— Согласны, если черт строил ее.

— По мне все равно, кто строил. Только я говорю, что искусственная, а не природная!

— Действительно, ваше благородие, черт строил, только не русский, а молдаванский, по имени «Драку» [3].

— Ты не был ли при этом?

— Нет, ваше благородие: это было в давние времена, при моем деде. Он вот как раз стоял на этом месте на часах и видел, как все происходило.

— А как же все это происходило?

— Долга сказка, ваше благородие, да притом же и не даровая.

— Вот тебе задаток,— сказал Светов, подавая казаку золотую монету.

— Извольте слушать,— сказал казак.

«Вот, по сю сторону Чугура было царство Болгарское, а по ту сторону жили хохлы-руснаки. У хохлатского царя была дочь Лунка-царевна, а у болгарского хана «бритая голова, плешь засаленная» был сын Тартаул-царевич, великий богатырь и наездник. Когда пришло время выдавать прекрасную Лунку-царевну замуж, хохлатский царь послал гонцов во все царства с портретами своей дочери и просил царей и царевичей к себе на пир великий и ратоборство, кому честь, и слава, и рука царевны. Вот съехались со всех стран цари, и царевичи, и богатыри великие. Сам царь встречает, есаулы гостей под руки принимают. Началось полеванье. Всех победил угорский королевич.

— Ну,— говорит,— богатыри и витязи, с кем еще копья померять, силы изведать? Или нет больше ни храброго, ни удалого?

— Есть еще один!— крикнул богатырским голосом витязь «светлая броня, ничьим копьем не оцарапана».— Не нужно,— говорит,— ворот отворять, моему коню высокий тын не помеха.

Глядь, уж стоит посреди поля. Разъехались добрые молодцы, тупым концом позабавились. Не успели глазом моргнуть, а угорский королевич лежит на земле. Повели витязя в палаты под руки, встречают его с кубками заздравными, подносит царевна венец ему, просит снять шлем богатырский. Снял витязь шлем, а под шлемом шлык [4]: так все и ахнули.

— Нет,— говорит царь хохлатский:— не пойдет моя дочь замуж за бритую голову!

— Царь-государь, — сказал витязь: — не в хохле дело, а дело в том, полюбит ли меня прекрасная дщерь твоя; если любит, то я, изволь, отрощу хохол до пяты.

Царевна сладко очи потупила. А царь сказал:

— Ну, будь по-твоему, будь ты мне зять нареченный; проси у твоего родителя благословенья.

Поехал Тартаул к своему родителю просить благословенья жениться на единородной дщери царя хохлатского.

— Как? — говорит хан «бритая голова, плешь засаленная». — Чтоб ты женился на хохлачке, на бараньей голове?

Молил, молил Тартаул отца своего — ничто не берет.

— Ну, — говорит Тартаул: — если не позволяешь, так уж быть беде!

Струсил хан: любил он сына.

— Хорошо, — сказал, — согласен. Только пусть дает в приданое за дочерью море.

Поехал Тартаул к возлюбленной невесте и говорит царю: так и так.

— Помилуй, твой отец с ума сошел! У меня и моря нет в целом царстве. Земли сколько хочешь!

— Хитер у меня отец! — сказал Тартаул. — Что делать? Есть, говорят, чародей Чугур; поеду, посоветуюсь с ним: у него есть на все отводы.

Приехал к Чугуру: жил он отшельником в горе; посреди леса сидел сиднем на пне и не двигался с места. Приехал, рассказал свое горе: вот так и так, что делать?

— *Драку шти!* Черт знает! — сказал Чугур.

— Коли черт знает, так попроси его, сделай милость, научить, что делать.

— Что дашь?

— Что хочешь.

— Видишь: в вашем владенье, у Гнилого Моря, есть сто могил моих предков; перевези их все сюда, со всем, что в них есть.

— Изволь! хоть тысячу!

Обрадовался Тартаул и тотчас же отправил подводы на Гнилое Море. Вот их и перевезли на то место, где теперь Сута-Моджиле.

— Ну, — сказал Чугур: — спасибо! Я тебе услужу. Ступай к отцу и скажи, что царь хохлатский дает море в приданое дочери. Вези его на свадьбу.

Поехал Тартаул к отцу, говорит ему: так и так, будет море в приданое.

— Да откуда он взял море? — спросил хан.

— Не могу знать. Верно, было какое-нибудь.

— Быть не может. Поедем! А если моря нет, так нет тебе и согласия моего.

Поехали, подъезжают. Царь и царица их под ручки принимают, за браные столы сажают.

— Ну, — говорит хан болгарский: — дочь твоя хоть куда царевна, а где же ее приданое? где же море?

— Где ж нам взять моря, любезнейший наш брат, хан болгарский...

Только что он сказал это, вдруг слышат шум, точно морские волны хлещут о берег. Глядь в окно: не река Прут течет, а бушует пространное море перед палатами.

— Ба, ба, ба! Да как же это сказали мне, что в твоем царстве и моря нет? Да какое же это море? — спросил хан болгарский.

Царь хохлатский от удивленья не знает, что и говорить.

— У нас море Черное, а это море Проточное, — отвечает за него Тартаул-царевич.

— Если так, то сдержу мое слово. Сыграем свадьбу.

Вот начали играть свадьбу. Сыграли. Сели за браные столы. Вдруг прискакали гонцы из царства Ордынского к хану и говорят:

— Помилуй нас, хан великий, многомилостивый! Зачем позволил ты строить чертову плотину на Пруте? Все наше царство пересохло. Черное море иссякло, ни капли воды нет.

— Как? — крикнул ордынский хан.

А тут же и к царю прибежали люди земские:

— Батюшка-царь, смилуйся! Зачем ты позволил царю ордынскому чертову плотину на реке Пруте строить? Вода разлилась по всему царству, вздулась словно море, все топит, подступает под твои царские палаты.

— Как? — крикнул и царь хохлатский.

А потом оба в один голос:

— Так такие-то вещи ты, царь хохлатский, со мной делаешь! Вздумал пересушить все мое царство? Плотины строить! Эй! ломать плотину!

— Так такие-то вещи ты, хан болгарский, со мной делаешь! Плотины строить? Вздумал затопить все мое царство? Эй! ломать плотину!

— Едем, сын!

— Пошла, дочь, в свою светелку!

— Помилосердуйте, любезнейшие родители! Плотину не вы строили, ни царь хохлатский, ни хан болгарский, а плотина сама построилась на мое счастье.

— Как?

— Да так. Позвольте, я пойду с народом снесу ее.

Вот и принялись ломать плотину. Ничто не берет, ни лом, ни топор. Как быть? Поскакал Тартаул-царевич к Чугуру. Нет его на пне; искать, искать — а он поселился в пещере, вот что со стороны дороги, и сидит там молча.

— Благодетель ты мой! — говорит Тартаул-царевич: — помоги! Вот так и так: плотина твоя затопила царство хохлатское, пересушила все земли болгарские... Помоги, сделай спуск!

— Нелегко, тут от руки ничего не сделаешь; надо прогрызть зубами.

— Помилуй, какой зуб возьмет?

— Надо попросить зубатого.

— Попроси кого знаешь!

— Что дашь? Да постой, не нужно. Обещай сослужить мне службу: холодно мне стало на белом свете; перенеси ты мои косточки туда, где сто могил моих предков, и приодень землицей.

— Изволь, дедушка Чугур, целой горой завалю твои косточки.

— Ну, добре, ступай: будет по-твоему.

Как настала ночь, дедушка мой стоял здесь на карауле; служил он в чередном казачьем полку на границе. Стоит себе, как я, пика в сошках, а голая сабля на руке — вдруг видит, кто-то идет. — Кто тут? Убью! — Здешний, — откликается: — «мошуль[4*] зубатый». Как взглянул на него дедушка мой, так и остолбенел: черные зубы из пасти, точно тын железный. Как начал он, ни слова не говоря, грызть каменную плотину, так и хрустят камни; погрызет-погрызет, да оселком зубы поточит. К утру прогрыз вот, как видите, целые ворота, да не остерегся: вода как хлынет вдруг, сбила его с ног и понесла; только его и было.

Вот царь с ханом видят, что дело пришло на лад; помирились и принялись снова пировать.

Как оженился царевич, сдержал слово Чугуру, перенес его, посадил посреди Ста-Могил, прикрыл землицей. Вот самый большой курган — это его, сто первый.

— Видишь, хан болгарский, — сказал царь хохлатский: — чего нет, того и не проси.

Царь и хан наделили молодых свежими землями, собрали всех молодцов и всех красных девиц и отдали им в приданое. Вот и пошли пиры и «младованье». Я там был, мед пил, по усам текло, а в рот не попало!»

— Спасибо, казак! вот тебе на придачу.

— Покорнейше благодарю, ваше благородие! Если угодно, мы и еще кой-что порасскажем, например про Надежду-царевну «магнитные глазки».

— В другой, брат, раз!

— Я говорил, что это плотина...

— Ты прав, ты прав, Лезвик. Теперь мы знаем, что и Сто-Могил не обвал.

— Смейтесь!

— Пора обедать, господа,— сказал Рацкий, и все отправились к нему на квартиру. Стол уже был готов. После обеда привели верховых лошадей, все вооружились хлыстиками, засели на коней и — на луг. Начались «бары», или игра в войну[5*]. Потом, во время чая, по обычаю, началось очередное чтение: повестей, стихов, статьи ученой, военной. Каждое произведение поступало в рукописный сборник, которого части, по прошествии известного времени, разыгрывались по жребию — кому достанется в память товарищества и молодости лет, проведенных не без пользы.

День прошел. Пора по домам.

— Господа, в следующее воскресенье ко мне. Кстати, я и именинник, — сказал Светов, прощаясь с товарищами.

— Что, и назад на колеснице воловьей?

— Нет, покорно благодарю? Еду на легких.

[4*] дедушка (*прим. автора*).

[5*] Игра колонновожатых в Асташове. Название, без сомнения, происходит от «bacrja» — «сражаться» (*прим. автора*).

Четверка лихих коней, управляемых Афанасьевым, стояла уже у подъезда. Светов вскочил в каруцу и при свете ночного светила помчался в Каменку, где бедная Ленкуца таяла от ревнивой любви.

В продолжение всей недели она не показывалась на глаза «юному». Чем свет уедет в поле, воротится поздно или уйдет в касу своей тетки и ткет ей ковры.

Воскресенье приближалось. Светов распорядился к приему гостей. Подле дома не было саду: лес близок, нипочем; в один день весь двор обратился в сад, усыпанный свежей, душистой травой и цветами. За десять рублей «чиновник-ди-исправничия» [6*] привез десять возов разных плодов: воз арбузов, воз дынь, яблок, груш, персиков, абрикосов, слив, волошских орехов, вишень, винограду, а усердная команда развесила все на деревья. Для гостей на кухне шпарят и потрошат баранов, уток, гусей и цыплят; на погребе заготовлено янтарное «Одубешти», полынковое и мускатное; для джока выписаны цыгане музыканты; для громады взято в корчме несколько ведер ракю [7*]. Чучела на вехе одета в новую красную рубашку.

Настало воскресенье. «Юный» проснулся грустен, сходил в церковь. Его поздравили с именинами денщик, вся команда, вся громада. Парентий принес огромную просфору, а Ленкуца не идет поздравить его.

К полудню товарищи съехались, расположились на коврах, постланных на мягкой траве посреди армидина сада [5], курят трубки, беседуют в ожидании завтрака. Светов прилег на голой траве. Вдруг прошла Ленкуца в хату, взглянув мельком на Светова.

— Ба! *формошика* [8*], *формошика*! — крикнули все в один голос, увидев ее. — Не твоя ли хозяйка, Светов?

— Да, — отвечал он.

— Что ж ты покраснел?

— И не думал.

— Браво, браво, браво! — закричали все.— Понимаем! Как умильно, нежно она взглянула на тебя!

— Мечта! Это, господа, суровая красавица, не слишком нежничает с нашим братом...

— *Фата формоза!* [9*] — вскричали все снова, увидев Ленкуцу, которая вынесла из хаты прекрасный махровый ковер. Не обращая ни на кого внимания, она подошла к Светову и разостлала свое приданое. Но Светов не хотел обратить внимания на ее услугу. Ему стыдно было товарищей.

— Добрая хозяйка! Как она заботится о своем постояльце! А подарила ли ты ему что-нибудь в день именин?

— Нет еще! — сказала она. — Он, верно, сердит за это на меня.

И вдруг Ленкуца бросилась к Светову, обняла его, пламенно поцеловала. Он вспыхнул, она скрылась.

6* исправник (*молд.*).
7* фруктовая водка.
8* красавица (*молд*).
9* Прелестная девушка! (*молд.*).

— Браво, браво! — повторили все, захлопав в ладоши.

Поздравления посыпались на бедного Светова.

Он надулся.

Этот случай помешал общему веселому расположению. Все как будто подозревали, что Светову веселее дома без гостей. И Светов что-то был невесел: он как будто сторожил, не придет ли Ленкуца, чтоб и ее поцеловать так же пламенно, но без свидетелей!

После обеда оживилось. Вдруг колокольчик.

— Кто это?

Афанасьев прибежал запыхавшись.

— Полковник едет, ваше благородие!

— Вот тебе раз!

Вскоре коляска остановилась подле хаты.

— С генералом, ваше благородие!

— Действительно, полковник, убей меня бог, прекрасное местоположение! — Здравствуйте, господа! Каким это образом вы все здесь?

— У именинника, ваше превосходительство.

— И прекрасно!

— Вот и все планшеты[6] здесь, ваше превосходительство, — сказал полковник.

— И прекрасно! Так я осмотрю работы и прямо отсюда в Хотин. Прикажите мне переменить лошадей. Г. Светов, вы сдадите свою съемку и поедете со мной.

Светов побледнел. Так поразили его эти слова.

— Мы выберем вместе места для смотров; вы снимете их и потом явитесь ко мне.

— Укладывайся! — сказал Светов денщику почти со слезами на глазах.

— Что, брат, горе! — говорили товарищи шепотом, подходя к нему по очереди.

— Что такое? — отвечал им Светов.

Вскоре свежие лошади были запряжены в коляску. Светов простился с товарищами, посмотрел кругом, нет ли где Ленкуцы? — Нет!

Только и видел он ее.

УРСУЛ

ПОВЕСТЬ

(Отрывок)

В 18... году, рано утром, ехал я верхом из загородных кишиневских садов, называемых Малиною, в город. Проезжая мимо корчмы, у въезда, против торговой площади, я заметил, привязанных к столбам навеса, нескольких верховых лошадей, в турецкой сбруе. Смуглый, суровой наружности человек стоял, облокотясь на одну из них; он был в простой арнаутской одежде, в манте, обшитой в узор снурками, и в молдаванской кушме, или высокой перегнутой на бок шапке из черных мерлушек; другая рука его лежала на пистолете, который торчал за поясом. Приостановясь взглянуть на статных коней и налюбовавшись на них, я спросил у него по-молдавански, не продаст ли мне одного жеребца.

«Не годятся тебе», — отвечал он равнодушно, окинув меня дикими взорами.

«Отчего же не годятся?»

Отвернувшись от меня, он как будто не слыхал моего вопроса.

Я понял, что от него не добиться более ни слова, и поехал своей дорогой.

Едва я поравнялся с областным почтовым двором, который был саженей на сто от корчмы, как вдруг из ворот выбежал молдаван, а вслед за ним почтмейстер, отставной полковник, старый гусар, и вся его команда почтальонов, вооруженных кортиками. Все они бросились к корчме, на которую указывал молдаван и кричал: «Талгарь! талгарь!» *

«Хайд!» — раздалось у корчмы, и по этому слову выскочило несколько человек с ружьями за плечами, с ятаганами и пистолетами за поясом. Торопливо отвязали они лошадей, и между тем, как на крик молдавана бросился с площади и народ, они вскочили на седла, оглянувшись, и вместо того, чтоб скакать за город, как птицы, выпорхнули из окружавшей уже их толпы почтальонов и народа и понеслись вдоль по улице, прямо в город. Все бросились вслед за ними с криком: «Талгарь!»

Вскоре перед отчаянными всадниками вся улица залилась народом; отважные загородили им дорогу, надеясь криком и шапками испугать лошадей; но разбойники, бесстрашно, как скованные друг с другом, мчались сквозь толпы, поражая вправо и влево выстрелами из пистолетов и саблями всех, кто набегал на них и дерзко протягивал руку к узде.

Жандармская команда, на дюжих конях, также шла в погоню.

Проскакав бо́льшую часть улицы и видя, что перед ними толпы народа становятся гуще и гуще, они быстро своротили вправо в переулок, на грязную жидовскую улицу. У народа израильского в этот день был празд-

* Разбойники (*прим. автора*).

ник «Труб»[1]. Жиды, накинув на головы саваны[2] и прикрепив ко лбу хранилище заповедей[3], углубленные в молитву, пробирались в синагогу; а жиденята, в воспоминание воинства Израилева, расхаживали толпами, вооруженные деревянными мечами и стрелами. Втоптав в грязь нескольких защитников Иерусалима от нашествия Навуходоносора[4], всадники мчались быстро вперед, преследуемые народом криком: «Талгарь!» и воплями раздавленных.

В конце улицы показался навстречу им взвод солдат с гауптвахты.

Разбойники своротили к Булгарии**; булгары, вызванные из домов необыкновенным криком, вооружились дубинами, бросились на них и принудили свернуть в переулок, который вел к огородам на долине реки Бык.

Прискакав к плетню, наездники не задумались перелететь через него; только один из них вдруг приостановился подле отдельной хаты, на возвышении, соскочил с коня, оттолкнул его от себя, выхватил пистолеты из-за пояса, ударил их об землю и сел на скате, спокойно, как будто в намерении отдохнуть; но лицо его, даже издали, было страшно, и глаза сверкали. Народ обступил его с ужасным криком; а между прочим булгары не отставали от прочих его товарищей, которые переносились отчаянными скачками через плетни; но бесконечные загороды и рыхлая земля гряд утомили, наконец, коней их; через несколько минут лихие кони и отчаянные всадники были уже в руках булгар. Преследуемые толпами любопытных, они повели разбойников в полицию.

На другой день узнал я, что это была шайка известного Урсула, ужаса Орхеевских лесов.

Любопытствуя видеть Урсула, я отправился в тюремный замок, где содержался он в особенном отделении, в тяжких оковах. Взглянув на него, я удивился прекрасной, мужественной наружности; суровость лица его смягчалась спокойными взорами, которые как будто вместе с мыслями его погружены были в пучину памяти о прошедшем. Он был еще молод, но седина клочками проглядывала на черных его волосах.

Зная хорошо молдаванский язык, я с участием сказал:

«Жаль молодца!»

«Нечего жалеть, — отвечал он равнодушно. — Каковы дела, таковы и лавры».

Ответ его поразил меня.

«Лавры злодейские», — сказал я.

«Злодейские!.. — повторил он, встряхнув на себе оковы и бросив на меня дикий взгляд. — Кого укусит бешеная собака, тот сам взбесится, будет искать утоления от палящего огня и бегать от воды».

Какая-то образованность понятий, заметная в ответах Урсула, увлекла мое любопытство; я видел, что это не просто бесчувственный злодей, рожденный зверем, и решился расспросить, что было причиною отчаяния, которое сделало его разбойником? Я имел случай быть при допросах этого человека и успел удовлетворить свое любопытство.

** Название улицы (*прим. автора*).

«Как твое имя?» — спросили его.

«Вы знаете», — отвечал он.

«Запишите: Урсул», — сказал допрашивающий.

«Откуда родом?»

«Если я Урсул [3*], то нечего и спрашивать — из берлоги.»

«Прикажете записать?» — спросил писарь.

«Все это пустые речи, — сказал Урсул. — Поймав зверя, сдерите кожу — и кончено!»

После этих слов он упорно молчал и смотрел на допрашивающих, как человек, который не слышит, что ему говорят. Его вывели в другую комнату; и между тем как допрашивали его товарищей, я имел возможность говорить с ним.

«Ты имеешь родных?» — спросил я у него.

«Да; я не безродный».

«Какое-нибудь несчастье принудило тебя оставить семью?»

«Да, оставил», — отвечал он.

«Любопытно мне знать твою жизнь».

«Зачем тебе знать? Знает про то бог. В его великой книге все записано... Сам я записал в нее и мое имя, и дела, и помышления, без допроса, без грозы и истязания... Придет время, Он скажет только: «На, читай — судись и казнись!..» Для меня пришло это время; и день, и ночь, и наяву, и во сне, все читаю я про себя и, со скрежетом зубов, подкладываю под себя огонь, вымещаю на душе и теле все дела воли моей. Сушу в костях мозг, кипячу кровь, вытягиваю жилы... О, зол человек! Он сам себе мститель!»

«Я вижу, Урсул, ты не из черни; и тем удивительнее, что ты даже в отчаянии избрал такой путь».

«Может быть, я учился кой-чему и знал кое-что; да не знал, что только бог тушит пожар в недрах».

«С чего же начались твои несчастья?» — спросил я у него с участием.

«Как и все начинается — просто, из ничего». <...>

ИЛЬЯ ЛАРИН

РАССКАЗ

(*Отрывки*)

<...> Некогда в Бессарабии, в благополучном городе Кишиневе, в один прекрасный вечер Пушкин, Г<орчаков> [1] и я на широком дворе квартиры Л<ипранди> [2], помнится, играли в свайку [3] и распивали чай.

[3*] Урсул значит медведь (*прим. автора*).

— Здравствуйте, господа! — раздался подле нас осиплый, но громкий голос.

Это был Ларин в его обычной одежде, с железной дубиной, с полпуда весу, в руках.

— Что тебе? — спросил серьезно Л⟨ипранди⟩

— Ах собака! Известно что: чем гостей встречают?

— А знаешь, чем провожают?

— На! провожай! — крикнул он, приподняв железную свою дубину и засадив ее в землю до половины.

Мы все захохотали на эту выходку; этого только и нужно было ему.

— Эй! Как зовут твоего, братец, денщика? Ты! Подай Илье Ларину, всесветному барину, стакан чаю с ромом!

С этой минуты Ларин прикомандировался к нам и забавлял нас своими выходками. ⟨...⟩

Однажды в Кишиневе, у г. О⟨рлова⟩[4], в числе штабных ежедневных гостей обедали званые: А. С. Пушкин, Л⟨ипранди⟩, Г⟨орчаков⟩ и я; после обеда сидели все у камина. Разговор был о литературе и литераторах. Пушкин сердился на современных молодых поэтов и говорил, что бо́льшая часть из них пишут стихи потому только, что руки чешутся.

—А у тебя, Пушкин, что чешется? — спросил О⟨рлов⟩.

Пушкин не успел дать ответа, потому что в это самое время показалась в дверях пресмешная красная рожа, в длинном сертуке, с палкой в руках, и крикнула:

— Здравствуй, О⟨рлов⟩! Настоящий орел! руку!

О⟨рлов⟩ окинул взором неожиданного гостя и столь же неожиданно скомандовал, становясь перед ним:

— Во фронт! Руки по швам! Налево круг-ом! Скорым шагом марш-марш!

По слову неожиданный гость исполнил команду и вышел, маршируя.

Это был Ларин, с которым мы познакомились впоследствии у Л⟨ипранди⟩. ⟨...⟩

В 18.. году, перед самым отъездом Л⟨ипранди⟩ в турецкую кампанию, рано утром денщик вбежал в комнату и разбудил его криком:

— Барин, барин! Георгий убил Зоицу!

— Что такое? Как убил? Каким образом? — спросил Липранди.

— Ятаганом убил наповал! Извольте посмотреть.

Встревоженный Липранди выбежал. Зоица лежала мертвая, распростертая подле крыльца. Ятаган по рукоять под самым сердцем. Арнаут Георгий, закрыв лицо руками, стоял над ней.

— Георгий! — крикнул Липранди,— что ты сделал?

Разбросив вдруг руки, бледный, Георгий обвел кругом помраченный взор.

— Делайте со мной что хотите! Я убил Зоицу! — отвечал он.

— Злодей! Зачем ты убил ее?

— Закон велел, — отвечал Георгий, глубоко и тяжело вздохнув.

— Какой закон?

— Мой! Я не ее одну убил... не ее одну... ах! не ее одну!.. Я убил и кровь свою!..

Георгий был магометанин; Липранди понял страшный предрассудок и не знал, что говорить. Все стоявшие вокруг также молчали, пораженные ужасом.

— Грешен я! Делайте со мной что хотите! — продолжал Георгий, сложив руки и опустив голову. — Я любил ее... Я говорил ей сегодня в последний раз: Зоица, я еду с барином на войну... Крови своей я не отдам христианам... Послушай меня: бог один... прими мою веру!.. Три раза сказала она: нет!.. а не сказала: Георгий, лучше убей меня; веры не переменю; а без тебя мне все равно не жить...— Зоица! — сказал я ей: — крови своей не оставлю я в неверной утробе... я пролью ее... так велит закон!.. Она побоялась смерти,... побежала от меня... от меня побежала!..

Георгий закрыл лицо руками, и вдруг снова разбросив руки, он ударил себя в грудь.

— О! да и ее я не оставил бы здесь живую!.. Она забыла бы меня, полюбила бы другого! Все равно: не теперь, так после я бы убил и ее и того, кого бы она полюбила! Делайте со мной что хотите!

Преступника отвели в тюрьму. Когда его призвали к допросу:

— О чем тут разговаривать, — сказал он, — велите рубить мне голову! 〈...〉

— А помнишь молдованского бояра, что дом верх ногами построил? Что дочка — Пульхеренька-пупочка [5]? где она?

— Помню; вышла замуж.

— Ах малявочка!.. А помнишь, по ней сходил с ума Владимир Петрович [6] да Пушкин. Помнишь, он стихи ей писал?

— Помню, помню.

— Ну, а помнишь ли, дуэль у него была с егерским полковником [7], на Малине [8]! За что бишь? Да! офицера обидел, офицер не пошел на дуэль, так за него пошел сам полковник. А я прихожу к нему чем свет: Здравствуй, малявка, Александр Сергеевич! А он сидит себе голиком на постеле, в стену из пистолета попукивает... Помнишь?

— Помню, помню. 〈...〉

ДВА МАЙОРА

РАССКАЗ

(*Отрывок*)

Бояр Иордаки Дольничан был некогда бояр третьего разряда; это не более как чиновник, имеющий какую-нибудь *мошию* *, хутор и более ничего. Но в молодости он был ловкий, сметливый молдован. Как человека угодливого и расторопного, его определили во время Турецкой кампании в 10 году исправником одного из цынутов Бессарабии; а это значило то же, что дать ему в аренду сто тысяч душ.

Иордаки Дольничан как нельзя лучше исправлял должность, славно угощал весь штат наместника, давал обеды и даже балы и, таким образом приобретая почет у русских, возносил выю свою и пред боярами первого разряда: точно так же растолстел, как они, откормил свой подбородок и затылок, точно так же одел *качулу* ** из сереньких бархатных смушек, точно так же сидел на диване, подвернув под себя ноги и кричал своему *чубукчи-паше* 3*, арнауту: «Хэ, мой! Иоане! ада чубуче! 4*»

По-русски он научился не хуже русского, употреблял аристократическое предсловие вроде поговорки: «Государь мой, я вам скожу» и величался не куконом Иордаки, а Егором Дмитриевичем.

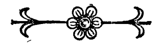
Кукона Марьола так во всем ему соответствовала, так способствовала приобретать расположение русских, и так любила их, и переняла у барынь все манеры, язык, гостеприимство, подчивание, аханье, всплескивание руками, качанье головой, та-та-та, та-та-та, что ее невозможо было уже никакими средствами отличить от какой-нибудь матушки-сударыни-барыни. Ее иначе и не называли, как по-русски: Марья Дмитриевна. Она даже умела не хуже салонной угорелой хозяйки почадить перед каждым из гостей ладаном любезности и поднести изустную конфекту. От бывшей куконы в ней не осталось ничего, вот ни на столько, как говорят греки и молдаване, откусывая ноготь на большом пальце правой руки.

У них была единородная дочь Пульхерица. Тип древних русских девушек: писаная красавица, кровь с молоком. В те времена, когда еще не грех было всем неверным подданным султана представлять в дар или продавать своих красавиц дочерей в гарем его султанского высочества, за нее можно было бы приобрести по крайней мере сто мешков золота. Если б она жила во времена Александра [1], не Великого, а известного под именем Париса, сына Приамова, он не похитил бы жены Менелая, не было бы Троянской войны, и слепец Гомер вместо *Илиады* пел бы у него на свадьбе *Мититику* [2].

---

* имение, усадьбу (*молд.*).
** шапку (*молд.*).
3* слуге, ведающему курительными принадлежностями (*молд.*).
4* давай трубку! (*молд.*).

Улыбка как будто приделана была к ее устам наглухо. Она, в противоположность матери, необыкновенно как мало говорила, но внимательно слушала; и если какой-нибудь русский кавалер относился к ней с каким-нибудь кондитерским выражением или смешил ее притупившейся уже от времени остротой, она так мило произносила вполовину по-французски, вполовину по-русски: ах! quel vous êtes![5*] —, что невозможно было не пожелать жениться на ней и на пяти стах тысячах приданого. Но излишество женихов ужасно как вредно для девушки. Дом Егора Дмитриевича ежедневно, с утра до полуночи, а иногда даже до рассвета, был набит женихами. По утру приезжал с визитом один разряд женихов — чиновный, к обеду другой — штаб-офицерский, а к вечеру третий — офицерский. ‹...›

СЧАСТЬЕ — НЕСЧАСТЬЕ

РОМАН

(*Отрывки*)

Но вот, наконец, переправа через Днестр, за Днестром Бессарабия, еще сорок верст и — *благополучный* город Кишинев. Прибыли. Суруджи ведет приезжего прямо в гостиницу Исаевны. Тут является перед Михайлом Ивановичем ‹Гораздовым› неизбежное лицо — фактор Иоська. Знаете, что такое за лицо фактор Иоська, или Мошка, или Шлемка? Это просто черт в образе жида, который прикомандировывается к вам для прислуги, непрошенный, незванный.

— А вам же нужно казенную квартиру? — сказал Иоська, — позалуйте подорожную, я вытребую.— И Иоська пропал с подорожной и бумагами, напугал всю квартирную комиссию[1] экстренным чиновником, за которым вслед едет зд! *таре-маре* — великий генерал. Через час квартира была отведена в длинном одноэтажном доме, где у крайнего окна сидела дебелая кукона, а у прочих шести по куконице.

Квартира — роскошь, особенно для дорожного человека, у которого разбиты бока: вокруг стен широкие, пуховые диваны с мягкими, как волны, подушками.

Только что Михайло Иванович сбросил с себя шинель и форменный сертук, как вошел в комнату какой-то служитор с подносом в руках, в красной феске, в перепоясанном длинном фередже и коротеньком фермелэ сверху.

— Пуфтим, боерь, кусаит! — сказал он, кланяясь, на смешении языков. — Кафэ си дульчац!..

[5*] какие вы! (*франц.*).

— Что это такое? — спросил Михайло Иванович.

— Кукона Смарагда и куконицы... мульт куконицы, мнега куконицы: Аника, Семферика, Марьолица, Зоица, Пульхерица, Ралука, паслат на боерь кафэ си дульчац! пуфтим, боерь, кусаит!.. хороса куконица, хороса дульчац!.. Я капитан Микулай, — продолжал посланец, принесший кофе и различные сорты варенья на поклон от куконы и кукониц, — я слузил государски; инарал командирски дают мне пумаг, такой пальсой пумаг, писит: капитан Микулай, слузил государски, слузил на поцта.

— Покорнейше благодарю, очень благодарен, — повторял Михайло Иванович, кланяясь бывшему *капитану-ди-почт*, т. е. смотрителю почтовой станции.

— Турки придот на Молдова, мы придот на Кишенау, — продолжал капитан Микулай.

— Очень благодарен, покорнейше благодарю, — повторял Михайло Иванович.

— Куконица фрумоас, хороша куконица, — начал снова капитан Микулай, целуя сложенные три пальца.

— Очень благодарен, поблагодарите пожалоста!

— Хороса, хороса! — прибавил капитан Микулай и, наконец, оставил в покое утомленного Михайла Ивановича. ⟨...⟩

В описываемое время Кишинев, областной город Бессарабии, был уже знаком, по слуху, всему литературному русскому собратству и напоминал места изгнания Овидия и его «Печали». Здесь посреди роскошной природы, так называемой, в ученом историческом мире, «Getharum solitudo campestris et inaquosa inter Porata et Danaster» *, жил и новый поэт-изгнанник, «laesus ab ingenio suo» **, и также писал поэмы; но не эпические, не эпистолические, не элегические, а «Кавказского пленника» и «Цыган».

Старый город на отлогом склоне горы к озеру Быку делился: на нагорье, где жили вельможи, называемые *качула-маре*, боиери и мазилы, в своих *курте* и *касах* — мазанках; на топкую улицу, которая в городах Италии по сие время называется ghetto, то есть готской, а в просторечии жидовской; и на Болгарию, или предместье болгар, садовников и огородников по р. Быку. Новый, русский город, на горе, обстроился уже при содействии губернской архитектуры. Его украшали и деревянные тесовые и кирпичные штукатуренные здания. На самой возвышенности была митрополия, экзархия армянская, и аллеи вновь насаженного сада, воспетого в подражание московскому бульвару. Далее, на игривой местности двух *балок*, обнимающих весь город, как две руки, были сады, в числе которых и сад, называемый Малина, прославленный дуэлями Пушкина...

На другой день по приезде в благополучный град Кишинев, после утреннего *кафэ ши дульчац*, принесенных капитаном Микулаем как угощение приезжего и во внимание к нему куконы Смарагды и дочерей ее,

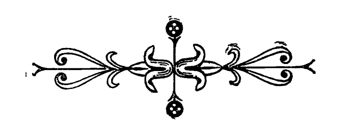
* «пустынными и безводными Гетскими равнинами между Прутом и Днестром» (*лат*).

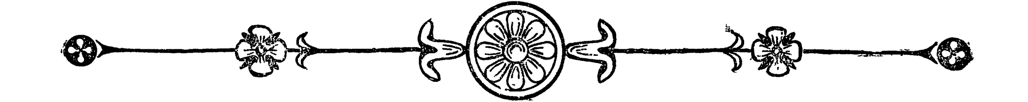
** «бедствовавший из-за своего таланта» (*лат.*).

кукониц: Аники, Семферики, Марьолицы, Зоицы, Пульхерицы и Ралуки, фактор Иоська возбудил в Михайле Ивановиче любопытство осмотреть город и его достопримечательности.

День был праздничный, погода была какого-то живительного свойства, дышалось как-то свободно и легко, текущих дел еще не было; а потому Михайло Иванович подумал-подумал и решился идти сперва в митрополию, потом бродить по городу в сопровождении прикомандировавшегося к нему Иоськи. Насмотрелся на атлетическую борьбу булгарскую, на джок молдаванский, на музыку цыганскую, на кущи жидовские; зашел в бакалею греческую, в *кафене* турецкую, взглянул безучастно на явный признак просвещения — на вывеску «Marchande de modes» французскую, послушал арфистку и певицу тирольскую, полюбовался на коня арабского, на арнаута, стоящего с трубкой на запятках, и на его великолепную одежду албанскую, на суруджи, сидящего на козлах, и на его одежду венгерскую, на толпу колонистов и на их штаны немецкие и, в заключение, разменял бумажку русскую на медное серебро австрийское.

Приехать из глухого переулка белокаменной Москвы на перекресток брожения и столкновения всех древних народов Азии и Европы и найти их в такой дружбе и согласии очень приятно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЮРИЙ АКУТИН

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН И ЕГО РОМАН «СТРАННИК»

Судьба писательского труда определяется в самом процессе создания произведений, но часто она проявляется далеко не сразу, порой истинное значение литературного наследия стихотворца или прозаика выясняется через десятилетия, а то и века. История словесности знает примеры отрицательного отношения литературных кругов и читателей к творчеству писателя при его жизни и большой популярности отвергнутых произведений много лет спустя. Бывает и наоборот: слава у современников сменяется навсегда безразличием у потомков, исследователи обходят старые книги, некогда пользовавшиеся недолгим успехом.

Известны и кажущиеся парадоксальными случаи, когда широкая популярность талантливого писателя уступает место после его смерти забвению. Но проходит время, и не утратившие эстетической ценности произведения возвращаются в литературный обиход.

К числу писателей, прославившихся при жизни, забытых последующими поколениями и вновь возвращающихся на литературную авансцену, чтобы уже обрести полное признание, принадлежит и Александр Фомич Вельтман. Его жизненный и литературный путь в наши дни мало известен даже историкам литературы. Разговор о писательской деятельности Вельтмана и его первом романе нужно начинать с самого начала.

1

Вельдманы[1], дворяне из Швеции, владели некогда островком в Балтийском море[2]. Во второй половине XVIII в. Теодор Вельдман скромно жил с семьей в Ревеле. Его сын Томас оставил в 1786 г. отчий дом, принял русское подданство, стал именоваться Фомой Федоровичем. Отец лишил его наследства, и молодой человек вступил в Ревельскую губернскую штатную роту вахмистром[3].

---

[1] Фамилией «Вельдман» и сам писатель подписывал свои первые произведения. Так его именовали и в официальных документах до середины 1820-х годов.

[2] См.: *Т. Пассек.* Из дальних лет. Воспоминания, т. III. СПб., 1889, с. 278.

[3] Сведения о карьере Ф. Ф. Вельдмана приводятся по документу: Формулярный список. О службе титулярного советника Фомы Федорова, сына Вельдмана.— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОР ГБЛ), фонд 47 Вельтмана А. Ф , р. II, к. 11, ед. хр. 2.

Фоме Федоровичу довелось стать участником морских походов, побывать на родине предков. В 1787 г. он был переведен капралом в Лейб-гвардии конный полк, произведен в ефрейт-капралы, а затем в подпоручики. С февраля 1791 г. Вельдман служит в Первом морском полку, на канонерских лодках совершает переход из Петербурга к шведской границе, в 1792 г. находится под началом А. В. Суворова. Годом позже офицер Белозерского мушкетерского полка Вельдман назначается в корабельный флот и под командованием адмирала Круза участвует в походе от Кронштадта до Копенгагена, по Северному морю до океана. Определенный в 1795 г. в Лейб-гренадерский полк, он через год произведен в поручики.

1799 г. принес решительные перемены в жизни Вельдмана. В январе он был переведен в Санкт-Петербургскую военную команду; посещая балы и праздничные вечера, познакомился с Марией Петровной Колпаничевой, дочерью придворного чиновника, и в конце года женился на ней. 8 (20) июля 1800 г. у Вельдманов родился сын Александр.

Семейное положение заставило Фому Федоровича оставить армейскую службу. Он принялся с помощью родственников жены искать штатскую должность и в октябре 1800 г. был определен в чине титулярного советника капитан-исправником в Тотьму, где и прослужил до середины 1803 г. Тогда семья переехала в Москву, и Вельдман получил назначение комиссаром квартирной экспедиции.

Преуспеть на гражданской службе Фоме Федоровичу не удалось, так же как и повыситься в чине. Он служил казначеем винокуренного завода, офицером воинско-конной команды московской полиции, позже — квартальным надзирателем. С 1810 по 1816 г. занимал должность смотрителя тюрьмы. В 1817 г. Вельдмана выбирают комиссаром по рекрутскому набору, а через два года — дворянским заседателем Московского земского суда. Семья жила в бедности, с трудом сводила концы с концами до очередного жалованья. Приходилось пользоваться поддержкой близких знакомых и родственников — Евреиновых и Вейделей. Душой семьи была Мария Петровна, женщина жизнерадостная, любившая рассказывать занимательные истории[4]. В 1805 г. у нее родился сын Николай, в 1810 г.— дочь Елизавета, а в 1814 г.— сын Василий. Но больше всего забот и внимания требовал ее первенец.

«В раннем детстве Александр ‹...› отличался пылким, необузданным нравом. Мать его, боясь, чтобы из него не вышел разбойник, выменяла образ богоматери и ежедневно просила матерь божию укротить нрав ее сына»[5].

Писатель рассказывал о своем детстве до поступления в учебное заведение: «‹. . .› моей учительницей и наставницей была добрая мать моя. С пяти лет она начала меня учить читать и писать; и иногда подкупала мою леность определенной платой за успешный урок. При мне был дядька

---

[4] См. письмо Ф. Ф. Вельдмана к сыну Александру от 5 апреля 1820 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к 2, ед. хр 40, № 12.

[5] *Т. Пассек.* Указ. соч , с. 278.

Борис[6], он был вместе с тем отличный башмачник и удивительный сказочник. Следить за резвым мальчиком и в то же время строчить и шить башмаки было бы невозможно; а потому, садясь за станок, он меня ловко привязывал к себе длинной сказкой, нисколько не соображая, что со временем и из меня выйдет сказочник»[7].

В 1808 г. Александр поступил в пансион Плеско, одно из лучших в то время учебных заведений в Москве, основанное для неимущих лютеран. «Я был православный armer Kind[8], но, вероятно, по фамилии был принят за лютеранина ‹...›»[9],— писал Вельтман. Продолжал он образование в пансионе Гейдепа. Как велось образование в таких учебных заведениях, писатель рассказал в романе «Последний в роде и безродный»:

«Курс учения в пансионе ‹...› обнимал четыре языка — русский, немецкий, латинский и французский, физическую географию, всемирную историю, всеобщую литературу, математику, музыку и танцы. Русский язык, однако же, не шел далее чтения и письма; немецкий не выходил за пределы вокабул; латинский ограничивался затверживанием и репетицией склонений и спряжений; математика заключалась в первых четырех правилах; география, без карт, зубрилась наизусть; всемирная история поглощалась краткой французской с избранными анекдотами; всеобщая литература — декламированием монологов из трагедий Вольтера, Корнеля и Расина. Танцы преподавались сполна, начиная с первого па до французской кадрили. Музыка же состояла в скрипке самого Гризеля, когда он после обеда был в духе и, ходя по комнате, репетировал романсы цветущей молодости»[10].

В 1811 г. Александра переводят в Благородный пансион при Московском университете. Он уже преуспевает в языках, любит музицировать, живо интересуется сочинениями Ломоносова, Тредьяковского, И. И. Дмитриева, Державина, Карамзина. И начинает писать стихи[11].

Летом и осенью 1812 г. Вельтману пришлось пережить события, имевшие огромное влияние на его духовное развитие. Он стал свидетелем отступления русской армии после Бородинского сражения, тревожного ожидания толпящихся на улицах горожан, бегства из Москвы, зарева над городом. Семья добралась до Костромы. Сразу после отхода французского войска Вельдманы вернулись в Москву. Мальчика больше всего поразили горы книг, разбросанных по Красной площади[12].

Под впечатлением от увиденного и услышанного Александр сочиняет стихотворную трагедию в трех действиях «Пребывание французов в Москве». В ней с ядовитой насмешкой изображены Наполеон, Мюрат,

---

[6] Денщик Фомы Федоровича.
[7] *А Вельтман.* Повесть о себе.— ОР ГБЛ, ф 47, р. I, к. 28, ед. хр. 16, л. 2 об.
[8] Бедный ребенок (*немец*).
[9] «Повесть о себе», л. 2 об.
[10] ОР ГБЛ, ф. 47, р I, к 32, ед. хр 1, л 38 об (с 74).
[11] См.: *А Ф Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии.— В кн: *Л. Майков.* Пушкин. М., 1899, с. 120. (В дальнейшем: *А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии).
[12] «Повесть о себе», л. 3 об.

Коленкур, маршалы Франции, Обер-Шальме, с позором бегущие из Москвы. На сцене появляется русский пивовар Ермак, с торжеством говорящий Мюрату:

Так правда, генерал, я слышал твои речи,
Уж наши русаки насели вам на плечи,
Казак с нагайкою, а бабы с помелом,
И всех вас обернут скоро кверху дном [13].

Так в отрочестве писатель обратился к теме, прошедшей через все его творчество.

Разорение семьи вследствие пожара Москвы, необходимость завершить образование старшего сына поставили Вельдмана перед необходимостью искать покровительства. И в этом ему помог Александр. Он поднес свою трагедию графу Ф. В. Ростопчину с «Посланием», в котором обращался со словами:

⟨...⟩ учиться я любил, учиться я люблю;
Но как призвать к себе и возрастить науки?
В карманах папиньки французски были руки,
И в деле сем, по свойству своему,
Стащили с нас они последнюю суму.
Ученье от того давно уж прекратилось
⟨ . . . . ⟩
Почтенный граф! Покуда я расту, покуда невелик,
Пусть буду твой я коштный ученик [14].

Мальчика удается определить в пансион кандидатов Московского университета братьев Терликовых. «Товарищи Александра Фомича смотрели на него с уважением, как на отличного воспитанника, даровитого поэта и музыканта» [15]. Чтобы помочь родителям, он дает в пансионе уроки игры на скрипке.

Большие способности и успехи воспитанника обратили на себя внимание учителей, и в 1816 г. Александра принимают в Московское учебное заведение для колонновожатых [16], организованное в 1815 г. генералом Н. Н. Муравьевым сначала в виде частной школы, где вел занятия сам генерал. В 1816 г. учебное заведение получило официальный статут.

Воспитанники изучали математику, геодезию, военные науки, историю и черчение. Из них готовили топографов, военных инженеров, артиллеристов, математиков, штабистов, умеющих вести письменные дела, составлять историческую документацию.

Летом учебное заведение переезжало в имение Н. Н. Муравьева, расположенное более чем в 100 км от Москвы. Там разбивали военный лагерь,

---

[13] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 27, ед. хр. 3, л. 6.
[14] Там же, ед. хр. 2, л. 2 и об.
[15] Письмо А. З. Зиновьева к М. П. Погодину ⟨1870⟩.— «Русская старина», 1871, № 10, с. 408.
[16] Колонновожатыми назывались юнкера, которых готовили в свиту е. и. в. по квартирмейстерской части (т. е. в Генеральный штаб). См. об училище в кн.: ⟨*Н. В. Путята*⟩ Генерал-майор Н. Н. Муравьев. СПб, 1852.

под руководством опытных офицеров занимались топографическими и тригонометрическими съемками местности. Юнкера горячо любили свою школу [17]. Вельтман писал:

«Много ли в Европе таких учебных заведений, о которых питомцы вспоминали бы с любовью, как об отчем крове, без всякой примеси воспоминаний о той тяготе, которая свалилась, наконец, с плеч после последнего экзамена на выпуск?

Есть ли такое учебное заведение, где время ученья было бы весело, свободно, легко, приятно, как какая-нибудь забава, увлекающая молодые чувства, полные уже стремлений к жизни, к деятельности, к участию в общественной пользе?

Где наука воплощалась бы в опыт, мысль и слова — в дело, где голова не была бы как будто в разлуке с мышцами, требующими движений, или обратно, где ученик чувствовал бы, что он занят весь и душой и телом, и когда голова занята, организм не тоскует от безделья?» [18]

Все это юноша нашел в школе. Учился он настойчиво, преодолевая все невзгоды. В 1816 г. умерла мать; Фома Федорович несколько месяцев был без работы. И тогда Александр пишет учебник «Начальные основания арифметики» и печатает его в 1817 г. с посвящением своему учителю — Н. Н. Муравьеву. Продажа книги дает семье небольшой доход.

В конце 1817 г. Вельтман успешно завершает свое образование, 26 ноября он выпущен из училища в чине прапорщика и прикомандирован к Первой армии. Прежде чем вступить на военное поприще, Александр приводит в порядок свои литературные дела.

В школьные годы он все свободное время отдавал стихотворству. Теперь он собрал все произведения своего пера, переписал их и составил рукописное «Собрание первоначальных сочинений Александра Вельдмана» [19]. Сборник содержал четыре раздела: лирические стихотворения, посвященные природе («Весна», «Лето», «Осень», «Утро», «Соловей») и описанию душевных переживаний («Надежда», «На дружбу»); басни («Дети и Лягушка», «Обезьяна и Орех», «Пчелы и Голубь», «Следствия игры»); гражданскую лирику («Песнь русских воинов, возвратившихся на свою Родину», «Послание Еремиино к пленным своим соотечественникам», «Хвала Александру I»); перевод монолога Фиеско из трагедии Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе».

Особенно сильны были в сборнике патриотические мотивы. Юный поэт с воодушевлением описывает поражение Наполеона:

И уже с силою сей мочной
Взошел в Москву — престольный град,
Но вдруг восстал орел полночный
И кинул грозный всюду взгляд.

---

[17] См.: *В. Горчаков.* Выдержки из дневника моих воспоминаний о А. С. Пушкине и других современниках.— «Москвитянин», 1850, № 7, кн. I, отд. 1, с. 187, 188.

[18] «Повесть о себе», л. 4.

[19] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к 27, ед. хр. 4.

Крылами воздух рассекая,
В эфире страшно он парил,
Из зева стрелы изрыгая,
Злодея ими он сразил [20].

Подражательность произведений, несовершенство формы побудили Александра не делать попыток опубликовать свои юношеские опыты. В это время он был переведен во Вторую армию и в марте 1818 г. направлен в Бессарабию для службы в военно-топографической комиссии, начавшей съемки области [21]. Через Тульчин он отправился на топографические работы.

В первые месяцы службы тяжело пришлось восемнадцатилетнему топографу. Изнурительный физический труд, относительное одиночество, ответственность порученного дела порой приводили в отчаянье юного прапорщика [22]. Но он мужественно и стойко выдержал испытания, стал опытным офицером Генерального штаба.

В 1819 г. в период вспышки чумы Вельтман руководил размещением кордонной стражи по реке Прут. Окончив топографические съемки Буджака, проводил рекогносцировку северной части Бессарабии, составил семитопографическую карту. В апреле 1821 г. он был произведен в подпоручики.

В 1823 г. Вельтман участвует в подготовке и проведении маневров Второй армии, за что ему присваивают чин поручика. За съемки Бессарабии он награждается бриллиантовым перстнем. В том же году Вельтмана назначают обер-квартирмейстером Шестого корпуса. Он продолжает участвовать в межевых работах в Бессарабии, Херсоне [23]. В 1825 г. [24] Александр Фомич командируется для организации усиления пограничной цепи по всей турецкой границе. За успешно выполненное задание его награждают орденом Анны III степени.

В 1826 г. Вельтман возглавляет съемки Бессарабии, по окончании работ получает чин штабс-капитана и назначение старшим адъютантом Главного штаба Второй армии. Кроме того, он становится начальником Исторического отделения Главной квартиры армии.

Во время службы на юге России Вельтман продолжает литературную работу. Сильное впечатление производит на него чтение «Руслана и Люд-

---

[20] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к 27, ед. хр. 4, л. 14 об.

[21] Помимо материала, оговариваемого особо, при описании служебной деятельности Вельтмана использованы следующие документы: 1) О службе отставного Генерального штаба подполковника Вельтмана.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 1; 2) Послужной список директора Московской Оружейной палаты действительного статского советника Вельтмана Составлен 24-го октября 1868 года.— ЦГАЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 3.

[22] См. письмо Ф. Ф. Вельдмана к сыну Александру от 24 декабря 1818 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 2, ед. хр. 40, л. 7.

[23] См. приказ генерал-квартирмейстера генерал-майора Хоментовского от 6 апреля 1825 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 2.

[24] Приказ генерал-квартирмейстера генерал-майора Хоментовского от 16 июня 1925.— Там же.

милы». Он начинает писать в конце 1810-х годов романтическую поэму «Этеон и Лаида». Действие происходит во времена крестовых походов на берегах Нила. Этеон сражается с мусульманами, тоскуя о любимой Лаиде, напрасно ожидающей его возвращения. Большое место в произведении занимают батальные сцены:

В рядах все тихо — нет движения,
Лишь ярый вид ожесточения
Во взорах воинов кипит,
Добычей битвы — лестной славой
И ожиданьем дух горит
Трубы призывной в бой кровавый.—
И вдруг — послышалась она,
Как бы восстали все от сна! —
Как молньи яркими струями,
От блеска солнечных лучей
Блеснули тысячи мечей,
И воины двинулись волнами.
Идут! — и прах седой вослед,
Взвиваясь облаком, несется,
Уж близок грозный Магомед,
Вдали шум дикий раздается,
Необозримый виден стан,
Толпы пред оным мусульман
Густеют, движутся ко брани,
Уж к небу их подъяты длани,
Взгремело грозное *Алла!* [25]

Необычна композиция произведения. В нем стихотворное и прозаическое повествования сменяют друг друга, жанровые сцены чередуются с философскими размышлениями.

К Средневековью обращается поэт и в стихотворении «Креон и Беллина». Рассказ ведется о похождениях Креона, сына знатного царедворца. Юноша после многих увлечений обретает радость в семейной жизни:

И брак Креона и Беллины
С обычным торжеством свершился.
Как будто горы сбросив с плеч,
Имея все, что только может
Родить желанье и насытить,
В бездонной неге утопал
Сын Симонида [26].

---

[25] ОР ГБЛ, ф 47, р. I, к. 27, ед. хр. 6, л 6 Произведение осталось незавершенным, в черновиках. О неопубликованных стихотворениях Вельтмана см.: *Ю. М. Акутин.* Неизвестные страницы поэзии Александра Вельтмана.— «Проблемы художественного метода в русской литературе». М., 1973, с. 78—89.

[26] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 5.

Одновременно Вельтман увлекается сатирической поэзией. В стихотворении «Простите, коль моей нестройной лиры глас» и куплетах «Джока» он рисует портреты кишиневского света начала 1820-х годов. Создаются также послания к друзьям, романсы, шутливые безделки в стихах. Поэт не придает им особого значения, но они расходятся в списках, и популярность Вельтмана растет на юге России. Его считают талантливым стихотворцем, и в 1824 г., когда еще не вышел в свет ни один литературный опыт Александра Фомича, поэт В. И. Туманский обращается к нему с посланием, в котором восклицает:

Я хоть в огонь для вас готов
За вашу память и поклоны,
От ваших дружелюбных слов
Я нахожусь без обороны.
Певца столицы похвала
Почти восторг во мне зажгла,
И мне тайком краснеть досталось ⟨...⟩ [27]

В Кишиневе Вельтман встретился с Пушкиным. Опальный поэт заинтересовался сочинениями офицера, с удовольствием прослушал чтение поэмы-сказки «Янко-чабан», которую писал в то время Вельтман [28]. Как вспоминал И. П. Липранди, Пушкин «умел среди всех отличить А. Ф. Вельтмана, любимого и уважаемого всеми оттенками. Хотя он и не принимал живого участия ни в игре в карты, ни в кутеже и не был страстным охотником до танцовальных вечеров Варфоломея, но он один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому беседы с ним были иного рода. Он безусловно не ахал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор, и это не ненравилось Александру Сергеевичу, несмотря на неограниченное его самолюбие. Вельтман делал это хладнокровно, не так, как В. Ф. Раевский. В этих случаях Пушкин был неподражаем; он завязывал с ними спор, иногда очень горячий, в особенности с последним, с видимым желанием удовлетворить своей любознательности, и тут строптивость его характера совершенно стушевывалась...» [29] Можно предположить, что Вельтман помогал Пушкину знакомиться с молдавскими песнями [30]. И, несмотря на свойственный Александру Фомичу критицизм, он безоговорочно восхищался творчеством великого поэта, оказавшим на его литературные поиски сильнейшее влияние. Отъезд Вельтмана по служебным делам прер-

[27] «Стихотворения Василия Ивановича Туманского». СПб., 1888, с. 123.

[28] См.: *А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии.— В кн.: «Пушкин в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1950, с. 240.

[29] *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний.— Там же, с. 252.

[30] См.: *Е. М. Двойченко-Маркова.* Пушкин и румынская народная песня о Тудоре Владимиреску.— «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.— Л., 1960, с. 411.

вал его связи с Пушкиным. Их дружеское общение возобновилось уже в 1831 г.[31]

Большую роль в формировании мировоззрения Вельтмана сыграла его близость с революционно настроенными офицерами, членами Южного общества. Свободомыслие было распространено среди участников топографических съемок[32]. В тесных дружеских отношениях был Александр Фомич с В. Ф. Раевским, М. Ф. Орловым, П. И. Фаленбергом[33]. У него хранились некоторые вещи, принадлежащие В. Ф. Раевскому, в том числе оригинал его послания к друзьям из Тираспольской крепости. Вновь встретиться и начать переписку друзьям удалось лишь в 1850-х годах. Находясь в Кишиневе, Вельтман постоянно бывал у командира 16-й пехотной дивизии генерал-майора М. Ф. Орлова, принимал участие в беседах офицеров, жаждавших социальных преобразований[34]. После декабрьских событий 1825 г. Александр Фомич сохранял близкие отношения с семьей Орловых. В 1833 г. Михаил Федорович преподнес свою вышедшую анонимно книгу «О государственном кредите» с надписью: «Другу Вельтману от сочинителя М. Ф. Орлова»[35]. Его супруга, Екатерина Николаевна, передала писателю бумаги своего прадеда, М. В. Ломоносова, которые Вельтман издал в 1840 г.[36] Не прошли для Александра Фомича бесследно и встречи со штабными офицерами в Тульчине, знакомство с идеями Общества объединенных славян.

Возмущение социальной несправедливостью, мечты о светлом будущем прозвучали в произведениях писателя.

В середине 1820-х годов Вельтман создает стихотворные повести «Беглец» и «Муромские леса». На первую из них оказал значительное влияние «Кавказский пленник». Безотчетно для себя Вельтман повторил строки великого поэта. У Пушкина:

Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы![37]

А в «Беглеце» (вариант 1825 г.):

---

[31] См.: *Юрий Акутин.* Издревле сладостный союз//Поэтов меж собой связует.— «Наука и жизнь», 1975, № 11, с. 137—139.

[32] См.: Исходящий журнал 4-ой экспедиции III отделения собственной е. и. в. канцелярии за 1831 г.— Отдел рукописей ИРЛИ, ф 93, оп. 7, № 17, л. 34, 37.

[33] См. письмо П. И. Фаленберга к А. Ф. Вельтману от 16 августа 1858 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 6, ед. хр. 33.

[34] Обед у М. Ф. Орлова описан в рассказе Вельтмана «Илья Ларин».— «Московский городской листок», 1847, № 8 (см. Дополнения).

[35] Книга хранилась в библиотеке Вельтмана, а ныне находится в Отделе редких книг ГБЛ (сейф, Н-837).

[36] *А. Вельтман.* Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова из собственноручных бумаг. М., 1840. Первоначально этот материал был опубликован в «Очерках России, издаваемых Вадимом Пассеком», кн. 2. М., 1840.

[37] *А. С. Пушкин.* Поэмы. М., 1970, с. 13.

Прощайте, тихий берег Дона,
Отцовский прах и мать моя,
И всех родных моих семья! [38]

В романтической повести Вельтмана казак Леолин берет на себя вину товарища и бежит через границу на турецкую сторону. Он оказывается в рабстве, становится невольником богатого грека в Галаце. Основа повествования — трагическая история любви Леолина и Мирры, дочери грека. Зараженные чумой, влюбленные гибнут в объятиях друг друга. Широко распространенная в русской поэзии 1820-х годов тема любви пленника и прекрасной чужестранки сопровождается реальными описаниями границы, эпидемии в городе. Но поэт так и остался до конца не удовлетворенным своим произведением, многократно переделывал его и издал лишь в 1831 г.

В «Муромских лесах» романтическая история Лельстана, попадающего к разбойникам, мстящего врагу и спасающего возлюбленную Мильду, облечена в форму театрализованной драмы. В работе над повестью он использовал темы и образы народных представлений и раешника, в том числе народной драмы «Лодка». В произведении пародировались стилевые шаблоны «готического» романа, псевдоисторических повествований. «Муромские леса» были изданы в 1831 г., через три года инсценированы в Москве на подмостках Большого театра. Громадную популярность приобрела песня разбойников «Что отуманилась зоренька ясная».

В середине 1820-х годов Вельтман начал вести исторические исследования, напечатал статью «О воспитании» и книгу «Начертание древней истории Бессарабии». С особенным интересом он обратился к истории Древней Руси. Первой темой его исследований стал Новгород XII в., привлекавший внимание русской передовой исторической мысли того времени. Результатом работы явилась изданная позже книга [39].

Долгие годы службы вдали от родных мест не ослабляли связей Александра Фомича с семьей, которую преследовали несчастья. В 1818 г. умер брат Николай, а 13 июля 1821 г. скончался Фома Федорович, оставив детям в наследство сто рублей [40]. Маленьких брата и сестру Вельтмана взяли под опеку Евреиновы. Вельтман определил брата в кадетский корпус [41], а Лиза жила у опекунов до его возвращения.

Литературные занятия штабс-капитана были прерваны обострением отношений между Российской и Османской империями. 25 апреля 1828 г.

---

[38] *Ал. В...* Беглец. Повесть.— «Сын Отечества», 1825, № 18, с. 182. Это первое опубликованное стихотворное произведение Вельтмана является лишь отрывком из повести. Второй отрывок был напечатан в № 19 этого же журнала. Полное издание: *А. Вельтман.* Беглец. Повесть в стихах. М., 1831. В 1836 г. вышло второе издание (без изменений).

[39] «О господине Новгороде Великом. С приложением вида Новгорода в XII стол. и плана окрестностей». М., 1834

[40] См.: *Т. Пассек.* Указ. соч., с. 279.

[41] См. письмо генерала П. Д. Киселева к А. Ф. Вельтману от 25 апреля 1825 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 54.

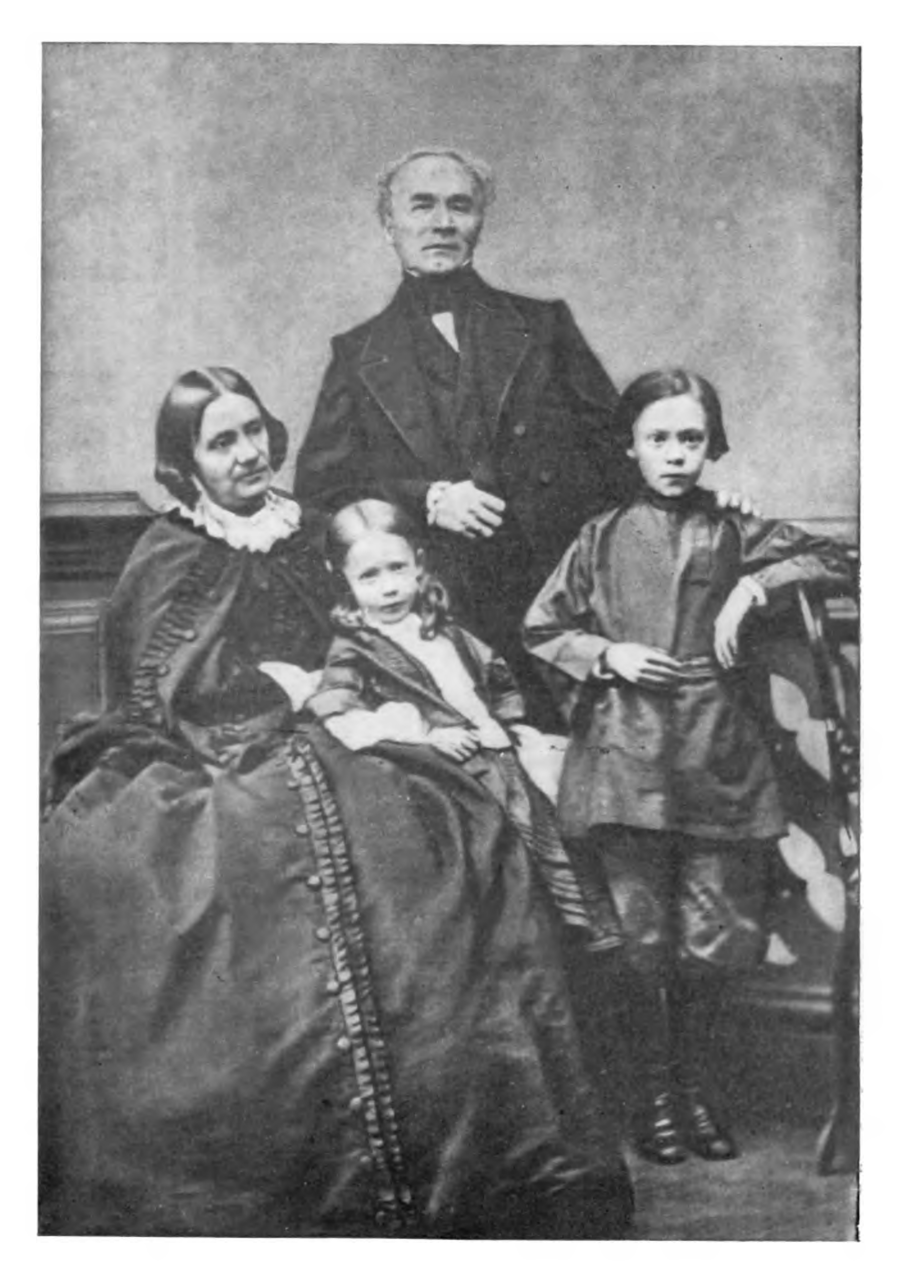
А. Ф. ВЕЛЬТМАН
Акварель К.-Ф. П. Бодри. 1839 г.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН
Литография Р. Крейгера, конец 1850-х годов

А. Ф. ВЕЛЬТМАН
Фотография конца 1860-х годов

А. Ф. ВЕЛЬТМАН, Е. И. ВЕЛЬТМАН И ИХ ДЕТИ
Фотография конца 1860-х годов

Е. И. ВЕЛЬТМАН

Портрет маслом начала 1840-х годов

Е. П. ИСУПОВА
Рисунок А. Ф. Вельтмана, 1830 г.

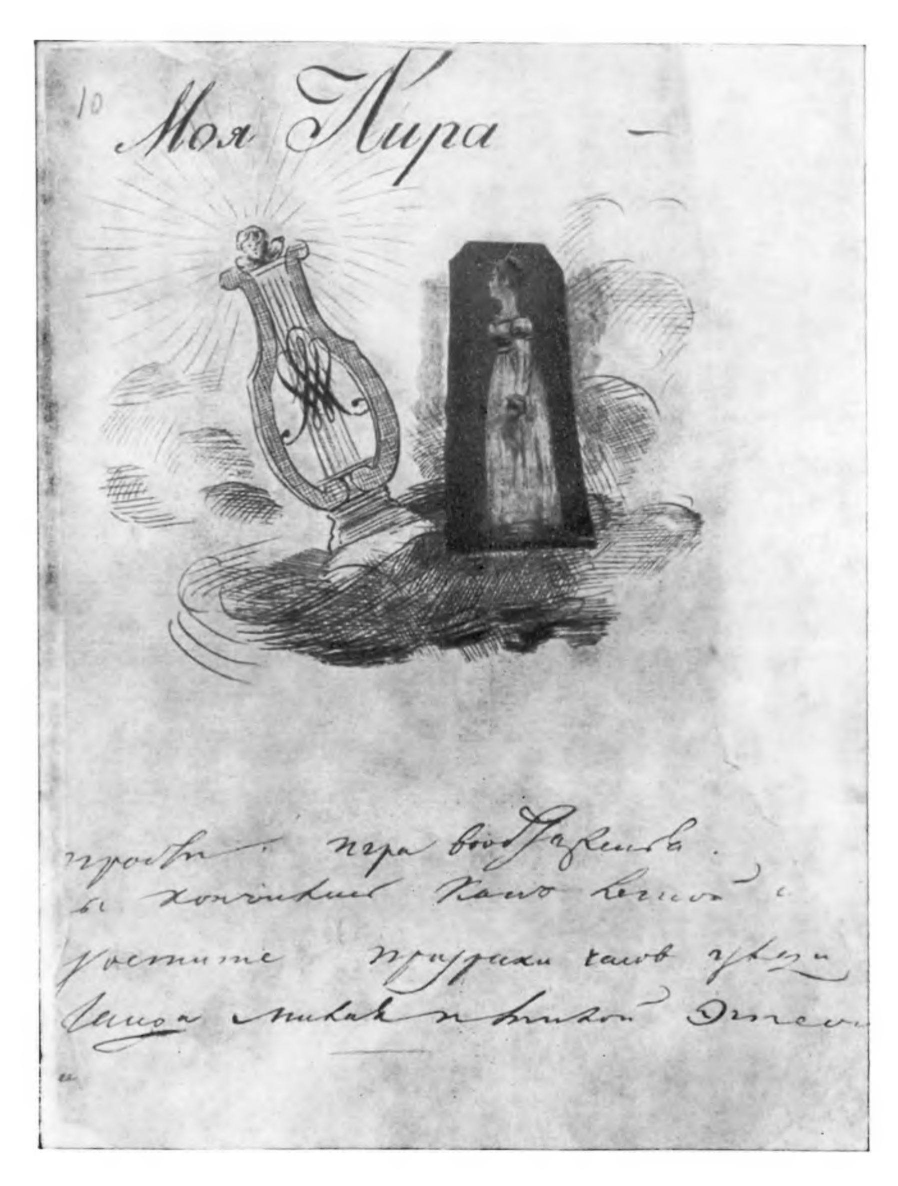

Рисунок А. Ф. Вельтмана на черновой рукописи романа «Странник», 1830 г.

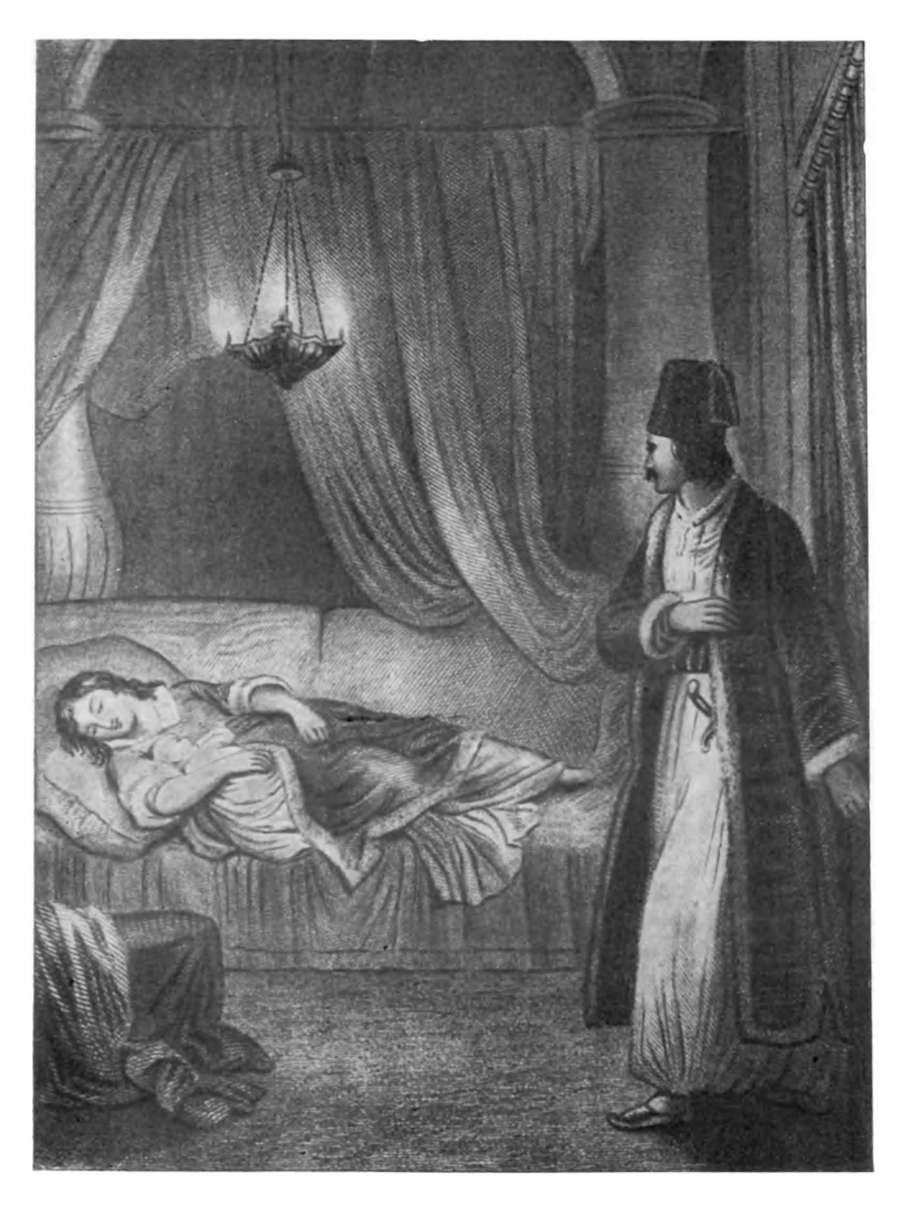

Рисунок К. А. Зеленцова к повести А. Ф. Вельтмана «Урсул»
Гравюра 1840 г.

русская армия форсировала Прут у местечка Фальчи и двинулась к Дунаю с целью занять Молдову, Валахию, Добруджу, захватить Шумлу и Варну. Ей противостояла стопятидесятитысячная турецкая армия под командованием Хуссейн-паши. Русских воинов вдохновляло стремление освободить славян и греков от турецкого ига.

Вельтман горячо сочувствовал этерии — освободительному движению греков, принимал близко к сердцу судьбу балканских славян. С первого дня кампании 1828 г. он находился в действующей армии. Перейдя с Главной квартирой границу, Вельтман участвовал в осаде крепости Браилов. После форсирования Дуная был в бою, завершившемся занятием позиций перед Шумлой. За проявленную в сражении отвагу был награжден орденом Владимира IV степени. Во время осады Шумлы штабс-капитан получил особое задание — составить план неприятельских укреплений и позиций, с которым он блестяще справился. 20 сентября он участвовал в сражении при Кадикиой. Одновременно вел штабные дела, составлял реляции и писал исторический журнал военных действий Второй армии, выписки из которого подготавливал для императора.

После снятия 2 октября осады Шумлы Вельтман вместе с армией прошел через Казлуджи, а затем через Варну, Кюстенджи и Гирсово проследовал на зимние квартиры в Яссы. Там он сделал наброски повести на основе личных впечатлений от осады Шумлы.

Весной 1829 г. Вельтман вместе с Главной квартирой выступил к Силистрии, участвовал в осаде крепости, затем вместе с армией прошел по Шумлинской дороге и 30 мая был в сражении при Кулевче. За мужество в бою ему был присвоен чин капитана. В июне он получает отпуск и едет в Яссы, где проходит курс лечения [42]. Личные дела задерживают его в городе, но приказы вице-председателя Дивана княжества Молдавии весной 1830 г. заставляют его вернуться в Главную квартиру.

В связи с окончанием войны Вельтман награждается медалью, годовым жалованьем и 5 сентября 1830 г. отправляется в Петербург за новым назначением. 26 сентября был подписан приказ о переводе его в Отдельный Оренбургский корпус. Вельтман просит направить его в Четвертый корпус, но в ответ получает 20 ноября предписание выехать в Оренбург. Тогда Вельтман подает в отставку по болезни. 22 января 1831 г. он уволен в чине подполковника.

Служба в действующей армии не помешала Александру Фомичу продолжать литературную работу. Его стихотворения публикуются в журналах [43], подготовлены к печати повести в стихах, а в отставку он вышел, когда была завершена первая часть романа «Странник», отрывки из которой уже начали печататься в журнале «Московский телеграф».

---

[42] См. письмо вице-председателя Дивана княжества Молдавии генерал-майора Мирковича к А. Ф. Вельтману от 4 ноября 1829 г — ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 9.

[43] Так, печатаются «Юная грешница» и «Ожидание» («Сын Отечества», 1828, № 1), «Мегеммед» («Московский телеграф», 1829, № 5), «Древняя змея» и «Александр Великий» (там же, 1829, № 17), «Зороастр» (там же, 1830, № 2).

Вельтман поселяется в Москве и организует свою жизнь таким образом, чтобы она давала возможность заниматься литературной и научной работой. Еще осенью 1830 г. он начинает усиленную переписку со своей троюродной сестрой, восемнадцатилетней Анной Павловной Вейдель. Ей посвящаются и посылаются стихи:

Что делать с Анночкой сестрицей?
Ее боюсь я, как огня!
Уже не в первый раз меня
Оклеветала небылицей!

Еще за что ж на ум пришло
Меня преследовать так зло!
Нет-с! братец ваш, смиренный грешник,
Совсем не зол и не насмешник!

Он любит миленьких сестер,
Ему ничто их не заменит,
И каждый ласковый их взор
И слово каждое он ценит.—

Но кто святым на свет рожден,
Кто иногда не беспокоен,
Не глуп, не странен, не смешон
И злых упреков не достоин?

Но я, нет, не виновен я,
Не мне, а вам, сестрица, стыдно,
Когда рассеянность моя
Вам показалась так обидна.

Давайте всех сзовем на суд,
И будет вам он укоризной.
Меня все добрым назовут,
А вас все назовут капризной [44].

В Москве Вельтман поселяется с сестрой и братом. Еще с юга он писал в послании к Елизавете Фоминишне:

Прими, дитя моей мечты,
Начальный плод моих видений.
Мне милых трое: брат и ты
И муза — друг уединений.
Досуги посвящаю ей,
Вам в жертву огнь любви моей! [45]

[44] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 1, ед. хр. 7, л. 1.
[45] *А. Вельтман.* Е. Ф. Вельтман.— В кн.: *А. Вельтман.* Беглец. Повесть в стихах. М., 1831, с. III. Послание создано в 1827 г.

Встречаясь и переписываясь с Анной Павловной в течение 1831 г., Вельтман достает ей книги, побуждает учить французский язык. Он делает Анне Вейдель предложение и получает согласие. В его письме из Петербурга от 5 января 1832 г. высказаны заветные мечты:

«〈...〉 Москва мне милее —

Там ты, сопутница моя,
Дней будущих моих подруга!
Там больше счастлив, весел я
В тиши семейственного круга;
А здесь повсюду дикий шум,
И в мыслях тучи грустных дум.

Мне не по сердцу град Петра
И жизнь затейливого света,
В Москве родные, брат, сестра,
И нежный друг, моя Аннета!
И все мои желанья там,
И пища сердцу и устам.

Вдали от суеты сует,
От тесноты людской и моря
Нас не обманет ложный свет,
Источник вздохов, слез и горя,
И счастлив тот, кто для души
Нашел занятие в тиши» [46].

Но жизненные невзгоды не оставляют писателя. В 1832 г. умирает брат. На брак с троюродной сестрой требовалось разрешение церковного ведомства. Возникают разногласия с семьей Вейделей. После долгих хлопот разрешение было наконец получено, и Вельтман женится на Анне Павловне. Но первые шаги в супружеской жизни требуют больше денежных средств, чем дают пенсия подполковника в отставке и литературные доходы. И Александр Фомич, скрепя сердце, в мае 1833 г. поступает секретарем в Коммерческий суд. Через год писатель оставляет этот мир исков и тяжб. В 1835 г. у Вельтманов появляется сын, проживший лишь три дня. Через два года рождается дочь Надежда.

Литературная и научная работа захватывает Вельтмана целиком. «Он принадлежит к числу тех московских типических тружеников, которые работают с утра до вечера, в своем кабинете, никуда и никогда почти не выходят из дому, кроме случайных необходимостей, не знают никаких на свете удовольствий и всецело преданы своему делу. Подражателей им желать бесполезно, ибо могут ли найтись охотники корпеть над письменным столом или за книгами часов по 15-ти в день 〈...〉» [47]

---

[46] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к 1, ед хр. 7.

[47] *М. П. Погодин.* Александр Фомич Вельтман.— «Русская старина», 1871, № 10, с. 405.

Писатель устраивает у себя по четвергам литературные вечера. Они проводились регулярно до самой кончины Вельтмана. На собраниях бывали: М. Н. Загоскин, В. И. Даль, И. И. Срезневский, Л. А. Мей, А. Н. Островский, Н. Б. Берг, Н. Ф. Щербина, М. И. Лихонин, М. П. Погодин, В. В. Пассек, художники, музыканты, товарищи по военной службе. Александр Фомич переписывался и встречался с Ф. А. Кони, А. А. Краевским, И. И. Панаевым, Н. А. Полевым, А. И. Герценом, И. В. Курочкиным, А. С. Афанасьевым (Чужбинским), К. С. Аксаковым, П. В. Анненковым, Ф. Н. Глинкой, был знаком с В. Г. Белинским, М. Ю. Лермонтовым и Н. В. Гоголем [48].

Издание романа «Странник» было завершено в 1832 г. В последующее десятилетие писатель практически ежегодно публикует романы или сборники повестей, принесшие ему широкую популярность.

В 1833 г. выходят из печати три томика «Рукописи Мартына Задека» под названием «MMMCDXLVIII год». Из предисловия читатель узнавал, что писатель якобы нашел пачку листов произведения в Яссах [49]. В книге рассказывается о государстве Босфорания, расположенном на Балканском полуострове. Страной правит справедливый Иоанн, отдающий все силы и время заботе о благе народном. Законодательным органом является Верховный Совет. Его указы направлены на развитие просвещения, науки, культуры. Рисуются картины социального и технического прогресса: народные гуляния и собрания, яркое освещение зданий и приборы-автоматы, экспедиции к Южному полюсу.

Писатель не ограничился повествованием о безоблачном благоденствии в идеальном государстве середины XXXV в., расцветающем при мудром правлении. Мрачный образ разбойника Эола олицетворяет беззаконное единовластие тирана, преследующего эгоистические цели. Эол — двойник Иоанна, и ему удается на короткое время захватить власть. Государство приходит в упадок. И лишь гибель тирана и возвращение мудрого правителя восстанавливают прежнее спокойствие и процветание.

Роман Вельтмана продолжал социальные утопии XVIII в., он близок к произведению «Сон» декабриста А. Улыбышева. Писатель был знаком и с романом Л. С. Мерсье о будущем. В «Рукописи Мартына Задека» отразились передовые идеи русской философии 1820-х годов.

В 1830-е годы Вельтман не изменяет убеждениям, сложившимся во время службы на юге. Он по-прежнему близок к революционно настроенным кружкам и даже находится под наблюдением полиции [50].

Привлекал писателя и исторический жанр. В романах «Кощей бессмертный, былина старого времени» (1833) и «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835) действие разви-

---

[48] См.: *Д. М. Погодин.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца.— В кн.: «Гоголь в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1952.

[49] См.: «MMMCDXLVIII год. Рукопись Мартына Задека», книга вторая. М., 1833, с. I—V.

[50] См.: «Секретное дознание о В. С. Филимонове».— «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 571.

вается в Древней Руси. Вальтерскоттовским традициям исторического романа автор противопоставляет повествование, основанное на темах народных сказаний, поверий, легенд, летописей. Оба произведения овеяны настроениями «Слова о полку Игореве»[51].

«Кощей бессмертный» сюжетно распадается на две части. В первой ведется пародийный рассказ о поколениях рода Пута-Заревых, от суздальца Олега до владельца отчины на Днепре Олеля. Сын последнего, Ива Олелькович, становится героем второй части повествования — гротескной феерии, созданной с использованием древнерусской лексики. «Пылок, как пламя, молчалив, как немой, душою ребенок, он не любил ни кланяться, ни просить, и потому даже гости не видали от него поклона〈...〉»[52] Ива не смиряется с нелепостями реального мира, в его сознании они принимают форму сказочных ситуаций. И когда сразу после свадьбы жену Ивы, Мириану Боиборзовну, увозит пан Воймир, то в понимании героя это несчастье преломляется как козни Кощея, и он отправляется с конюшим Лазарем бороться со злыми силами. При всей трагикомичности злоключений, претерпеваемых Ивой, его душевная сила и благородство берут верх над царящими в мире злом и несправедливостью.

Если в «Кощее бессмертном» историчность условна, то в «Светославиче, вражьем питомце» наряду с фольклорными образами Нелегкого, Бабушки-повитушки, Мокоша, русалок, царя Омута, Царь-Девицы появляются исторические фигуры — князья Ярополк и Владимир, свейский конунг Эрик. Центральным образом многопланового повествования становится Светославич, фантастический сын князя Святослава и Инегильды, прóклятый отцом в чреве матери и похищенный оттуда нечистой силой, растящей в нем своего ставленника, воплощение злого начала и язычества. Автор вновь использует романтическое «положение двойников». Светославич по облику — второй князь Владимир. Он влюблен в Марию, отдавшую свое сердце Владимиру, и, чтобы овладеть ею, по наущению вражьей силы, совершает поездку на Балканы за черепом убитого отца. По возвращении он под видом Владимира вступает в междоусобицу князей. «Вражий питомец» мечтает лишь о личном счастье: «〈...〉 я хочу целовать румянчики на светлом лике девицы... да ласкать ее, а больше ничего не хочу... не хочу и царством править... пусть правят люди...»[53]. И с тем рушатся замыслы нечистой силы. Побеждает истинный князь Владимир.

Впоследствии Вельтман вновь вернулся к эпохе князя Святослава в повести «Райна, королевна болгарская»[54]. Используя материалы визан-

---

[51] Вельтманский перевод «Слова» был напечатан в 1833 г. («Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгородского») и переиздан в 1866 г.

[52] *А. Вельтман.* Кощей бессмертный, былина старого времени, ч. II. М., 1833, с. 173.

[53] *А. Вельтман.* Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира, ч. II. М., 1835, с. 174.

[54] Повесть была напечатана в 1843 г. в журнале «Библиотека для чтения» (т. 59), а затем неоднократно издавалась на болгарском языке в переводах Е. Мутьевой и И. Груева.

тийской хроники Льва Диакона, автор рассказывает о событиях, связанных с походом Святослава на Балканы. Темные интриги при дворе болгарского царя Петра, любовь Райны, дочери Петра, к Святославу, стремление комиса Георгия Сурсувола женить своего сына Самуила на Райне — все эти мрачные эпизоды завершаются гибелью от печенежской стрелы князя русского и королевны болгарской.

Обращался Вельтман и к зарубежной истории. Рассказ «Иоланда»[55] посвящен трагической истории французского церопластика XIV в. Ги Бертрана и влюбленной в Раймонда Иоланды. В «Дочери Иппократа. Эллинском предании острова Коса»[56] рассказано о судьбе знаменитого врачевателя, его учеников и дочери, напрасно ожидающей юношу, чей поцелуй оживит ее и даст возможность поведать тайны отца. Созданы писателем и исторические драмы «Ратибор Холмоградский»[57] и «Колумб»[58]. Многие замыслы произведений на исторические темы остались в рукописях[59]. В художественном осмыслении истории писатель шел тем путем, следовать которым призывал в дальнейшем Н. А. Добролюбов: «<...> внести в историю вымысел, но сам вымысел основать на истории»[60].

Роман Вельтмана «Лунатик. Случай» (1834) принадлежит к числу очень распространенных в 1820—1830-е годы произведений, отразивших события Отечественной войны 1812 г. Во многом автобиографическое произведение по существу является историческим. Это рассказ об Аврелии Юрьегорском, в патриотическом порыве возвращающемся в захваченную французами Москву и после освобождения из плена мужественно сражающемся в рядах русской армии. Показаны в романе и эпизоды партизанского движения во время отступления французских войск.

Большой успех выпал на долю вышедшего в 1836 г. романа «Александр Филиппович Македонский. Предки Калимероса». Вельтман создал первое в России научно-фантастическое произведение оригинального жанра. Он впервые применил столь распространенный впоследствии прием «путешествия во времени», использованный потом Г. Уэллсом и многими беллетристами XX в. Рассказчик на гиппогрифе отправляется в древний мир. Он хочет выяснить, насколько люди античности отличались по характеру, поведению, образу жизни от его современников, что делало их великими полководцами, вершителями судеб народов. Ведь Калимерос — буквальный греческий перевод фамилии Бонапарт. И путешественник во времени хочет изучить ход истории. Он похищает Пифию, оказывается

---

[55] Напечатан в «Московском наблюдателе» (1837, т. XII), а затем в сборнике «Повести А. Вельтмана» (СПб., 1843).

[56] «Москвитянин», 1849, № 10, кн. 2.

[57] *А. Вельтман.* Ратибор Холмоградский. М., 1841.

[58] «Русский вестник», 1842, № 5, 6.

[59] В архиве Вельтмана в ГБЛ хранятся следующие наброски: Ярослав. Повесть о боях христиан с татарами (ф. 47, р. I, к. 31, ед. хр. 4); Елена, дочь Иоанна III. Роман (там же, к. 32, ед. хр. 3); Димитрий (там же, к. 33, ед. хр. 7); Бояр<ин> Матв<еев>. Действие в 1677 г. (там же, ед. хр. 7); Юрий, отрок великого князя Святослава. Опера в 4-х действиях (там же, ед. хр. 14).

[60] *Н. А. Добролюбов.* Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 1. М.— Л., 1934, с. 530.

в лагере царя Филиппа, отца Александра Македонского. В Афинах он знакомится с Аристотелем и становится учителем Фессалины. Потом совершает путешествие с Александром, то попадая в комические положения (предложенную им ассигнацию XIX в. принимают за священные письмена), то в языческом храме высмеивая обрядность. Последний эпизод был явно направлен против православного богослужения, что явилось причиной задержки произведения цензурой. Рассказчик приходит к выводу, что люди одинаковы в своей сути вне зависимости от времени и пространства, меняются лишь формы, а делают их героями исторические законы. Этот вывод комически иллюстрируется тем, что профиль Александра напоминает автору профиль бессарабского смотрителя почтовой станции. И, распрощавшись с Александром Македонским, путешественник на «машине времени» возвращается в свой век.

Вельтман задумывал и другой научно-фантастический роман, напоминающий в отдельных деталях «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена. Сохранился набросок плана произведения:

«Аленушка, дочь славянского царя Александра Великого, прозванного Македонским [61], об которой история ни слова не упоминает. Аттила узнал о существовании ее и необыкновенной красоте, несмотря ни на какие препятствия, собирает всех земных народов и идет через несколько веков в Вавилон.

Там Александр Великий дает пир и турниры, или *валявицу,* объявляя, что победитель будет супругом его дочери.

Аттила приезжает, но видя, что съехались все великие древние мужи, о коих слава трубит уже несколько веков, и особенно египетский завоеватель и азгардский финский колдун Оден, Аттила поднимается на хитрость, он выписывает русскую колдунью, ворожею на бобах да на решете, она ему дает совет, как победить всех. Говорит, чтобы он вызвал на поединок на пистолетах. Говорит, где ему взять их.

Все древние герои, видя ничтожность оружия в сравнении с их мечами волшебными, соглашаются идти против пистолета» [62].

Темы, поднятые в «Лунатике» и «Александре Филипповиче Македонском», нашли свое завершение в романе «Генерал Каломерос» (1840), где появляется сам Наполеон. Вельтман показывает различие между государственным деятелем и частным лицом. Бонапарт во время похода в Россию оказывается в русской семье и влюбляется в Клавдию, дочь авантюриста Ловского и Неонилы. Он как бы раздваивается: император вершит историю, а безызвестный «генерал Каломерос» мечтает о семейной идиллии. Историческая необходимость разлучает его с Клавдией.

Философский роман не был понят критиками, хотя читался с увлечением и был переведен на немецкий язык [63]. Автор огорченно писал

---

[61] Т. е. муж донской (*прим. А. Вельтмана*).
[62] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 32, ед. хр. 5, л. 1 (32).
[63] О переводах на немецкий язык «Генерала Каломероса» и «Ратибора Холмоградского» упоминается в письмах Н. Ф. Щербины (от 28 февраля 1841 г.— «Литератур-

Ф. А. Кони: «Меня во всех журналах раскорили за Каломероса, в нем ничего не нашли, кроме мнимого Наполеона, тогда как я хотел представить только человека, которого служба людям лишила истинного счастья в жизни — друга по сердцу, любви естественной каждому человеку. Скажите, кого поставить в подобные обстоятельства, кроме Наполеона? Но я не профанировал его имени, но высказал только, что и человек, подобный Наполеону, и в подобных обстоятельствах, может увлекаться страстью, и если бы встретилось ему существо, достойное любви, он бы или сам сошел с трона, или возвел бы ее на трон» [64].

Аллегоризм философских романов Вельтмана, использование фантастических ситуаций для выражения своих исторических и социальных взглядов делают их предтечами тех произведений современной западной литературы, в которых их авторы подчиняют содержание определенной экзистенциальной концепции.

Если первая половина 1830-х годов определила романтический период творчества Вельтмана, то начиная с повестей второй половины десятилетия и романа «Виргиния, или Поездка в Россию» (1837) писатель обращается к темам современной действительности и все более тяготеет к реалистической форме повествования, плодотворно используя и достижения романтического осмысления мира, окружающего незаурядную личность, находящуюся с ним в постоянном разладе.

Три повести [65] были объединены в сборник, напечатанный дважды (1836, 1837). Их связывает общая тема — трагическая гибель молодых людей, столкнувшихся с холодным и безжалостным миром. Аленушка в одноименном произведении оказывается в паутине светской лжи, проходит мимо искренней любви Северина и, обольщенная и обманутая, лишается рассудка. Надсмеялись и над Эродитой. Пылкая и волевая, она в стремлении отомстить ничтожеству в офицерской форме уходит из жизни на дуэли, переодетая в мужской костюм. Внешняя обстановка «Неистового Роланда», обрисовка быта чиновников провинциального городка имеет много общего с комедиями Грицько Основьяненко и Н. В. Гоголя. Безусловно, Вельтман был знаком с похождениями П. П. Свиньина в Бессарабии, о которых автор «Ревизора» узнал у Пушкина. Но идея его произведения иная: находящегося в горячке актера Зарецкого отправляют в дом для умалишенных не только за то, что его приняли по театральному костюму и речам в бреду за генерал-губернатора (эту ошибку потом раскрыли). Уж очень не соответствовали произнесенные монологи о благородстве и справедливости, взятые из театрального репертуара, отношениям в среде чиновников.

ный вестник», 1904, т. VIII, с. 20) и А. С. Афанасьева (Чужбинского) (от 28 сентября 1841 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 2, ед. хр. 1, л. 1). Были ли осуществлены издания переводов, до сих пор не выяснено.

[64] Письмо от 16 октября 1840 г.— «Русский архив», 1911, кн. 3, № 12, с. 543.

[65] Две из них появились ранее в журналах: «Эродита» в «Московском наблюдателе» (1835, т. 1), а «Неистовый Роланд» с большими искажениями и под заголовком «Провинциальные актеры» в «Библиотеке для чтения» (1835, т. 10, ч. 2, отд. 1).

Героиня рассказа «Ольга» [66], бедная воспитанница в доме себялюбивого помещика, бежит со старым дворовым от грозящего ей насилия. Не умея приспособиться к чужой обстановке, лишенная поддержки и разлученная со стариком, Ольга оказывается на краю гибели. Только случайная встреча с молодым офицером спасает ее от полного отчаяния.

Особенно верно и глубоко показан духовный мир женщины в минуты нравственных потрясений в романе «Виргиния, или Поездка в Россию». Встреча Виргинии, доброй и милой девушки, простодушной, как дитя, с повесой Гектором д'Альмом ведет к полному расстройству ее психики, проанализированному писателем с удивительным мастерством. Но и другая проблема получила разработку в романе, по-своему предвосхищая комическую поэму И. П. Мятлева, высмеивающую невежество русского дворянства. Вельтман с глубоким юмором изобразил то нелепое представление о России, которое складывалось у заезжих французов.

К середине 1830-х годов творчество Вельтмана приобретает большую популярность. 7 ноября 1833 г. его избирают действительным членом Общества любителей российской словесности, в 1836 г.— членом Общества истории и древностей российских, в 1839 г.— членом Одесского общества любителей истории и древностей.

Его произведения не залеживаются в книжных лавках. Этим воспользовался предприимчивый делец, издавший в 1837 г. в Москве книгу в трех частях «Ротмистр Чернокнижник, или Москва в 1812 году. Роман из походных записок артиллерийского полковника, собранных Н. Вельтманом» [67]. Книга оказалась бездарной, критика и читатели находились в недоумении, и Александру Фомичу пришлось писать опровержение [68].

Писатель становится желанным сотрудником журналов и альманахов. Издатели осаждают его письмами с просьбой принять участие в повременных изданиях. Дружеские отношения складываются у Вельтмана с «Московским телеграфом». А. С. Пушкин, задумывая в 1831—1832-ом годах выпуск газеты «Дневник», а позже — «Современника», приглашал сотрудничать в них и Александра Фомича [69]. Вельтман именно для Пушкина подготовил перевод «Слово о полку Игореве», но издал его отдельно, так как замысел Пушкина до 1836 г. не осуществился. Александр Сергеевич постоянно интересовался деятельностью автора «Странника», спрашивал о нем в письмах к П. В. Нащокину.

Однако известность не принесла писателю материального благополучия. И он задумывает издавать собственный альманах, который решает составлять по образцу только что начавшего выходить журнала «Живописное обозрение». Но если издание братьев Полевых ориентировалось на

---

[66] «Московский наблюдатель», 1837, ч. XI, отд. 1.

[67] См.: *Ю. Акутин.* Ротмистр Чернокнижник.— «Альманах библиофила», вып. 4. М., 1977.

[68] См.: ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 35, ед. хр. 1. «Ротмистр Чернокнижник» был переиздан в 1839 г. уже анонимно.

[69] См.: *Н. А. Дубровский.* Мой служебный дневник.— ОР ГБЛ, ф. 94, к. 2, ед. хр. 24, л. 7, 8.

глобальность, то Вельтман полагал основываться более на проблемах отечественных: «‹...› а между тем буду просить вас сделать мне большое одолжение: я думаю, вам ивестно по газетам, что я издаю *Картины Света*; в них мне хочется помещать более касающееся до России»[70]. Иллюстрированный альманах «Картины света» выходил выпусками в 1836—1837 гг., и почти весь материал подготавливал сам издатель: сочинял, компилировал или переводил статьи из иностранных журналов.

Увеличить свои доходы писателю не удалось, хотя альманах пользовался популярностью[71]. Поэтому Вельтман в 1839—1840 гг. писал для «Галатеи», в отдел рецензий, а в 1841 г. трудился с В. В. Пассеком в «Прибавлениях к Московским губернским ведомостям»[72].

Говоря о сотрудничестве В. В. Пассека, а затем И. И. Срезневского и А. С. Афанасьева (Чужбинского) с писателем, нельзя не упомянуть об их отношении к Вельтману, ярко характеризующем его как человека.

В. В. Пассек писал Вельтману в 1835 г. из Харькова: «‹...› одним словом, я полюбил ваши созданья — и полюбил вас — не бывши с вами знаком, а познакомившись, жалел, что должен был скоро расстаться.

Но, ради бога, не улыбайтесь, что я объясняюсь вам в любви; я говорю, как чувствую, говорю правду и даже уверен, что ваша душа, светлая и неподдельная, как ваши творенья, примет не без удовольствия непритворные излияния другой души»[73].

А вот что писал своей матери И. И. Срезневский 7 октября 1839 г.: «Вельтман — истинный поэт, мужчина прекрасный собою, со светлым, открытым лбом и блестящими глазами, пишет несравненно лучше, нежели говорит, но говорит умно, весело и задумчиво вместе, добр, прост, окружен книгами, беспрерывно работает, чем и живет»[74]. Спустя неделю он снова с восторгом говорит о писателе:

«И прежде всего о Вельтмане. ‹...› Я сознавал в нем великое дарование,— я нашел в нем — истинно доброго человека, душу, которая рада найти сочувствие с другою душою, душу художника и — Русского Человека. Я видел его в кабинете, видел в семье, видел с знакомыми: он всюду один и тот же;— не любить его нельзя, не желать ему славы грех. ‹...› И как он хорош собою даже по лицу: правильная, многозначительная профиль, лоб открытый, светлый, глаза, горящие огнем думы, глубоко проникнувшей душу. Я не в состоянии забыть его, не в состоянии не быть его поклонником»[75].

В письме А. С. Афанасьева (Чужбинского) от 28 сентября 1841 г. мы читаем: «‹...› кроме искреннего моего уважения к вашему таланту и преж-

---

[70] Письмо А. Ф. Вельтмана к И. П. Липранди от 26 декабря 1835 г.— ОР ГБЛ, ф. 18, к. 9515, ед. хр. 2, л. 7.

[71] А. Н. Пыпин вспоминал, как он с Н. Г. Чернышевским читал альманах в детстве. (См.: *А. Н. Пыпин.* Мои заметки. М., 1910, с. 6).

[72] См.: *В. И. Срезневский.* Вадим Васильевич Пассек и его письма к И. И. Срезневскому (1837—1839).— «Русская старина», 1893, № 5, с. 395.

[73] *Т. Пассек.* Указ. соч., с. 284.

[74] «Живая старина», 1892, вып. 1, с. 66.

[75] Там же, с. 70.

него и нынешнего, я в вас просто влюблен; ваш прием очаровал меня, ваша беседа всегда услаждала душу мою <...>» [76].

Сближение с представителями искусства и науки не вовлекло Вельтмана в какой-либо определенный литературный кружок или салон. В науке и в литературе он шел своим путем. В конце 1830-х — начале 1840-х годов его произведения становятся все более насыщенными критикой современного общества.

Основное содержание романа «Сердце и Думка. Приключение» (1838) — разлад в сознании человека между разумным и желаемым, чувствами и настроениями героини, девушки Зои. Противоборство сердца (чувства) и мысли, «думки» (расчета) реализуется в сказочном плане: на Иванову ночь Ведьма разделяет Сердце и Думку Зои. Еще до этого по строптивости нрава девушка не сошлась с женихом. А теперь Нелегкий направляет к Зое семь женихов, ссорящихся между собой, и браки расстраиваются. Сказочное положение—лишь условность, а в реалистическом плане рисуется гордая, строптивая девушка, глубоко страдающая от душевного разлада. Сатирически изображены искатели Зоиной руки. Благополучно завершение романа: Думка в душе Зои соединяется с Сердцем, и повзрослевшая, много пережившая героиня выходит замуж за Юрия. Социально-психологический роман, продолжая и развивая темы произведений Вельтмана середины 1830-х годов, предвосхищает роман «Новый Емеля, или Превращения» (1845).

В этом произведении Вельтман в еще более резкой форме критикует социальные отношения того времени: крепостной строй, разложение помещичьего дворянства. Симпатия автора отдана крестьянам. Но и в «Новом Емеле» Вельтман обращается к использованию образа русской сказки — Емели, или Иванушки-дурачка, оказывающегося сметливее, порядочнее и чистосердечнее окружающих его людей. И роман посвящен странствованиям Емели, Емельяна Герасимовича, являющегося продолжением образа Ивы Олельковича. Емеля поступает, как ему подсказывает сердце, простодушно, конечно, испытывает много неприятностей: «покровители» стараются сделать из него шута, обманывают, насмехаются над ним. Понимает его лишь простой народ. И Емельян Герасимович, как всегда у писателя, выходит победителем, но не благодаря хитрости и деньгам, а из-за благородства своей натуры. В роман включены две сказки — «Лихоманка» и «Каменная баба», в которых не только прямо осуждается крепостничество, но и проводится мысль о том, что у крестьян есть возможность изменить жизненные условия своими силами.

Вельтман создает сатирические повести, зло высмеивающие светское и чиновничье общество. В произведении «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» [77] нарисована трагикомическая картина появления в «свете» поэтического «гения» Ордынина. Особенно интересна «Карьера» [78],

---

[76] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 2, ед. хр. 11, л. 1.
[77] Повесть была напечатана в сборнике «Повести А. Вельтмана». СПб., 1843, а ранее — в «Москвитянине» (1841, ч. I).
[78] «Библиотека для чтения», 1842, т. 55.

рассказывающая о Медове, не считающемся ни с чувствами, ни с достоинством человека при достижении своих корыстных целей. В двух произведениях — «Путевые впечатления и, между прочим, горшок ерани»[79] и «Наем дачи»[80] в юмористических тонах описывался быт столичного мещанства.

В середине 1840-х годов завершился следующий период творчества Вельтмана-прозаика, в котором он с еще большей художественной силой продолжил реалистическое изображение современности, но используя такие элементы своего прежнего метода, как гротеск, фольклорная организация материала, противопоставление повседневной действительности одинокому в своем неприятии мира герою.

В 1840-е годы Вельтман снова увлечен поэзией. В периодических изданиях публикуются его романсы. Крупнейшими стихотворными произведениями поэта тех лет были сказки в стихах, написанные на фольклорные мотивы южных и западных славян: «Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная Светлою Денницей Ясному месяцу» (1846)[81] и «Златой и Бела. Чешская сказка» (1850). Оба произведения отличались высокими художественными достоинствами. Привлек внимание ученых и читателей его перевод из «Махабхараты» под заголовком «Нало, повесть Врихадазвы в стихах»[82]. В это время писатель работал над задуманным окончанием «Русалки» А. С. Пушкина. Вельтман составил план, написал отрывки, оставшиеся в рукописи, как и многие другие его стихотворения[83].

Поздний период творчества писателя характеризовался интенсивной научной работой, что оставляло меньше времени для литературных занятий. Он писал Ф. А. Кони: «Собственно о литературной своей охоте мне и подумать некогда. Давно оконченный начерно «Чудодей» лежит без отделки и вряд ли скоро дождется чести явиться в свет 〈...〉»[84].

Научная работа, начатая Вельтманом-историком еще в 1820-е годы, определилась в двух основных направлениях. О первом он говорит в письме к И. П. Липранди от 5 августа 1835 г.: «В дополнение догадки вашей насчет моих занятий я уведомляю вас, что предмет моих изысканий и учения есть мифология славянских народов 〈...〉»[85]. В дальнейшем планы писателя развились в широкое изучение истории и культуры славян. Интересной работой по ономастике стал его труд «Древние славянские

---

[79] «Сын Отечества», 1840, т. 1; «Повести А. Вельтмана», СПб., 1843.
[80] «Библиотека для чтения», 1849, т. 91.
[81] Сказка была переведена на болгарский язык С. Изворским и напечатана в «Български книжици» в 1858 г. (№ 1, 3, 4).
[82] Эта часть древнеиндийского эпоса известна под названием «Наль и Дамаянти». Вельтман много времени отдал изучению древнеиндийской литературы, в его рукописях мы находим перевод «Катакапанишат» из «Яджурведы» и пьесы Шудраки «Васантасена» («Глиняная повозка»).
[83] Наброски Вельтмана к окончанию «Русалки» напечатаны в кн.: *С. Долгов.* А. Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина. М., 1897.
[84] Письмо от 1 ноября 1852 г.— «Русский архив», 1912, № 1, с. 143.
[85] ОР ГБЛ, ф. 18, к. 9515, ед. хр. 2, л. 5 об.

собственные имена», напечатанный в 1840 г. За четыре десятилетия он сделал много в собирании письменных и материальных памятников древних славян. Его научные труды, появившиеся в печати и оставшиеся в рукописях, перечислять из-за их огромного количества не представляется возможным.

О деятельности Вельтмана-слависта впоследствии писали: «Если теперь ученые работы А. Ф. Вельтмана устарели и кажутся подчас недостаточно серьезными, то в свое время они, как одни из самых первых в этой области, имели важное значение и в частностях не утратили его и до сих пор. Его ссылками на документальные данные, его сравнительным методом в объяснении отдельных предметов наука пользуется и до сих пор ‹...›»[86].

Особенный интерес к истории и судьбе южных славян побудил ученого заняться общественной деятельностью, связанной с помощью борцам за Болгарское Возрождение. Он поддерживал болгар, приезжавших в Россию, о чем мы имеем документальные свидетельства, сохранившиеся в архиве писателя и его библиотеке. С просьбой помочь его землякам обращался к нему Захарий Княжеский[87]. Савва Филаретов писал:

«По Вашему постоянному и искреннему доброжелательству нам — болгарам, Вы изволили милостиво и деликатно предложить свое ходатайство по делу Райна-Николова. ‹...›

Посылаю ее ‹записку по этому делу› Вам теперь с живейшею благодарностью за то благосклонное внимание, которое Вы оказываете вообще к моим землякам, в том числе и ко мне»[88].

В 1861 г. болгары, прибывшие в Одессу, направили Вельтману письмо, в котором благодарили за сочувствие к своей стране, за книгу «Райна, королевна болгарская»[89]. Эта повесть в переводе пользовалась большой известностью на Балканах, отрывки из нее, в которых описывался Преслав, были включены в сборники. Она была инсценирована Д. Войниковым[90]. Пьеса «Райна княгыня» с успехом шла в Болгарии, Валахии, Молдове на протяжении многих лет[91]. Вельтман ездил в Болгарию, чтобы познакомиться с положением дел.

Другой научной областью, привлекавшей внимание писателя, стала скандинавистика. Интересным оказалось исследование «Варяги»[92]. Про-

---

[86] Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.), т. II. М., 1915, с. 63.

[87] См., напр., его письмо от 17 июня 1853 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 57. В библиотеке писателя были книги, подаренные ему автором письма и другими болгарами.

[88] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 6, ед. хр. 35, л. 3.

[89] Там же, к. 4, ед хр. 46.

[90] См.: «Избрани страници от Добри Войников». София, 1943.

[91] Газета «Турция» писала 2 июня 1866 г. (бр. 46, с. 183): «Тая книжка е любопытна за прочитание, както и представлението и станало много трогательно». Одобрительно отозвалась о спектакле, данном в Бухаресте, «Дунавска зора» (1868, 20 маия, бр. 27, с. 101).

[92] «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1834, № 12.

должительное время Вельтман работал над первым в России стихотворным переводом «Прорицания провидицы» — первой песни «Старшей Эдды» [93]. В библиотеке писателя было много книг по истории и культуре Исландии, Швеции, а также Норвегии, на полях которых он сделал множество заметок.

С начала 1840-х годов Вельтману представилась возможность расширить свою научную деятельность, обратившись к этнографии и археологии. Он наконец смог занять должность на государственной службе, отвечающую его склонностям. Известному романисту М. Н. Загоскину, директору Московской Оружейной палаты, удалось в 1842 г. добиться назначения Вельтмана своим помощником. Александр Фомич работал в Палате до последнего дня своей жизни. В 1852 г., после кончины М. Н. Загоскина, он стал ее директором. Вельтман много сделал для улучшения организации фонда и написал полезные книги: «Достопамятности Московского Кремля» (1843), «Московская Оружейная палата» (1844) с приложением «Пояснительного словаря предметов древней царской казны и Оружейной палаты», «Описание нового дворца в Кремле» (1850). Вельтман был включен в состав комиссии по подготовке многотомного труда «Древности российского государства» (1849—1853)[94]. Он редактировал издание, сам написал тома II, III и V. В 1850—1860-е годы ученый издает свои работы по истории древнего мира и Средневековья.

Не все историки того времени были согласны с теориями Вельтмана, но его научное подвижничество было высоко оценено. В 1854 г. Вельтмана избирают членом-корреспондентом Академии Наук, в 1861 г.— членом-корреспондентом Русского археологического общества, в 1869 г.— действительным членом Московского археологического общества. Он завершает свою службу действительным статским советником, награжденным рядом орденов.

Углубясь в научную деятельность, Вельтман постепенно отходит от журналистской работы. Лишь в 1849 г. он с некоторыми колебаниями принял приглашение М. П. Погодина взяться за редактирование «Москвитянина» [95].

Александр Фомич провел большую работу по расширению издания, привлечению новых авторов, сам начал публиковать в нем свой роман, писал статьи, занимался рецензированием. Его публикации отличались оригинальностью, противоречили общепринятым взглядам. Вельтманский «Москвитянин» имел большой успех и вызывал очень разноречивые мне-

---

[93] Несколько вариантов перевода под названием «Волю-Спэ» (от «Vǫluspá») находится в архиве Вельтмана. Там хранятся рукописи и других работ ученого, посвященных истории Скандинавии, руническим письменам, скальдам. Фрагменты перевода писатель использовал в своих произведениях. Эпизоды из истории скандинавских стран нашли отражение в вельтманской прозе.

[94] См.: *Ф. Г. Солнцев.* Моя жизнь и художественно-археологические труды.— «Русская старина», 1876, т. 16, с. 281 и далее.

[95] См.: «Переписка В. И. Даля с А. Ф. Вельтманом». (Публикация Ю. М. Акутина).— «Известия АН СССР. СЛЯ», 1976, № 6.

пия [96]. После разрыва с Погодиным [97] Вельтман покинул журнал, а так называемая «молодая редакция» «Москвитянина» во многом продолжила его начинания.

Передовая журналистика 1850-х годов ценила работу писателя. Об этом свидетельствует адресованное ему письмо редакции журнала «Искра» от 4 сентября 1858 г. [98] Но к журналам Вельтман больше не возвращался. Последние двадцать пять лет своей жизни он посвятил пятитомной эпопее «Приключения, почерпнутые из моря житейского».

«Саломея», первый роман «Приключений», печатался в 1846—1848 гг. в журнале «Библиотека для чтения». Первая часть следующего романа «Чудодей» публиковалась в 1849 г. в «Москвитянине». Полностью произведение увидело свет в 1856 г. Третий роман «Воспитанница Сара» вышел в 1862 г., а четвертый — «Счастье — несчастье» — годом позже. Роман «Последний в роде и безродный», задуманный как пятая книга эпопеи, был завершен в конце 1860-х годов и остался неизданным [99]. Произведения объединены не только общей темой, социально-философскими взглядами автора, но и действующими лицами. В эпопее нет протагониста. Главные действующие лица одного романа становятся эпизодическими в другом, и наоборот. «Приключения» — единая, размашисто написанная, с сотней лиц картина российской действительности 1830—1850-х годов. Она вобрала в себя, развила и заострила многие темы, сюжеты и образы произведений предыдущих периодов творчества Вельтмана. Так, в романе «Счастье — несчастье» появились действующие лица «Странника», «Александра Филипповича Македонского», «Ильи Ларина». Женские образы повестей 1830-х годов и романа «Сердце и Думка» эволюционировали в «Саломее» и «Воспитаннице Саре». Роман «Чудодей» объединил эпизоды из повестей 1840-х годов.

Основная тема эпопеи — показ уродливого процесса завершения генезиса капиталистических отношений в России. Писатель с гневным отвращением и сатирической прямотой рисует деградацию аристократии, разложение в буржуазной среде, омещанивание купечества, отупение крепостников и трагическое положение подневольных крестьян.

Роман «Саломея» изображает запутанный лабиринт провинциального и столичного быта, через который пробираются лишенный жизненной цели поручик Василий Дмитрицкий и самовлюбленная Саломея Бронина. Их взлеты и падения завершаются у богадельни, где они решаются искать смысл жизни в полезном труде.

---

[96] См., напр., письмо А. И. Плещеева к Ф. М. Достоевскому от 14 марта 1849 г. (В статье: *В. Семевский*. Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев.— «Голос минувшего», 1915, № 12, с. 60, 61); письмо М. А. Дмитриева к Ф. Б. Миллеру от 14 апреля 1850 г. («Русская старина», 1899, № 10, с. 202, 203).

[97] См.: *Н. Барсуков*. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. СПб., 1894, с. 52—57.

[98] См.: «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. VI. М., 1940, с. 44.

[99] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 32, ед. хр. 1. На титульном листе помечено карандашом и другое название: «Приемыш». Надпись принадлежит одному из тех, кто подготавливал произведение к не осуществленному в 1870-х годах изданию.

«Чудодей» — своеобразный роман-водевиль, оригинальное травести. Но на фоне комической неразберихи, в которую, как в карнавальный хоровод, оказываются втянутыми Даянов и Дьяков, особенно ярко проступают безобразные черты загнивающей мещанской среды.

Еще острее тема разложения общества развивается в «Воспитаннице Саре». Судьба девочки, под ложным именем проданной кормилицей в аристократическое семейство, становится символом развращающего образа жизни «бомонда». Сара, наделенная большими способностями и душевной пылкостью, становится содержанкой.

Роман «Счастье — несчастье» имеет заголовок, недвусмысленно определяющий отношение писателя к жизненным устремлениям своих персонажей. От светлой, спокойной, но лишенной блеска и возможности сделать карьеру бессарабской жизни отказываются Михайло Иванович Гораздов и его приятели. Счастье в южном краю они меняют на поиски удачи в растлевающем столичном круговороте. Вельтман пишет: «Нельзя не пожалеть о волокитах за светским счастьем, этой старой колдуньей фортуной в парике; жалки в известном смысле и выжидающие униженно благосклонного ее взора; но истинно жалки те, которых она волей-неволей прикомандирует к себе в волшебные чертоги и начнет лобызать своими лихорадочными устами» [100]. На краю гибели оказывается герой произведения, и его спасает Илья Ларин, ни во что не ставящий фальшивые отношения чиновничьего общества. Лишь вернувшись в Бессарабию, Гораздов обретает настоящую жизнь. Но автор заключает: «〈...〉 без прошедшего худого не было бы и настоящего хорошего» [101].

Роман «Последний в роде и безродный» развивает две основные линии — жизнь богатого холостяка Степана Ковлина, безнадежно влюбленного в актрису Сандунову, и судьба Алима, его приемного сына. В образе Алима отразилось понимание автором отдельных сторон социальной ломки в России, его отношение к нашумевшим событиям 1850—1860-х годов — делу М. А. Бакунина, Д. В. Каракозова, студенческим волнениям.

Социально-философские взгляды Вельтмана получили субъективную и противоречивую оценку у современников. Западники обвиняли его в славянофильстве, а славянофилы — в западничестве. Считалось, что писатель критикует действительность с точки зрения сторонников давно отживших патриархальных отношений.

Вельтман действительно проявлял огромный интерес и к славянам, и к западной культуре. Но это не сделало его сторонником какого-либо общественного направления. А. Ф. Кони пишет: «Не принадлежа ни к одному из главных господствовавших в московских просвещенных кружках направлений, не будучи ни славянофилом, ни западником, он умел соединять вокруг себя разных представителей науки и литературы» [102].

---

[100] *А. Вельтман.* Счастье — несчастье, ч. II. М., 1863, с. 227.

[101] Там же, с. 308.

[102] *А. Ф Кони.* Александр Фомич Вельтман.— В сб.: «Sertum bibliologicum». Пг., 1922, с. 196.

Вельтман был решительным противником реакции и существовавшего общественного развития России. Он находился на позициях прогрессивного либерализма и верил в общественные перемены, рассчитывал на просвещение. Его мечта о справедливом обществе отразилась в утопическом романе. Вельтман жаждал всеобщего равноправия. «Я бывал у него после в его квартире,— рассказывал приятель писателя А. З. Зиновьев,— и был свидетелем, что покойный не различал своих посетителей по их званию и состоянию. Рядом с полным генералом сажал бедняка, приходившего к нему за пособием» [103].

Положительные герои произведений Вельтмана с надеждой смотрят в будущее. Современники называли писателя сказочником, и он с улыбкой соглашался. Только он был не наивным рассказчиком, которому видятся молочные реки и кисельные берега, а с хитринкой подсказывающим: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

Своеобразие творчества Александра Фомича определило и оригинальную форму художественной организации произведений. В них романтическое «двоемирие» сочетается с эмпирической действительностью, сказочный герой идет по ярко описанным зловонным трущобам, фольклорное добродушие и улыбчивая ирония соединяются с всеобнажающей сатирой, гротеск и водевильный «перевертыш» — с вернейшим реалистическим развитием действия, приподнятость лексики — с великолепным умением писать живым разговорным языком. Недаром Л. Н. Толстой сказал о нем: «Не правда ли — хороший писатель, бойкий, точный, без преувеличений. Он иногда лучше Гоголя» [104].

Вельтман создавал абрисы образов для таких писателей, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, П. И. Мельников-Печерский, А. Н. Островский.

За последние два десятилетия жизни Александра Фомича глубоко изменились и его личные обстоятельства. В 1847 г. умерла супруга писателя, он остался один с дочерью. Спустя два года Вельтман решает жениться на хорошо знакомой ему писательнице Елене Ивановне Крупениковой [105].

Дочь плац-майора Кубе, Елена Ивановна родилась в 1816 г. в Варшаве, получила лютеранское воспитание, в 1827 г. была перекрещена в православной церкви. Молодую девушку выдали замуж за пожилого вдовца Крупеникова. Не испытывая никаких чувств к мужу, Елена Ивановна самоотверженно занималась воспитанием его сына и дочери от первого брака.

Еще в молодости, проживая в Одессе, Елена Ивановна, наделенная незаурядным талантом и любовью к искусству, знакомится с литературным кружком, сближается с поэтом А. И. Подолинским, пробует себя на поприще словесного мастерства.

---

[103] «Русская старина», 1871, № 10, с. 408.

[104] Цит. по: *М. Горький.* Лев Толстой.— В его кн. «Литературные портреты». М., 1963, с. 162.

[105] См.: *Ю. Акутин.* Загадка Елены Кубе.— «Наука и жизнь», 1976, № 6.

В середине 1840-х годов литературные опыты Елены Ивановны обращают на себя внимание издателей журналов, ее печатают в «Москвитянине», «Библиотеке для чтения», «Московском городском листке» — анонимно, под псевдонимами или под девичьей фамилией. Она знакомится с Вельтманом, очарование которого ею вскоре перерастает в более глубокое чувство, разделяемое Еленой Ивановной; писатель предлагает ей соединить свои судьбы [106].

Писательница не видела крепких уз, связывающих ее с Крупениковым. Свой долг она выполнила: дочь мужа вышла замуж. Сын Крупеникова умер. И Елена Ивановна осенью 1849 г. едет в Петербург, чтобы энергично хлопотать о расторжении брака. В начале 1850 г. она возвращается, добившись успеха, и 24 февраля Кубе и Вельтман вступают в брак. Александр Фомич с торжеством пишет Далю: «〈...〉 я уже женат и очень счастлив 〈...〉» [107].

Преданная всей душой погруженному в литературную и научную деятельность мужу, Елена Ивановна «ходила за ним, как за дитятей, и из-за ее попечения он уже не имел нужды думать ни о чем и мог спокойно распоряжаться движением письмен кельтических, финских и немецких по Европе и Азии» [108]. Своим чередом шла каждодневная жизнь. У Вельтмана родились сын и дочь, умерла сестра, в 1861 г. старшая дочь Надежда вышла замуж, и год спустя писатель стал дедом. Елена Ивановна рассказывала об их житье-бытье:

«Знакомые говорят, что он 〈Вельтман〉 живет на необитаемом острове, в допотопном мире, и не знает ничего, что делается на свете. 〈...〉

С нашего необитаемого острова, где так хорошо 〈...〉, мы смотрим на свет божий, на ломку, которая происходит во всех концах, слышим треск, видим пыль и прах и ждем, надеясь на милость господню, зная, что все в его руке» [109].

Добрая спутница Вельтмана не оставляла и литературных трудов, работала также над педагогическими сочинениями. В 1864 г. ее выбрали почетным членом Общества любителей российской словесности. В 1867 г. печатается большой, основанный на всестороннем изучении эпохи, исторический роман Елены Вельтман «Приключения королевича Густава Эриковича» [110].

Тяжелая болезнь прервала писательскую деятельность Е. И. Вельтман. 1 марта 1868 г. она скончалась.

Несмотря на преклонный возраст и расстроенное здоровье, Александр Фомич продолжал служебные занятия, научную и литературную работу

---

[106] Сохранилась обширная переписка Вельтмана с Еленой Ивановной (ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 1, ед. хр. 13; к. 2, ед. хр. 39).
[107] См.: «Переписка В. И. Даля с А. Ф. Вельтманом», с. 530.
[108] *М. П. Погодин.* Александр Фомич Вельтман.— «Русская старина», 1871, № 10, с. 407.
[109] Письмо к А. Г. Тройницкому от 18 июля 1862 г.— «Русская старина», 1898, № 4, с. 210.
[110] Проставленное в заголовке полного издания произведения имя героя «Густав Ирикович» неточно.

до последних лет своей жизни. Он умер 11 января 1870 г. Уже после его кончины вышло отдельным изданием либретто «Аммалат-бек», написанное им много лет назад. Сослуживцы писателя поставили на его могиле памятник из белого мрамора — точную копию надгробия Ярослава Мудрого.

Детям Вельтмана пришлось оставить казенную квартиру в доме Дворцовой конторы, и поэтому сундуки с книгами и бумагами покойного Вельтмана были переданы на хранение в канцелярию Московского Публичного и Румянцевского музеев. В 1876 г. Надежда Александровна попросила вернуть один из сундуков с книгами, автором которых был ее отец, а рукописи оставить в библиотеке. Рукописи были приняты, а библиотека писателя куплена Музеями[111]. Архив Вельтмана, его книжное собрание представляют большую научную ценность.

Но прежде всего перед нами громадное литературное наследие А. Ф. Вельтмана. Оно имеет свою отправную точку, в которой заложены его основные идеи и темы. Этой точкой является его первый роман — «Странник».

2

В годы бессарабской службы и в русско-турецкую войну Вельтман приобрел самые разнообразные впечатления, разносторонний жизненный опыт. Перед ним прошло множество сложных событий и оригинальных лиц, и сам он был участником не одного десятка различных происшествий. Жизненный материал требовал осмысления и творческого воплощения.

Яркая жизнь приграничной области заинтересовала его сразу по приезде в Бессарабию. Так на основе наблюдений был создан групповой портрет кишиневцев в стихотворениях «Простите, коль моей нестройной лиры глас» и «Джок», рассказ об офицерском быте в «Послании к друзьям», реалистические сцены в «Беглеце», были обрисованы хорошо изученные места в «Начертании древней истории Бессарабии». Но разрозненные этюды еще не давали возможности создать полный рассказ о пережитом.

После кампании 1828 г. Вельтман пытался написать повесть «Эмин» об осаде крепости, положив в основу анекдотическое происшествие, случившееся при захвате в плен красавца-турка под Шумилой. Он обратился к ритмической прозе, но потом отказался от этого романтического аксессуара и в сцене беседы офицеров использовал разговорный язык. Замысел не осуществился: описание забавного эпизода не отвечало намерениям автора. Короткая стихотворная интермедия «Лагерь», юмористически рисующая прифронтовую жизнь офицеров, тоже не удовлетворила Вельтмана, хотя «Эмин» и «Лагерь» были ничуть не хуже произведений, появлявшихся на страницах журналов и альманахов того времени.

Писатель хотел подробно рассказать о днях, проведенных в Бессарабии, и не мог решить, какой избрать жанр. Тема подсказывала путевые за-

[111] См.: *Юрий Акутин.* Из книг А. Ф. Вельтмана.— «Литературная Россия», 1974, № 34.

писки. Вельтман признавался позднее, что «выучил наизусть этот край» [1]. Но «записки путешественников» слишком часто выходили из-под пера бесталанных вояжеров в 1800—1820-е годы [2] и постоянно вызывали насмешки и пародии. Меланхолическо-сентиментальные опусы были бездарными подражаниями «Сентиментальному путешествию» Л. Стерна. Громадная популярность выдающихся произведений английского писателя [3] обращалась против него: на страницах «путешествий» обесценивалось своеобразие рассказов Тристама Шенди и Иорика. В ответ появлялись псевдопутешествия, такие, как «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра [4], переведенное на русский язык в 1802 г., и произведения русских авторов: «Мое путешествие. Приключения одного дня» Н. Брусилова (1803), «Путешествие моего двоюродного братца в карманы» (1803) [5]. В них пародировалась чрезмерная чувствительность рассказчика. А в «Путешествии критика» [6] С. К. фон Ферельцта сатира была направлена против изысканных описаний в эпистолярной и дневниковой форме. В 1828 г. Яковлев издал «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту», в котором иронизировал: «Я страстно люблю путешествовать; не знаю, что поселило во мне эту страсть?— Природа?— Конечно природа!— Я объехал все части света — все видел — все узнал... но увы!— я ездил в воображении — все видел — в мыслях; все узнал — из книг гг. путешественников!!!» [7]. К пародиям на подражание Стерну принадлежала «Жизнь и мнения нового Тристрама» Я. И. де Санглена (1829) — произведение, отмеченное своеобразием и сложностью композиции.

Конечно, осмеянию подвергался не сам рассказ о путешествии, а «слащавое изображение природы и сельской жизни у писателей-карамзинистов» [8].

Таким образом, литературная ситуация не могла отвратить от желания поделиться с читателями любопытными сведениями, рассказать о виденном и слышанном. Однако Вельтман учитывал, что о Бессарабии уже писалось неоднократно [9].

---

[1] *А Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 111.

[2] См.: *Т. Роболи.* Литература путешествий.— «Русская проза». Л., 1926, с. 42—73.

[3] См.: *В. И. Маслов.* Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX в.— «Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому». Л , 1924, с. 339—376.

[4] Издано в 1794 г.

[5] Издано анонимно.

[6] «Путешествие критика, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию был очевидным свидетелем. Сочинение С. фон Ф.». М , 1951.

[7] «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту». М., 1828, с. 1.

[8] *В Сомов.* Пародии на сентиментально-романтическую прозу XIX века (1800—1830 годы).— «Вопросы русской литературы». Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В И. Ленина, № 288. М., 1968, с. 60.

[9] Так, в 1800 г. П. Сумароков издал «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии», в 1810 г. Д. Бантыш-Каменский напечатал «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», в 1818—1823 гг. в «Отечественных записках» опубликовал ряд статей о своих поездках по Бессарабии П. П. Свиньин. В 1828 г. вышла книга И. Яковенко

Жанр «записок офицера», который вполне устраивал Вельтмана, тоже пользовался популярностью. Яркими примерами служили «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки (1815—1816) и «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова (1820). У Вельтмана были тетради с записями, сделанными в походной жизни, о которых можно было бы сказать то же, что писал Ф. Н. Глинка: «Еще раз осмеливается напомнить почтенным читателям, что записки, служившие основанием книги сей, составляемы были среди всех ужасов войны, часто под открытым небом, у полевых огней, после проведенного в трудах и сражениях дня» [10]. Мог присоединиться Александр Фомич и к словам И. И. Лажечникова: «Издавая ныне мои записки, стал бы я напрасно, в извинение их неисправностей, представлять, что я писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом со мною войска» [11].

Вельтман понимал, что и о последней войне появятся записки [12]. А он хотел создать не мемуарное, а художественное произведение. Материал подсказывал, что его героем должен быть молодой офицер, прослуживший многие годы в Бессарабии и участвовавший в войне. Образ требовал конкретизации — фактов личной жизни, разработки характера. Так возник замысел автобиографического романа: рассказать о поездках по области, об интересных встречах, о штабной и походной жизни и о самом себе.

Казалось, что задача блестяще решена, но тут перед штабс-капитаном возник простой вопрос: а была ли у него в прошедшем десятилетии личная жизнь? И выяснилось, что в сущности ее не было. В свободное время он писал стихи, музицировал, изучал языки, философию и историю Востока. Да, бывал на вечерах, пирушках, офицерских собраниях, интересных обедах, но ни с кем особенно близко не сошелся, хотя порой и был душой общества — все это напоминало карнавал. Были у него и увлечения — и в Кишиневе, и в Тульчине, и в деревнях, где он проводил топографические работы. Он помнил девушку, которой посвятил «Простите, коль моей нестройной лиры глас», и Марию Маврокордато, и Ленкуцу, однако все эти его увлечения были несерьезными. Случались и приключения, порой пикантные. Его осаждали письмами поклонницы [13], да ему-то они были без-

---

«Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области»

[10] *Ф. Глинка.* Письма русского офицера, ч. VIII. М., 1816, с. 258.

[11] *И. И. Лажечников.* Походные записки русского офицера. М., 1836, с. 9.

[12] Так, из числа действительно напечатанных воспоминаний интересными были: *П. Глебов.* Воспоминания о войне 1828 года.— «Сын Отечества», 1834, № 52; ‹Б. п.› Три месяца за Дунаем в 1828 году.— Там же, т. XXXIII; ‹Б. п.› Отрывок из Записок во время турецкой кампании 1828 года.— «Прибавление к ЖМНП на 1844 год», с. 10—32.

[13] Эти письма сохранились в архиве писателя (ОР ГБЛ). Особенно постоянна была в своих посланиях Анна Кладищева. Она настойчиво писала: «‹...› стремится мое желание знать причину вашего молчания» (письмо от 6 февраля 1828 г., ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 55).

различны. И Вельтман задумывает написать эпистолярный роман: в нем будут описания настроений, мысли, зарисовки, не требующие сюжета. Он делает наброски:

«⟨...⟩ все течение по России рек Прута и Днестра я проехал, следовательно, если б [свет] Мир составляла только одна Бессарабия, я был бы всемирным путешественником и мое имя гремело [в предел]

Что сказать тебе про мое препровождение времени и удовольствия — я окружен скукой, так, как все здешние города и селения горами. Зимою живу в Кишиневе, где есть большое разногласное, разносортное и разнородное общество русских, молдаван, греков, турок, сербов, албанцев и пр. и пр. и пр.

Если б я был живописец, я бы тебе нарисовал интересную картину. Жирного бояра молдаванского в шести разноцветных и разномешных шубах, с корчагою на звонкой на голове (их шапки имеют совершенное подобие корчаги), их герб — воловья голова, почему я заключаю, что они в золотом веке были счастливыми пастырями волов, что еще и по сию пору заметно по их воловьей лени и беззаботности.

Герб женщин молдаванских можно было бы сделать: голова коровья с крыльями, впрочем, большая часть из них имеют приятную наружность, только

Можно красоту хвалить,
Но любить же осторожно,
Так, чтоб сердцу было можно
Полюбить и разлюбить.

Даром неба я считаю
Любви истинный союз,
Но, увы, здесь не встречаю
Я сердец для нежных уз.

Здесь — любовь есть сладострастье,
Дружба — ложный всех наряд,
Честность — скрытый в сердце яд,
Деньги — истинное счастье.

Здесь любовь не дорога,
Кто влюблен, тот не страдает,
Кто женился — надевает
С погремушками рога.

Впрочем, здесь иногда бывает весело; случаются балы, вечеринки, клубы, где видишь тьму взрослых невест, ожидающих искупителей от строгих надзоров родительских, и подобные молодым сернам, кои ищут источника для утоления жажды.—

[Мой] Любезный друг, свидетельствуй почтенье
Всем спутникам моих военных дней
И им скажи, что отдаленье
Их не изгладило из памяти моей»[14].

Кроме того, он пишет философские заметки, находясь под влиянием анонимных[15] «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», прочитанных в только что полученном альманахе «Северные цветы на 1828 год». Но началась подготовка к походу 1829 г., и проблема романа отошла на задний план.

В лагере под Шумлой Вельтман создает ритмизированной прозой романтическую поэму «Эскандер». Получив отпуск, он уезжает в Яссы, где в ноябре проходит медицинское освидетельствование[16]. Местное общество заинтересовано красивым капитаном, известным также как поэт и музыкант. Вельтман знакомится с членом Главной полевой комиссариатской комиссии Второй армии, Иваном Кузьмичем Исуповым, тот представляет писателя своей жене, Екатерине Павловне.

Александр Фомич встречает молодую прелестную женщину, живущую в атмосфере музыки и поэзии. Каждая их встреча — это чтение вслух, беседы о высоких чувствах в духе немецкого романтизма, музицирование. Все это настолько увлекательно и необычно для Екатерины Павловны, скитающейся с мужем большей частью по захолустным городам, что, несмотря на то, что Вельтман бывает у них чуть ли не каждый день, она в нетерпении начинает посылать ему записки: «Господин Вельтман! Я нашла ключ к пианино. Вы меня просили, я Вам обещала настроить пианино. Если можете, приходите теперь выполнить Ваше обещание ‹...›»[17]; «Приходите сегодня вечером, Вы мне почитаете что-нибудь»; «Господин Вельтман, пришлите мне, я Вас прошу, сонаты ‹...›»; «‹...› Мне нужно также с Вами поговорить. Приходите завтра утром, может быть, мы будем тогда одни»; «Я Вам послала маленькую собачку. Берегите ее, пожалуйста. Я думаю, что Вы придете сегодня, чтобы почитать мне из мифологии»; «Я благодарю тебя за цветы, мой друг. Это прелестный сюрприз от тебя, полученный в тот момент, когда я скучала».

Естественно, что столь стремительное сближение приводит молодых людей к мысли, что они любят друг друга. Вельтман пишет романсы для Екатерины Павловны, которая стала для него уже *Китти,* сочиняет стихи в ее честь, посылает подарки. Его письма к ней — это целые поэмы в прозе: «Друг мой вечный, милая К. Вчерась ты потрясла всю душу во мне, вчерась я узнал, что я не встречу уже в мире другого существа, которое смогло ме-

---

[14] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 31, ед хр. 1, л. 19 об. (182).
[15] Вельтман не знал, что «Отрывки» принадлежат перу А. С. Пушкина.
[16] См. письмо к А. Ф. Вельтману вице-председателя Дивана княжества Молдавии генерал-майора Мирковича от 4 ноября 1829 г.— ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 9.
[17] Все тридцать два послания Е. П. Исуповой к А. Ф. Вельтману на французском языке хранятся в ОР ГБЛ (ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 48). В данном абзаце цитируются первые шесть записок.

ня любить более, чем ты, я не встречу другого ангела, пред которым склонюсь на колени, как пред божеством моим, как пред тобою, в которой я вижу все, что сердце и душа моя искала.— Друг мой, мне кажется, некогда мы составляли одно существо, но какая-то враждующая сила разорвала нас надвое для того, чтобы со временем при встрече нашей насладиться нашим страданием. 〈...〉» [18].

Близость Исуповой и Вельтмана обращает на себя внимание. Муж Екатерины Павловны выражает недовольство по поводу многочисленных стихотворных посланий к супруге. Вельтман в раздражении, несколько раз перечеркивая строки, пишет стихотворение и направляет его Исупову:

Пишу стихи я не для грязи,
Почтеннейший Иван Кузмич,
Пороть я не умею дичь
Без толку, смыслу и без связи.

Стихи пишу я редко, понемногу,
В стихах достойную хвалю.
Как бога, я Катюнчика люблю
И воздаю хвалы, как богу! [19]

Послания Вельтмана Е. П. Исуповой делаются еще поэтичнее: «Милая, нежная Китти, друг мой, каким обворожительным чувством были полны очи твои, когда ты вышла вчерась из спальни, их не сон утомил, в них перелилась душа твоя, но это было понятно только одному мне. О Китти, кто научил меня так ясно видеть мысли твои! — О Китти, так же ль ясны и тебе, мой друг, мысли и желания мои? Друг мой, я изнемогаю,— оживи меня устами своими! Я люблю тебя выше возможности любить на земле. Китти, если б мы так же были взаимонераздельны, как неразрывен союз чувств наших?» [20].

Китти старается отвечать в том же духе: «Александр, почему мучаешь меня. Приходи вернуть мне мою радость, у меня ее так мало. Почему ты хочешь лишить меня единственного блага, которым я могу кратко пользоваться на земле,— это наслаждаться твоим присутствием. Ах! это жестоко с твоей стороны. Я не знаю, до какой степени я тебя люблю» [21].

Влюбленные уже не обращают внимания на окружающих, обмениваются локонами, дают клятвы. Но одновременно возрастают и препятствия. Иван Кузмич лишает их возможности быть наедине, а после резкого разговора между Исуповым и Вельтманом Александр Фомич вообще на время не может посещать дом Китти. Вмешивается и любопытствующее об-

---

[18] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 28, ед. хр. 1, л. 16 об. Черновики писем А. Ф. Вельтмана к Е. П. Исуповой написаны на листках и в тетради, на русском и французском языках вперемешку.
[19] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 6.
[20] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к 28, ед. хр. 1, л. 19.
[21] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 48, л. 12.

щество, находятся желающие быть посредниками между влюбленными — кто искренне, а кто и в неблаговидных целях.

Появляется и другая проблема — отпуск Вельтмана кончился, и он обязан отправиться по месту службы, о чем и приказывает ему вице-председатель Дивана княжества Молдавии 24 февраля 1830 г. Вельтман пытается оттянуть отъезд. 25 марта он получает приказ вернуться [22].

Дотянув до мая, Вельтман вынужден был покинуть Яссы. Китти подарила ему кольцо, а Александр Фомич — самую дорогую для него вещь, тот самый образ богоматери, что был выменян для него матерью в детстве. Влюбленные уговариваются писать друг другу, помечая письма номерами для уверенности в получении каждого послания. Муж оскорбил Китти и оклеветал Вельтмана. Они решают соединить свои судьбы: Екатерина Павловна уедет к родным в Крым и поведет дело о разводе. Туда же приедет и Вельтман.

Запутанная история любви Китти и Александра продолжалась еще несколько месяцев. Исупов перехватывал письма, сам обращался к Вельтману с посланиями: «〈...〉 она вам принадлежать не будет, так удовольствуйтесь дружбой ее и теперешнее чувство постарайтесь пересилить на дружеское. Не забудьте, что она обязанная женщина и имеет пять сестер, которым пример ее может много повредить в составлении себе благополучия через замужество. Она именно славилась и была украшением семейству как правилами своими, так и добродетелью 〈...〉» [23] Иван Кузмич то соглашался отпустить жену в Крым, то отказывал, одно время поговаривал о разводе, а затем отклонил и эту мысль. Екатерина Павловна прилагала много усилий, чтобы стать свободной. В конце концов дело ограничивалось только разговорами и страстными письмами Вельтману. Александр Фомич отвечал все спокойнее и вежливее, так как любовная история стала его тяготить. Переписка постепенно затихла и в 1832 г. прекратилась. Вельтман гораздо раньше оставил свои прежние планы. Осенью 1830 г. он подал в отставку и послал друзьям по этому поводу стихи:

Прощайте, други-сослуживцы,
Жрецы слепого божества,
Прощайте, милые счастливцы,
Для вас еще гремят слова:
    Люблю тебя,
    Люби меня.

В отставку подал я прошенье,
Любви наскучило служить,
И скоро выйдет разрешенье
Меня из списков исключить
    И впредь любить
    Мне запретить.

---

[22] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 9.
[23] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 47 (письмо от 31 мая 1830 г.). Всего А. Ф. Вельтман получил от И. К. Исупова пять писем.

Пора уму над сердцем грянуть,
Пора на память заучить[24]

Конечно, только благодаря пылкости романтического воображения и эксцентричности натуры Вельтмана заурядная интрижка между офицером и женой сослуживца превратилась в фейерверк неземных чувств. Александр Фомич был сильно увлечен Китти и одно время постоянно думал о совместной жизни, однако сила страсти и грандиозные душевные порывы во многом были надуманными. Вельтман частично «сочинял» неземную любовь. И если само чувство и исчезло, как воздушный замок, то результатом его явилась блестящая идея, озарившая писателя: он нашел сюжет и форму своего романа.

Тема — история молодого человека — была подсказана временем[25]. И облечь ее писатель решил в форму «свободного романа», точно подслушал строки писем А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву[26]. И в самом деле, на замысел Вельтмана большое влияние оказали те семь глав «Евгения Онегина», которые вышли к лету 1830 г. Если произведение Пушкина явилось энциклопедией российской действительности, то из-под пера Вельтмана должна была выйти энциклопедия бессарабской столичной и провинциальной жизни. Писатель так и назвал свое сочинение в главе CCXXV, завершающей часть II.

Писатель отказался от последовательности развертывания действия: перед ним стояла задача рассказать о бессарабских скитаниях, о кишиневской жизни, о военных днях, о похождениях героя, точными скупыми мазками набросать рисунки городов и селений, в которых он бывал неоднократно. Это был первый план повествования. Второй план — любовь офицера к замужней женщине, мечты и утраты иллюзий. Эта история также должна была излагаться не последовательно, а в виде отрывочных воспоминаний, включенных в общую мозаику действия. Третий план — внутренний мир героя, его размышления о смысле жизни, попытки понять окружающее, выявить свой взгляд на происходящее, оценить прочитанные художественные, философские и исторические произведения. То есть весь роман должен был стать повествованием о становлении личности.

Вельтман решил использовать все собранные им материалы — дневниковые записи, реляции, стихотворные и прозаические отрывки, письма к Исуповой. И это был не литературный прием, а утверждение реального факта: для героя произведения все это в самом деле составляло повседневную действительность. Писатель оказался перед любопытным явлени-

---

[24] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 35, ед. хр. 32 В рукописи стихотворение не закончено.

[25] «Молодой человек этот — самая значительная фигура литературы XIX века» (*М. Горький.* Предисловие к кн.: *Р. Шатобриан.* Рене. *Бенжамен Констан.* Адольф. М., 1932, с. 3).

[26] «Роман требует болтовни, высказывай все начисто» (письмо конца мая — начала июня 1825 г.).— *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. XIII. Л., 1937, с. 180; «〈....〉 да возьмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма 〈...〉» (письмо от 30 ноября 1825 г.).— Там же, с. 245.

ем: приступая к созданию романа, он мог сказать, что создавал его все двенадцать бессарабских лет.

Требовалась оригинальная композиция. Нужно было организовать прозаический и стихотворный материал так, чтобы получилось динамическое повествование, скрепленное ассоциативным мышлением героя, у которого реальное смешивается с воображаемым, прошлое — с настоящим. Следовало использовать литературные находки, записанные в черновые тетради: пародии на наукообразные исследования, звукоподражания, ассонансы, аллитерации и т. п. Такая форма произведения должна была напомнить пародии на путешествия. Поэтому Вельтман решил мистифицировать читателя: роман начнется с утверждения, что путешествие происходит в воображении, по географическим картам. Для старшего адъютанта и топографа это было естественно: любую поездку он начинал с изучения плана местности. Читатель поверит, что путевые заметки выдуманы, и тогда «игра» отодвинется на задний план, а затем и отпадет. Рассказ будет вестись о тех поездках, которые совершал писатель.

Своеобразие произведения должно было навести на мысль о его близости к книге Стерна. Писатель решил было сам пойти навстречу читателю: он перенес предисловие в гл. VI, создал коня воображения (гл. XX, XCIV, XCV, CXIX), наподобие «конька» английского романиста, и даже хотел ввести в действие Тристрама Шенди, но от последнего замысла отказался [27]. В подражаниях Стерну в ту пору обвиняли чуть ли не каждое оригинальное произведение, в том числе и «Евгения Онегина» [28]. Продумав план романа и художественные приемы, Вельтман летом 1830 г. написал на листе заголовок «Путешествие по Генеральным картам», набросал первые главы и прочел их приятелям. Те пришли в восторг и хотели напечатать их в одесском альманахе [29]. Но писатель отправил рассказ о Кишиневе в «Московский телеграф», где он и был опубликован в конце года. Роман создавался быстро: к зиме уже была закончена первая часть. Вельтман решил дать произведению многозначительное название «Странник», т. е. и путешествующий, и странный, и разносторонний, и посещающий разные страны. Действие было разделено на 45 дней, по 15 дней в каждой части. Весь роман состоял из 325 глав, (правда, гл. CCXX была

---

[27] В черновике в диалоге *Человека худощавого* и *Человека толстого* первый предлагает обратиться к герою романа Стерна. В печатный текст этот эпизод не вошел. (См.: ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 31, ед. хр. 1, л. 34 об.).

[28] Так, в статье, посвященной выходу в свет глав IV и V «Евгения Онегина», говорилось: «От этого такая *говорливость* у него; так много заметных повторений, возвращений к одному и тому же предмету и кстати и некстати; столько отступлений, особенно там, где есть случай посмеяться над чем-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себе.— Некоторые называют затеями воображения, а другие подобные замашки — вероятно литературные староверы — поэтическою кристаллизацею, или, просто, наростами к рассказу, по примеру, блаженной памяти, Стерна» («Атеней», 1828, ч. 1, февраль, № 4, Библиография и критика, с. 79, 80). Так же три года спустя писали о «Страннике».

[29] См. письмо Вельтмана к И. П. Липранди от 5 августа 1835 г.— ОР ГБЛ, ф. 18, к. 9515, ед. хр. 4, л. 6 об.

пропущена), в которых прозаический текст чередовался со стихотворными фрагментами, что вообще было свойственно повествовательной манере молодого Вельтмана [30].

Завершилась работа над произведением в середине 1832 г. Третья часть была напечатана в декабре [31].

Первая часть романа посвящена эпизодам из жизни в Бессарабии в 1818—1828 гг. Рассказ начинается с поездки на место службы. В дальнейшем Вельтман описывал свою службу в армии, ставя на первое место именно этот эпизод [32]. В первой части романа дается описание Хотина, Тирасполя, Базарджика, с большим юмором рассказывается о жизни в Кишиневе. С самого начала определяется ритм бесконечных служебных поездок героя:

Вот Бессарабия! вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду!
Лишь иногда нелегкий черт
Меня выкидывал за борт!

(гл. X)

Ярко рисуются природа Бессарабии, уклад жизни. Герой останавливается то в молдавском селении (гл. XXVII), то у немецких колонистов (гл. XXXVIII). С симпатией говорится о жизни народа, с горечью о его тяжелом, подневольном труде (гл. XCVIII). Сатирически изображаются нравы кишиневского общества. Обращается рассказчик и к истории местности. Возникает тема Овидия, проходящая через все произведение.

Во второй части (с гл. CXXV) начинается рассказ о русско-турецкой войне. Описываются Бухарест, военные сражения (гл. CLXVII, CLXXXI, CLXXXII) и переходы войск (гл. CCI, CCXVII, CCXVIII), болезни солдат (гл. CCXXII). События развертываются у реки Прут, у крепости Браилов.

Третья часть также посвящена военной кампании. В ней изображаются лагерная жизнь, эпидемии в армии (гл. CCLXX, CCLXXIV, CCLXXV), осада Казлуджи, Шумлы, Варны. Затем рассказывается о возвращении на зимние квартиры, о пребывании в Гирсово и Галаце. Попутно перед читателем возникают картины красочных берегов Дуная. Действие переносится в Яссы. Рассказ о ясской жизни завершается отъездом героя и финалом — прибытием его в Москву.

Повествование ведется от первого лица: то от имени автора, то слово берет рассказчик, то сам герой произведения — Странник. Иногда проис-

---

[30] Вельтман рассказывал в «Воспоминаниях»: «〈...〉 по какой-то неопреодолимой страсти я не мог написать всего письма в прозе: непременно нечувствительно прокрадывались в него рифмы» («Пушкин в воспоминаниях современников». 〈М.〉, 1950, с. 232).

[31] Вельтман писал И. П. Липранди 7 января 1833 г.: «Я хотел к вам послать моего *Странника,* но не успели переплести 3-ей части, которая на днях вышла в свет — на следующей почте». (ОР ГБЛ, ф. 18, к. 9515, ед. хр. 2, л. 2 об.)

[32] *А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 103.

Страница из черновой рукописи романа «Странник», 1830 г.

ходит диалог между рассказчиком и героем. И все же центральный повествователь романа — протагонист, молодой офицер, озабоченный и служебными обязанностями, и личными делами. Наряду с рассказом о «годах странствий» героя, являющихся одновременно «годами учения», в текст произведения введены вставные эпизоды, тесно связанные с основными темами романа.

Стихотворная повесть о женатом обер-офицере (гл. XXXVIII) дополняет картину армейской жизни в мирное время. Повесть о Марвелице (гл. CVII, CCXCIV) конкретизирует рассказ о быте молдаван. В сцене «Денщик и сбитенщик» (гл. CCLXXXIV) и в других эпизодах из лагерной жизни с добрым юмором рисуются образы русских солдат. Философская повесть «Эскандер» посвящена размышлениям о смысле жизни. В драматической сцене «Октавий Август и Назон» автор ставит задачу в художественной форме ответить на вопрос: что явилось причиной изгнания Овидия из Рима? И писатель показывает столкновение авторских самолюбий императора и поэта. Сцена «Сон с еврейским алфавитом» пародирует приемы «готического» романа.

«Странник» — пестрая, многоплановая картина, объединяющая множество лиц: строевых офицеров и квартирмейстеров, солдат и крестьян, молдавских и валашских бояр и трактирщиков, бессарабских дам и слуг. Это в свою очередь вызывает языковую пестроту: на страницах романа звучит немецкая, греческая, молдавская, турецкая речь. Но в то же время это роман одного героя — Александра, Странника. Все остальные лица, появляющиеся эпизодически, создают фон, на котором развертывается рассказ о жизни и поисках молодого офицера, о становлении его личности.

Участвуя в топографических съемках, разъезжая по штабным делам, Страннику приходится сталкиваться с неожиданными происшествиями, оказываться в рискованных обстоятельствах. Он юмористически относится к жизненным невзгодам, с мягкой усмешкой описывает он быт офицеров (гл. LXV). Однако нудная канцелярская работа иной раз вызывает у него и раздражение (гл. CCLXXV). В поездках постоянно происходит смена настроений. Порой Странник охвачен грустными воспоминаниями о детстве (гл. CII, CIII), но печальные думы уступают желанию предаться веселью (гл. CXLV), пошутить (гл. LXXX).

Странствия героя расцвечиваются забавными сценками — с пленным (гл. CCLXXVI, CCLXXVII), с отрядным офицером (гл. CCLXXXV), с безграмотным чиновником (гл. CC), с кучером (гл. CCLII), с приятелем (гл. XL). Комические бытовые эпизоды сменяются брюзжанием уставшего путника (гл. XCIII), признаниями человека, измученного осадой крепости (гл. CCLXI).

Герой романа отмечает все тяжести армейской жизни, трудности военного времени. Но в первую очередь ему свойственно высокое патриотическое чувство, он охвачен восторгом перед мужеством и силой русской армии, перед выдержкой солдат.

Описания событий реальной жизни, участником которых становится Странник, чередуются с его размышлениями об истории и литературе, о

смысле жизни. С интересом изучает он документы истории Древнего Востока, древние сказания, мусульманскую мифологию, но с иронией относится к исследованиям современных ученых. Он постоянно возвращается к мыслям о строении мира, Хаосе (гл. CXXXV, CXXXVI), о Вселенной (гл. CLI, CCXXXVIII), о развитии человечества (гл. CLXVI, CXXXIX), о доброте и расчетливости, о счастье (гл. CCCVII), о юности, мечтах (гл. CCCXVIII), о гении (гл. CXXVII) и др. Герой спрашивает: «Был ли ты человеком в продолжение жизни?.. Сказал ли тебе хоть один человек от чистого сердца: ты добр!..» (гл. CXXXVIII). Странник приходит к философскому выводу: «Человек счастливее, спокойнее, довольнее жизнью, когда он имеет дело с самой природой, а не с людьми» (гл. CCCVII), и в то же время дает совет, как сохранить человеческое достоинство в обществе людей:

Будь тем, что есть,
Ходи без маски,
Люби не лесть,
А только ласки,
Людей люби,
Не крась природу,
Не много ешь,
Пей больше воду.
Божбе не верь,
Все весь и мерь,
Не нянчи тело
И делай дело

(гл. CCCI)

К такому стоическому выводу приводят героя жизненные испытания, в первую очередь — история несчастливой любви, проходящая через все страницы романа. Она то затеняется каждодневными событиями, то выступает на передний план. Рассказчик то старается скрыть это мучительное чувство, то стремится поведать о нем читателю. Это придает повествованию своеобразную напряженность.

В самом начале произведения автор предупреждает о существовании любовной темы и указывает на умышленную затемненность рассказа (гл. IV, VI). «Ах, милый друг, какое прекрасное чувство любовь!» — восклицает Странник (гл. LIV) и предается воспоминаниям о встречах с любимой женщиной. Он грустно-иронически рассказывает о ее судьбе (гл. LXVI), в конце первой части романа рисует поэтический образ своей возлюбленной (гл. CXV). Героя романа одолевают безрадостные мысли об одиночестве, о невозможности соединиться с возлюбленной (гл. CXL, CLXXVII). Но тоска сменяется злой иронией, вызванной женским легкомыслием и непостоянством. Странник мучается, наблюдая сложные отношения между любимой женщиной и ее мужем (гл. CCXII). Он старается преодолеть свое чувство, сохранить уважение к самому себе:

Готов покорно перенесть
Всю тяжесть зол от Провиденья
И от людей: во мне терпенья
Довольно есть, но есть и честь.

(*гл CCXLII*)

Осознав невыполнимость своих любовных планов, герой готов перенести несчастье. Он почувствовал себя повзрослевшим: «Уже не то время, во всей Вселенной, по которому катилась цветущая молодость моя...» (гл. CCXLVI). Он не позволяет себе впасть в отчаяние, так как уверен, что высшее достоинство человека — это умение преодолеть чувство тоски и безнадежности. Вновь и вновь вспоминая свою пылкую любовь, Странник приходит к выводу, что смысл жизни — в близком его интересам деле, в занятиях наукой и искусством. Помимо основной темы любви, в воспоминаниях героя возникают также эпизоды его давних увлечений и любовных похождений (гл. LVIII, LIX, CCXLIV).

Много места в романе уделено размышлениям о судьбе поэта, об отношении к нему общества, о поэзии подлинной и мнимой:

Поэтом тот себя не числи,
Кому полет на небо труд,
И у кого с пера текут
Одни чернилы, а не мысли.

Автор раздумывает о жалкой участи стихотворца среди обывателей, полагающих, что «стихи есть не что иное, как мозаическая, бисерная работа». Он с иронией восклицает: «Читатель, давайте же писать стихи! Верьте, что менее, нежели в несколько дней, мы собьем цену со всех поэм... Боже мой! как будто свекла не в состоянии заменить сахарного тростника!»

На страницах романа прошла жизнь молодого офицера, человека стремительного в поступках, увлекающегося, задорного, склонного к фантазии, пробующего силы на поприще науки и литературы. Образ Странника создан с большой психологической точностью и художественным мастерством. Глубокий интерес к народной жизни, сатирическое отношение к светскому обществу, любовь к природе — эти черты героя романа заставляют читателя поверить в его нравственную силу. Молодой офицер борется с тем жизненным разочарованием, которое его постигло. Он осознает, что любовь к людям, наука, искусство — подлинные ценности, которые дадут ему силы для борьбы с личными переживаниями. Позитивное восприятие действительности, лежащее в основе характера Странника, помогает ему разрешить жизненные противоречия, одолеть состояние раздвоенности, возникающее при столкновении с реальным миром. Уход от печалей в область фантазии, разлад между желаемым и действительным переосмысливаются в комическом плане.

Сложность содержания произведения определила сочетание реалистической формы повествования с романтической приподнятостью. Образ

героя, достоверный и, более того, автобиографический, также становится романтическим, что предопределяется его духовным одиночеством. Таким образом, лирико-философский роман Вельтмана по своему художественному методу является сложным сплавом реалистического и романтического методов.

Сложная архитектоника произведения позволила рассказать о становлении личности героя (и автора) на протяжении долгих лет, отмеченных крупными историческими событиями.

Роман написан очень свободно, в форме кратких монологов и стремительных диалогов, с введением в текст риторических вопросов, обращенных к читателю. Все произведение пронизано комизмом и сарказмом. Широко использована античная мифология, но в юмористическом плане. Пародируется форма реляций, научных докладов, высмеивается романтическая декоративность, присущая многим произведениям той эпохи. В разговорной речи, лежащей в основе романа, часто встречается игра слов, омоформ, автор отказывается от переносного значения слов. Этим усиливается комизм повествования.

В тех же целях Вельтман сочинил некоторые эпиграфы к главам и к части III, взятые из выдуманных произведений.

Завершив работу над романом, Вельтман понял, что не только не исчерпал тему, но что годы, проведенные в Бессарабии, дали ему огромный материал для творчества, что о пережитом можно рассказывать без конца. Первым его побуждением было продолжить роман, использовав для сюжета те события, которые произошли после его выхода в отставку. Он пишет план:

«Странник» IV часть

Путешес. по царству женщин.

Глава о мущ.: павиликах или хмелях, обвивающих оковы семейной жизни» [33].

Как видим, речь должна была идти о семейном быте. Но планы писателя изменились. Роман «MMMCDXLVIII год. Рукопись Мартына Задека» продолжил разговор о справедливом будущем, начатый в «Страннике». В первом наброске плана второго романа отразилась тема, избранная для IV части «Странника»:

«Пл.:

Будущий век.

Воспитание детей. Крайности материнской любви» [34].

В авторском пояснении к роману упоминалось о балканских событиях. Но непосредственным продолжением «Странника» стал роман «Александр Филиппович Македонский». На его титульном листе стоял эпиграф:

и снова в путь
IV часть Странника.

---

[33] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 2, л. 76.
[34] Там же, л. 14.

Действие романа начиналось и завершалось в Бессарабии. Читатель снова встречался с капитаном-де-почт, т. е. станционным смотрителем, а герой произведения на гиппогрифе отправлялся на этот раз в прошлое, продолжая темы «Странника», посвященные проблемам истории и судьбы Александра Великого.

Один из кишиневских эпизодов включен и в роман «Лунатик».

Снова возвращается Вельтман к событиям, описанным в «Страннике», работая над воспоминаниями. Он начал писать их в 1837 г. «Воспоминания о Бессарабии [и о Пушкине]» частично были напечатаны тогда же [35]. В 1883 г. появился пересказ, подготовленный для печати Е. Некрасовой [36], а в 1893 г. Л. Майков печатает по рукописи бо́льшую часть оставшихся «Воспоминаний» [37]. В них хронологически последовательно изложены многие события, о которых повествовалось в «Страннике». После вступления, посвященного памяти Пушкина, в рукописи начиналось описание жизни в Бессарабии — с поездки по месту службы:

«В 1818 году я отправлялся из Тульчина, Главной квартиры 2 армии, в Бессарабию.— Меня провожали в дорогу слухи о нестерпимых жарах, о степях, населенных змеями, скорпионами, тарантулами, о чуме, о вечных лихорадках... Но я был тогда еще в первой поре юношества, с головой, которая не задумывалась, с чувствами непуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проезд по Подольской губернии в марте месяце был еще сносен: в ней нет ничего пустынного, хотя я и не имел еще понятия о красоте ее во время лета, о ее протяжных долинах, усеянных селами посреди садов, огражденных тополями. Но проезжая по Херсонской губернии от Балты до Дубос⟨с⟩ар, я уже считал это пространство преддверием *Гетских пустынь*. По дороге нет ни одного селения ⟨...⟩» [38].

Заканчивались воспоминания указанием на автобиографичность романа и на то влияние, которое оказал на писателя Пушкин:

«Теперь где тот, который [глаз на глаз] [незаметно для всех полил едва возникшую способность] так таинственно, так скрытно даже для меня, пособил [мне вырастить] развертываться [способности моей?] силам [моим] остепенившегося *странника?*» [39]

И в дальнейшем Вельтман предполагал продолжить свой первый роман. Он писал о «Страннике» И. П. Липранди 5 августа 1835 г.: «Теперь он вырос и, может быть, еще подрастет» [40]. Писатель начинает создавать на основе воспоминаний о бессарабской жизни, частично отражен-

---

[35] ⟨*Б. п.*⟩ Воспоминания о Бессарабии.— «Современник», 1837, т. VII.
[36] *Е. Некрасова.* Из воспоминаний Вельтмана о времени пребывания Пушкина в Кишиневе.— «Вестник Европы», 1881, кн. 3, с. 217—234.
[37] *А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии.— «Русский вестник», 1893, № 12, с. 18—47. С 1930-х годов отрывки из «Воспоминаний» постоянно печатаются в сборниках «Пушкин в воспоминаниях современников».
[38] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед хр. 17, л. 1.
[39] Там же, л. 42.
[40] ОР ГБЛ, ф. 17, к. 9515, ед. хр. 2, л. 6 об.

ных в романе, ряд прозаических произведений. Некоторые страницы повести «Радой» посвящены событиям войны на Балканах и восстанию под водительством Александра Ипсиланти и Тудора Владимиреску. Рассказ «Костештские скалы» — это эпизод из жизни офицера-топографа во время работы по съемкам местности. В повести «Урсул» отражено реальное событие, свидетелем которого был автор в Кишиневе. К началу 1840-х годов Вельтман все чаще возвращается к бессарабской теме. Это отмечала и критика: «...господин Вельтман и до сих пор продолжает вспоминать о Молдавии. Он вспоминает просто и приятно, но у него, знаете, есть свой конек — претензия на оригинальность — достоинство чрезвычайно трудное к достижению с помощью Молдавии, особенно когда уже в сотый раз подчивают ею читателей» [41].

Ирония журналов не смущает писателя. Он публикует рассказы «Илья Ларин», возвращаясь к дням пребывания в Кишиневе А. С. Пушкина, «Два майора», посвященный семье Варфоломея. Задумывает Вельтман и «Молдавский роман». Сохранился его план:

«Молдав.〈ский〉 Ром.〈ан〉

1. О том как черт вмешивается не в свои дела.
2. Молдавия.
3. Куконаш Сандулаки.
4. Куконица Кати́нька.
5. Любовь их. — (мочи нет, как я его люблю).
6. Свадьба, и как Сандулаки попадает не в ту церковь и женится на другой, между тем как его невеста ждет его тщетно» [42].

Писатель не претворил в жизнь данный замысел, но своего рода «молдавский» комический роман он создал, поместив его в виде вставной новеллы в романе «Саломея». Это история женитьбы штабс-капитана Щепикова на куконе Кати́ньке.

Недаром Вельтман писал в «Страннике»: «Лет в 50 я гораздо подробнее буду рассказывать или описывать походы свои» (гл. CIX). В своем последнем увидевшем свет романе «Счастье — несчастье» писатель вновь начинает действие в Бессарабии, подробно описывает Кишинев. На страницах произведения появляются А. С. Пушкин, Илья Ларин и одно из действующих лиц «Странника» — капитан Микулай. Герои романа, отправившись искать счастье по белу свету, обретают его, возвратившись в Бессарабию уже навсегда.

До последних дней жизни Вельтман с отрадой вспоминал бессарабские годы, подарившие ему темы для многих произведений.

Непосредственное влияние роман «Странник» оказал на первые литературные опыты В. В. Пассека. В 1834 г. выходят из печати его «Путевые

---

[41] «Библиотека для чтения», 1841, т. 47, ч. 1, с. 4.

[42] ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 2, л. 54. Из близости замысла Вельтмана и «Метели» А. С. Пушкина можно предположить, что такого рода случай произошел в Бессарабии в бытность там обоих писателей.

записки Вадима», написанные с оглядкой на произведение Вельтмана. Третьей части книги предпослан эпиграф:

Дитя мое, мысль моя!
Кто тебя создал? не я ли?
Вельтман

Сама манера повествования очень близка «Страннику»: «Боже мой! Как бесконечна и роскошна жизнь наша! что за дивное создание человек!

В один день он может пережить с Омиром жизнь целого народа, мучиться и блаженствовать с Данте; трепетать, задыхаться под тяжестью чувств Байрона; может восторгаться до бога — и потеряться в гармонии вселенной» [43].

Не без воздействия первого романа Вельтмана были созданы «Фантастические путешествия» О. Сенковского (Барона Брамбеуса), особенно второе из них — «Поэтическое путешествие по белу свету» [44].

Использованием художественной манеры «Странника» отмечены и сатирические произведения 1840-х годов, в том числе анонимные «Похождения и странные приключения лысого и безносого жениха Фомы Федоровича Завардынина» (М., 1840) и «Философическо-филантропическо-гумористическо-сатирическо-живописные очерки, составленные под редакцией Ивана Балакирева. Были и небылицы. Статейки, вырванные из большой книги, называемой — *Свет и люди»* Н. А. Полевого (М., 1843).

Близки роману Вельтмана повести А. Марлинского, написанные в 1830-х годах. Героев обоих писателей отличает благородство душевных порывов, неприятие фальши и лицемерия окружающей среды, стремление понять смысл жизни. Много общего у Марлинского и Вельтмана в поисках новой прозаической формы.

«Странник» типологически связан с «Героем нашего времени». Герой вельтманского романа и Печорин схожи философским отношением к жизни, порывистостью в чувствах и поступках, склонностью к провиденциализму, отношением к общепринятым нормам поведения. Сближает романы и общность обстановки, в которой происходит действие. Ряд композиционных особенностей позволяет говорить о литературной связи «Странника» и «Героя нашего времени». Некоторые эпизоды, как, например, сцена поисков квартиры в «Тамани» и «Страннике», разительно похожи. Сходство определяется во многом одинаковым характером службы обоих писателей. Без труда напрашивается сравнение офицеров вельтманского романа с Грушницким и его приятелями.

Сопоставим «Странник» и с ранними произведениями Л. Н. Толстого, И внешнее сходство произведений, рассказывающих о первых шагах молодых офицеров, об их участии в боевых действиях, и внутреннее, психологическое родство героев, пристально наблюдающих жизнь в ее критических ситуациях, внимательных к жизни природы и людей незнакомо-

---

[43] «Путевые записки Вадима». М., 1834, с. 159.
[44] Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), т. II. СПб., 1858, с. 26—68.

го им края, напряженно старающихся разобраться в увиденном,— все позволяет считать «Странника» литературным предшественником «Казаков» и «Севастопольских рассказов».

3

Еще до появления романа в печати горячо отозвался о нем Н. А. Полевой, познакомившийся с его отрывками в рукописи. Он писал автору: «...мне хотелось сообщить Вам мои мысли о Вашей прелестной тетрадке, которую Вы у меня оставили. Она меня восхитила оригинальностью, свежестью мысли и отличным изложением. С утра я повторяю: *дитя мое, мысль моя, кто тебя создал*?[1] Это очень, очень хорошо: говорю искренно»[2].

Появление первой части «Странника» вызвало большой интерес у читателей. А. С. Пушкин считал, что в романе чувствуется настоящий талант[3]. Он намеревался подготовить о нем статью и потом жалел, что не осуществил своего замысла[4]. П. В. Нащокин отвечал А. С. Пушкину: «2-ая часть «Странника» удивительно хороша. Высокое Воображение — поэт à ля Байрон — а не записки молодого офицера»[5].

Одобрили роман и офицеры, служившие с автором в Бессарабии. Сразу же отозвался Андрей Данненберг: «Благодарю вас за присылку *милого Странника* — даже очень походит на папиньку: резвится, мечтает и задумывается.— Он мне всегда будет напоминать своего родителя, которого душевно люблю и уважаю»[6]. И. Н. Липранди писал: «...премного благодарен за дружеское ваше расположение и за присылку Странника и Кощея, — я не охотник до подобных сочинений, но эти с большим удовольствием прочитал — и некоторые места по два раза, предоставляя себе прочитать опять от доски до доски,— я хвалить не умею,— и потому не говорю ни слова о том, что мне нравится,— Странник восхищает меня»[7].

Сохранилось воспоминание о том, как приняли роман современные читатели. «Помню только,— рассказывал один из них,— что более всех поразила меня личность Вельтмана. В числе других книг, пред моим отъездом с родины высланных отцу моему Селивановским[8], был и «Странник» Вельтмана. В этой книге били, так сказать, ключом веселость и остроумие. Вся семья моя читала с наслаждением игривые страницы этой книги, подхваливала и вместе со мной выражала полнейшее убеждение, что автор должен быть такой весельчак, какого свет не производил»[9].

Н. В. Берг, вспоминая впоследствии о первом знакомстве с творчеством Вельтмана, отмечал: «Воображение его было самое необузданное,

---

[1] Н. А. Полевой цитирует строку из поэмы Вельтмана «Эскандер».
[2] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 5, ед. хр. 11, л. 3.
[3] См. письмо А. С. Пушкина к Е. М. Хитрово.— *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч в 16-ти томах, т. XIV. М., 1941, с. 164.
[4] См. письмо А. С. Пушкина к П. В. Нащокину.— Там же, с. 168.
[5] Там же, с. 230.
[6] ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 21, л. 2.
[7] Там же, к. 4, ед. хр. 17, письмо 3.
[8] Книгоиздателем.— *Ю. А.*
[9] «Записки Василия Антоновича Инсарского».— «Русская старина», 1894, № 1. с. 10.

упрямое, смело скакавшее через всякие пропасти, которые других устрашили бы, но не было такой пропасти, которая устрашила бы почтеннейшего Александра Фомича» [10].

А. А. Бестужев-Марлинский увлекся «Странником» еще при чтении журнального отрывка: «Скажите пожалуйте: кто такой Вельтман? Спрашиваю, разумеется, не о человеке, не об авторе, а просто об особе его... С первыми двумя качествами я уже знаком, могу сказать дружен, хочется знать быт его. По замашке угадываю в нем военного; дар его уже никому не загадка. Это развязное, легкое перо, эта шутливость истинно русская и вместе европейская, эта глубина мысли в вещах дельных, как две силы центральные, то влекут вас к думе, то выбрасывают из угрюмости: он мне очень нравится. Прошу включить «Странника» в число гостинцев» [11]. Он неоднократно упоминал в письмах о своеобразии художественного метода писателя [12], заметил близость к Стерну [13]. Брату, П. А. Бестужеву, он писал: «Еще раз советую: испытай удачи; напиши что-нибудь, хоть вроде *Странника* Вельтмана...» [14].

В. К. Кюхельбекер сделал запись в дневнике: «...«Странника» просто невозможно читать, как читают прозу, а должно перебирать, как собрание лирических пиес и эпиграмм» [15].

За полтора года публикации романа появилось много отзывов в журналах и газетах. «Даже ненавистники всего хорошего отозвались милостиво о путешественнике нового рода»,— отмечал критик «Московского телеграфа», добавляя, что произведение Вельтмана «есть самый свежий и прекрасный цветок на тощей почве русской литературы» [16]. ««Странник» сей, часто остроумный, чрезвычайно причудлив и своенравен»,— так оценивала его «Северная пчела» (1831, № 102). Затейливая фантазия, замечательный язык романа вызывали восхищение у рецензентов, а оригинальность и сложность композиции породили противоречивые высказывания, сопоставления с выдающимися произведениями мировой литературы, начиная с книг Рабле и Стерна [17].

С отрицательной оценкой романа неоднократно выступал «Телескоп» Н. И. Надеждина, утверждая, что в нем «нет ни порядка, ни связи, ни целости» [18]. Резкой критике подверглась форма произведения и в «Литературной газете» [19].

---

[10] «Посмертные записки Николая Васильевича Берга», ч. III.— «Русская старина», 1891, № 2, с. 251.
[11] Письмо Н. А. Полевому от 28 мая 1831 г.— «Русский вестник», 1861, т. 32, с. 299.
[12] Письмо к тому же адресату от 16 декабря 1831 г.— Там же, с. 313.
[13] Письмо к тому же адресату от 25 июня 1832 г.— Там же, с. 329.
[14] «Отечественные записки», 1860, июль, с. 47 (письмо от 26 мая 1835 г.).
[15] «Дневник Вильгельма Карловича Кюхельбекера», часть вторая.— «Русская старина», 1891, т. 72, с. 92.
[16] «Московский телеграф», 1831, ч. 38, № 5, с. 104.
[17] См.: *Ю. М. Акутин.* Александр Вельтман в русской критике XIX века — Сб. «Проблемы художественного метода в русской литературе». М., 1973, с. 59, 60.
[18] «Телескоп», 1831, № 6, с. 243; см. также: № 3, с. 581 и № 20, с. 563, 564.
[19] «Литературная газета», 1831, т. III, № 30, с. 243, 244.

В сущности идейное содержание «Странника» так и не было проанализировано современными журналистами. Все заслонила его архитектоника. В связи с этим почти одновременно с выходом в свет книги Вельтмана появились две пародии.

С. Н. Глинка поместил в «Дамском журнале» юмореску «Повесть о Страннике, или Мысли при чтении второй части Вельтманова *Странника*» [20], где на полуторах печатных листах пародировалась художественная манера романа. «Статья вторая» юморески начиналась так: «Что такое повесть странника о *Страннике*? Не новую ли мы затеяли издать *Одиссею!..*— Не отвечаю на это ничего определительного. Да и как определить, что западет в голову и откуда и зачем? Это *Сфинксова* загадка. Я не Эдип: в отгадчики не пускаюсь. Но скажу мимоходом, что по примеру доброго *Фенелона* и я более люблю *Одиссею*, нежели *Илиаду*. *Одиссея* можно уподобить кроткой луне, разливающей сияние безмятежное, а *Илиада* шумит и клубится подобно наводненному ручью Скамендийскому» [21].

Далее идет послание к Вельтману:

Куда ты заводишь
Нас мыслью своей?
И как ты приходишь
Сам обратно с ней?
И Странник твой милый,
Веселый, унылый,—
Не жизнь ли души?..
То дремлем в тиши;
То бурею мчимся;
То радостью льстимся;
То в гробе ногой [22].

О самом произведении пародист писал: «Породнясь со Странником Вельтмана, не захочешь расстаться с ним скоро. Сочинитель не изменяет имени своему, зоркою, быстрою мыслию облетев пределы умственного мира» [23] (намек на буквальный перевод с немецкого фамилии Weltmann — «человек мира»).

Пародия в «Молве» [24] начиналась так:

Странник! название странное!..
Наш век так богат странностями!..
В наш век на дело не похоже:
Из моды вышла простота,
И без богатства ум все то же,
Что без наряда красота.

---

[20] «Дамский журнал», 1832, ч. 37, № 2—9, 12, 13; ч. 38, № 20, 23.
[21] Там же, № 3, с. 37.
[22] Там же, № 6, с. 87
[23] Там же, № 2, с. 26.
[24] «Молва», 1833, № 4, с. 13—16.

У нас народ такой затейный,
Пренебрегает простотой,
Всем мил цветок оранжерейный,
И всем наскучил...

При всей противоречивости отзывов роман Вельтмана был признан выдающимся событием. Н. А. Полевой выразил общее мнение, напечатав в своем журнале: «Из 200 книг, исчисленных в библиографии Телеграфа сего 1831 года, чем можно утешиться? *Борис Годунов* Пушкина и *Странник* Вельтмана в изящной словесности...» [25]

В дальнейшем, анализируя каждое новое произведение Вельтмана, исследователи непременно возвращались к его первому роману. В. Г. Белинский писал в «Литературных мечтаниях»: ««Странник», за исключением излишних претензий, отличается остроумием, которое составляет преобладающий элемент таланта г. Вельтмана. Впрочем, он возвышается у него и до высокого: «Искендер» [26] есть один из драгоценнейших алмазов нашей литературы» [27]. И впоследствии, не раз упоминая о романе, критик назвал его «калейдоскопическою и отрывочною смесью в стихах и прозе, не лишенною однако же оригинальности (...)» [28], отмечал, что в ««Страннике» выразился весь характер его таланта, причудливый, своенравный, который то взгрустнет, то рассмеется, у которого грусть похожа на смех, смех на грусть, который отличается удивительной способностью соединять между собой самые несоединимые идеи, сближать самые разнородные образы» [29].

В 1836 г. в «Московском наблюдателе» появилась обзорная статья М. Лихонина «Вельтман и его сочинения». Критик высказал свое мнение о романе: «Конечно, его «Странник» — очень милое произведение, в котором видно много юморизма, блестков ума, игривости и необыкновенной легкости переходить от впечатления к впечатлению; но это, так сказать, разбитое зеркало поэтической души его: это отдельные картинки, лирические отрывки будущего эпика, который прелюдировал своим «Эскандером»; и тут уже было видно, что это молодой орел, который расправляет свои крылья ‹...›» [30].

Новое издание романа в 1840 г. было отмечено «Отечественными записками» (№ 5), не выразившими энтузиазма по поводу встречи со старым добрым собеседником, чьи остроты потеряли для журнала прелесть новизны. Но любители чтения продолжали с увлечением знакомиться со знаменитым произведением [31]. И во всей литературной критике

---

[25] «Московский телеграф», 1831, ч. 39, № 12, с. 487.
[26] Т. е. поэма «Эскандер».— *Ю. А.*
[27] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. I. М., 1953, с. 95.
[28] Там же, т. VIII, 1955, с. 57.
[29] Там же, т. II, 1953, с. 116.
[30] «Московский наблюдатель», 1836, ч. VII, с. 100, 101.
[31] См., напр., «Новости и биржевую газету», 1895, № 12, с. 2. Один из читателей романа сформулировал его ведущую тему, надписав на книге после посвящения известные строки:

XIX в. «Странник» упоминался как одно из лучших произведений Вельтмана, несмотря на приписываемые ему представителями различных направлений недостатки. «Молва» писала:

«Дарование г. Вельтмана давно не подлежит сомнению. В трех частях изданного им «Странника» оно обнаружилось, конечно, не в совсем выгодном для критики свете, с бесчисленным множеством недостатков: но сии недостатки таковы, что их должно приписать не скудости воображения и чувства, из коих образуется талант, а излишеству, которое, в первом брожении, не умеет покоряться строгой, правильной дисциплине. То же самое приметно было и в его стихотворных опытах, где, однако, мимоходом сказать, несмотря на стопы и рифмы, поэзии было несравненно менее, чем в огненной, кипучей прозе «Странника»» [32].

Позже Н. А. Полевой высказал свое мнение в статье «Очерк русской литературы за 1838 год»:

«С самых первых опытов «Странника» 〈...〉 все отличили в Вельтмане поэтическое дарование, оригинальность, искусство рассказа и превосходное искусство завязки в рассказе. Но этому вредило прихотливое своеволие воображения, странности в подробностях и, главнейше, совершенное неумение развязать, и какая-то торопливость, как будто поэт спешит высказать все, что ясно и неясно у него в голове, все, что он знает, что слышал, что думает. И в «Страннике» это уже утомляло» [33].

В том же журнале говорилось: «Совершенно новый, небывалый род сочинений, избранный г. Вельтманом и продолжаемый постоянно, не мог не обратить на себя внимания, во-первых, чудною, часто слишком эскизною легкостью, во-вторых, постоянною идеею, которая есть главное в произведениях каждого автора» [34].

В. Аскоченский так характеризовал писателя: «*Вельтман* преимущественно пред всеми современными романистами отличается самобытною оригинальностью. Лучшие его творения, каковы: «Кощей бессмертный» и «Странник», богаты всею роскошью народной фантазии, не знающей никаких законов, предписываемых наукою» [35].

В «Обозрении русской литературы за 1850 год», помещенном в «Современнике», говорилось: «Затейливость воображения — вот в двух словах главнейшая черта таланта г. Вельтмана. Действительно, если вы не забыли содержания произведений его: «Кощея бессмертного», «Странника», 〈...〉 то вы помните, что в них всего более поражала вас затейливость вымысла, доходившая даже до причудливости» [36].

Я вас люблю,
К чему лукавить,
Но я другому отдана
И буду век ему верна.

(*ГБЛ, шифр* I^{84}_{29})

[32] «Молва», 1833, № 123, с. 489.

[33] «Сын Отечества», 1838, т. II, отд. IV, с. 83, 84.

[34] Там же, отд. VI, с. 15, 16.

[35] *В. Аскоченский.* Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846, § 152, с. 119, 120.

[36] «Современник», 1851, № 2, отд. III, с. 39, 40.

Большую популярность «Странника» отмечают также Г. Н. Геннади [37] Н. В. Гербель [38], А. В. Арсеньев [39].

К 1860-м годам роман стал редкостью[40].

Спустя четверть века после кончины писателя Ап. Коринфский напомнил о большом даровании «всеми забытого, но стоящего целою головой выше многих, не обойденных памятью потомства, писателя. Талант-метеор, он был все-таки *талантом;* им же он остается для всех, памятующих не только литературу, но также и историю литературы, в летописях которой он, по праву, должен занимать свое место»[41].

В «Новом энциклопедическом словаре», вышедшем под редакцией К. К. Арсеньева, мы читаем: «Сложность происшествий и являющаяся отсюда потребность чудесной развязки лишают произведения Вельтмана естественности. Излюбленной формой его творчества была калейдоскопическая смесь прозы и стихов, в которой он достиг виртуозности» [42].

Л. Н. Майков, опубликовавший «Воспоминания в Бессарабии», писал: «〈...〉 сочинял он 〈Вельтман〉 путешествие по географическим картам («Странник»), в котором, впрочем, было мало географического и очень много полушутливой, полугрустной болтовни, а порой и глубоких замечаний 〈...〉» [43]

В статье, написанной по поводу столетия со дня рождения писателя, С. Старосевильский счел возможным заявить: «Во всех литературных произведениях А. Ф. проявлен оригинальный и блестящий, но несерьезный талант: при изумительно богатом вымысле, живости изложения, не чуждой иногда красот истинной поэзии, ему недостает серьезного содержания. Смешивая с редким мастерством прозу и стихи при изложении своих творений, А. Ф. избирал сюжетом этих творений столь сложные происшествия, что они могли получать в его повестях только чудесную развязку, и потому литературные его произведения в их большинстве лишены естественности»[44].

«Остается пожалеть,— отмечал К. Н. Бестужев-Рюмин,— что такой оригинальный и в жизни и в сочинениях писатель до сих пор не имеет ни полной биографии, не подробной критической оценки» [45].

Интерес к творчеству Вельтмана и непосредственно к «Страннику» возрождается с неожиданной силой в 1920-е годы, когда особое внимание

---

[37] «Русский архив», 1872, кн. 10, стлб. 1987.

[38] «Русские поэты в биографиях и образцах». Сост. Н. В. Гербель. СПб., 1880, с. 363.

[39] *А. В. Арсеньев.* Словарь писателей среднего и нового периодов русской литературы XVII — XIX века (1700—1825). СПб., 1887, с. 213.

[40] См.: *Е. Двойченко-Маркова.* Трей скрисорь але луй А. Хаждеу адресате унор оамень де штиинце рушь.— «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1960, № 2, с. 32.

[41] «Всемирная иллюстрация», 1895, № 1355, с. 50.

[42] «Новый энциклопедический словарь». СПб., 〈б. г.〉, кол. 4.

[43] *Л. Майков.* Пушкин. М., 1899, с. 99.

[44] «Русский филологический вестник». Варшава, 1900, т. XLIV, педагогический отдел, с. 86.

[45] «Русское обозрение», 1894, т. 30, с. 536.

уделялось формальному анализу и возникло представление, будто писать литературное произведение можно для демонстрации различных приемов повествовательной формы. В работе Б. М. Эйхенбаума говорилось: «В «Страннике» (1831—32 г.) описывается путешествие по карте — это использовано для создания разных комических эффектов (вроде «Путешествия вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра, который подражал Стерну) ⟨...⟩»[46]. «Сюжетная техника «Странника» характерна для установки этой вещи,— утверждал Б. Я. Бухштаб.— Эффекты «Странника» извлекаются не из слаженности и стройности элементов, но из контраста и борьбы их. Основной принцип — создание шероховатостей, несовпадение, трение элементов»[47]. Ему вторила Т. Роболи: «Прочная традиция сюжетных и стилистических приемов жанра «путешествий» поддавалась пародии и явилась тем органическим материалом, на котором Вельтман развернул свою болтовню»[48].

Подобных же мнений о романе, как образце «игры» с материалом и формой, придерживались Н. В. Измайлов[49], П. Н. Сакулин[50], Н. К. Пиксанов[51] и другие исследователи в 1920—1930-е годы. При всей верности анализа своеобразия художественных приемов писателя роман Вельтмана в этих исследованиях совершенно не существовал как повествование.

Самостоятельным путем в изучении романа пошла З. С. Ефимова, посвятившая пятнадцать лет исследованию творчества Вельтмана. Повторяя устоявшиеся взгляды, она смогла в то же время проанализировать основную тематику произведения, определить его автобиографичность[52].

А. Лежнев[53], Л. Б. Модзалевский[54], А. Г. Цейтлин[55], Ю. Гранин[56] повторили мнение о подражательности «Странника», о зависимости от Стерна, Ксавье де Местра, Жана-Поля. Только в статье В. Ф. Переверзева «Предтеча Достоевского»[57] был подробно проанализирован роман, хотя

---

[46] *Б. Эйхенбаум.* Лермонтов. Л., 1924, с. 143.

[47] *Б. Бухштаб.* Первые романы Вельтмана.— Сб. «Русская проза». Л., 1926, с. 198.

[48] *Т. Роболи.* Литература «путешествий».— Там же, с. 66.

[49] См. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832.—«Труды Пушкинского дома», вып. XLVIII. Л., 1927, с. 105, прим. 1.

[50] *Н. Н. Сакулин.* Русская литература, ч. II. Новая литература. М., 1929, с. 469.

[51] *Н. Пиксанов.* Вельтман Александр Фомич.— БСЭ, 1-е изд., т. 9. М., 1928, стлб. 811.

[52] В единственной опубликованной З. С. Ефимовой статье «Начальный период литературной деятельности А. Ф. Вельтмана» (сб. «Русский романтизм». Л., 1927, с. 51—87) есть ряд фактических ошибок. Более точно проанализирован роман в ее кандидатской диссертации «Творчество А. Ф. Вельтмана (30—40-е гг. XIX столетия)» (М., 1940). Исследовательница не довела до конца свою работу и не опубликовала найденные материалы.

[53] *А. Лежнев.* Проза Пушкина, 2-е изд. М., 1966, с. 241 (1-е изд.—1937 гг.).

[54] *Пушкин.* Письма, т. III (1831—1833), ⟨б. м.⟩, 1935, с. 257.

[55] *А. Г. Цейтлин.* Русская литература первой половины XIX века. М., 1940, с. 299, 300.

[56] *Ю. Гранин.* А. Ф. Вельтман.— В кн.: «Очерки по истории русской литературы первой половины XIX в.», вып. I. Баку, 1941, с. 66—93.

[57] *В. Ф. Переверзев.* У истоков русского реалистического романа. М., 1965, с. 129—141 (1-е изд. под заголовком «У истоков русского реального романа» было напечатано в 1937 г.).

ученый и не пришел к определенным выводам о его ведущих темах и идейном содержании.

За последнюю четверть века оценка романа «Странник» в отечественном литературоведении была коренным образом пересмотрена. В работах Н. Л. Степанова [58], Г. М. Фридлендера [59], А. С. Киделя [60] произведение рассматривается как пародийно-фантастическое повествование, основанное на реальных бытовых и военно-исторических эпизодах, имеющее большое художественное и познавательное значение. Этой же точки зрения придерживаются В. А. Евзерихина [61], Л. Н. Оганян [62], Ю. Д. Левин [63]. Однако специальной работы, посвященной анализу «Странника», до сих пор не появилось. Зарубежное литературоведение и в наши дни продолжает использовать устаревшую концепцию [64]. В книге С. Гольдгарт говорится о связи романа с сентиментальной прозой, с произведениями Байрона [65].

Принципиальный идейно-художественный анализ первого романа Вельтмана позволяет поставить его в ряд значительных произведений русской литературы первой половины XIX в.

---

58 *Н. Л. Степанов.* Проза двадцатых-тридцатых годов.— В кн.: «История русской литературы», в 10-ти томах, т. VI. М.— Л., 1953 с. 544.

59 *Г. М. Фридлендер.* Нравоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов.— В кн.: «История русского романа», в 2-х томах, т. 1. М.— Л., 1962, с. 273.

60 *А. Кидель.* А. Ф. Вельтман.— «Днестр», 1957, № 3, с. 134.

61 *В. А. Евзерихина.* «Герой нашего времени» и русская литература 30-х гг. XIX в. (канд. дис.). Л., 1960, с. 158.

62 *Л. Н. Оганян.* А. С. Пушкин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана.— Сб.: «Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева», т. II. Кишинев, 1961, с. 211—226.

63 *Ю. Д. Левин.* «Волшебная ночь» А. Ф. Вельтмана. (Из истории восприятия Шекспира в России).— В кн.: «Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева». М.— Л., 1966, с. 84.

64 См., напр.: *Růžena Grebeničková.* Sterniánstvi v ruské proze.— «Československa rusistica», 1965, N 1, s. 17.

65 *Stella Goldgart.* Późna proza Aleksandra Weltmana. Krakow, ‹i. d.›, 1971, s. 16.

ПРИМЕЧАНИЯ

«СТРАННИК»

Первую часть романа Вельтман передал в цензурный комитет в начале января 1831 г. О предстоящем выходе произведения из печати еще ранее сообщил «Московский телеграф». Публикуя в № 20 за 1830 г. фрагмент романа под заголовком «Отрывок из рукописи: Странник, или Путешествие по географическим картам», издатель писал в примечании: «Мы просили любезного автора познакомить предварительно с его сочинением читающую публику через Телеграф. Он подарил нас описанием Кишинева. Мысль прекрасная и новая: автор путешествует, сидя в кабинете и только разложа перед собой географическую карту. Читатели могут сами судить об исполнении. Рукопись г-на Вельтмана скоро поступит в печать». В данном номере журнала были помещены главы XXXV — L «Странника». Текст предварял эпиграф:

Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия, вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду.

В дальнейшем это четверостишие как часть стихотворения было помещено в главе X романа. Расхождения между журнальным вариантом и отдельным изданием сводились к следующему: в главе XLVIII, напечатанной в «Московском телеграфе», после слов «опустил очи свои, вспомнив», вместо прозаического рассуждения, имеющегося в отдельном издании, шли стихи:

Иди во храм! Там не молитв слова,
Не умиления алмазы там нависли;
Там ищет нежный взгляд отвлечь от божества
И соблазнить твои святые мысли.

В той же журнальной главе отсутствовало стихотворение «О как мила! как богомольна!» — на странице был пропуск.

В первую часть романа автор включил стихотворения, напечатанные ранее в № 1 журнала «Сын Отечества» за 1828 г. под названиями «Ожидание» и «Юная грешница». Без заголовков они появились в главах XIV и XLVIII «Странника». Кроме того, названные стихотворения были перепечатаны в альманахе «Северная звезда» за 1829 г., а «Юная грешница» — еще и в 1831 г. в альманахе «Денница».

Во втором номере «Московского телеграфа» за 1831 г. была напечатана поэма «Эскандер» (под рубрикой «Стихотворения»). В том же году в альманахе «Сиротка» появились «Лагерные картины» без подписи автора: это была публикация глав CCLXXIV и CCLXXV романа, а в альманахе «Денница» — фрагмент под заголовком

«Отрывок из 2-ой части «Странника». День 18. CXXXVI». Он соответствовал главам CL, CLIII — CLVII.

Последней публикацией отдельных страниц романа в периодической печати начала 1830-х годов явился напечатанный в «Московском телеграфе» (1832, ч. 48) «Диалог Овидия и Августа». Это была глава CCXC произведения.

Часть I романа впервые была издана в марте 1831 г. (цензурное разрешение 23 января 1831 г.), часть II — осенью того же года (цензурное разрешение 20 августа 1831 г.), часть III — в декабре 1832 г. (цензурное разрешение — 6 октября 1832 г.).

В 1840 г. часть I «Странника» вышла вторым изданием (цензурное разрешение 12 августа 1838 г.). В этом же году выпустили новое карманное издание романа (цензурное разрешение 25 октября 1835 г.). Таким образом, за десять лет было осуществлено три издания части I и два — частей II и III. Разночтения между ними незначительны, они сводились к стилистической правке.

В дальнейшем печатались только фрагменты романа. В «Русском архиве» (1885, № 1) появились «Стихи археолога А. Ф. Вельтмана к одной даме». Они соответствовали стихотворению «В вас много чувства и огня» главы CXLVIII «Странника». Отрывок из романа помещен в книге И. Халиппы «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. 1820—23 гг.» (Кишинев, 1899, с. 47). Первые главы «Странника» напечатаны в «Хрестоматии по русской литературе XIX в.» (сост. А. Г. Цейтлин. изд. 2-е. М., 1938). В сборнике «Поэты 1820—1830-х годов» (Библиотека поэта, Большая серия, т. 2. Л., 1972) в подборку стихотворных произведений Вельтмана вошли поэма «Эскандер» и стихотворные фрагменты романа.

Настоящее издание подготовлено по последнему прижизненному (цензурное разрешение 25 октября 1835 г.) с учетом первых изданий.

Иноязычные слова, словосочетания и фразы, включенные в роман, большей частью отличаются от современных литературных норм, от принятых ныне орфографии и транскрипции, что не оговаривается при переводе.

Часть I

[1] Стихотворение, использованное для эпиграфа, действительно помещено в части II романа, в главе CXVIII, но в несколько измененном виде. Три последних стиха отсутствуют, на их месте совершенно другое четверостишие.

[2] Роман посвящен Екатерине Павловне Исуповой. В главе CXXIII автор от этого посвящения отказывается.

[3] *Дюбек* — сорт табака.

[4] *...подобно Пиррону и его последователям...* — Пиррон (ок. 365 — ок. 275 до н. э.) — основатель древнегреческого скептицизма. Одним из основных положений его учения было воздерживаться от всякого суждения, так как оно не связано ни с каким объективным миром и свидетельствует только о субъективном состоянии. Сам Пиррон не оставил никаких письменных трудов, его взгляды изложили ученики, в первую очередь Тимон из Флиунта и Евсевий.

[5] *Треугольник* — чертежный инструмент.

[6] *...Подолию... Тульчин.* — Подолия (Подольская губерния) имела западной границей государственную границу Российской империи, на севере граничила с Волынской, на востоке — с Киевской, на юге — с Херсонской и по Днепру — с Бессарабской губерниями. Тульчин — небольшой городок в Подольской губернии, вблизи реки Буг. Во время службы автора в Бессарабии в Тульчине находилась Главная квар-

тира (штаб) Второй армии. Из Тульчина Вельтман и выехал впервые на топографические съемки. После назначения старшим адъютантом и начальником исторического отделения Главной квартиры Второй армии Вельтман значительную часть времени находился в Тульчине.

7 *Нубия* — пустыня в Африке. Упоминая о Нубийской пустыне, Вельтман предваряет читателя, что место действия романа будет не раз в воображении автора переноситься в Африку.

8 Имеется в виду древнегреческий миф о том, как Геракл обошел всю Европу и Ливию в Африке и поставил две скалы на берегах Гибралтарского пролива. Отсюда и выражение «дойти до Геркулесовых столпов», т. е. до возможного предела.

9 Имеется в виду нынешний Могилев-Подольский. В ту пору он был уездным городом Подольской губернии, около него находилась одна из главнейших переправ через Днестр на пути в Бессарабию.

10 *Карантин* — постоянный или временный наблюдательный санитарный пост на границах государства, губернии или округа, охваченных какой-либо эпидемией. В карантинах задерживались путешественники или проезжие, их вещи дезинфецировались или уничтожались. Письма в карантине подвергались дезинфекции, сопровождаемой проколами. В чумные эпидемии Вельтман учреждал карантины, а летом 1830 г. сам был задержан в карантине.

11 *Тацит* Публий Корнелий (55—120) — римский историк, автор «Анналов», «Истории» и других сочинений.

12 ...*предсказаний Нострадамуса*.— Нострадамус (Нотр-Дам) Мишель (1505—1566) — французский врач, лечивший короля Карла IX, астролог. Автор книги «Века», якобы предсказывавшей будущие события.

13 *Хотин* — городок на самом севере Бессарабии с крепостью второго разряда. Расположен на правом, возвышенном и обрывистом, берегу Днестра. Вельтман рассказывал в «Воспоминаниях»: «От монастыря Сорóк проезжая в Хотин, где также есть готской архитектуры замок, почти во всем Хотинском цынуте вы встретите совсем уже другой мир и подумаете, что какая-то сила внезапно вас перенесла в Малороссию. Тут живут руснаки (так они сами себя называют), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готический замок Хотина над самым Днестром, на береговом холме, обнятом лощиной, похож на замок Конвай в Бретани. Теперь он составляет уже цитадель крепости. До приобретения Хотина русскими этот город считался сильнейшим во всей Молдавии» (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 113). Во время службы писателя в военно-топографической комиссии в Хотине находились чертежные, которые описаны им в стихотворении «Послание к друзьям» (см. Дополнения).

14 *Бессарабия* — территория между Днестром, Прутом и низовьями Дуная. По окончании русско-турецкой войны 1806—1812 гг. на основании Бухарестского мирного договора вошла в состав России

15 *Цынут* (молд.: цинут) — уезд. Бессарабия была разделена на цынуты.

16 ...*джока*...— Джок (молд.: жок) — хороводный молдавский танец. Обозначает также народное гуляние. Музыкальный размер $^2/_4$, встречается также $^6/_8$, $^3/_8$. На мотив джока Вельтман в начале 1820-х годов написал шутливую песенку «Джок» (см. Дополнения).

17 ...*как в Паросском мраморе стерлись некоторые оды Сафо*.— Сафо (Сапфо) (конец VII — первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. Ее стихи вырезались на мраморе, который добывался на острове Парос в Эгейском море.

18 Впервые эти восемь стихов были опубликованы в 1828 г. в первом номере журнала «Сын Отечества» как стихотворение под заголовком «Ожидание». Затем их напечатали в альманахе «Северная звезда» за 1829 г.

19 *Дон Жуан* — В данном случае имеется в виду герой поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (1819—1823). Покидая родину, Дон Жуан обращается к ней со словами: «Прощай, прощай, родимый брег» (песнь I).

20 ..*аббат Бартелеми*...— Бартелеми Жан Жак (1716—1795) — французский писатель и ученый. Автор романа «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788). Русский перевод был напечатан в 1803—1819 гг. в девяти томах. В романе рассказывается о путешествии по Древней Греции скифа, интересующегося нравами,

культурой и политическим строем государств, которые ему довелось посетить. Произведение Бартелеми способствовало формированию замысла романа Вельтмана «Александр Филиппович Македонский».

[21] *...это слова Аристотеля, Дионисия Геликарнасского, Квинтиллиана, Цицерона и пр.‹очих› у.‹мных› м.‹ужей›.*— Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. Среди его многочисленных произведений дошли до нас «Риторика» и «Поэтика». Дионисий Галикарнасский (вторая половина I в. до н. э.) — древнегреческий историк и ритор. В работах «О сочетании слов», «О Лисии», «Об удивительной силе красноречия Демосфена» и в «Письмах» излагает свое учение о литературном стиле. Квинтиллиан Марк Фабий (ок. 35— ок. 96) — древнеримский теоретик ораторского искусства, автор сохранившегося трактата «Об образовании оратора». Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — древнеримский оратор, писатель, политический деятель. Создал ряд сочинений по вопросам ораторского мастерства.

[22] *Витгенштейн* Петр Христианович (1769—1843) — русский генерал-фельдмаршал. С 1818 г.— командующий Второй армией, во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.— главнокомандующий (до февраля 1829 г.) русской армией.

[23] *Ласепед* Бернар Жермен Этьен де ла Виль (1756—1825) — французский зоолог, автор «Естественной истории человека», вышедшей в русском переводе в 1831 г. В своем сочинении Ласепед продолжал «Естественную историю» Ж. Бюффона. Многотомное сочинение Ж. Бюффона было в библиотеке Вельтмана (см.: *Ю. Акутин.* Из книг А. Ф. Вельтмана.— «Литературная Россия», 1974, № 34).

[24] Молдавией (Молдовой) называлось господарство, расположенное за рекой Прут, граничившее с Валахией, Добруджей, Буковиной, Трансильванией.

[25] *..Мильтон и Данте не представили маршрута, составленного Орфеем.*— Милтон Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай», часть действия которой происходит в аду, «тартаре». Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, создатель поэмы «Комедия» («Божественная Комедия»). Действие первой части произведения («Ад») рассказывает о том, как поэт, руководимый Вергилием, спускается по девяти кругам в подземную воронку «тартара». Орфей — мифический певец Древней Греции. Он спустился в Аид, «тартар», чтобы вернуть умершую жену Евридику на землю.

[26] *Шенье* Мари Жозеф (1764—1811) — французский писатель, публицист, автор трагедий «Карл IX, или Варфоломеевская ночь», «Жан Калас», «Генрих VIII».

[27] Турецкая (Османская) империя занимала значительную территорию Балканского полуострова, граничила с Россией, под ее игом находились Греция и господарство Болгария, Молдавия (Молдова), Валахия. В результате русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Греция получила независимость.

[28] *Монтекукулли* Раймунд, герцог Мельфи (1603—1680) — австрийский фельдмаршал, военный теоретик. В «Записках, или Главных правилах военной науки...», вышедших в русском переводе в 1760 г., систематизировал и анализировал военно-теоретические взгляды своей эпохи. Вельтман специально занимался изучением военной истории, в его библиотеке находились книги Наполеона, Савара, Каррьон-Ниса́, Мемана, Нуажеля и др.

[29] *Александр Великий* (Македонский) (356—323 до н. э.) — царь Македонии, выдающийся полководец и государственный деятель древнего мира. Сын македонского царя Филиппа II и Олимпии. Вокруг личности Александра с древних времен сложилось множество домыслов и легенд. Утверждалось, что он сын не Филиппа II. О походах Александра писали многие западные и восточные писатели и историки.

Образ Александра Македонского чрезвычайно привлекал Вельтмана. Ему он посвятил стихотворение «Александр Великий» («Московский телеграф», 1829, № 17), где восклицал:

Он впереди, тот юноша прекрасный,
Герой и царь, и друг богов,
Пред коим все как сонм рабов,
Кому земля удел подвластный!

К судьбе полководца писатель неоднократно возвращается и на страницах «Странника». Впоследствии Александр становится действующим лицом романа «Александр Филиппович Македонский».

30 *Абдул-Фараг и Саид-Эбн-Батрик...*— Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (ум. в 976) — арабский писатель, автор «Книги песен», обширного сборника биографий. Саид бен эль Батрик (876—934) — арабское имя ученого Евтихия, написавшего на арабском языке книгу, излагающую всемирную историю.

31 *Юстин* — римский писатель II—III вв., автор сокращенного изложения не дошедшей до нас «Всемирной истории» римского ученого Трога Помпея.

32 *...хоть Гораций и велел убегать...*— Гораций Квинт Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт, автор од, эподов, сатир, посланий. Возможно, Вельтман имеет в виду девятую сатиру I книги сатир «Шел я случайно священной дорогою — в мыслях о чем-то» (*перевод М. Дмитриева*).

33 *...к халдейским преданиям...*— Халдеи — обитатели древней Вавилонии. Далее Вельтман излагает эпизод из вавилонского эпоса «О все видавшем». Герой произведения Гильгамеш, желая обрести бессмертие, отправляется к своему предку Ксизутру (Ксисуфру, Атрахасису, Утнапиштиму), которому боги даровали бессмертие. Его последнее имя означает «Он обрел жизнь». Достигнув своего предка, Гильгамеш делает попытки узнать тайну вечной жизни. Утнапиштим рассказывает ему о мировом потопе, о том, как по совету бога Эа он соорудил ковчег и спасся от водяного хаоса.

34 *Крон* (Кронос) — одно из древнейших божеств древнегреческой мифологии. Во время золотого века Крон управлял миром. У Вельтмана Крон отождествляется с вавилонским богом Эа.

35 *Элаим* (Элохим) — бог израильских племен (букв.: боги, множественное величества), одно из имен, принятых в Библии.

36 *Кар-кура* (Каркура) — так халдеи называли Араратские горы, к которым якобы пристал ковчег.

37 Стадий — древнегреческая мера длины, равная примерно 189 м (по Геродоту).

38 *...монастырь Городище.*— Вот что рассказывает Вельтман в своих воспоминаниях:

«Верстах в сорока от Орхея, на Днестре, в вершине береговых скал, есть монастырь Городище. Смотря снизу от реки, кельи кажутся норами птиц, скалы стоят стеной. Взобравшись на гору, в объезд по каменистой крутой дороге, вы найдете там несколько домов, принадлежащих к монастырю, обитель настоятеля и сады. Настоятель поведет вас через сады к вершине скалы; вышина ужаснет вас, когда вы приблизитесь к обрыву и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лесенке. По положенной над обрывом доске вы перейдете в старую церковь и в искусственные пещеры, вырубленные в камне; в последнюю должны пролезть сквозь узкий проруб. Здесь хранится несколько старых оружий, и широкое отверстие наружу заделано толстыми дубовыми досками, в которых прорублены ружейные амбразуры. Говорят, что здесь в старину христиане скрывались от татар. Возвратившись на уступ скалы, составляющий площадку, вы помолитесь богу в новой церкви, вырубленной также в камне, посетите трапезную и калугерей в их пещерах с одним окошком и трубой, выведенной наружу скалы. Высота скалы над Днестром до ста сажен. Настоятель вас угостит вином своих садов и сотами меду ⟨...⟩». (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 112, 113).

39 *Руссо* Жан-Жак (1712—1778) — французский философ, политический мыслитель, писатель. Он считал, что ответственность человека перед моральными нормами общества можно усилить, связав их с религией. На это и обращает внимание Вельтман, пересказывая мысль философа.

40 *...великого Стефана...*— Стефан III Великий (ум. в 1504) — молдавский господарь в 1457—1504 гг. В это время Молдавия вела борьбу с Турцией. В битве 17 января 1475 г. у реки Васлуя молдавское войско одержало победу.

41 *Эдем и Эйрен* — различные наименования сказочного рая.

42 *Скюдери* Мадлен де (1607—1701) — французская писательница, автор многотомных галантно-авантюрных романов «Артамен, или Великий Кир» и «Клелия, или Римская история».

43 *...20-й оды Горация ..*— Возможно, имеется в виду 24-я ода I книги од Горация, в которой высказана мысль:

> Но, не ропщи, легче мы вынесем
> То, что изменить нельзя.
>
> (*Перевод О. Румера*).

44 *Кишинев* — в 1820-е годы заштатный городок, центр Бессарабской области.

45 *...Застал в чужом распоряженье.*— В отсутствии Агамемнона в Микенах его жена Клитемнестра вступила в связь с Эгистом и с его помощью убила вернувшегося мужа.

46 *... уничтожаются брачные связи...*— Имеется в виду тот случай гражданского права, когда брак прекращается, так как один из супругов считается «безвестно отсутствующим».

47 *Тит* Флавий Веспасиан (41—81) — римский император, возглавлявший войска, взявшие и разрушившие Иерусалим. Народ называл его «любовью и утешением человеческого рода».

48 *...Дид и Ладо... Лель!..*— божества древнеславянской мифологии.

49 *Лукулл уже готов был вступить в битву с Тиграном...*— Лукулл Луций Лициний (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Командовал в 74—66 гг. до н. э. римскими войсками в Третьей Митридатовой войне. Тигран II Великий (95—56 до н. э.) — армянский царь. Был вовлечен в войну с римлянами. Лукулл разбил Тиграна II при Тиграноцерте и Артаксате в 69 г. до н. э.

50 *Абуб* (угаб) — свирель, древний еврейский музыкальный инструмент.

51 *...храма Соломонова...*— По Библии, великолепный храм, построенный царем Соломоном в Иерусалиме с помощью тирского царя Хирама. Из Тира доставляли строительные материалы, приглашали лучших архитекторов и художников. Строительство началось около 1010 г. до н. э. и продолжалось семь с половиной лет.

52 *Кирхер* Атанасий (1602—1680) — немецкий ученый, занимавшийся изучением лингвистики, древностей. Написал исследование о звуках и музыке «Musurgia universales» (1650).

53 *Кальме* Августин (1672—1757) — ученый, родом из Лотарингии, занимался археологией библейских времен. Написал ряд работ по истории еврейского народа, издал «Исторический критический словарь Библии» (1722).

54 *Талмуд* (древнеевр.: изречение, обучение) — собрание толкований Библии, религиозных и правовых предписаний, легенд, сложившихся в III в. до н. э.— V в. н. э.

55 *Мазил* — молдаванский зажиточный житель, однодворец.

56 *Арнауты* — албанцы, жившие в Бессарабии.

57 *Митрополия* — архиерейская домовая церковь в Кишиневе, построенная первым кишиневским митрополитом Гавриилом. Сохранилось описание митрополии в дневнике сослуживца Вельтмана, прапорщика Ф. Н. Лугинина, в записи от 4 июня 1822 г.: «Наконец собрался и я сходить к обедне и был в здешней Митрополии, где бывает довольно много.— Видел там Пушкина; был также и полковник наш, которого сегодня и не узнал я в мундире.— Хорошеньких довольно. Служба совершенно наша, но церковь длиною более похожа на дом; ризы не богаты. После обедни говорил епископ довольно плохую проповедь...» («Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, с. 670).

58 Впервые это стихотворение было опубликовано в 1828 г. в «Сыне Отечества» (№ 1, с. 86), затем напечатано в альманахе «Северная звезда» за 1829 г. (с. 72).

59 *Страбон* (63 до н. э.—17 н. э.) — древнегреческий географ, автор труда «География» в 17-ти книгах. *Ливий* Тит (59 до н. э.—17 н. э.) — древнеримский историк, автор «Римской истории от основания города» в 142-х книгах, из которых сохранилось 35. *Курций* Руф Квинт (I в. н. э.) — древнеримский историк и ритор, написал «Историю Александра Македонского». *Аммиан Марцеллин* (ок. 330— ок. 400) — римский историк, автор сочинения «Деяния».

60 *Аттила* (ум. 453) — вождь гуннского союза племен. Вполне понятно, что Страбон, Ливий, Курций Руф и Аммиан Марцеллин не могли писать о нем. Вельтман изу-

чал историю походов Аттилы и издал в 1858 г. сочинение «Аттила и Русь IV и V веков».

61 *Децибал* — царь даков в I в. н. э. В 86 г. вторгся в Мезию, разбил римлян и захватил большую часть провинции. Впоследствии император Траян разбил даков. Децибал, раненный на поле битвы, лишил себя жизни.

62 *Мезия* — в древности страна между Нижним Дунаем и Балканами, потом — римская провинция. *Певциния* — территория к северу от Мезии, которую занимало племя певкинов. Вельтман использует игру слов: Мезия — мезиец — мизинец.

63 *Плутарх* (ок. 46 — ок. 127) — древнегреческий историк, писатель и философ-моралист, автор сочинения «Параллельные жизнеописания», в которое входит «Жизнь Перикла».

64 *Сен-Реаль* Сезар Вишар де (1639—1692) — французский историк, автор многих сочинений по истории Древнего Рима.

65 *...при Термопилах...*— В 480 г. до н. э., в период греко-персидской войны, персидское войско, возглавляемое царем Ксерксом, прорвалось через горный проход Фермопилы, защищаемый греками во главе со спартанским царем Леонидом.

66 Битва под Марафоном состоялась 13 сентября 490 г. до н. э., в период греко-персидской войны. В ней афиняне и платейцы под командованием Мильтиада одержали крупную победу над персидским войском, возглавляемым полководцами Датисом и Артаферном.

67 *...с одним знатным бояром молдаванским.*— В этой и следующих двух главах писатель рассказывает о встрече с Егором Кирилловичем Варфоломеем (см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии»).

68 *Прометей* — в древнегреческой мифологии титан, богоборец и защитник людей, научившихся у него пользоваться огнем. За противодействие богам Прометея приковали к кавказской скале, и огромный орел прилетал каждое утро и клевал печень титана.

69 *Ланьель* — неустановленное лицо.

70 *...главу из Аль-Корана...*— Аль-Коран (Аль-Кур'ан, букв.: книга, чтение) — собрание высказываний Мухаммеда (Магомета) ибн Абдаллаха (570—632), политического деятеля и проповедника, основателя ислама. Коран записан сподвижниками Мухаммеда ибн Абдаллаха после его смерти. Ряд глав (сур) Корана рассказывает о плотских радостях в раю. Так, например, в суре 47-ой говорится:

«16(15). Образ сада, который обещан богобоязненным: там реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих.

17. И реки из меду очищенного. И для них там всякие плоды и прощение от их Господа» (Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 404).

Рассказывается в Коране также о наслаждениях с вечнодевственными гуриями. Эти мотивы и использовал Вельтман в рассказе о мухаммеданском рае.

71 Вельтман написал стихотворение «Мегеммед», посвященное жизненному пути Мухаммеда ибн Абдаллаха. В нем пророк говорит о грядущем рае:

Восток! тебе на лоне Абраэма
Отверсты горние, сапфирные врата,
И вечный цвет любви под пальмами Эдема
Готовит сладкие объятья и уста!

(*«Московский телеграф», 1829, № 5, с. 45*).

72 *Альборак* — конь Мухаммеда ибн Абдаллаха.

73 *...книгу Азар...*— Возможно, книга «Асар-и ахмеди», биография Мухаммеда ибн Абдаллаха.

74 *...манну и Земзен...*— В Библии манна — белые шарики, упавшие с неба и использованные в пищу евреями, продвигавшимися в пустыне под водительством Моисея. По-видимому, имелся в виду лишайник, встречающийся в засушливых областях Юго-Восточной Европы, Юго-Западной Азии и Северной Африки. Он свободно лежит на почве и легко переносится ветром. Земзем — колодец в священном городе мусульман Мекке. Его вода почитается целебной.

[75] Обращение к Е. П. Исуповой.

[76] *...Рафаэль... Азаель!* — Вельтман рифмует имя итальянского художника Рафаэля Санти (1483—1520) с именем Азаель, напоминающим имена ангелов еврейской мифологии, в число которых входит и ангел Рафаэль (Рафаил).

[77] Стихотворение — отрывок из первого варианта стихотворной повести «Беглец» (см. прим. к отрывку из этого произведения, напечатанному в Дополнениях). Посвящено оно Марии Маврокордато.

[78] *Буджак* — Буджакская степь, южная часть Бессарабии.

[79] Перечисляются дома жителей Кишинева 1820-х годов.

[80] *...по пустыням Гетским.*— Местность между Балканами и Дунаем. Здесь жили племена гетов.

[81] *Телемак* — сын Одиссея; его воспитывал Ментор, побуждавший ученика отправиться в плавание на поиски отца.

[82] *Тирасполь* — уездный город Херсонской губернии на берегу Днестра. С 1826 по 1835 г. был крепостью второго класса.

[83] *Драбант* — телохранитель военачальников, воин особой стражи. Впоследствии — особый гвардеец.

[84] Карл XII (1682—1718) — король Швеции, сын Карла XI. После поражения в русско-шведской войне под Полтавой (1709) присоединился к туркам, вел с ними переговоры о совместной войне против России. Война окончилась в 1711 г. Карл XII основал шведскую колонию в Бендерах и старался вновь склонить Турцию к военным действиям. Турки требовали ликвидации колонии. Король Швеции не согласился и с 50 воинами отбивался от отрядов турок и татар. После падения Бендер Карл XII с воинами засел в доме, но строение загорелось. Король бросился к другому зданию, споткнулся, упал и был взят в плен.

[85] *Converted*

[86] *...мититика... сербешты, булгарешты и чабанешты.*— Молдавский, сербский, болгарский и чабанский (пастуший) танцы.

[87] *...по карте древней истории Бессарабии...*— Эта карта, приложенная к книге Вельтмана «Начертание древней истории Бессарабии» (1828), была составлена самим автором (см. прим. к отрывку из книги, напечатанному в Дополнениях).

[88] *Тирас* — колония древних греков в устье Днестра.

[89] *Паланка* — укрепленное селение возле устья Днестра.

[90] *...переселенка с острова Мило:..*— Венера Милосская, всемирно известный памятник древнегреческого ваяния.

[91] *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт, который воспевал любовь, вино, праздность.

[92] *Аккерман* — городок на Днестровском лимане. Он отошел к России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. На месте Аккермана был расположен древнегреческий город Тира. Ныне — Белгород-Днестровский.

[93] *Овидий* Назон Публий (43 до н. э.— ок. 18 н. э.) — римский поэт, сосланный в конце 8 г. н. э. Октавианом Августом в город Томы (ныне Констанца). В этом городе он и умер. На протяжении нескольких веков строились различные, порой фантастические, догадки о местонахождении города Томы. Вельтман тоже интересовался судьбой Овидия. Вопреки собственному стиху «Зачем нам знать, где жил изгнанник сей» в четверостишии, завершающем главу LXXXI «Странника», он много лет настойчиво пытался установить, где в действительности был расположен город Томы. В 1840-е годы до него дошли сведения, что гробница Овидия находится якобы в местности, носившей название Азак. Писатель предположил, что местность называлась Азов, и в 1866 г. опубликовал работу «Дон. I. Место ссылки Овидия». Но тогда уже стало известно, где в действительности находились древние Томы. В романе «Странник» Вельтман решил раскрыть еще одну историческую тайну: что явилось причиной ссылки поэта. И он выдвигает версию, что Овидий оскорбил творческое самолюбие Августа.

[94] *«Оберон»* — фантастическая поэма немецкого писателя Христофа Мартина Виланда (1733—1813), появившаяся в 1780 г. Семь лет спустя был напечатан ее русский перевод.

[95] *Кук* Джеймс (1728—1779) — английский мореплаватель. Описал свои путешествия к Южному полюсу и вокруг света, плавание в Тихом океане.

[96] *Вот как описывает ее бурный поэт!* — Два следующих за этой фразой стихотворных отрывка принадлежат перу Вельтмана. Они взяты из стихотворной сказки «Янко чабан», которую он сочинял в начале 1820-х годов. Рукопись произведения не обнаружена. На свое авторство писатель указал в «Воспоминаниях о Бессарабии». Там же он рассказал кратко о произведении: «Вскоре Пушкин, узнав, что я тоже пописываю стишки и сочиняю молдавскую сказку в стихах «Янко чабан» (пастух Янко), навестил меня и просил, чтоб я прочитал ему что-нибудь из «Янка». Три песни этой нелепой поэмы-буффы были уже написаны; зардевшись от головы до пяток, я не мог отказать поэту и стал читать. Пушкин хохотал от души над некоторыми местами описаний моего «Янка», великана и дурня, который, образовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери, и младенец, проломив ручонкой стену, вылупился из хаты, как из яйца». (*А. Ф Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 131).

[97] *Аквилон* — римское название холодного северо-восточного или северного ветра. Римляне представляли его, как и другие ветры, в виде божества.

[98] *Аврора* — в древнегреческой мифологии мать звезд и ветров, утренняя заря.

[99] *Феб* (Аполлон) — в древнегреческой мифологии один из главных божеств Олимпа. Был также божеством солнечного света, проезжавшим на колеснице по небосклону. Именно в этом облике Аполлон и получил имя Феба, т. е. Блистающего.

[100] *Фаэтон* — экипаж. В древнегреческой мифологии Фаэтон — сын бога солнца Гелиоса. Он попытался управлять солнечной колесницей, но не справился с делом и начал падать. Зевс, чтобы спасти Землю от солнечного огня, поразил его молнией.

[101] *...эта история продолжается слишком 7 тысяч лет...* — Имеется в виду библейское летосчисление, начиная от «сотворения мира».

[102] *...Юстине, Ариане, Квинте Курции, Плутархе, Птоломее, Диодоре Сицилийском; в Фирдоуси ибн Ферруке...* — Юстин — см. прим. 31 к ч. I. Арриан Флавий (между 95—175) — древнегреческий историк и писатель, автор сочинения «Анабасис Александра», ценнейшего источника по истории походов Александра Македонского. Курций Руф Квинт — см. прим. 59 к ч. I. Плутарх — см. прим. 63 к ч. I; в его «Параллельные жизнеописания» входит «Жизнь Александра Македонского». Птоломей — сподвижник Александра Македонского, составил воспоминания о его деятельности. Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор труда «Историческая библиотека». Фирдоуси Абуль Касим (между 393 и 341 — ок. 1020) — таджикско-персидский поэт, автор «Книги о царях» («Шахнаме»), в которой рассказывается и об Александре Македонском.

[103] *Магомет бен Емир Коандшах, Хамдаллах бен Абубекр, Яхиэ бен Абдаллах, Дахелуи* — названы арабские писатели и ученые, упоминавшие в своих произведениях об Александре Македонском. Транскрипция их имен отличается от принятой в настоящее время.

[104] *Абдал Рахман бен Ахмед* — Джами Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад (1414—1492) — таджикско-персидский писатель. Написал прозаическое произведение со стихотворными вставками «Бахаристан» («Весенний сад»). В известном тексте произведения нет поэмы, близкой «Эскандеру», на что намекает и Вельтман в следующих ниже строках. Высказывалось мнение, что ссылка на Джами восходит к какому-нибудь сомнительному источнику. Представляется более вероятным, что указание Вельтмана на «первоначальный манускрипт» — мистификация. У Джами есть произведение «Книга мудрости Александра Македонского», но в ней тоже не упоминается история, рассказанная Вельтманом.

[105] *Вавилон* (аккадское: Бабилу, букв.: врата бога) — в древности город в северной части Двуречья на берегу Евфрата. В 331 г. до н. э. Вавилоном овладел Александр Македонский

[106] *«Эскандер».*— Поэма написана 10 июня 1828 г. В 1831 г. она была напечатана в «Московском телеграфе» (№ 2) с примечанием издателя: «Читатели припомнят, что в Мифах Востока под именем истории Эскандера повествуется история

Александра Македонского» (с. 195). О последней любви Александра к Зенде Вельтман говорит и в романе «Александр Филиппович Македонский» (см. Дополнения). Черновая рукопись напечатана в Дополнениях.

107 *...но чей он потомок — преданья не молвят.*— Легенды о происхождении Александра Македонского приводятся Вельтманом в гл. XXVII. На самом деле отец Александра — Филипп II Македонский (ок. 389—336 до н. э.).

108 *...владельца Олимпа!*— Имеется в виду Зевс.

109 *...Эритрейские волны...*— Эритреей в древности называли Красное, или Чермное, море.

110 *Амон* (Аммон) — древнеегипетский бог. В Египте Александр посетил святилище Амона, и жрец объявил его «сыном Амона».

111 *В устах чудотворного Нила мой памятник вечный...*— Город Александрия, основанный Александром в 332—331 гг. до н. э.

112 *Священные Гангеса волны..* — Ганг — река на полуострове Индостан. Александр со своими войсками достиг реки, покоряя Западную Индию.

113 *Иран и Индийские царства...*— В IV в. до н. э. территория Ирана входила в состав древнеперсидской державы Ахеменидов. Под индийскими царствами Вельтман имел в виду ряд рабовладельческих государств, к середине I тысячелетия до н. э. образовавшихся на полуострове Индостан, из которых в источниках упоминаются Магадха, Гандхара, Кашала, Анга и др. В период вторжения войск Александра часть долины р. Инд была завоевана Ахеменидами.

114 *Вел* — ассиро-вавилонское верховное божество.

115 *...дебри Зульмата* — в мифологии мусульманского Востока лесные дебри, под непроницаемым для солнца сводом которых сохраняется источник «живой воды», называемый Аб-Хэйд (Аб-и хайяб).

116 *Парки* (Мойры) — в древнегреческой мифологии богини человеческой судьбы Киото, Лахесис и Атрона. Первая прядет нить человеческой жизни, вторая проводит через все уготованные судьбою превратности жизни, третья перерезает нить, обрывая жизнь человека.

117 *..испить воды из Аб-Хэида...*— Аб-Хэид — см. прим. 115 к ч. I.

118 *Звезды Таи и Азада...*— звезды первой величины в созвездии Орла и в созвездии Льва.

119 *В храм Хаабаха...*— Хаабаха (Кааба) — храм в Мекке, святыня мусульман. В нем хранится священный черный камень.

120 *Серапис* — в древнеегипетской мифологии бог подземного царства.

121 *В объятиях Леды, божественный лебедь...*— Имеется в виду миф об увлечении Зевса Ледой, дочерью царя Этолии. Когда Леда купалась в реке, бог приплыл к ней в образе лебедя.

122 *...дворец Истакара...*— Истакар — столица персидского государства в VI—V вв. до н. э. Город был взят и разрушен Александром Македонским в 330 г. Роскошный дворец царей погиб во время пожара.

123 *Понт* (древнегреч.) — море. Имеется в виду Эгейское море.

124 *...Лектонию...*— Лектон — мыс в Малой Азии у Эгейского моря.

125 *Куда носила вас фаланга?* — Фаланга — паукообразное ядовитое насекомое, встречается в теплых и жарких странах. Одновременно фаланга в Древней Греции и Македонии — прямолинейное построение для боя тяжеловооруженной пехоты. У Вельтмана — игра омонимами.

126 *Душа невинной Элоизы!* — Элоиза (ок. 1100—1163) — подруга, впоследствии супруга французского философа и поэта Пьера Абеляра (1079—1142). Прославилась своей скромностью, преданностью, терпением и умом. Замечательным эпистолярным памятником являются ее послания к Абеляру, с которым она была разлучена.

127 *Тавернье* Жан Батист (1605—1689) — французский путешественник, совершал экспедиции в страны Азии, умер в Москве. Оставил среди прочих сочинение «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию». Писал о предполагаемом местонахождении вавилонской башни. По Библии, в земле Сенаар (Месопотамия) строился город-башня (столп), вершина которого должна была достигнуть небес. Бог был возмущен дерзкой попыткой, смешал языки людей, они были лишены

возможности говорить друг с другом и рассеялись по земле. В мифическом сказании отразилось строительство в Вавилонии гигантских зиккуратов, осуществлявшееся многоязычными племенами.

128 *...Тексеир...*— Тексьер Шарль Феликс Мари (1802—1871) — французский путешественник и археолог. В 1829 г. изучал Персию, Армению, Месопотамию. Возможно, встречался на пути с Вельтманом.

129 *На месте происшествий Тысяча и одной ночи...*— Царь Шахрияр, которому рассказывала сказки Шахразада, владычествовал над островами Индии и Китая, как упомянуто в «Рассказе о царе Шахрияре». А действие сказок происходит в Багдаде и Дамаске, Каире и Басре, Андалузии и в Медном городе, во владениях Синего царя джиннов и прочих волшебных царствах.

130 *Калиф Алмазор* — Абу Джафер Абд-алла бен Мохаммед аль Мансур (аль Мансур — находящийся под покровительством бога) (712—775) — второй калиф из дома Абассидов.

131 *О степях Аккерманских Мицкевич все сказал...*— Мицкевич Адам (1798—1855) — польский поэт. Создал сонет «Аккерманские степи», в котором писал:

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна.
(*Перевод О. Румера*)

Первые переводы сонета на русский язык были напечатаны в 1828 г.

132 *Румянцев* Петр Александрович (1725—1796) — русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал Второй, а затем Первой действующей армией, 21 июля (1 августа) 1770 г. разгромившей турок у реки Кагул.

133 *Суворов* Александр Васильевич (1729—1800) — русский полководец. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. русские войска блокировали в ноябре 1790 г. Измаил, принадлежавший Турции. 2(13) декабря того же года под крепость прибыл командующий русскими войсками Суворов. 11(22) декабря был начат штурм. После кровопролитного сражения русские войска овладели крепостью.

134 *Псаметтих I Уахибра* (Псамтик) — египетский фараон 665—611 до н. э. В борьбе с Ассирией восстановил независимость Египта.

135 *...прогуливаются еще на лодках по Вилковским каналам, воображая, что они в Амстердаме...*— Амстердам, столица Нидерландов, лежит в дельте реки Амстея у залива Эйселмер (Зейдерзее) и пересечен рядом каналов (Сингел, Кайзерсгахт, Принсенгахт, Херенграхт и др.). Вилково, «Дунайская Венеция»,— поселок, порт на Дунае, расположен на островах, разделенных большим количеством каналов и проток.

136 *...укрепления Килии и Измаила...*— Килия — городок, порт на Килийском рукаве Дуная. Измаил расположен в 50 км от Килии. В прошлом — крепости.

137 *...Гваринос...*— Возможно, имеется в виду Гварино (ум. 1460) — итальянский гуманист, учившийся в Константинополе, переводивший Плутарха, Страбона, Ливия, Плавта

138 *Кромвель* Оливер (1593—1658) — деятель Английской буржуазной революции XVII в., вождь индепендентов, лорд-протектор Англии с 1653 г. Неоднократно проявлял незаурядную опытность при подготовке государственных документов.

139 *Леви* Пьер Марк Гастон де (1755—1830) — французский писатель, автор «Максим и мыслей на различные темы» (1808).

140 *...Ламотт...*— Ла Мотт Антуан Удар де (1672—1731) — французский драматург, автор пьес на исторические темы. Известен его перевод «Илиады».

141 *Лабрюйер* Жан де (1645—1696) — французский писатель, сатирик-моралист, автор книги «Характеры, или Нравы нашего времени».

142 *...рыцарь Кунигунды...*— Речь идет, видимо, о герое философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Кандид был изгнан из замка барона Тундер-тен-Тронка, так как вознамерился дать его дочери Кунигунде урок «эксперименталь-

ной физики», подобный тому, что давал его наставник Панглос горничной баронессы в маленькой роще.

143 ...*проклятые Хариты*...— В древнегреческих мифах Хариты — дочери Зевса и Евриномы (или Геры): Ефросина, Талия, Аглая (по Гесиоду). У Гомера несколько Харит. Были богинями плодородия, позднее — красоты, радости.

144 *Эгид* (эгида) — щит Зевса. В переносном смысле — покровительство, защита.

145 *Адеона* — римская богиня, покровительница путешествующих.

146 *Керам* — в древности город в Малой Азии.

147 *Сивоворонка* — птица, обитающая в Европе.

148 *Темляк* — тесьма с кистью на эфесе сабли.

149 *Алкмен* (Алкамен) (2-я пол. V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, ученик Фидия. Автор скульптур «Прокна и Ирис», «Афродита в садах», «Геката» и др.

150 *Сатурн* — древнеримский бог посевов, отождествлялся с Кроном. Имя бога связывалось с легендой о золотом веке — периоде повсеместного изобилия, равенства и вечного мира.

151 *Сусанна*.— В Библии (Дан. XIII) — красавица, жена Иоакима, оклеветанная старейшинами: они заявили, будто она нарушила супружескую верность. Царь Даниил оправдал ее и спас от смерти.

152 *Лев* — денежная единица, имевшая хождение на Балканах.

153 ...*поездив на долгих*...— т. е. в экипажах без перекладных. Поездка продолжалась медленно, так как лошадей не подгоняли, чтобы они не выдохлись быстро.

154 *Яссы* — в 1820-х годах главный город в государстве Запрутской Молдавии (Молдовы), резиденция господаря и греческого митрополита.

155 ...*сын Цитереиды*...— Киферея (Цитерея) — одно из прозвищ Афродиты. Имеется в виду ее сын Эрот. Вельтман обращается к богу любви с просьбой снабдить его крыльями, чтобы улететь на берега Крыма (Тавриды), где его должна поджидать Е. П. Исупова.

156 ...*к Чатырдагской вышине*...— одна из самых высоких вершин Крымских гор.

157 *Как Цинциннат*...— Цинциннат Луций Квинкций (род. ок. 519 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец. Возвращаясь из походов, он жил в деревне, возделывал землю; считался образцом доблести и скромности.

Часть II

1 Французская грамматика Л'Омонда была популярна в России в первых десятилетиях XIX в.

2 ...*пятый возраст мира*..— Имеется в виду следующий после четырех возрастов человечества, описанных в античных мифах: золотого, серебряного, медного и железного веков.

3 *Изуара* — Ишвара, одно из имен Шивы, бога индийской мифологии.

4 *Ом* — священное слово, торжественное обращение, благословение, употреблявшееся в начале молитв и религиозных церемоний Древней Индии, ставилось в начале книг. В соответствии с индийской фонетикой слово состоит из звуков А. У. М., символизирующих три Веды (древнейшие памятники индийской словесности).

5 *Паолино ди Санто Бартоломео* — миссионер, в 1790 г. напечатал первую санскритскую грамматику.

6 *Ланглес* Луи Матье (1763—1824) — французский востоковед.

7 *Джонс* Уильям (1746—1794) — английский языковед, перевел и издал ряд индийских текстов. Он выдвинул гипотезу о происхождении санскрита от некоего общего праязыка.

8 *Вилькинс* (Уилкинс) Чарлз (ок. 1739—1846) — английский языковед, переводчик индийской литературы. В 1808 г. издал грамматику санскрита, пользовавшуюся большой популярностью. Начал печатать санскритские тексты.

9 ...*деванагарийских букв*...— Деванагари — наиболее употребительный в Индии шрифт.

[10] *...Байрон — Бейрон — Бирон.*— Различная руссская транскрипция фамилии английского поэта Байрона (Byron).

[11] *...во владениях Махмуда...*— в Османской империи. Махмуд II (1784—1839) — турецкий султан в 1809—1839 гг.

[12] *Эзопка* — шутливое обращение к слуге, поводом к которому служило его внешнее безобразие и кажущееся глубокомыслие. Легенда об Эзопе рассказывает, что баснописец был слугой и отличался непривлекательной внешностью.

[13] *Пенелопа* — супруга Одиссея.

[14] *Асфальтское море* — Мертвое море.

[15] *Вертумн* — этрусское божество земледелия и садов. Вошел в пантеон римских богов.

[16] *Маньчжурское царство* — государство Маньчжу (Маньчжурия), существовавшее на территории Северо-Восточного Китая в первой половине XVII в.

[17] *Голмин-шан-ин-Алин* — гора в Центральной Азии.

[18] *...источник Силоальмский...*— водоем с купальней, находившийся па юго-восточной стороне Иерусалима, у подошвы Сиона и Марии. По Новому завету, в нем омылся, по указанию Иисуса Христа, слепой и прозрел.

[19] *Ксеркс* (древнеперс.: Хшаяршак) (ум. 465 до н. э.) — древнеперсидский царь из династии Ахеменпдов. Убит в результате дворцового заговора.

[20] *Тромб* (торнадо) — разрушительный смерч, вихрь, наблюдаемый в нижних слоях атмосферы в теплое время года.

[21] *Шимборазо* (Чимборасо) — потухший вулкан, вершина южно-американских Анд (Кордильер).

[22] *Каркуф* — см. гл. LXXXVII.

[23] *Цитереида* — остров Кифра (Цитера) в Греческом архипелаге.

[24] *Эрихон* (Иерихон) — древний город Палестины.

[25] *Тамариск* — кустарник или низкорослое дерево.

[26] *Саннин* — гора в Палестине.

[27] *Кулихан* — Надир-шах Афшар (1688—1747), шах Ирана. Благодаря успешным завоевательным войнам создал обширную империю.

[28] *...египетскому дендерахскому зодиаку...*— Зодиак — двенадцать созвездий. В форме животного цикла был принят у древних греков и заимствован у них египтянами. Известный древнеегипетский зодиак находился в храме Дендер.

[29] *..основание Китайского царства...*— Согласно традиционной хронологии, основание государства в Древнем Китае относится к XVIII в. до н. э. (период Шень-Инь). Сыма Цянь сообщает в «Шицзы» («Исторических записках»), что Чэн Тан, предводитель племени шан, сверг последнего представителя «династии Ся» и объединил под своею властью «Поднебесную».

[30] *...Тай Хау-фуси* — мифический властитель Китая Тай-хао, или Пао-си. Он имел прозвище Фу-си.

[31] *...Пильпай, Езоп...*— Бидпай (иск.: Пильпай), от древнеинд. Будхапати — легендарный баснописец, предположительно VIII в. до н. э., составитель собрания басен, широко распространившихся у народов Востока и Запада. Одним из известнейших сборников, включающих басни, сказки и рассказы, является «Панчатантра». Эзоп (VI—V вв. до н. э.) — полулегендарный древнегреческий баснописец. Дошедшие до нас басни, приписываемые Эзопу, были собраны греческим монахом Максимом Планидом.

[32] *...зажигатель Эфесского храма...*— Грек из города Эфес Герострат поджег храм Артемиды Эфесской, считавшийся седьмым чудом света, чтобы обессмертить свое имя.

[33] *Ян-ди-шен-Нуна...*— Ян-ди — бог солнца в китайской мифологии. Его называли и Шен-нун — бог земледелия.

[34] *...не ведавшей ни колыбели...*— Имеется в виду библейская Ева, вкусившая плод познания, изведавшая влечение к Адаму и затем раскаяние в содеянном.

[35] *....монгольским приветствием· Амур!* — В монгольском языке есть понятие «амар» — «спокойный», «благополучный». У Вельтмапа игра слов.

[36] См. прим. 40 к ч. I.

[37] *...сады Альциноя...*— сады Алкиноя, легендарного царя феаков на острове Схерия, внука Посейдона. Алкиной гостеприимно встретил Одиссея, выброшенного морем на остров.
[38] *Омир* — Гомер. Древнегреческое произношение имени поэта используется для игры слов: Амур — Омир.
[39] В данном абзаце пересказываются следующие стихи из седьмой песни «Одиссеи», повествующие о саде Алкиноя:

Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих.

(*Перевод В. А. Жуковского*)

[40] *Аише* — любимая жена основателя ислама Мухаммеда ибн Абдаллаха.
[41] *...от руки Давида...*— В Библии рассказывается, как пастух Давид поразил пращой великана — филистимлянина Голиафа, угнетавшего древних евреев. После победы Давид стал царем Иудеи.
[42] *...Акбэ, вождь Омара...*— Омар ибн аль-Хаттаб (Омар I) (581 или 591—644) — сподвижник Мухаммеда ибн Абдаллаха, халиф. При нем арабские войска захватили огромные территории в Азии и Африке.
[43] *Бым-бешлы-ага и диван-эффенди* — представители турецкой власти при владетельном князе — господаре Молдавии (Молдовы).
[44] *Этерист* — член тайной революционной организации (этерии, гетерии) в Греции второй половины XVIII — начала XIX в.— Эти организации ставили своей целью освободить страну от турецкого ига. Общенациональным союзом являлась «Филики Этерия». В 1821 г. этеристы подняли восстание во главе с Александром Ипсиланти, закончившееся неудачей.
[45] *Агатангел* (Агафангел), *Иоанн* — святые православной кафолической церкви.
[46] *...25 апреля 1828 года...*— 14(26) апреля 1828 г. Россия объявила войну Турции и русская армия начала переправу через р. Прут.
[47] *..сказанному мною некогда о Траяновом вале...*— Имеется в виду фрагмент из книги «Начертание древней истории Бессарабии», опубликованный в «Московском телеграфе» (1828, № 4, с. 568—575) под заголовком «О древних укреплениях, под названием Траянова вала, существующих в Бессарабии». Отрывок из книги Вельтмана напечатан в Дополнениях.
[48] *Г. Галац* — см. прим. 101 к ч. III.
[49] *Гиераз* — залив в Средиземном море.
[50] *...пред народом израильским.*— Библейская легенда об исходе древних евреев из Египта рассказывает, что перед ними отступили волны Красного (Чермного) моря под взмахом чудодейственного посоха их вождя Моисея.
[51] *...Провидение сложило с князя Потемкина...*— Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал. Тяжело заболел во время переговоров с Турцией в Яссах и умер 5(16) октября недалеко от города. Вельтман рассказывает в воспоминаниях о могиле Потемкина:

«От местечка Скулян, по дороге в Кишинев, почти на половине дороги к почте Резени, перед подъемом на лесистый хребет, который тянется от Магурской высоты, на оконечности выдавшегося отрога, на самом пути стоит каменный столб; тут на вершине, в изображении герба, с четырех сторон надписи о времени смерти Потемкина и стихи, сколько мне помнится, следующие:

На месте сем он кончил путь средь поль;
Вот жизни славныя плачевная юдоль!

До 1825 г. здесь пролегала дорога из Ясс через Скуляны в Кишинев, и скромный памятник низвергнутого смертию величия напоминает каждому проезжему

суету сует и всяческую суету. Но теперь почтовая дорога для объезда хребта отведена на несколько верст ниже, а памятник остался на холме у мрачного подножия крутизны, которую стоило бы назвать «Тщеславием»». (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 115).

52 Этот эпизод Вельтман описал в «Воспоминаниях о Бессарабии»: «Я отправлял тогда должность обер-квартирмейстера и получил предписание прибыть в Кишинев, несмотря на разлив Днестра. Я отправился ночью, подъехал к карантину Парканскому и видел уже не реку перед собою, но море, и в дали крепость Бендеры как на острове. Лодки переправы были за наводнением. Убеждение карантинных чиновников переждать ночь не остановило меня. Стоя на почтовой телеге, я пустился вплавь, доехал счастливо до места переправы, но надо было еще грозить через реку паромщикам, которые были за рекой на островке, образовавшемся из кургана. Они не решались перевозить, но угрозы подействовали: они приплыли на сплоченных двух лодках, и я переправился на островок, послал в Бендеры за лошадьми и снова вплавь доехал до нагорного берега. У молодости как будто несколько жизней в запасе». (*А. Ф. Вельтман* Воспоминания о Бессарабии, с. 117).

53 *...Юпитер нес дочь царя Агенора...*— Юпитер (Зевс) явился Европе, дочери финикийского царя Агенора, в виде быка, похитил девушку и приплыл с нею на Крит.

54 *Самолет* — плавательное устройство, использовавшееся саперами при форсировании рек.

55 *Букарест* (Бухарест) — до 1861 г. столица Валашского господарства.

56 *Диван* — государственный совет при господаре Валахии.

57 *...князя Каллимахи.*— Дата назначения князя Каллимахи господарем запомнилась Вельтману в связи с событиями, о которых он рассказал в «Воспоминаниях»:

«В то время в Валахии возникло уже восстание. В голове его был некто Федор Владимиреско, командовавший во время войны русских с турками отрядом пандур. Но целью этого восстания было избавление себя от ига фанариотов, назначаемых в князья Молдавии и Валахии. Покуда Порта назначала Каллимахи господарем Валахии по смерти Александра Суццо, Владимиреско овладел уже всею Малою Валахией. Никто не предвидел, чтоб эта искра была началом етерии (товарищества во имя спасения Греции) и имела те последствия, которые совершились на глазах наших». (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 116).

58 *Державин* Гаврила Романович (1743—1816) — русский поэт.

59 *...Ксизутром...*— см. прим. 33 к ч. I.

60 *Фидий* (вторая половина V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, изваял мраморные скульптуры храма Парфенона, в том числе знаменитую Афину Парфенос, создал фигуру Зевса для храма в Олимпии, бронзовую фигуру Афины Промахос на Акрополе.

61 *Пери* (перс.: крылатый) — в восточной мифологии прекрасные, добрые существа, борющиеся со злыми существами (дивами, дэвами). Образ пери вошел в европейскую поэзию XIX в. благодаря английскому поэту Т. Муру, создателю поэмы «Лалла Рук», вторая часть которой имела название «Рай и Пери». В. А. Жуковский перевел в 1821 г. «Рай и Пери» под названием «Пери и ангел».

62 *...гесперидские плоды!* — Геспериды, дочери Геспера (по другой легенде — Атланта и нимфы Геспериды), жили в саду на далеком Западе, где росла яблоня с золотыми плодами. Геспериды хранили чудесные яблоки. Мифы различно рассказывают о том, что золотые яблоки в конце концов достались Гераклу.

63 *Монтескю* (Монтескье) Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред (1689—1755) — французский философ, писатель, публицист. Автор «Персидских писем», поэм в прозе «Книдский храм» и «Путешествие в Пафос». Создал философско-политические сочинения «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян», «О духе законов» и др.

64 *..Реомюрову термометру...*— Реомюр Рене Антуан (1683—1757) — французский естествоиспытатель, создатель оригинальной шкалы термометра.

65 *Волней* (Вольне) Константин Франсуа (1757—1820) — французский просветитель, автор сочинения «Руины, или Размышления о революциях империй».

66 *Шагэ-муни* (Шакия-Муни, т. е. отшельник из рода Шакьев) — Сиддхартха из рода Гаутамы, Будда.

67 *...предпочитает драгоценной чаше череп неприятельский...* — Намек на судьбу великого князя Святослава, погибшего в сражении с печенегами, использовавшими его череп в виде чаши. К этому эпизоду Вельтман не раз обращается в своем творчестве. Гибель Святослава описана в повести «Райна, королевна болгарская». Обращается Вельтман к эпохе Святослава и в научных трудах.

68 *...присутствие самого государя императора Николая.* — Император Николай I принимал непосредственное участие в руководстве действиями русской армии во время кампаний 1828 и 1829 гг. Штабс-капитану Вельтману, старшему адъютанту и начальнику исторического отделения Главной квартиры Второй армии, было поручено составлять реляции и вести дневник боевых действий, а из дневника делать специальные выписки непосредственно для Николая I.

69 *...по Ганнемановой системе...* — Ганеман Самуэль (1755—1843) — немецкий врач, основатель гомеопатии.

70 *...авелианец!* — По Библии, Авель — второй сын Авраама, убитый из зависти своим братом Каином. Эпитет «авелианец», т. е. образец кротости и невинности, употреблен автором в ироническом смысле.

71 *Вобан* Себастьян ле Претр (1633—1707) — французский военный инженер, экономист. *Сен-Поль* Франсуа де Бурбон (1491—1541) — французский военачальник. *Фолард* Жан-Шарль (1669—1752) — французский военный писатель. *Белидор* Бернар Форест (1697—1761) — французский военный инженер. *Кегорн* (Когорн) Менно (1641—1704) — голландский военный инженер. *Кормонтань* Луи де (1695—1752) — французский военный деятель.

72 *...Георгий...* — Орден св. Георгия, учрежденный в 1769 г. Им награждались генералы и офицеры за военные отличия.

73 *Едет казак за Дунай...* — популярная песня начала XIX в.

74 *Дарий I* — древнеперсидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 522—486 гг. до н. э. В 522—521 гг. подавил восстание скифских племен в Средней Азии. В 512 г. совершил (по Геродоту) неудачный поход против скифов Причерноморья.

75 *...как Езопов петух...* — Имеется в виду басня о петухе, нашедшем жемчужину, но презревшем ее как бесполезную.

76 *Рошефокаольд* — Ларошфуко Франсуа де (1613—1680), французский писатель-моралист, автор сочинения «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665).

77 *Бунчук* — воинская регалия, короткое древко с привязанным конским хвостом.

78 *Бульи* Жан Николя (1763—1842) — французский писатель, драматург. Автор популярных в начале XIX в. комедий.

79 *Валентини* (1775—1834) — военный деятель прусской армии, в 1810 г. участвовал в турецком походе русской армии. Автор книг о военном искусстве.

80 *Кастраметация* (от лат. castra — лагерь и metor — измеряю) — отдел военного искусства, изучающий выбор места для расположения лагеря и полное его обеспечение.

81 *Монтань* (Монтень) Мишель де (1533—1592) — французский философ и писатель, автор сочинения «Опыты» (кн. 1—3).

82 *...внука Эребова...* — Эреб в древней мифологии — олицетворение вечного мрака, супруг Никты (Ночи).

83 *Где друга Юлии злой гений // На гибель часто искушал...* — Напоминание эпизодов из романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В героиню, аристократку Юлию Вольмар, был влюблен бедный учитель Сен Пре, что привело к нравственному конфликту.

84 *Гельвеция* — латинское название Швейцарии.

85 *Гезиод* (Гесиод) — древнегреческий поэт VIII—VII вв. до н. э. Автор дидактических поэм «Работы и дни», «Теогония».

86 Стихотворение впервые было написано в письме к В. П. Горчакову, квартирмейстеру 16-й пехотной дивизии, учившемуся вместе с Вельтманом в Московском учебном заведении для колонновожатых. Там оно начиналось стихами:

Еще я ветрен на беду,
Но верю — поздно или рано
В герои чудного романа
И на виньетку попаду;
Меня любовь, как омут, тянет ⟨...⟩

(*ОР ГБЛ, ф. 47, р. 1, к. 28, ед. хр. 1, л. 58*)

87 *Зороастр* (Заратуштра) — пророк и реформатор религии Древнего Ирана. Вельтмана интересовали его деятельность и учение. В 1830 г. в «Московском телеграфе» (№ 2, с. 177, 178) было опубликовано стихотворение Вельтмана «Зороастр», в котором говорилось:

Так, это он! Тревога воскипела,
И в Бактре маг! Огнь вспыхнул до небес:
Повержен в прах кумир блестящий Бела
И великан златой Сандес!

См. также стихотворение в прим. 28 к ч. III.

88 *Зенит* — точка небесной сферы, расположенная над головой наблюдателя; в зените небесную сферу пересекает линия, направленная из места наблюдения вертикально вверх. Точка небесной сферы, противоположная зениту, называется надиром.

89 *Галлер* Альбрехт (1708—1777) — швейцарский естествоиспытатель и поэт. Вельтман имеет в виду мысли Галлера, изложенные в философской поэме «О происхождении зла», переведенной на русский язык Н. М. Карамзиным в 1786 г.

90 *Нахимов* Аким Николаевич (1782—1814) — русский поэт.

91 *Дормез* — карета, приспособленная для спанья.

92 *Брашеванка* — легкая повозка с верхом.

93 *Шампольон* Жан Франсуа (1790—1832) — французский египтолог. Дешифровал египетское иероглифическое письмо.

94 *Чемидзан* — видимо, от перс. Шемр-зян; здесь: Великий герой.

95 *Хабрий* — афинский полководец IV в. до н. э. Был прославлен своими победами. Погиб в 357 г. до н. э. в морском сражении при Хиосе.

96 *«Любить или не любить!» — вскричал он голосом Гамлета.*— Юмористическая перефразировка известных слов Гамлета «Быть или не быть...»

97 *Григорий Девятый* — римский папа (1145—1241), сделавший инквизицию постоянно действующим органом католической церкви и учредивший в ряде стран инквизиционные трибуналы.

98 Имеется в виду фраза шекспировского короля Лира:

Гром, дождь, огонь,— не дочери вы мне...

(*Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник*)

99 Отрывок из письма Вельтмана к Е. П. Исуповой.

100 *Кабанис* Пьер Жан Жорж (1757—1808) — французский философ, врач. Пришел к идеям витализма — течения в биологии, допускающего наличие в организмах особой нематериальной жизненной силы.

101 *Язон* (Ясон) — герой древнегреческой легенды, посланный за золотым руном. Возглавил поход мореплавателей на корабле «Арго».

102 В данном абзаце Вельтман насмешливо отзывается на резкую критику, которой подверг первую часть «Странника» журнал «Телескоп» (см. об этом: *Ю. М. Акутин*. Александр Вельтман в русской критике XIX века.— «Проблемы художественного метода в русской литературе». М., 1973, с. 56—77).

103 *Напомнив сей крепости 1810 год...*— В конце мая 1810 г. крепость Силистрия на правом берегу Дуная была осаждена русскими войсками под командованием С. М. Каменского. 29 мая (10 июня) крепость была сдана турками.

104 Перечисляются русские военачальники, участвовавшие в русско-турецких войнах 1735—1739, 1768—1774, 1787—1791, 1806—1812 гг.

[105] *Эмос* — горная местность к западу от р. Прут.
[106] *Плиний* Цецилий Секунд Гай (Плиний Младший) (61 или 62 — ок. 114) — римский писатель и государственный деятель. Сохранился сборник писем Плиния и похвальная речь Траяну.
[107] *Минерва* — римская богиня. Полководцы приносили в посвященный ей храм воинские трофеи.
[108] *...моцартовскому аккорду в увертюре Титово милосердие...* — Опера Моцарта «Милосердие Тита» на античный сюжет была создана в 1791 г.
[109] *Хайдн* (Гайдн) Франц Иозеф (1732—1809) — австрийский композитор, автор оратории «Сотворение мира» (1798).
[110] *Лаватер* — Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801), швейцарский философ, писатель, автор «Физиогномики», вышедшей на русском языке в 1817 г. Лафатер утверждал, что изучение черт лица дает возможность получить полное представление о человеке.
[111] Стихотворение обращено к товарищам по топографическим съемкам, которые затем вели камеральную обработку материалов в Хотине. Произведение примыкает к «Посланию к друзьям», помещенному в Дополнениях.
[112] В первом издании второй части романа было помещено сокращение «К.В.Ч.», набранное крупным жирным шрифтом.

Часть III

[1] *Фригия* — древняя область Малой Азии с развитым земледелием и скотоводством.
[2] *Аполлон в рубище таскает на носилках камни для построения Трои.* — Аполлон вместе с Посейдоном служил царю Трои Лаомедонту. Боги обнесли Трою неприступными стенами.
[3] Роман печатался в пестрой, серо-коричневой обложке, список опечаток не был составлен.
[4] *Ида* — горная цепь близ Трои, где, по преданию, происходил суд Париса, решавшего, какой богине должно достаться яблоко Эриды.
[5] *Приам* — последний царь Трои.
[6] *...родился в Смирне, в Родосе, в Колофоне, в Саламине, в Хиосе и в Афинах...* — Перечисляются города, приписывавшие себе честь быть родиной Гомера. Семь городов претендовали на эту славу; Вельтман не назвал Аргоса.
[7] *«Батрахомиомахия»* — древнегреческий комический эпос, являющийся пародией на «Илиаду». В нем описывается война мышей и лягушек. Автор не установлен. Плутарх приписывал эпос Пигрету. Во всяком случае, нет оснований относить «Батрахомиомахию» к сочинениям Гомера.
[8] *Маттеи* Христиан Фридрих (1714—1811) — филолог, родом из Саксонии. В 1772—1784 гг. служил в России, был в Москве ректором университетских гимназий и профессором словесных наук. С 1803 г. до смерти являлся заведующим кафедрой греческой и римской словесности Московского университета. Был видным палеографом, издавал древние рукописи, найденные в Москве, в том числе «Гимн Церере».
[9] *Оркан* Гази (1280—1360) — турецкий султан, вел войну с Византией.
[10] *Галлиполи* — принятое в литературе название города Гелиболу в Турции.
[11] *...губительного состава, изобретенного Шварцем.* — Речь идет о порохе, изобретение которого приписывалось средневековому монаху Шварцу.
[12] *Форстер* Томас Игнатий Мария (1789—1860) — английский натуралист и астроном, автор ряда книг по естественным наукам.
[13] *...мать Афродиты.* — Океанида (нимфа) Диона. Вариант, используемый Вельтманом: Афродита возникла из морской пены.
[14] *...по Архипелагу...* — Греческий архипелаг, совокупность островов Эгейского моря. Далее в романе перечисляются наиболее известные острова.
[15] *...морскую битву...* — Битва при Саламине, состоявшаяся в 480 г. до н. э. между греческим и персидским флотом. Персы потерпели тяжелое поражение.

[16] *Бахус* (Вакх, Дионис) — бог плодородия, покровитель виноградарства в древнегреческой и римской мифологии.

[17] *...мечу Скандер-бега.*— Кастриот Георг (около 1405—1468) — руководитель борьбы албанцев против турецкого ига. Был талантливым военачальником, за одержанные победы получил в честь Александра Македонского имя Искандер-бей (искаж. Скандербег). О его жизни и подвигах сложены песни и сказания.

[18] *Изида* (Исида) — богиня древнеегипетской мифологии, супруга и сестра Осириса, мать Гора, олицетворение материнства и супружеской верности.

[19] См. прим. 81 к ч. I.

[20] *Сен Фуа* Жермен Франсуа Пуллен де (1698—1776) — французский писатель, автор «Писем турчанки в Париж», «Истории Ордена св. духа» и «Исторических очерков Парижа».

[21] *Ривароль* Антуан (1753—1801) — французский писатель. Автор ядовитой сатиры на писателей своего времени «Малый альманах наших великих людей». Напечатал также ряд памфлетов и других публицистических произведений.

[22] Вельтман перефразирует высказывания древнегреческого мыслителя.

[23] *Флор* Публий Анний (конец I — начало II в.) — римский писатель, автор сочинения «Две книги войн римлян», представляющего собой извлечения из римских писателей.

[24] *...Александр Васильевич...*— Имеется в виду А. В. Суворов.

[25] *Плашкот* (плашкоут) — небольшое несамоходное судно с плоским дном, применяемое для погрузочных работ. Плашкоуты также используют для устройства наплавных мостов на реках.

[26] См. прим. 114 к ч. I.

[27] *Веста* (Геста) — божество домашнего очага и огня древнегреческой и римской мифологии. В храме Весты горел вечный огонь.

[28] Это стихотворение является сокращенным вариантом оставшегося в рукописи произведения Вельтмана, помеченного датой «12 декабря» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 3, лл. 3, 4):

К Солнцу

Светильник мира благодатный,
Источник вечного огня
Враг ночи, ясный спутник дня!
Катись, о Солнце, в путь возвратный!
Мы ждем, когда твоя заря,
Как дева, от стыда сгоря,
Обворожительна, румяна,
Из-за кристаллов океана
Осыплет светом весь Восток
И вдохновенье силы новой
Прольет на Север наш суровый,
Как оживляющий поток!

Ты отдалялось... и мертвело
Земли бесчувственное тело,
Ты отдалялось... тяжко грудь
Впивала дух лишенный жизни!
Катись, катись в возвратный путь,
Скорей живой водою брызни,
Скорее силы обнови
Надежд, желаний и любви!

Как узник, сбросив цепи плена,
Издаст природа сладкий вздох
О Солнце древнее Эйрена,
Ты бывший заблужденья бог,

Ты Зороастра староверца
Прельстило! Как младенец он
Мечтал, что в Солнце светлый трон
Того, кто зрит изгибы сердца,
И чтил он в образе огня
Источник всех начал и дня!

Он заблуждался; блеск светила
Влиянье, видимая сила
Над веществом и существом
Ему казались божеством! —
Он заблуждался... обольщенный;
К тебе его мольбы текли;
Пусть ты и свет и дух Земли,
Но Солнце ль свет и дух Вселенной,
Который жизнью напоил
Движенье вещества и сил?

Кто слово Ветхого завета
Над бездной мрачной произнес
И искрой собственного света
Безбрежный озарил Хаос?
Ты ль Солнце? нет?.. но ты сгорело,
На Запад светлый взор поник,
Где храм величественный Бела?
Где твой хранимый Вестой лик?
Гордись, о Солнце, дивной силой,
Свети, мир славит твой восход
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет.

29 *Армида* — героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Завораживала крестоносцев своей красотой, увлекла Ринальдо на далекий остров в свои волшебные сады.

30 *Рымник* — река, правый приток р. Серета. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. на берегах Рымника 11(22) сентября 1789 г. произошло сражение русских войск под командованием А. В. Суворова и союзного австрийского корпуса с главными силами турецкой армии. Битва закончилась разгромом турок.

31 ...*Аталанта*... — В древнегреческих мифах участница калидонской охоты и похода аргонавтов. Существует много легенд о жизни аркадской охотницы. Одна из них: Аталанта состязалась в беге со всеми, кто добивался ее руки, и. одержав победу, пронзала искателя копьем. В беотийском мифе Гиппомену удалось при помощи хитрости обогнать Аталанту и стать ее супругом. Эту версию использовал Овидий.

32 *Геба* — древнегреческая богиня юности, дочь Зевса и Геры. У римлян отождествлялась с богиней юности Ювентой. Отсюда у Вельтмана Ювента-Геба.

33 ...*Мардохея от Амана*... — Имеется в виду эпизод, рассказанный в библейской «Книге Эсфири». Мардохей (Мордехай) — визир Артаксеркса. Аман — яростный враг народа Израиля. В праздник Пурим, посвященный избавлению евреев от его преследования благодаря заступничеству дочери Мардохея Эсфири, в синагогах читают «Книгу Эсфири», и по произнесении имени Амана все присутствующие стучат ногами и трещат колотушкой, выказывая свою ненависть к Аману.

34 *Шабаш* — 1) субботний отдых, предписываемый еврейской религией; 2) ночное сборище ведьм (в средневековых поверьях).

35 *Дождем упал я как Юпитер*... — Имеется в виду сказание о том, как Юпитер (Зевс) проник к Данае, запертой в медный терем (вариант: подземелье), в виде золотого ливня; и Даная родила Персея.

[36] ...*Невтоноеа бинома.*— Бином Ньютона — математическая формула, выражающая любую целую положительную степень суммы двух слагаемых через степени этих слагаемых.

[37] См. прим. 40 к ч. I.

[38] *Орхомен* — древний город в Беотии (Средняя Греция).

[39] *Терно* Луи Мортимер (1808—1871) — французский историк.

[40] *Фас* — сторона укрепления, обращенная к неприятелю.

[41] *Шумла* — крепость на Балканах на дороге из Силистрии в Константинополь. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Шумлу защищала турецкая пятидесятитысячная армия под командованием Хуссейна-паши. С начала июля 1828 г. крепость осаждали 3-й и 7-й корпуса русской армии, в сентябре подошел и 6-й корпус, но Шумла не была взята, и после падения 29 сентября Варны русские войска отошли к Силистрии. В 1829 г. после разгрома турок при Кулевче к Шумле были направлены 6-й и 7-й корпуса, но затем русская армия двинулась за Балканы, и активные военные действия под Шумлой прекратились.

[42] *Жоанно* Тони (1803—1852) — французский живописец, гравер и литограф.

[43] *Алеф* — первая буква еврейского алфавита. В гл. CCLXII перечисляются все буквы этого алфавита. Транскрипция некоторых названий букв отличается от ныне принятой формы. Известны варианты произношения названий некоторых букв (напр., коф — куф, хэс — хэт).

[44] *Как Асфалей, Дагон или Нептун...*— Асфалей — одно из имен древнегреческого бога морей Посейдона. Дагон — божество семитских народов, сын Неба и Земли, носитель культуры, первый законодатель, герой. На сиро-финикийских монетах изображался с рыбами в руках и с нижней частью тела, как у рыбы. Нептун — римский морской бог, был италийским божеством влаги, его культ слился с культом Посейдона.

[45] *Бусмар* Анри Жан (1745—1807) — французский военный инженер, автор «Общего опыта фортификации» (русский перевод 1820 г.).

[46] *Одесс* —древнегреческий город на Черном море, на месте нынешней Варны.

[47] ...*ожидая Леандра.*— В древнегреческом сказании юноша Леандр, живший на берегу Геллеспонта, полюбил Геро, жрицу Афродиты (или Артемиды) в Сесте, на противоположном берегу пролива. Леандр по ночам переплывал Геллеспонт для встречи с возлюбленной. Геро зажигала огонь, чтобы юноша мог ориентироваться во тьме. Однажды во время бури огонь был задут ветром, и Леандр утонул. Его тело прибило к маяку, где его ждала Геро. Она в отчаянии бросилась в море.

[48] *Владислав IV* Ваза (1595—1648) — польский король. Интерес к нему Вельтмана объясняется следующей записью в воспоминаниях: «До приобретения Хотина русскими этот город считался сильнейшим во всей Молдавии. Он известен победой Владислава, одержанною над султаном Османом в 1621 году. В 1674 году турки при Хотине разбиты Яном Собесским, который спас Вену от осады Магометом IV в 1683 году. По трактату Хотинскому, заключенному в 1622 году, Польша приобрела право иметь своих легатов в Константинополе. В это же время была основана королем польским в Хотине школа восточных языков, для чего и были выписаны учителя из Константинополя.» (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 113).

[49] *Джирид* — палка пальмового дерева, применяется в конных играх на Востоке. На войне употреблялась с железным наконечником как копье.

[50] *Варна* — город и порт в глубине Варненского залива Черного моря. Была крепостью Турецкой империи, прикрывавшей кратчайший путь к Константинополю, и поэтому во время русско-турецких войн XVIII—XIX столетий имела важное стратегическое значение. В войну 1828—1829 гг. Варна была осаждена и после кровопролитного сражения взята 29 сентября 1828 г.

[51] *«Ганжур»* (тибет.: «Словеса») — буддийская священная книга, состоящая из канонических произведений, приписываемых Будде. Монгольский перевод с тибетского языка, осуществленный в XVII в., содержит 108 томов, включающих 1161 произведение.

[52] *Янус* — древнее италийское божество, изображался человеком с двумя лицами (одно считалось обращенным в прошлое, другое — в будущее). Во время мира

ворота храма Януса были закрыты, при объявлении войны они открывались.

53 *Гиппократ* (460—377 или 356 до н. э.) — древнегреческий врач, называвшийся «отцом медицины». Вельтман посвятил истории Гиппократа и его дочери рассказ «Дочь Иппократа. Эллинское предание острова Коса» («Москвитянин», 1849, № 10, кн. 2, с. 61—76).

54 *Лафонтен* Жан (1621—1695) — французский поэт, создатель знаменитых «Басен» (кн. 1—11, 1665—1679).

55 *«Белая женщина»* (или «Белая дама») — комическая опера Ф. А. Буальдье на либретто Э Скриба. Поставлена в Париже в 1825 г. В Москве шла в Большом театре в 1829 г. под названием «Белая волшебница».

56 *«Вольный стрелок»* — опера К. М. Вебера. Первая постановка была осуществлена в 1821 г. в Берлине. В России впервые шла в 1824 г. в Петербурге под названием «Волшебный стрелок».

57 *Низам-гедитам* (низам-джедит) — комиссия при турецком султане, ведающая организацией войск. Здесь: воины.

58 См. прим. 74 к ч. II.

59 *Оссиан* (Ойсин, Ойзин) — легендарный кельтский бард и воин. По преданиям, он жил в III в. и воспевал подвиги соплеменников во главе с Финном Мак-Кумхайлом. Прославил Оссиана английский поэт Дж. Макферсон, издавший «Сочинения Оссиана, сына Фингала», являющиеся литературной подделкой, правда, включающей фрагменты гэльского фольклора. В «Сочинения Оссиана» входит поэма «Катлода».

60 *...рассказывал Эмин...* — Историю Эмина писатель хотел подробно изложить в прозаическом произведении, начатом ранее «Странника», но работу не завершил. Оставшийся черновик напечатан в Дополнениях.

61 *Доломье* Дьедонне Сильвен Гью Танкред (1750—1801) — французский геолог и минералог, автор научных книг о Флоренции, Египте и путевых записок. Вельтман интересовался описанием путешествий, книги об экспедициях хранились в его библиотеке.

62 *...Сенегамбией, Нигрицией...* — Области в Западной Африке у берегов Атлантического океана.

63 *Заара* — город на западном побережье полуострова Аравия.

64 *...Ксеркс во время наказания Геллеспонта и вызова горы Атоса на бой* — Ксеркс (см. прим. 19 к ч II) во время похода против Греции потерпел поражение на воде (при Саломине и Микале) и на суше (при Ниатеях) и проклял море и землю. Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелл.

65 Вельтман использует в данном абзаце мотивы монгольских сказаний. Кутухтва (правильно: хутухту) — ламаистский священнослужитель.

66 *Богда* — верховное божество монголов.

67 *Каменский* Сергей Михайлович (ум. в 1835) — генерал русской армии. Участвовал в турецкой кампании 1810 г.

68 *Маркитант* — в XVIII—XIX вв. торговец съестными припасами и напитками при армии.

69 *...некрасовец..* — Некрасовцы (липоване, игнат-казаки) — потомки донских казаков, участники Булавинского восстания 1707—1709 гг. После поражения восстания казаки ушли с И Ф. Некрасовым на Кубань, а затем (в 1740 г.) эмигрировали в Турцию, расселились в Добрудже и Малой Азии. Имели самоуправление, были освобождены от податей и повинностей с обязательством участвовать в войнах против России. До 1864 г. выступали с турками против России.

70 *...Ирак-Араби, Диарбекира ..* — Ирак Эль Араби — область между Тигром и Евфратом, в древности — Вавилония. Диарбекир — область в Курдистане, у реки Тигр.

71 *Порта* — Османская империя

72 *Сераскир* — главный начальник в Османской империи. Назначался из числа пашей.

73 Это четверостишие — так называемая «Эпитафия Овидия», включенная самим поэтом в текст его «Скорбных элегий» (III, 3, 73—76). Даем ее в переводе С. Шервинского:

Я под сим камнем лежу, любовных утех воспеватель,
Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
Ты, что мимо идешь, ты тоже любил, потрудись же,
Молви: Назона костям пухом да будет земля!

74 *..развязывают узлы не умнее Александра Великого.*— Имеется в виду узел, которым обвязал повозку в храме Гордий, легендарный царь Фригии. Считалось, что развязавший узел станет повелителем всей Азии. По легенде, Александр Великий разрубил «гордиев узел» мечом, отказавшись от попытки его распутать.

75 *Октавий Август...*— Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 до н. э.—14 н. э.) — римский император, по неизвестным причинам выславший навсегда из Рима поэта Овидия.

76 См. прим. 27 к ч. III.

77 *Вергилий* Марон Публий (в позднейшем написании Виргилий) (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор «Буколик», «Георгик» и «Энеиды».

78 *Тибулл* Альбий (около 50—19 до н. э.) — римский поэт. Автор двух книг элегий. Первая жизнерадостно воспевает сельскую жизнь, любовь. Во второй сильны мрачные мотивы.

79 *...сказки про Енея...*— поэма Вергилия «Энеида».

80 Известная басня о лягушке, пытавшейся стать величиной с вола.

81 *Наука Стихотворства* — послание Горация к Пизонам, посвященное вопросам поэзии.

82 *...альцеический...*— Алкеева строфа, созданная древнегреческим поэтом Алкеем.

83 *Светоний* Гай Транквилл (ок. 70 — после 122) — римский историк и писатель.

84 *Метида* — первая жена Зевса, океанида. Зевс остерегался, чтобы Метида не родила ребенка сильнее его, проглотил по совету Геи океаниду и затем родил из своей головы Афину (Минерву) в полном вооружении.

85 *...не Искусство ли любить?* — Имеется в виду поэма Овидия «Наука любви».

86 *Медея* — волшебница древнегреческих мифов, жена Ясона, которая помогла ему завладеть золотым руном. Узнав, что Ясон хочет ее оставить, Медея уничтожила невесту Ясона и своих детей. Одноименные трагедии о ней создали в античной литературе Еврипид и Сенека.

87 *Мельпомена* — муза трагедии.

88 *Еврипид* (Эврипид) (ок. 480 до н. э.—406 до н. э.) — древнегреческий драматург. Из его произведений до нас дошло 17 трагедий и драма сатиров.

89 *Л'Эпе* Шарль Мишель (1712—1789) — французский аббат, автор трактатов о воспитании.

90 *...во время создания Эввы!* — По Библии, Ева (Эвва), супруга Адама, была создана из его ребра.

91 См. прим. 37 к ч. I.

92 *Понт Эвксинский* — Черное море у древних греков.

93 *Торки* — одно из тюркских племен, кочевавших в южнорусских степях. В 985 г. торки принимали участие в качестве наемников в походе князя Владимира на болгар. Позже часть торков перешли Дунай и приняли подданство Византии.

94 *П. П. Л.*— Павел Петрович Липранди (1796—1864), подполковник 32-го Егерского полка.

95 *...побед турецких в Германии и Польше...*— Имеются в виду турецкие завоевания XV—XVII вв. в Европе.

96 *Аларик* (Аларих) I (ок. 370 — конец 410) — король вестготов, умерший в Южной Италии.

97 *...уха Демьянова.*— Имеется в виду басня И. А. Крылова «Демьянова уха».

98 *Гласис* — пологая земляная насыпь, которая создавалась перед наружным рвом крепости, чтобы улучшить обстрел, усилить защиту и замаскировать укрепления.

99 *Куртина* — участок крепостной ограды, соединяющий обращенные друг к другу части двух соседних бастионов.

100 *Гай-Люсак* (Гей-Люсак) Жозеф Луи (1778—1850) — французский химик и физик. Открыл закон расширения газов, закон объемных отношений при реакциях между газами.

101 *Галац* — город и порт на левом берегу Дуная. Вельтман имеет в виду, что уже рассказывал о Галаце в повести в стихах «Беглец». Вот что он писал о городе в примечании к «Беглецу»:

«Торговый город Молдавии; лежит на Дунае между впадением рек Серета и Прута. Он есть место склада товаров Молдавии и Валахии, или лучше сказать, место развоза и привоза оных, ибо до него Дунай судоходен только для купеческих кораблей. Галац имеет наружность многонаселенного города более от производящих торговлю, нежели от постоянных жителей, которых не более 8-ми тысяч. Пристань Галаца есть счастливая соперница дунайских пристаней. Туда привлекается торговля плодородием земли двух княжеств, потребностями роскоши азиатской в оных, мануфактурными произведениями Австрии, получаемыми через Яссы, Букарест и по Дунаю.

Имея все выгоды морской пристани, сей город должен был бы процветать, но чума и неспокойное правление уничтожали всегда благосостояние его». (*А. Вельтман.* Беглец. М., 1831, с. 59, 60).

102 *«Катлода»* — см. прим. 59 к ч. III.

103 *...поо-поо-померани-по!* — строка из румынской народной песни о Тудоре Владимиреску, руководителе восстания 1821 г. Точно этот стих звучит так: «Pom, pom, pom eram eu, pom», что в переводе означает: «Фруктовым деревом, фруктовым деревом, фруктовым деревом был я, фруктовым деревом». Эта песня получила широкую известность в Бессарабии. Вельтман цитирует данную строку и в рассказе «Радой»:

«Со всех сторон раздавались дикие голоса, которые пели:

Ипсиланти фетмаршал,
Дука маре инарал!
Пом-пом-пом-померани-пом!»

(*А. Вельтман. Повести. СПб., 1843, с. 171*).

В этих стихах упоминается вождь этерии Александр Ипсиланти, фетмаршал (т. е. фельдмаршал), и эфор этерии Дука (маре инарал — великий генерал).

104 *Куонхина, трик-трак* — настольные игры.

105 *...Пентефриеву жену, когда она смотрит на Иосифа...* — Имеется в виду библейский рассказ об Иосифе, одиннадцатом сыне Иакова. Он был продан братьями проезжим купцам, а те продали его египетскому вельможе Потифару (Пентефрию). Красота юноши привлекла жену вельможи. Оставшись наедине с рабом, она схватила его за одежду и сказала: «Ложись со мной». Иосиф бежал от жены Потифара, оставив в ее руках свою одежду.

106 *Лавиния* — дочь царя Латина, жена Энея.

107 *Меркатор* Герард (1512—1594) — фламандский картограф. Предложил математически обоснованные принципы построения географических карт в равноугольной цилиндрической трапеции — «проекции Меркатора».

108 *Сведенборг* Эмануэль (1688—1772) — шведский теософ, создатель мистических и оккультных сочинений, из которых наиболее известно «О небесах, о мире духов и об аде».

109 *Стурдза* Михайлаки (Михаил) Георгиевич — кишиневский житель, сын «старейшего молдавского бояра» Георгия Стурдзы.

ДОПОЛНЕНИЯ

В Дополнения включены отдельные стихотворные и прозаические произведения Вельтмана, а также их фрагменты, иллюстрирующие творческую историю «Странника», показывающие, как развивались поднятые романом темы в последующем творчестве писателя. Часть предлагаемых сочинений Вельтмана и отрывков публикуется впервые, другие печатались при жизни писателя и с тех пор не переиздавались.

ПРОСТИТЕ, КОЛЬ МОЕЙ НЕСТРОЙНОЙ ЛИРЫ ГЛАС

Стихотворение написано во время пребывания Вельтмана в Кишиневе в конце 1810-х годов. Это сатирический групповой портрет жителей областной столицы, гуляющих в саду, причем имена многих кишиневцев, хотя и не названные прямо, не требовали для читающих пояснений. Л..ка — это Ликка (Литке) Константин Петрович (род. ок. 1780), чиновник канцелярии генерал-лейтенанта И. Н. Инзова, учитель музыки в семье Ралли Он описан в воспоминаниях И. П. Липранди («Пушкин в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1950, с. 246). Пу....рия — это Варфоломей Пульхерия Егоровна (см. отрывки из «Воспоминаний о Бессарабии» и рассказа «Два майора»). Каплюшка — это Худобашев Артемий Макарович (см. прим. 8 к «Джоку»). О нем также рассказал И. П. Липранди («Пушкин в воспоминаниях современников», с. 245, 246). С...ти — Стамати Костаке (1786—1869), молдавский писатель, чиновник бессарабского Верховного совета (см.: *В. П. Горчаков.* Выдержки из дневника об А С. Пушкине.— В кн: «Пушкин в воспоминаниях современников», с. 188). С...— Стамо Апостол Константинович (1755—1830), коллежский советник; его жена — Екатерина Захаровна.

Стихотворение Вельтмана пользовалось большой популярностью, переписывалось и заучивалось наизусть. Спустя шестьдесят лет его помнил кишиневский старожил К. Л. Трясцовский, прочитавший исследователю Льву Мацеевичу отрывок:

Но вдруг Каплюшка быстроногий —
Пигмей откуда ни взялся,
И своротили все с дороги,
Чтоб посмотреть на чудеса.
Но кто портрет его представит
И в точности изобразит,
Коль рассмотреть его весь вид
Всем нос преграду ставит?
Урода взять из обезьян,
Чтоб сделать с ним сравненье ясно,
Надеть парик, надеть кафтан,
Приставить к морде нос ужасный...

(См.: *Лев Мацеевич.* Кишиневские предания о Пушкине.— «Исторический вестник», 1883, май, с. 397).

О широком распространении на юге России рукописей с произведениями Вельтмана свидетельствует в своем письме к автору «Странника» А. Болдырев. Оно напи-

сано 13 ноября 1830 г. в Одессе. Вот что пишет А. Болдырев: «Здесь издается скоро альманах: Зеркало новой России, хозяева оного *Розберг* (редактор *Одесского вестника*) и *Морозов*,— статей у них довольно готовых от всех лучших наших литераторов,— но ваши летучие листочки не ускользнули от них, ибо и у меня они видели кое-что из песнопений ваших,— а потому они, желая украсить чем-нибудь и вашим свое *детище*, просили меня умолить вас прислать что-нибудь в альманах ‹...›» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 2, ед. хр. 28).

Публикуемый вариант написан рукой автора, некоторые стихи подверглись исправлениям, так что экземпляр можно считать в какой-то мере черновым. Он хранится в ОР ГБЛ (ф. 47, р. I, к. 27, ед. хр. 5).

Другой вариант стихотворения находится в Отделе рукописей библиотеки Румынской Академии наук (шифр 108/MCCXL).

Отрывки из произведения были напечатаны в статье Л. Н. Оганян «А. С. Пушкин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана» (сб. «Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева», т. II. Кишинев, 1961); в книге Е. М. Двойченко-Марковой «Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века» (М., 1966, с. 63); в статьях Ю. М. Акутина «Неизвестные страницы поэзии Александра Вельтмана» («Проблемы художественного метода в русской литературе». М., 1973, с. 80) и «Издревле сладостный союз//Поэтов меж собой связует» («Наука и жизнь», 1975, № 11, с. 138).

[1] *Геликон* — гора в Средней Греции. По древнегреческим преданиям, на ней собирались музы.

[2] *Тредиаковский*, Василий Кириллович (1703—1769) — русский поэт. Осуществил перевод «Похождений Телемака» Фенелона («Тилемахида») и романа Д. Барклая «Аргенида», в которых сильно сатирическое начало.

[3] *Апеллес* — древнегреческий живописец второй половины IV в. до н. э. Произведения его до нас не дошли, сохранились лишь описания. Большой известностью пользовалась картина «Афродита Анадиомена».

[4] *Селадон* — герой романа «Астрея» французского писателя Оноре д'Юрфе (1568—1625), галантный пастушок, жеманно ухаживающий за пастушкой Астреей. Имя пастушка стало нарицательным: «селадоном» называли чрезмерно изысканного кавалера.

[5] *Анти-Орфей.— Орфей* — легендарный древнегреческий певец из Фракии, замечательный музыкант. Анти-Орфей — бездарный музыкант и певец.

[6] *Вулкан* — римское божество, отождествлялся с Гефестом древнегреческой мифологии; бог огня и кузнечного ремесла. По Гомеру, он был хромым.

[7] *...Венерин словом истукан.*— Отношение Вельтмана к Пульхерии Варфоломей подробно описано им в «Воспоминаниях о Бессарабии» (см. отрывок из «Воспоминаний» в Дополнениях).

[8] *Терпсихора* — муза танца.

[9] *Каллиопа* — муза песнопений, впоследствии — эпической поэзии; изображалась со стилем и навощенными дощечками.

[10] *Минерва* — римская богиня мудрости, покровительствовавшая ремеслам, врачеванию, искусствам.

ДЖОК

(*Отрывок*)

Стихи были сочинены Вельтманом в начале 1820-х годов как припев к танцу «Джок». И. П. Липранди вспоминал, что куплеты «составлялись в веселой беседе на словах, а не на бумаге. Многие из кишиневского общества упоминались в этом припеве-«джоке»» («Русский архив», 1866, № 10, стлб. 1411). Тематически произведение связано со стихотворением «Простите, коль моей нестройной лиры глас». При наездах Вельтмана в Кишинев стихи дополнялись и переделывались. Они пользовались большой популярностью, распевались на вечерах, многие знали их наизусть. Интересовался куплетами Пушкин, и одно время ему приписывали авторство. Пушкин действительно сочинил похожее произведение «Раззевавшись от обедни» («Кишиневские дамы»), начал писать стихи в том же роде:

Дай, Никита, мне одеться,
В Митрополии звонят.

Впоследствии исследователи, в том числе П. И. Бартенев в статье «Пушкин в Южной России» («Русский архив», 1866, № 8 и 9, стлб. 1158, 1159), отрицали, что стихи принадлежат Пушкину. О «Джоке» говорилось как об анонимном произведении Но И. П. Липранди, знавший автора, в 1866 г. отметил: «Остроумно-игривый поэт их еще жив в Москве» («Русский архив», 1866, № 10, стлб. 1411). Имя сочинителя куплетов он назвал на оставшихся неизданными страницах своих воспоминаний (Отдел рукописей ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 104, 109).

Отдельные куплеты «Джока» неоднократно публиковались в разных вариантах. Приводятся они в статье П. И. Бартенева, воспоминаниях И. П. Липранди, в исследовании Льва Мацеевича «Кишиневские предания о Пушкине» («Исторический вестник», 1883, май). Мацеевич писал: «Песня эта — просто стихи, в которых с претензиею на юмор описывались личности, фигурировавшие на вечерах у Варфоломея. Некоторые приписывали стихи эти Пушкину. ⟨...⟩ Одну редакцию их сообщил нам достопочтенный кишиневский старожил Конст. Лавр. Трясцовский ⟨...⟩».

Некоторые стихи «Джока» напечатаны в книге Е. М. Двойченко-Марковой «Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века» (М., 1966, с. 65—67). Мы печатаем отрывки из произведения по статье Л. Мацеевича и неопубликованным страницам воспоминаний И. П. Липранди с указанием существенных разночтений в других изданиях.

1 *Варфоломей* Егор Кириллович — см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии».

2 *Катакази* Константин Антонович (род. 1775) — бессарабский гражданский губернатор (1818—1826).

3 ...*Скиновой женой*.— Скина Иван — эмигрант-фанариот. Фанариоты — представители греческого духовенства или богатые знатные греки в Османской империи. Его жена — Севастица, урожд. Суццо. Вариант: Стамовой женой. Стамо — см. прим. к стихотворению «Простите, коль моей нестройной лиры глас».

4 *Крупенский* Матвей Егорович (1781 — не ранее 1848) — кишиневский вице-губернатор.

5 *Рознован* Георгий — молдавский боярин. Вариант стиха: В первой паре Михалаки.

6 ...*Богданясою*...— Богдан Смаранда, кишиневская жительница, родственница Рознована.

[7] *Сандулаки* — кишиневский житель. Вариант стиха: Во вторую Сандулаки.
[8] *Худобашев* Артемий Макарович (около 1770 — не ранее 1839) — надворный советник, жил в Кишиневе.
[9] ...*Польхронисой*...— Полихрони Калипсо (1804—1827) — гречанка, бежавшая из Константинополя. Некоторое время жила в Кишиневе.
[10] ...*Пульхерица-легконожка*...— Варфоломей Пульхерия — дочь Е. К. Варфоломея. См. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии».
[11] Поздний вариант стиха: Устарелый наш божок!
[12] ...*голубушка*...— Вариант: сударушка.
[13] ...*Альбрехтша*.— Альбрехт Екатерина Григорьевна (род. около 1790), урожд. Башота, в третьем браке за генерал-лейтенантом Альбрехтом Александром Ивановичем.
[14] ...*княжна Ралу*..— Суццо Ралу, сестра господаря Молдавии князя Суццо Михаила Георгиевича (1784—1864), бежавшего после начала греческого восстания 1821 г. в Кишинев. Ралу была похищена бедным и незнатным поручиком Сала и тайно с ним обвенчана.
[15] *Эдиб-оглу* — одна из трех сестер-турчанок.

ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Стихотворение хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 4) в двух вариантах. Текст I состоит из 97 стихов. Этот вариант является черновым, в нем много поправок. Текст II — беловой вариант, состоит из 75 стихов, переписанных в исправленном виде с текста I. Автор не кончил переписывать набело весь текст I. Поэтому мы публикуем сначала весь текст II как окончательный, а затем дополняем 27-ю стихами текста I. Стихи 71—75 повторяются, так как имеют разночтения. Девять первых стихов публиковались в статье Л. Н. Оганян «А. С. Пушкин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана» (сб. «Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева», т. II. Кишинев, 1961), стихи 80—82 — в статье Юрия Акутина «Издревле сладостный союз//Поэтов меж собой связует» («Наука и жизнь», 1975, № 11). Полностью — в статье Ю. Акутина «Ун документ инедит».— «Култура», Кишинев, 1977, № 11, с. 10).

«Послание к друзьям» датируется 1826 г. на основании официального документа (см. прим. 2 к стихотворению). В нем называются имена сослуживцев Вельтмана, участников военно-топографических съемок в Бессарабии. Они были выпускниками Московского учебного заведения для колонновожатых.

[1] О близости Пушкина к офицерам-топографам рассказал в своих воспоминаниях И. П. Липранди: «Все офицеры Генерального штаба того времени составляли как бы одно общество, конечно, с подразделениями, иногда довольно резкими. С одними Пушкин был неразлучен на танцевальных вечерах, с другими любил покутить и поиграть в карты, с иными был просто знаком, встречая их в тех или других местах, но не сближался с ними, как с первыми, по несочувствию их к тем забавам, которые одушевляли первых» (*И. П. Липранди*. Из дневника и воспоминаний.— В кн.: «Пушкин в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1950, с. 252). Вельтман описал отношения Пушкина с офицерами в рассказе «Илья Ларин» и в романе «Счастье — несчастье» (см. об этом в статье Ю. Акутина «У истоков Пушкинианы».— «Литературная газета», 1975, № 31).
[2] Документальность «Послания к друзьям» очевидна. Вельтман до сентября 1826 г. занимал должность начальника съемки Бессарабской области. Под его руководством после съемок была подготовлена и отправлена в Тульчин карта. Вскоре он получил письмо от 30 июня, подписанное генерал-квартирмейстером генерал-майором Хоментовским, следующего содержания:

«Представленную Вашим благородием карту части Бессарабии, не снятой еще инструментально, я получил.

При сем вменяю себе в приятнейшую обязанность изъявить мою совершенную благодарность гг. офицерам, потрудившимся в составлении оной, за усердие, оказанное ими в успешном окончании сего поручения, так и Вашему благородию за неутомимую деятельность и рвение, с коим исполняете Вы каждое делаемое Вам начальством поручение; — Вместе с сим долгом поставлю себе довести до сведения начальства о трудах и усердии как Вашем, так и всех гг. офицеров, находившихся под ведением Вашего благородия» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 9, ед. хр. 2).

Таким образом, в последних стихах «Послания» Вельтман почти буквально повторил строки письма начальника.

ПАМЯТНЫЙ ЕЖЕДНЕВНИК

Ежедневные записи Вельтман начал вести с 12 апреля 1828 г., когда штаб Второй армии в преддверии событий, связанных с ожидавшимся объявлением войны Турции, покинул Тульчин, направляясь в Кишинев, чтобы затем двинуться к границе. Намерение вести регулярные записи не осуществилось. Вельтмана отвлекли штабные дела, ведение реляции. Два листка с записями от 12 апреля до 23 мая (с пропуском восьми дней, только обозначенных цифрами) хранятся в архиве Вельтмана (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 27, ед. хр. 7).

1 *...с графом Дибичем.*— Дибич-Забалканский, Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон) (1785—1831) — русский генерал-фельдмаршал (с 1829 г.). Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. руководил действиями русской армии на Балканах, находясь до февраля 1829 г. при главнокомандующем Витгенштейне, а затем являясь главнокомандующим.

2 *...у Алексеева...*— Видимо, Алексеев Николай Степанович (1789—1850), кишиневский чиновник, близкий знакомый Вельтмана и Пушкина.

3 *Липранди* Иван Петрович (1790—1880) — офицер разведки Второй армии, военный историк, близкий знакомый Вельтмана, с которым он переписывался до конца 1860-х годов.

4 *Киселев* Павел Дмитриевич (1788—1872) — генерал-адъютант, начальник штаба Второй армии. На протяжении нескольких лет Вельтман постоянно поддерживал с ним непосредственно деловые и личные отношения.

5 *...великий князь Михаил Павлович* — брат императора Николая I. Принимал участие в руководстве действиями русской армии на Балканах.

РЕЛЯЦИИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828 ГОДА

Реляции о кампании 1828 г. составлялись по донесениям под руководством Вельтмана. На основании реляций он делал обзор для императора. В архиве Вельтмана (ОР ГБЛ, ф. 47, р. 1, к. 27, ед. хр. 8) хранятся копии реляций, причем две подписаны им самим. Писатель использовал их при работе над «Странником».

1 *...запорожцев, возвратившихся в подданство России...*— Имеется в виду часть некрасовцев, перешедшая на сторону русской армии (см. прим. 69 к ч. III).

2 *...летучими сапами...*— Сапа — способ, которым роют ходы сообщения (траншеи, рвы) под огнем противника, ведущие к его укреплениям. Сапы применялись в XVI—XIX вв. Рытье траншей летучей сапой велось с поверхности земли, для прикрытия от огня применялись защитные насыпи из мешков с землей, бочек. Тихая

сапа (иначе — перекидная) велась со дна исходного рва, поэтому работающие не появлялись на поверхности.

[3] *Контрэскарп* — откос рва долговременного укрепления, ближайший к противнику. Использовался как противоштурмовая преграда.

[4] *...единорожною батареею...* — батарея из единорогов — тяжелых осадных орудий. Имели ядра массой до 40 кг, обладали дальностью до 4 км.

[5] *...усиленный горн..* — коническое отверстие в конце галерей, выкопанных для взрыва крепостной стены. Заряжался порохом.

[6] *Аманат* — заложник.

[7] *Каре* — боевой порядок войск, построенных в виде одного или нескольких квадратов или прямоугольников.

ЭСКАНДЕР

МЫСЛЬ

Эту поэму Вельтман писал на Балканах, во время осады крепости Шумла в июне 1829 г., в тетради в плотном коричневом переплете, которая хранится в архиве писателя (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 1). Черновик вместе с титульным листом, занимает 7 листов (13 страниц). На обороте титульного листа — запись более позднего времени (первой половины 1830 г.). Она является попыткой написать акростих, каждая строка которого должна была начинаться с первой буквы имени Екатерины (Е. П. Исуповой). Написаны столбиком четыре буквы (ЕКАТ) и сочинены два стиха. В черновике есть примечания самого автора, отсутствующие в печатных изданиях. Осенью 1830 г. Вельтман передал тетрадь издателю «Московского телеграфа» Николаю Полевому, и тот предложил опубликовать поэму отдельно в журнале до выхода в свет части I «Странника», что и было исполнено.

[1] Данный абзац написан на обороте л. 3 поперек строк текста слева.

ЭМИН. ЭМИН, СОБЫТИЕ 1828 ГОДА

Два отрывка — «Эмин» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 32, ед. хр. 7, л. 114) и «Эмин, событие 1828 года» (там же, л. 109—113) являются первым откликом Вельтмана на события русско-турецкой войны, первой попыткой создать прозаическое произведение. В беседе офицера с солдатом, а затем с дежурным офицером воспроизводится обстановка первого периода кампании 1828 г., настроения и надежды военнослужащих. Отрывки писались в 1829 г. и были прерваны началом работы над «Странником». Эпизод с Эмином в другой форме вошел в текст романа (гл. CCLXXVI, CCLXXVII).

[1] *Ведет* — конный пост, дозор.

[2] *Адонис* — финикийское божество природы; его культ проник в древнегреческую мифологию. В переносном смысле Адонис —исключительно красивый мужчина.

[3] *Штурмовики...* — военные нашивки, которыми отличали проявивших храбрость при штурме крепости

[4] *...в третий раз здесь...* — Дежурный имеет в виду русско-турецкую войну 1806—1812 гг. и кампанию 1828 г.

ЛАГЕРЬ

ИНТЕРМЕДИЯ

Интермедия по своему содержанию непосредственно примыкает к роману, в тексте которого встречаются аналогичные сцены. Рукопись находится в архиве Вельтмана (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 33, ед хр. 7).

[1] *Капральство* — часть роты в царской армии, которой командовал капрал.
[2] *Инзов* Иван Никитич (1768—1845) — генерал-лейтенант.
[3] *V.C.P.*— сорт шампанского.
[4] *широкоштанников...*— Имеются в виду турецкие солдаты, которые были одеты в широкие шаровары.

ОСОБЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ В 1828 И 1829 ГОДАХ

Краткая историческая справка, написанная Вельтманом в 1830 г. Состоит из двух разделов: «В Европе» и «В Азии», так как военные действия шли не только на Балканах, но и на Кавказе. Мы приводим фрагменты записи «В Европе». Рукопись находится в архиве Вельтмана (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 22, ед. хр. 10).

[1] Имеется в виду рассказ Геродота о неудачном походе против скифов персидского царя Дария I.
[2] *Адрианополь* — город на Балканском полуострове. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 г. русская армия под командованием Дибича подступила к Адрианополю, намереваясь взять его штурмом. Город сдался 8(20) августа 1829 г.
[3] *...мир, новая слава России, заключен.*— После сдачи Адрианополя русские войска подступили к Константинополю, в связи с чем турецкое правительство предложило заключить мир; с этим предложением согласилось русское правительство. По заключенному 2(14) сентября 1829 г. Адрианопольскому мирному договору к России отошло Кавказское побережье Черного моря до района севернее Батуми, а также район Ахалциха. Получила независимость Греция, автономными стали Сербия, Молдова и Валахия.

ОТРЫВОК ИЗ *ОПЫТА О ВОЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ*

Отрывок явился первым печатным произведением Вельтмана-историка. Он был опубликован в журнале «Сын Отечества» (1826, № 18—19) как фрагмент большого сочинения, задуманного Вельтманом. Работа не была доведена до конца и осталась в набросках (ОР ГБЛ).

[1] *Макарий* (1482—1563) — церковный и политический деятель, митрополит Московский и всея Руси с 1542 г.
[2] *Ликург* — легендарный законодатель Спарты (IX—VIII вв. до н. э.). Ему приписывают ведущую роль в формировании спартанской государственности. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, сформулировал законы общественной жизни и воспитания. *Платон* (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, автор диалогов. Выдвинул утопический идеал государственного и общественного устройства. *Ксенофонт* (ок. 430—355 или 354

до н. э.) — древнегреческий писатель и историк. В сочинении «Киропедия» изложил свои взгляды на воспитание, создал образ идеального правителя идеального государства. *Плутарх* — см. прим. 63 к ч. I.

[3] *Сципион Африканский,* Публий Корнелий (Старший) (ок. 235—183 до н. э.) — римский полководец, одержавший победу над Ганнибалом (см. прим. 5). *Лукулл* Луций Лициний — см. прим. 49 к ч. I.

[4] *...скиптр Дария...*— Весной 333 г. до н. э. македонские войска под руководством Александра Великого разбили персидскую армию у р. Пинара. Персидский царь Дарий III бежал, бросив свою колесницу, мантию и семью.

[5] *...за Аннибалом...*— Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.), выдающийся карфагенский полководец.

[6] *...на щит Олега на вратах Константинопольских...*— Древнерусский князь Олег Вещий (ум. 912) в 907 г. осадил столицу Византии Константинополь, наложил па империю контрибуцию и прикрепил свой щит к городским воротам.

[7] *...столицу Святослава...*— В 968—971 гг. в Болгарии развернулись действия русско-византийской войны. На территорию Болгарии вошли войска Святослава Игоревича, захватили столицу Преслав. Как пишет Вельтман, «Святослав сказал один раз навсегда: «Среда земли моей в Переяславце на Дунае»» (*А. Вельтман.* Счастье — несчастье, ч. II. М., 1863, ст. 179). Подробно город Преслав и захват его русскими описан в повести «Райна, королевна болгарская», переведенном на болгарский язык.

[8] *Река Непрядва* — правый приток Дона, у которого 8 сентября 1380 г. произошла Куликовская битва.

[9] *...славный подвиг Великого...*— Имеется в виду Петр I.

[10] *...великодушного монарха...*— Имеется в виду Александр I и путь, проделанный русской армией от Москвы до Парижа во время изгнания армии Наполеона.

НАЧЕРТАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЕССАРАБИИ

(*Отрывок*)

Книга вышла в 1828 г., отрывки из нее были напечатаны в «Московском телеграфе» (1828, № 4). Сочинение вызвало большой интерес у читателей и ученых. Ее читал Н. В. Гоголь. Годом позже «Московский телеграф», указывая, что «сию книгу можно причислить к составляющим хорошие материалы для истории» (1829, № 6, с. 184), писал: «Нам приятно думать, что занятие военною службою не навсегда отвлечет г-на Вельтмана от занятий историею и что со временем можем мы надеяться увидеть дальнейшие труды его; изданная им книга, как начало, подает нам надежды, что в нем литература русская может увидеть достойного сподвижника на поприще истории» (там же, с. 186). Напечатанные в «Дополнениях» фрагменты были использованы писателем при работе над «Странником».

[1] *Траян* — римский император, вел победоносные войны с даками в 101—102 и 105—106 гг.

[2] *Даки* — группа северофракийских племен, которые занимали территорию к северу от Дуная до Карпатских гор.

[3] *Ретрантамент* — полевое военное укрепление.

[4] *Редут* — земляное укрепление, имеющее вал и ров.

[5] *...Великого беглеца...*— Имеется в виду шведский король Карл XII, чья армия потерпела поражение от русских войск под Полтавой.

[6] *...изшел из опасности с именем героя...*— Имеется в виду Прутский поход 1711 г. русской армии под командованием Петра I против 120-тысячной армии турецкого великого везира Баталджи-паши, объединившейся с 70-тысячной конницей крымского хана Девлет-Гирея. Поход окончился неудачей для русской армии, и 12 июля 1711 г. был подписан мирный трактат.

БЕГЛЕЦ

ПОВЕСТЬ

Отрывки

Работа над произведением началась в 1824—1825 гг. Публикуя два отрывка из задуманной повести в стихах в «Сыне Отечества» (1825, 18, 19, под псевдонимами «Ал. В......» и «Александр В...н»), автор указал: «Кишинев. 2 сентября 1825». Эти фрагменты были перепечатаны в «Полярной звезде. Карманной книжке для любителей и любительниц чтения на 1832 г.» (М., 1832) и «Радуге. Карманной книжке для любителей и любительниц чтения на 1833 год» (М., 1832). Вельтман продолжал писать и переделывать повесть до 1831 г. (см.: ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 12). Подготавливая отдельное издание «Беглеца», он вел переписку с В. П. Горчаковым, который делал замечания, предлагал поправки (см.: ОР ГБЛ, ф. 47, р. II, к. 3, ед. хр. 14), и советовался по поводу произведения с П. А. Вяземским. 13 марта 1831 г. было получено цензурное разрешение на публикацию повести, и она вышла в свет отдельной книжкой с посвящением Ф. В. и А. М. Евреиновым. Автор писал:

«Кому бы лучше посвятил я плоды досуга моего, как не отцу и матери? — Их уже нет! Вы заменили отца и мать брату моему и сестре моей. — Кому же лучше посвящу, как не вам?»

К первому изданию повести были приложены стихотворения, обращенные к А. С. Пушкину и Е. Ф. Вельтман.

Еще знакомясь с журнальными отрывками, читатели заметили, что Вельтман писал под влиянием Пушкина. В. Ф. Раевский «шутил над вошедшими в моду сего рода подражаниями Пушкину и над самой этой повестью» («Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, с. 666). В. К. Кюхельбекер указал в своем дневнике, что слог «Беглеца» — «снимок со слога Пушкина, а еще более со слога автора «Войнаровского», и обнаружил удивительное совпадение сцены из повести Вельтмана со сценой из «Ижорского» («Дневник В. Кюхельбекера». ⟨Л.⟩, 1929, с. 154, 155).

Отдельное издание «Беглеца» вызвало противоречивые отзывы. В «Московском телеграфе» (1831, № 6, с. 243) мы читаем:

«Эта небольшая поэма писана сочинителем несколько лет прежде «Странника», среди тревог походной, кочевой жизни. Сильные впечатления придунайских стран были поводом к сочинению оной, и их выразил поэт ярко и сильно. Впрочем, в ней есть, кроме того, хорошие стихи и несколько мест прекрасных».

В «Дамском журнале» отмечалось: «Вообще стихотворение г-на Вельтмана чрезвычайно интересно содержанием своим, исполнено истинной поэзией, прекрасных чувств, здравых, глубоких мыслей и картин верных и привлекательных» (1831, № 19, с. 93). Менее одобрительные высказывания появились на страницах «Литературной газеты» (1831, № 30, с. 245) и «Северной пчелы» (1831, № 95). В «Северном Меркурии» (1831, № 66) был напечатан большой отрывок из повести.

Второе издание «Беглеца» появилось в 1836 г. и встретило критические замечания рецензентов «Библиотеки для чтения» (1836, т. I, ч. 2, отд. VI, с. 4) и «Молвы» (1836, № 5, с. 85, 86).

Мы печатаем три отрывка из повести. Отрывок I содержит три главы из отдельного издания «Беглеца». В них дано описание границы, перекликающееся с эпизодами из «Странника».

Отрывок II взят из журнальной публикации («Сын Отечества», 1825, № 19, с. 375, 376). Эти стихи не вошли в издания 1831 и 1836 г. Частично они включены в гл. LXVII «Странника». В отрывке говорится о Марии Маврокордато, кишиневской знакомой Вельтмана. Он писал 19 февраля 1824 г. В. П. Горчакову:

«Любезный друг, милая М.... умерла! За три дня я любил ее как [сущ] цветущее, совершенное, украшающее природу существо; вчера я нес ее в гробе и оставил в объятиях могилы, а сегодня, завтра и не знаю до которых пор, но долго, долго, я буду любить горькое, печальное воспоминание об ней!» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 3, л. 1).

А на обороте листа набросал:

Эпитафия

на смерть Марии Маврокордато, от роду 14 лет, умершей скоропостижно 16-го февр. 1824-го года.

Душа и красота ее на небеси
Здесь прах [ее] один в объятиях могилы.
[Чувствительной] О Смертной! Горестной слезой
[могилу] гробницу ороси,
Когда тебе останки милых милы
- - - - - - - - - - - - - - - - - - -
Не для земной любви, в ней

⟨Лист дальше отрезан.⟩

Впоследствии Вельтман отмечал в «Воспоминаниях о Бессарабии»: «...тут ⟨в Кишиневе⟩ была фамилия Маврокордато, посреди которой расцветала Мария, последняя представительница на земле классической красоты женщины. Когда я смотрел на нее, мне казалось, что Еллада в виде божественной девы появилась на земле, чтобы вскоре исчезнуть навеки.» (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 180).

Отрывок III взят из черновых набросков «Беглеца» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 5, л. 3). В нем подробно описывается эпидемия чумы, охватившая Галац, свидетелем которой был автор. Об этом городе Вельтман писал в «Страннике», а переработанные стихи, посвященные Галацу, включил в отдельные издания «Беглеца».

[1] Действие происходит в районе впадения р. Прут в Дунай.

MMMCDXLVIII ГОД. РУКОПИСЬ МАРТЫНА ЗАДЕКА

РОМАН

(*Отрывок*)

Произведение было издано анонимно в 1833 г. в трех книгах. Вельтман выступил в Предисловии к книге II как издатель, подготовивший к печати таинственную рукопись. Книга стала первым в России утопическим романом, повествующим о социальном строе будущего. Появившееся в 1824 г. на страницах «Литературных лист-

ков, журнала нравов и словесности» (№ 17—20, 23, 24) сочинение Ф. В. Булгарина «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке» имело чисто развлекательный характер.

На критические высказывания О. И. Сенковского о романе в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II) Вельтман отвечал на страницах «Молвы» (1834, № 9, с. 142): «Довольно! — 3448 год не сглазил черный глаз; 3448 год *идет*. Ни 1614 лет, ни *«так! что-нибудь!»* не остановят его».

Критик «Московского телеграфа» писал: «Не имея никакого права разгадывать тайные мысли Сочинителя, можем, однако ж, для объяснения самим себе его творения, предполагать, что мысль глубокую, в обширнейшем плане, хотел здесь развить Сочинитель» (1834, № 2, с. 331). «Молва» отмечала: «В новом романе г. Вельтмана читатели найдут единство романтического интереса, и, вероятно, он покажется занимательнее для большего числа их» (1834, № 5, с. 78). М. Н. Лихонин в статье «Вельтман и его сочинения» пришел к выводу, что писатель «перенес события своего романа в грядущее для того только, чтобы освободить себя от оков настоящего порядка вещей» («Московский наблюдатель», 1836, ч. VII, с. 221).

В. Г. Белинский писал: «В его «Мартыне Задеке» заметен какой-то намек на мысль глубокую и прекрасную, но эта мысль выражена так загадочно, все создание, по обыкновению, изложено так отрывочно, что, право, все это начинало походить на злоупотребление таланта, на какой-то *фокус-покус* фантазии» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. II, М., 1953, с. 116).

Мы печатаем начало главы I романа, перекликающееся со страницами «Странника».

[1] *Османы* — турки.
[2] *Травень* — месяц май древнерусского календаря.
[3] *Ры* — одно из древнерусских названий Волги.
[4] *Голконда* — феодальное государство в Индии в XVI—XVII вв. Славилось своим богатством.
[5] *Орфей* — см. прим. 5 к стихотворению «Простите, коль моей нестройной лиры глас».

АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ

РОМАН

(*Отрывок*)

Произведение было напечатано анонимно в 1836 г. под полным заголовком «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский». В дальнейшем установилось принятое в нашем издании заглавие. Авторство определить было нетрудно, так как эпиграф на титульном листе давал понять, что роман — часть IV «Странника». Определение жанра произведения представляло неразрешимую трудность для критики 1830-х годов, так как понятия «научно-фантастический роман» в ту пору не существовало. О. Сенковский писал в рецензии: «Это не ученая диссертация, не аллегория, не повесть, не поэма и не роман, а бог знает что» («Библиотека для чтения», 1836, т. 16, отд. IV, с. 17).

Но содержание романа вызвало широкое одобрение. Рецензент «Русского инвалида, или Военных ведомостей» отметил: «Не понимаем причин, заставивших автора не объявить своего, столь с выгодной стороны известного имени; но не можем не благодарить его за то неподдельное удовольствие, которое доставил он нам прочтением этих двух томиков, заключающих в себе прекрасно рассказанную повесть об Александре Македонском, о знаменитом на Востоке Эскандере. Автор переносит нас в Древнюю Грецию, заимствуя этнографические декорации в исторических подробностях, и беспрестанно, без всякой натяжки, заставляет нас, при чтении этой повести, соглашаться со старою, но иногда забываемою мыслию, что человек был, есть и будет всегда один и тот же в своих началах и основаниях и что лишь одни формы подвергаются изменяемости» (1836, № 152, с. 603).

В. Г. Белинский посвятил роману статью, в которой попытался определить его жанр: «Что это такое? Сказка не сказка, роман не роман, а если и роман, то совсем не исторический, а разве *этимологический* ‹...›» (*В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. II. М., 1953, с. 119). Завершается анализ романа выводом: «Но эта шутка написана мило, остро, увлекательно, очаровательно; читая ее, и не видишь, как перевертываются листы, и только с досадою замечаешь, что близок конец» (там же).

Мы печатаем отрывок из романа, посвященный той же теме, что и поэма «Эскандер» в ч. I «Странника» («Александр Филиппович Македонский», ч. II. М., 1836, с. 156—161).

[1] *Серапис* (Сарапис) — божество, культ которого был установлен в эллинистическом Египте в III в. до н. э. Египтяне отождествляли Сераписа с Осирисом, греки — с Зевсом.

[2] Автор напоминает читателю о поэме «Эскандер» в ч. I «Странника».

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕССАРАБИИ

(*Отрывок*)

К работе над воспоминаниями о службе в Бессарабии Вельтман приступил сразу после гибели Пушкина. Стремление писателя рассказать о своих встречах с великим поэтом в Кишиневе, описать окружавшую их среду отразилось в первоначальном заголовке «Воспоминания о Бессарабии и о Пушкине» (ОР ГБЛ, ф. 47, р. I, к. 28, ед. хр. 17, л. 1). Завершая «первую статью» записок, Вельтман задумал напечатать ее, но сомневался в значимости своей работы. Он писал М. П. Погодину: «Я никак не отказываюсь даже на коленях принести малую жертву от крох моих тени любимого нашего поэта, но еще не успел ничего сделать доброго и достойного помещения в «Современнике»» («Литературное наследство», т. 58. М., 1952, с. 145). Но первые страницы воспоминаний все же были помещены (без имени автора) в 1837 г. в пушкинском журнале. Завершил Вельтман работу над мемуарами позже.

В дальнейшем пушкинисты не раз обращались к писателю с просьбой передать им записки о Бессарабии. В 1855 г. П. В. Анненков утверждал в письме к Вельтману от 3 ноября: «Вообще история знакомства Вашего с Пушкиным была бы находкой как для издания, так и для публики!» (*Юрий Акутин.* Издревле сладостный союз//Поэтов меж собой связует.— «Наука и жизнь», 1975, № 11, с. 139). Дальнейшая история издания вельтманских мемуаров изложена в статье к нашему изданию.

Публикация большей части «Воспоминаний» Л. Н. Майковым вызвала широкий отклик. «Пребыванию Пушкина в Бессарабии посвящены воспоминания А. Ф. Вельтмана. Этому периоду жизни поэта Л. Н. Майков справедливо придает важное значение в процессе его внутреннего развития; тогда-то «пробудилось у светского юноши Пушкина то чуткое внимание к народной жизни, которое уже никогда не покидало его до самой смерти». В этом именно отношении интересны и воспоминания Вельтмана. В них он имел в виду выяснить то влияние, какое оказали на поэта и самый край, и условия жизни среди разнообразного состава и быта местного населения»,— писал Е. Елеонин («Исторический вестник», 1899, т. 77, июль, с. 270). Отметили записки Вельтмана Б. В. Никольский (там же, с. 217) и Б. Л. Модзалевский («Русская старина», 1899, № 9). Использовал их И. Халиппа в своей работе «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. 1820—1823» (Кишинев, 1899).

Черновая рукопись «Воспоминаний о Бессарабии» хранится в ОР ГБЛ. Записки Вельтмана широко использованы при составлении примечаний к данному изданию. Публикуемый отрывок взят из книги Л. Н. Майкова «Пушкин» (СПб, 1899, с. 121—123).

[1] *Отец Пульхерии...*— Варфоломей Егор Кириллович Кириак Иордаки (1764—1842) — член Бессарабского верховного совета, генеральный откупщик в Бессарабской области, коллежский асессор. О Варфоломее и его семье писатель кратко рассказал в «Страннике», более подробно — в «Двух майорах» (см. прим. к отрывку из рассказа «Два майора»). Его дочь Пульхерия Егоровна (1802—1868) вышла в 1835 г. замуж за греческого консула Константина Мано.

[2] *Горчаков* Владимир Петрович (1800—1867) — товарищ Вельтмана по Московскому учебному заведению для колонновожатых, с 1820 г.— квартирмейстер при штабе 16-й пехотной дивизии, с мая 1822 г.— участник топографической съемки Бессарабской области. С января 1826 г.— поручик в отставке. Был дружен с Вельтманом до конца жизни. Автор воспоминаний о пребывании в Бессарабии, о встречах с Пушкиным. Об отношениях Горчакова с семьей Варфоломея см. прим. к отрывку из рассказа «Два майора».

[3] ...*Альбертов андроид*...— Альберт фон Больштедт (ок. 1193—1280) — немецкий философ, конструировал «механического человека» (андроида), прототип робота.

РАДОЙ

РАССКАЗ

(*Отрывок*)

«Радой» был напечатан в 1839 г. в журнале «Сын Отечества» (т. VII), а затем включен в сборник повестей Вельтмана, вышедший в 1843 г. Существенных изменений в текст внесено не было. В произведении рассказывается, как автор обнаружил записки молодого офицера, проезжавшего через Балканы во время валашского восстания под руководством Тудора Владимиреску и движения этерии во главе с Александром Ипсиланти. История любви к Елене серба Радоя, с которым знакомится офицер, также влюбленный в Елену, переплетается с любовной историей Мемнона и крепостной девушки Верочки.

Сложность композиции «Радоя» отметил В. Г. Белинский: «Повесть «Радой» ужасно запутана, перепутана и нисколько не распутана. В ней есть прекрасные подробности» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, VII. М, 1955, с. 634). Однако ранее кри-

тик отмечал, что «Радой» — «вполне прекрасная, полная души и мысли повесть 〈...〉» (там же, т. III, с. 176). Рецензент «Библиотеки для чтения» писал: «...«Радой» — большая повесть, исполненная трогательных сцен, истинно драматических положений и рассказанная на славу» (1843, т. 60, ч. II, с. 24).

1 *...после покорения Варны...* — Варна была взята 29 сентября (11 октября) 1828 г.

КОСТЕШТСКИЕ СКАЛЫ

РАССКАЗ

Рассказ был напечатан в «Одесском альманахе на 1840 год», а затем включен в сборник повестей Вельтмана, вышедший в 1843 г. Описывая жизнь офицеров-топографов, занятых полевыми съемками, автор обратился к собственным воспоминаниям, вывел реальных людей, наделив их вымышленными фамилиями. Так, Светов — это сам автор, передавший немецкое значение своей фамилии: Welt — «мир, свет», Mann — «человек». Фантанов — это Фонтон де Верайон; Рацкий — это Полторацкий; Лугин — это Лугинин; все — офицеры по квартирмейстерской части, прикомандированные к военно-топографической комиссии. Ленкуца — уменьшительное молдавское от Елена. С предположением Е. М. Двойченко-Марковой, что Ленкуца — это Елена Кубе, нельзя согласиться. (О Елене Ивановне Кубе см.: *Ю. Акутин.* Загадка Елены Кубе.— «Наука и жизнь», 1976, № 6.)

Образ Ленкуцы вновь возникает в романе «Счастье — несчастье».

«Не без удовольствия можно прочесть рассказ Вельтмана «Костештские скалы»...»,— писал В. Г. Белинский в рецензии на «Одесский альманах на 1840 год» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. IV. М., 1954, с. 122).

1 *Пионер* — сапер.
2 *...в сюрах* — т. е. в козырях.
3 *...по имени «Драку».*— Имя «Драку» дали черту в память о воеводе Дракуле, прославившемся своей жестокостью.
4 *Шлык* — островерхая шапочка.
5 *...армидина сада...*— см. прим. 29 к ч. III.
6 *Планшеты* — приспособления, на которых во время съемок закреплялись карты и чертежные листы.

УРСУЛ

ПОВЕСТЬ

(*Отрывок*)

Повесть «Урсул» была опубликована во втором томе сборника «Сто русских литераторов» (СПб., 1841, с. 352—395). Рассказанная в ней история основана на действительных фактах. Поимка талгаря Урсула произошла в Кишиневе в апреле 1824 г. Вельтман писал в воспоминаниях:

«Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядом на талгаря Урсула (талгарь — разбойник, урсул — медведь). Это был начальник шайки, со-

ставившейся из разного сброда войнолюбивых людей, служивших етерии молдавской и перебравшихся в Бессарабию от преследования турок после скулянского дела. В Молдавии и вообще в Турции разбойники разъезжают отрядами по деревням, берут дань, пируют в корчмах, и их никто не трогает. Урсул с несколькими из отважных ограбил на дороге от Бендер к Кишиневу купца. Вздумал пировать в корчме при въезде в город. В то время еще никто не удивлялся, видя несколько вооруженных с ног до головы арнаутов; но ограбленный Урсулом прибежал в Кишинев и, заметив разбойников в корчме, закричал: «Талгарь, талгарь!» Народ сбежался; письменная почта была подле; почмейстер Алексеев, отставной храбрый полковник гусарский, собрал команду почтальонов и бросился с ними к корчме, дав знать между тем жандармскому командиру. Урсул с товарищами, видя себя окруженным, вскочив на коней, понеслись во весь опор через город. Только крики: «Талгарь, талгарь!» успевали их преследовать по улицам. Народ заграждал им путь, но выстрелами прокладывали они себе дорогу вперед, однако же выбрали плохой путь — через Булгарию (улицу Булгарскую). Булгары осыпали их и принудили своротить в сторону к огородам. Огороды лежали на равнине по берегу Быка. Принадлежа разным владельцам, все пространство было в загородях. Лихие кони разбойников перелетали через плетни, но загородок было много, а толпы булгар преследовали их бегом и догоняли; постепенно утомленные кони падали с отважными седоками, и булгары, как пчелы, осыпали их и перевязывали. На окованного Урсула съезжался смотреть весь город. Это был образец зверства и ожесточения; когда его наказали, он не давался лечить себя, лежал осыпанный червями, но не охал» (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 127, 128.).

Помещенный в данном издании отрывок содержит рассказ от автора. В дальнейшем повествовании Урсул открывает слушателю трагическую историю своей жизни, реальные события которой смешались в его горячечном сознании со снами и бредом.

В. Г. Белинский писал об «Урсуле»: «Изысканность, вычурность, напыщенность, туманность, бессвязность, пестрота и, к довершению всего,— хоть разломай себе голову, а ничего не поймешь в этой повести... Прочтите «Кирджали» Пушкина: содержание сходно с повестью г. Вельтмана; но какая простота, безыскусственность, какая непринужденная сжатость и энергия, какая поэзия и как все понятно и уму и сердцу!...» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. V. М., 1954, с. 212). «Северная пчела» отметила: «В этой повести, изображающей молдаванские нравы, есть несколько превосходных поэтических страниц, как и во всех сочинениях г. Вельтмана, но целое как-то темно, тяжело, как-то недосказано ‹...›» (1841, № 160, с. 659).

[1] ...*праздник «Труб».*— Первый день седьмого месяца по еврейскому календарю носит название «Праздника труб», или «Дня трубного звука». Во время праздника играют на шофарах — рогах.

[2] ...*накинув на головы саваны...*— При молитве евреи покрываются молитвенным облачением (талесом) — четырехугольным полотнищем из шерсти и шелка. Талес белого цвета с синими или черными полосами, к его углам прикреплены кисти из шерстяных ниток (цицес).

[3] ...*прикрепив ко лбу хранилище заповедей...*— При молитве евреи прикрепляют при помощи ремней ко лбу и руке тефилы (филактерии), состоящие из кожаных, выкрашенных в черную краску, ящичков, в каждом из которых зашиты четыре цитаты из Библии, написанные черными чернилами на пергаменте.

[4] ...*нашествия Навуходоносора...*— В 597 г. до н. э. вавилонский царь Наби-Кудурри-

уцур (Навуходоносор) захватил Иерусалим и увел более 3000 пленных евреев. В 587 г. (или 586) вторично захватил восставший город и разрушил его, превратил Иудейское царство в вавилонскую провинцию и пленил более 9000 евреев.

ИЛЬЯ ЛАРИН

РАССКАЗ

(*Отрывки*)

Рассказ был напечатан в газете «Московский городской листок» (1847, № 8). В нем описана встреча автора с Ильей Лариным, отставным унтер-цейгвахтером, с которым он познакомился в Кишиневе. Вельтман рассказал в «Воспоминаниях о Бессарабии»:

«Читателям «Евгения Онегина» известна фамилия Ларин. Ларин — родня Илье Ларину, походному пьяному шуту, который потешал нас в Кишиневе. Отставной унтер-цейгвахтер Илья Ларин, подобно Кохрену, был enjambeur * и исходил всю Россию кругом не по страсти путешествовать, но по страсти к разнообразию, для снискания пищи и особенно питья между военною молодежью. Не имея ровно ничего, он не хотел быть нищим, но хотел быть везде гостем. Прибыв пешком в какой-нибудь город, он узнавал имена офицеров и, внезапно входя в двери с дубиной в руках, протягивал первому руку и говорил громогласно: «Здравствуй, малявка! Ну, братец, как ты поживаешь? А, суконка, узнал ли ты Ларина, всесветного барина?» Подобное явление, разумеется, производило хохот, а Ларин между тем без церемоний садился, пил, ел все, что только стояло на столе, и, вмешиваясь в разговор, всех смешил самым серьезным образом. Покуда странность его была новостью, он жил в обществе офицеров, переходя гостить от одного к другому; но когда начинали уже ездить на нем верхом и не обращали внимания на его хозяйские требования, он вдруг исчезал из города и шел далее незванным гостем» («Пушкин в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1950, с. 236, 237).

И. П. Липранди писал: «Помню очень хорошо между Пушкиным и В. Ф. Раевским горячий спор ⟨...⟩ по поводу «Режь меня, жги меня» ⟨...⟩ спор этот порешил отставной фейерверкер Ларин (оригинал, отлично переданный Вельтманом), который обыкновенно жил у меня. Не понимая, о чем дело, и уже довольно попробовавший за ужином полынкового, потянул он эту песню «Ой жги, говори, рукавички барановые!» Эти последние слова превратили спор в хохот и обыкновенные с Лариным проказы» (там же, с. 268).

Илья Ларин стал действующим лицом романа Вельтмана «Счастье — несчастье».

Фрагмент из рассказа напечатан в статье Ю. Акутина «У истоков Пушкинианы» («Литературная газета», 1975, № 31).

Для нашего издания отобраны отрывки из «Ильи Ларина», в которых речь идет о кишиневской жизни.

* бродяга (*франц.*).

нас у себя обедать; зайдешь ли бывало вечером, так от ужина не отделаешься 〈...〉» (там же, с. 203).

Живя широко, Варфоломей обнаружил, что дела его приходят в упадок и он близок к разорению. Варфоломей «был властный и жестокий откупщик, который безжалостно притеснял жителей» (*Б. А. Трубецкой.* Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1976, с. 48). Пытаясь спастись от краха, он принялся искать женихов для дочери и обратил свой взор на Пушкина и Горчакова. Этот комический эпизод из кишиневской жизни 1820-х годов Вельтман положил в основу рассказа «Два майора», выведя двух желаемых женихов под вымышленными именами Рамин и Кларин.

В 1824 г. Варфоломей окончательно разорился, был снят с ответственных должностей и затем лишился своего великолепного дома.

[1] Парис, сын троянского царя Приама, похитивший жену спартанского царя Менелая Елену, носил прозвище Александр, т. е. отражающий мужей.
[2] *Мититика* — молдавский танец с пением.

СЧАСТЬЕ — НЕСЧАСТЬЕ
РОМАН

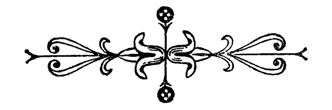
(*Отрывки*)

Роман был опубликован в 1863 г. как четвертый том эпопеи «Приключения, почерпнутые из моря житейского». Так как роман «Последний в роде и безродный» остался неизданным, то «Счастье — несчастье» до сих пор завершает известный цикл произведений о русской жизни 1840—1860 гг. Действие романа начинается и кончается в Бессарабии. На его страницах мы вновь встречаемся с лицами, уже знакомыми по «Страннику». Так, эпизод с капитаном Микулаем почти повторяет главу CCCVI первого романа Вельтмана.

«Библиотека для чтения» писала: «Собственно говоря, г. Вельтман не изменился нисколько, не устарел, как иногда бывает с писателями: все тот же юмор, та же внешняя занимательность событий, та же эксцентричность в изображении характеров, тот же фантастический, сказочный элемент в изображении сюжетов, та же легкость рассказа — а между тем новый роман г. Вельтмана почти невозможно читать без снисходительной улыбки» (1863, № 4, с. 110, 111).

«Русское слово» сочло нужным заявить: «Действительно, в былое время г. Вельтман принадлежал к числу если не капитальных, то по крайней мере очень остроумных писателей; бездна наблюдательности, неподдельный юмор, богатство воображения ставили произведения его на степень тех, которые читаются с истинным удовольствием. 〈...〉 Г. Вельтман, как и другие писатели его же периода, совершенно расходится с современными требованиями литературы; он точно не знает, что делается вокруг него...» (1863, № 4. Библиографический листок, с. 8, 9).

[1] Квартирная комиссия ведала размещением по квартирам прибывших в город.

[1] *Горчаков* Владимир Петрович — см. прим. 2 к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии».
[2] *Липранди* Иван Петрович — см. прим. 3 к «Памятному ежедневнику».
[3] *Свайка* — русская народная игра, состоящая в метании большого толстого гвоздя в лежащее на земле кольцо.
[4] *Орлов* Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, командир 16-й пехотной дивизии в Кишиневе (1820—1823), декабрист.
[5] *Пульхеренька-пупочка* — Варфоломей Пульхерия Егоровна (см. отрывок из «Воспоминаний о Бессарабии» и рассказа «Два майора»).
[6] Горчаков.
[7] Имеется в виду дуэль А. С. Пушкина с командиром 33-го Егерского полка подполковником С. Н. Старовым, которая была прервана и отложена.
[8] *Малина* — пригород Кишинева в 1820-е годы.

ДВА МАЙОРА
РАССКАЗ

⟨*Отрывок*⟩

Произведение опубликовано в № 1 журнала «Москвитянин» за 1848 г. Оно посвящено эпизоду из жизни семейства Варфоломей (см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии»). Повествование основано на действительных фактах. Во время пребывания в Кишиневе Пушкин бывал частым гостем в доме Варфоломея, посещал устраиваемые откупщиком вечера с танцами. Обычно его сопровождал В. П. Горчаков (см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии»). Поэт писал ему:

Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет нам Варфоломей.

(*В. П. Горчаков. Воспоминание о Пушкине.— «Пушкин в воспоминаниях современников». ⟨М.⟩, 1950, с. 208*).

Впоследствии Пушкин вспоминал «пестрый дом Варфоломея» в письме к Ф. Ф. Вигелю из Одессы (22 октября — 4 ноября 1823 г.). Привлекла его внимание Пульхерия Варфоломей, он занес ее в свой «донжуанский список». В том же письме к Ф. Ф. Вигелю Пушкин шутливо наказывал: «Пулхерии В⟨арфоломей⟩ объявите за тайну, что я влюблен в нее без памяти ⟨...⟩».

Горчаков вспоминал: «⟨...⟩ жил в то время в Кишиневе известный своим гостеприимством Егор Кириллович Варфоломей, который, как говорится, жил открытым домом, был богат или казался богатым, состоял на службе и был членом Верховного совета. Все это вместе взятое давало ему право на так называемое положение в свете. Знаем и помним, что гостеприимство Егора Кирилловича и радушие жены его Марьи Дмитриевны постоянно сближало с ним многих. Мы с Пушкиным были постоянными их посетителями. Случалось ли нам заходить к Егору Кирилловичу утром, когда он возвращался из Верховного совета, Егор Кириллович непременно оставлял

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАННИК

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Александр Фомич Вельтман

СТРАННИК

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Литературные памятники» АН СССР

Редактор издательства *Д. П Лбова*
Художник *В Г. Виноградов*
Художественный редактор *Т П Поленова*
Технические редакторы *Н П Кузнецова, Ю В Рылина*
Корректоры *Л С Агапова, Н Р. Бурт-Яшина*

Сдано в набор 30/III 1977 г.
Подписано к печати 28/III-1978 г.
Формат 70×90[1]/16
Бумага машиномелованная
Усл печ л 25,74 Уч-изд л 23,7
Тираж 25 000 (допечатка) Тип. зак 774 Цена 3 р 30 к.

Издательство «Наука»
117485 Москва, Профсоюзная ул, д 94-а
Отпечатано в 4-й типографии
издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.
Матрицы изготовлены 2-й типографией издательства «Наука»
Москва, Шубинский пер, 10.

3 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"